

О. МАРТЫНОВА

**ПРОТИВ
СОБСТВЕННОГО
НАРОДА**

63
M29

68784 ч.3
Мартынова

Против собствен
ного народа
2012 | 250р

Об авторе

Ольга Марковна Мартынова — человек в городе Артемовском известный и уважаемый. Трудные годы жизненных испытаний сделали ее очень сильной, настойчивой, целеустремленной. Полностью преодолев одну высоту, она ставит себе новую, еще более серьезную задачу. Так было всегда: шаг за шагом вперед и вперед.

Ольга Марковна Мартынова – почетный гражданин МО «Артемовский район», Министерством народного образования РСФСР награждена значком «Отличник народного просвещения», награждена медалью «Ветеран труда», двумя медалями «За доблестный труд» (одна из них еще за труд во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Награждена и всеми Юбилейными медалями.

С детьми она работала с 1941 по 1978 годы после окончания Ирбитского педагогического училища. Работа приносила удовлетворение и радость на всех должностях: учителя начальных классов, преподавателя русского языка и литературы, директора школы и методиста городского отдела народного образования. «Умный и вдумчивый педагог, добивающийся хороших результатов» — эти скупые слова из ее производственной характеристики равнозначны оценке «отлично». И всегда она находила время на общественную работу.

Достигнув пенсионного возраста, Ольга Марковна перешла на работу в сферу культуры. Освоила музейное дело, за два с небольшим года ей удалось собрать достаточное количество экспонатов для организации экспозиции «История города Артемовского» и в апреле 1982 года открыть Артемовский городской исторический музей. В этом музее она работала и директором, и научным сотрудником, и экскурсоводом, и смотрителем одновременно.

Работа с посетителями, а также работа по сбору и систематизации исторического материала получила высокую оценку Министерства культуры РСФСР, и музей уже в 1984 году получил звание «Народный», а в 1989 году – статус Государственного музея.

Период жизни Ольги Марковны, связанный с музеем, получился тоже довольно долгим: с 1978 года по 1994 год. К началу девяностых годов прошлого века ей удалось собрать в своем районе уникальный материал о жертвах политических репрессий 30-40 годов XX века и в 1991 году открыть в музее тематический зал – один из первых в Свердловской области. А в 1997 году О.М. Мартынова написала и издала книгу на эту же тему с названием: «Против собственного народа».

Подготовка и издание книг – серьезная веха в жизни О.М. Мартыновой. Ее стремление зафиксировать на бумаге огромный исторический багаж человеческих судеб, собранный ею, свидетельствует о высокой гражданской ответственности автора. Ее книги: «Против собственного народа», «И в труде, и в бою», «Пусть ветер ваш след не закроет», брошюра «Уральский танковый корпус» — это бесценный источник нашей артемовской истории, а по некоторым темам – и страны в целом.

А книга Ольги Марковны «История семьи на фоне истории страны» преподавателями истории и литературы нашего города (и не только нашего) оценена как летопись родного края. «Летопись хороша как учебник»; «Это рассказ о времени, о стране и о людях»; «В книге все любопытно, все познавательно, все заслуживает прочтения»; «Произведение в высшей степени познавательное, интересное, хватает за душу и не может, я думаю, никого оставить равнодушным. В нём отражена судьба человека, которого жизнь ломала и корежила, который наперекор всему выстоял, состоялся как Гражданин, сделал много для близких, для города, для истории» — такие отзывы о книге дорогого стоят!

Переиздание книги О.М. Мартыновой «Против собственного народа» депутатом Законодательного Собрания Свердловской области О.Ю.Исаковым является высокой оценкой проведенной работы, деятельным пониманием ее значимости. Потому всемерно стараюсь помочь в появлении обновленной книги. Тот отрезок истории нашего государства, когда нравственность была растоптана, свои доносили на своих, свои предавали своих, свои убивали своих, свои сиротили миллионы детей своих, полностью гражданами государства еще не осмыслен. Думаю, что эта книга поможет многим понять, всё ли мы сделали для того, чтобы «красное колесо истории» было остановлено навсегда, и ни сегодня, ни завтра никто бы под него не попал.

Наталья Юрьевна Воробьева,
директор Артемовского
городского исторического музея

Сохраняя память народную

Как получилось, что мою книгу «Против собственного народа», спустя пятнадцать лет после ее первого выхода в свет, переиздает Олег Юрьевич Исаков, депутат Законодательного Собрания Свердловской области?

Все очень просто. Первого мая 2011 года на площади Советов проходила праздничная демонстрация. Я как почетный гражданин МО «Артемовский район» стояла на трибуне вместе с другими почетными гражданами. Здесь же, на трибуне, стоял и Олег Юрьевич, почетный гость города. Вдруг начался сильный дождь. Зонта у меня с собой не было, Олег Юрьевич открыл свой зонт и как истинный джентльмен прикрыл им меня.

Когда демонстрация закончилась, я сказала Олегу Юрьевичу, что в знак благодарности хочу подарить ему одну из своих книг: «Вы наш депутат, часто бываете у нас, думаю, Вам будет небезынтересно узнать что-то из истории нашего города». Мы договорились встретиться, когда Олег Юрьевич придет к нам в следующий раз.

24 мая я показала ему свои книги и предложила выбрать одну из них. Олег Юрьевич выбрал «Против собственного народа».

Я сказала, что эта книга о репрессиях, и добавила: «Эта книга – первая из написанных мною, я просто не могла не написать ее, не рассказать артемовцам то, что, собирая материал для музея, узнала о политических репрессиях в 30-50-е годы прошлого века в нашем городе и районе».

Все мы, конечно, изучали историю СССР в школе, на полит-учебах, узнавали многое из СМИ, знали обо всех успехах, достижениях и победах нашей Родины, но нигде открыто не говорилось о политических репрессиях против своего народа. Конечно, кто-то знал об этом, но немного, неточно. Большинство сверстников слышали, что арестовывают вроде бы ни за что. Думалось: «Не может быть, что так много врагов народа». Те, кто родился гораздо позднее меня, узнавали об этом от старших родственников, знакомых, а кто-то, как и я, – из литературных журналов.

Конечно, кое-какая информация появилась уже в пятидесятые годы, после смерти Сталина, когда Хрущев развенчал культ его личности. Но и тогда говорилось об этом очень осторожно, и далеко не до всех дошла информация. Большая ее часть хранилась в архивах и была засекречена. И только после Указа М.С. Горбачева от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов» могли люди говорить об этом открыто. Несколькими позже стали об этом говорить и на уроках истории, в школьную программу по литературе вошли книги Солженицына. Но конкретного материала, подтвержденного документами, было все же немного.

Думаю, что эта моя книга о репрессиях потому и заинтересовала Олега Юрьевича Исакова, что в ее основе мною использован только документальный материал. Рассказы тех, кто прошел тюрьму, ссылку или трудовой лагерь, но вернулся домой; рассказы жен, детей или близких родственников о тех, кто был расстрелян или погиб в исправительно-трудовом лагере, – я в книге все написала так, как слышала от них. Сама ничего не изменяла, не сочиняла, не додумывала и обязательно требовала документ о реабилитации. Даже документы о реабилитации тех, кто не вернулся из ГУЛАГа, датированные пятидесятыми годами, не принимала, просила перепроверить, так как в пятидесятые годы реабилитировали, но правду о том, что расстреляны, не сообщали, а писали примерно так: «Реабилитирован такого-то июня 1956 года, но умер от воспаления легких». Только в девяностые годы, послав запрос в КГБ или в областную прокуратуру, семья узнавала, что их родной человек расстрелян.

Я благодарю Олега Юрьевича за то, что в чередe его многочисленных полезных дел на благо людей теперь есть и переиздание моей книги «Против собственного народа». Я считаю, что, хотя мной книга написана и издана в 1997 году, актуальности своей она ничуть не потеряла. Подлинную историю своей страны еще не все знают, не знают даже и недавние ее страницы. Историю своей Родины должен знать каждый гражданин ее. Мишель Монтень сказал об этом: «Те, кто не помнит прошлого, не имеют будущего».

Ольга Марковна Мартынова

Для Человека

Советская эпоха заполнена постоянной чередой антинародного террора. «Зато страна добилась огромных успехов в экономическом развитии», – говорят некоторые «эксперты». И для них не важно, что путь к народному счастью лежал через уничтожение самого этого народа.

Нам еще предстоит понять, насколько критичными оказались для страны последствия советского экономического рывка – истребление думающих людей, интеллигенции, крепких хозяйственников как класса – основного капитала любого государства. Ведь искоренялось само стремление человека жить лучше, отдавая силы, умения и смекалку работе на земле, на заводе, в конторе.

Декрет о «красном терроре» позволял пришедшим к власти людям безнаказанно творить любые беззакония, возвышая себя унижением собственного народа. В конечном итоге власть потеряла чувство реальности, пошла против своего народа, лишая его воли, сил и... будущего.

Почему для меня так значима книга Ольги Марковны Мартыновой «Против собственного народа»? В ней нет безапелляционных выводов и яркой критики неоднозначного этапа советской исто-

рии. Простым, «человеческим» языком автор повествует о сотнях из многих миллионов судеб, раздавленных «красным колесом». Раскрывает немислимый, неподвластный нашему сегодняшнему пониманию кошмар пережитого жертвами репрессий.

Книга наполнена простой житейской мудростью, которая помогала старшему поколению изживать, перемалывать любые душевные и физические раны. Понятный, доступный каждому язык повествования доносит каждое слово до самого сердца. И в этом особая заслуга автора — книга читается на одном дыхании. Но с каждой строчкой все сильнее цепляется сердце за искореженные судьбы людей... Поражаешься силе их воли. И для себя понимаешь: самое страшное — жить такими испытаниями.

Нет страшнее террора против своего народа. Под пятой государственной машины нет смысла искать правды и справедливости. Нет смысла искать себя. Он вытравливает всё человеческое в человеке, разъедает душу, лишает веры.

Сегодня, как никогда, злободневен вопрос восстановления гражданской ответственности, формирования в России гражданского общества. Такого, где жизнь человека, его мнение и интересы важнее любых государственных целей. Такого, где граждане знают свою историю и верят в будущее своей Родины.

Россия вступила в эру демократии и рыночной экономики, но и в наши дни власть не спешит дать народу истинную свободу, да и народ не готов принять её. В чьих интересах действует новая государственная система? Борьба за неограниченную власть уступила место битве за материальные блага. А ответ на самые значимые вопросы: могут ли сегодня простые люди поступать согласно своей воле и имеют ли они реальное право голоса — всё тот же.

Я благодарен Ольге Марковне за то, что она познакомила меня со своей книгой. Благодарен за те мысли, которые возникают при ее прочтении. За бережное отношение к истории родного края, которому учишься у автора.

Еще при прочтении работы я принял решение помочь с переизданием ставшей на тот момент редкой книги. Почему? Она способна перевернуть внутренний мир каждого человека, заставляя задуматься над истинными ценностями. Она помогает понять значимость каждой человеческой жизни, настраивая читателя на спасение мира от самого страшного зла — террора против собственного народа.

Олег Юрьевич Исаков,
депутат Законодательного Собрания
Свердловской области

О. МАРТЫНОВА

ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО НАРОДА

Г. Артемовская ЦБС
Свердловской обл.

Екатеринбург
2012

*Нам надо от жизни и от тех,
кто взялся этой жизнью управлять,
одного: уверенности в том,
что «красное колесо» остановлено
и ни завтра, ни послезавтра,
никто под него не попадет.*

***Посвящается артемовцам –
жертвам политических репрессий
1930-1940 годов.***

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории нашей Родины есть такие страницы, которые понять, тем более принять и объяснить никак нельзя. Одна из этих страниц – репрессии против невинных людей.

К теме «Репрессии в Артемовском» я пришла случайно. В газете «Артемовский рабочий» прочитала однажды статью А. А. Соболевой об Александре Красильникове, первом стахановце ЕГРЭС, о котором в 1935-1937 гг. газета «Егоршинский рабочий» писала восемь раз как об умелом организаторе производственных процессов, активном комсомольце и общественнике. Я решила, что о таком человеке надо иметь материал в городском музее. А его сестра Татьяна Ивановна, к которой я обратилась за материалом, сказала, как обухом по голове ударила:

– Саша был арестован в 1938 г., осужден по ст. 58 УК РСФСР как враг народа и погиб.

Показала документы, доказывающие, что Александр Иванович Красильников погиб безвинно, реабилитирован полностью посмертно.

Разговор завязался, и Татьяна Ивановна назвала имена нескольких других артемовцев, чьи отцы и братья были арестованы ни за что и погибли. Я захотела узнать больше о репрессиях в Артемовском, обратилась в прокуратуру Свердловской области и в областное управление КГБ, но получила ответ, что они сообщают сведения только родственникам. Стала искать родственников и работать с ними, записывала то, что они знали и помнили; просила перепроверить достоверность документов, присланных им прокуратурой Свердловской области в 1956-1957 гг.

По собранному материалу оформила в городском музее экспозицию «Репрессии в Артемовском в 30-е годы» и составила Книгу памяти. Но эта тема продолжает меня волновать, ведь счет судьбам, перемолотым красным колесом истории, идет на миллионы. Только по Свердловской области (по данным областного центра реабилитации жертв политических репрессий) подлежат реабилитации 2 971 945 человек, в том числе многие сотни наших земляков. Я пришла к выводу, что обязана обработать то, что собрала, и донести до артемовцев.

При написании этой книги я ставила перед собой две цели: во-первых, на документальном материале проследить основные этапы становления и упрочения репрессивной системы в нашей стране, во-вторых, рассказать о судьбах некоторых жертв террора, чтобы сохранить память о тех, кто в самые тяжелые времена находил в себе силы жить по совести, за что безвинно пострадал. Мы должны включить этих людей в нашу историю. Это станет одним из условий очищения нашего общества и поможет сделать вывод: надо быть бдительными, чтобы не допускать повторения подобного в будущем.

Раньше я ничего не писала, кроме статей и очерков в местную газету. Если язык моей книги покажется Вам, уважаемый читатель, сухим и бедным, прошу простить, ведь я не имею специального образования, а пишу потому, что не могу молчать.

При выяснении правды о многих, погибших безвинно в застенках тюрем или в исправительно-трудовых лагерях в 1937-1938 гг., мне оказал помощь Владимир Федорович Хлистунов, начальник отдела управления ФСБ РФ по Свердловской области в г. Артемовском, за что я ему очень благодарна. Благодарю и Ларису Николаевну Ложкину, директора Артемовского государственного архива, за предоставленные материалы по раскулачиванию в Егоршинском районе. Выражаю благодарность и Елене Степановне Ходос, заведующей социально-бытовым отделом УСЭН муниципального образования «Артемовский район», за предоставление списков граждан нашего города, пострадавших от политических репрессий, и жертв политических репрессий.

А также благодарю тех, кто поделился со мной своими воспоминаниями и документами, касающимися их родных и близких.

О. МАРТЫНОВА

ЧАСТЬ I

Становление репрессивной системы в стране (1917-1928 гг.)

После Октябрьской революции Советское правительство было увлечено идеей быстрее построения социализма. Но Россия с тем составом населения ни в какой социализм, конечно, не годилась. Перед правительством встала задача: всех явных и потенциальных противников Советской власти надо перевоспитывать.¹

Уже в октябре 1917 в стране была объявлена *диктатура пролетариата*. Сразу стало ясно, что диктатура станет *однопартийной*, опирающейся на малоквалифицированный пролетариат-люмпенов и беднейшее крестьянство, значит, на меньшинство населения. *Такая форма власти неизбежно связана с открытыми формами террора.*

В конце ноября 1917 г. не состоялось Учредительное Собрание. Партия кадетов, членов Союза защиты Учредительного Собрания, была объявлена вне закона. Последовали выступления кадетов. Решено было их изолировать. Начались аресты. И тюрьмы стали наполняться крупными богачами, видными общественными деятелями, царскими генералами, офицерами, чиновниками министерств и государственного аппарата.

«Ввиду саботажа чиновников проявлять максимум самостоятельности на местах, не отказываться от консультаций, принуждения и арестов», – предлагал «Вестник НКВД» в 1917 г. № 1 на стр. 4.

В январе 1918 г. в статье «Как организовать соревнование» Ленин провозгласил единую общую цель: «Очистка земли российской от всяких вредных насекомых». Под вредными насекомыми Ленин понимал не только всех классово чуждых, но и рабочих, отлынивающих от работы.²

Формы очистки: принудительные работы, принудительные работы тягчайшего вида, тюрьма, карцер, расстрелы. Расправы с «вредными насекомыми» поручили ВЧК.³

Для установления жесткой военной диктатуры создавали почву и белое, и красное течения. Призывы к гражданской войне раздавались с обеих сторон, террор не отрицался ни большевиками, ни контрреволюционерами.

«6 мая 1918 г. кулацкий съезд в Новоузенске постановил расстрелять всех большевиков. 9 мая в Александров-Гае казаки убили 96 красноармейцев, сдавшихся в плен. Всего белые расстреляли в селе 675 человек. Ужасы белого террора сопровождали шестнадцатидневный мятеж, поднятый главарями «Союза Родины и свободы»

¹ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 36.

² В. И. Ленин. Собрание сочинений. Изд. 5. Т. 35. С. 204.

³ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989 Т. 1. С. 37-38.

в Ярославле. В июле 1918 г. были расстреляны Николай II и члены царской семьи. Широко применялся красный террор в январе 1918 г. в боях за Украину».⁴

В июне 1918 г. был арестован латышской охраной Кремля весь беспартийный съезд. И едва не были расстреляны все тотчас же.

В 1918 г. в Одессе зверствовала «красная» женщина-палач, Вера Гребенюкова (Дора). «Она буквально терзала свои жертвы: вырывала волосы, отрубала конечности, отрезала уши, выворачивала скулы... В течение двух с половиной месяцев ее службы в одесской чрезвычайке ею одной было расстреляно 700 с лишним человек, т. е. почти треть расстрелянных в ЧК всеми остальными палачами».⁵

Особенно широко террор развернулся после убийства Володарского, Куйбышева и покушения на жизнь Ленина 30 августа 1918 года.

После убийства Володарского газета «Правда» грозила буржуазии: «За каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии».

Ленин пишет письмо Зиновьеву: «26 июня 1918 г. Г. Е. Зиновьеву. Также Лашевичу и другим членам ЦК.

Товарищ Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы (не Вы лично, а питерские чекисты и цекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но. Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример кого решает.

Привет! Ленин».⁶

В августе 1918 г. народный комиссар внутренних дел Петровский дал указание на места: «Немедленно арестовать всех правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять значительное число заложников».⁷

В связи с этим указанием, например, в Нижнем Тагиле, были арестованы 15 заложников из инженеров и техников, а в ночь с 15 на 16 сентября 1918 г. были расстреляны. Их тела были сброшены в отработанную шахту горы Высокой.⁸

⁴ Л. Н. Жарова, А. И. Минина. История Отечества. М. 1992. С. 178, 204.

⁵ Л. Васильева. Кремлевские жены. М. Вагриус. 1993. С. 83. ⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 50, С.106.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 50, С.106.

Вестник НКВД. 1918. № 21-22. С. 1.

⁸ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 16-17

5 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление № 710 «О красном терроре». В нем ставилась задача изоляции классовых врагов в концентрационных лагеря и расстрела всех, кто имел отношение к «белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».⁹

Лаисс, член коллегии ВЧК, советовал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который Вы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора».¹⁰

В результате кровавой вакханалии красного террора, по подсчетам следственной комиссии генерала Деникина, в 1918 г. было убито более 1 170 000 человек. Списки планируемых расстрелов составлялись большевиками по всем губерниям. Десятки тысяч россиян попали в качестве заложников в лагеря.¹¹

По декрету Совнаркома за подписью Ленина от 22 июля 1918 г. «виновные в сбыте, скупке, хранении для сбыта в виде промысла продуктов питания... лишались свободы на срок до 10 лет... с тяжчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества».

Деревня с того лета отдавала свой хлеб безвозмездно. Это вызвало крестьянские восстания, а, значит, и подавления их, новые аресты. С января 1919 г. расширились масштабы продразверстки. Для сбора ее были организованы продотряды. Деревня стала сопротивляться. Подавление этого противодействия (не считая расстрелянных на месте) дало обильный поток арестованных в течение двух лет.¹²

В июле 1918 г. Пятый съезд Советов принял первую Конституцию, лишившую, согласно ст. 65, избирательных прав выходцев из эксплуататоров, а также бывших жандармов, полицейских, офицеров белой армии, недобитых в гражданскую войну, попов, монахов.

А всех, кто состоял в любых других партиях, кроме большевистской, вносили в кадастр контрреволюционеров и классово чуждых элементов.

Известия ВЦИК Советов 1918 № 195

Вестник НКВД. 1918. № 2. С. 10. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1989. Т. 1. С. 39.

¹⁰ Уральский техник (журнал). 1919. № 3, 4.

¹¹ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ М. 1989. Т. 1. С. 41-43.

А в конце двадцатых и в начале тридцатых лишали гражданских прав кулаков, членов их семей, спецпереселенцев, кустарей, ремесленников и старателей, а также верующих и служителей церкви, ка-рая принудительными работами, ликвидацией и конфискацией иму-щества.¹³

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. в пере-чень поражения прав были внесены дополнения: «*Право носить поч-етные звания*», «*Родительские права*» и «*Права на пенсии*».¹⁴

Десятки тысяч граждан России, а затем СССР лишились граждан-ских прав на многие годы отнюдь не за то, что представляли какую-то угрозу своему Отечеству.

2 сентября 1918 г. было принято Постановление ВЦИК «О пре-вращении Советской республики в военный лагерь». Вводилась всеобщая трудовая повинность. Все граждане должны были беспре-кословно выполнять любую работу по обороне страны, порученную им Советской властью.

Любое уклонение от трудовой повинности признавалось трудо-вым дезертирством и преследовалось законом, вплоть до заключе-ния в концлагерь и отправки в штрафную роту.¹⁵

6 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) призвало «*провести мас-совый террор против богатых казаков, истребив их полностью*», призвало провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принявшим какое-нибудь прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью.

В 1919 г. вернулись из-за границы офицеры экспедиционного рус-ского корпуса. Были арестованы (Зачем вернулись? С каким задани-ем?).

В этом же году начались *аресты в научных кругах*, арестовывались университетские, литературные, инженерно-технические кадры.¹⁶

По случаю ареста писателя Короленко Ленин ответил Горькому: «Короленко – жалкий мещанин, плененный буржуазными предрас-судками... Таким талантам не грех посидеть недельки в тюрьме». На протест М. Горького 15 сентября 1919 г. Ленин ответил: «Для нас ясно, что тут ошибки были... Но какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!» И советует Горькому «не тратить себя на хныка-нье сгнивших интеллигентов».¹⁷

¹³ Сборник документов по истории уголовного законодательства. С. 121.

¹⁴ Там же. С. 245.

¹⁵ Декреты Советской власти. М. 1959 г. т. 3 // Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 20.

¹⁶ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 41.

¹⁷ В. И. Ленин. Собрание сочинений. Изд. 5, Т. 51. С. 48-49.

Приход к власти ленинской гвардии оказался катастрофой для интеллектуальной, духовной жизни Российского государства. *Н. Бердяева, П. Сорокина, Л. Шестова, С. Булгакова, Е. Трубецкого, П. Струве и других, оставивших ценнейшее культурное наследие*, клеймили как гнилую интеллигенцию, изгоняли из страны. Деятели науки и культуры, ушедшие в эмиграцию, формировались на великих традициях русской культуры, особенно XIX века. Они существенно повысили интеллектуальный потенциал Европы и Америки, в то же время, это был огромный вычет из отечественной культуры, из нашего генофонда.

Насколько ценило этих интеллигентов Советское правительство, видно из слов Ленина: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитализма, мнящих себя мозгами нации. На деле это не мозги, а г. ...»¹⁸

Постановление «О красном терроре» положило начало созданию концентрационных лагерей. В 1919 г. было создано Главное управление мест заключения – ГУМЗ. В мае того же года ВЦИК издал постановление «О лагерях принудительных работ», в котором говорится, что во всех губернских городах должны быть открыты лагеря, рассчитанные не менее чем на триста человек.¹⁹

Всего на ноябрь 1919 г. в стране был 21 лагерь и 16 000 заключенных, к ноябрю 1920 г. число лагерей возросло до 84, а заключенных в них – 59 000. Уже к маю 1921 г. концлагерей насчитывалось 128, заключенных – примерно 100 000. В Екатеринбургской губернии было три концлагеря.²⁰

В целях исключения возможности побега заключенных приказом Екатеринбургского губисполкома ГубЧеКа и губотдела принудительных работ от 27 мая 1921 г. была введена круговая порука. По этому приказу за каждого сбежавшего арестованного должны были быть расстреляны пять человек.²¹

Из одного из екатеринбургских лагерей сбежало шесть заключенных. В ответ руководством лагеря были расстреляны 25 заключенных офицеров в назидание другим.²²

¹⁸ Там же С. 48.

¹⁹ Постановление Указаний и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. Вып. 20 С. 235

²⁰ В. Степанов. Красный террор. Радуга. 1991. № 2. С. 65. // НТФ. ГАСО, ф. 301, оп. 1, Д. 6. Л. 125-126.

²¹ НТФ ГАСО, ф. 301, оп. 1, Д. 6. Л. 27. С. 326. Книга памяти. Ек. УИФ. Наука.

²² Там же С. 23

Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994 С. 23.

С лета 1920 г. стали отправлять на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН) офицеров царской армии из Ростова, Новочеркасска и др. городов. В марте 1921 г. на Соловки через Трубецкой бастион Петропавловской крепости были сосланы (за вычетом расстрелянных) матросы восставшего Кронштадта. 8 января 1921 г. издан приказ ВЧК № 10: «В отношении буржуазии репрессии усилить».

В этом же 1921 г. практиковались аресты студентов, например, Тимирязевской академии, МВТУ и др.

Циркуляр Наркомата юстиции от 4 мая 1921 г. расширил категории заключенных: «К лагерю принудительных работ могут быть приговорены:

1. Уклоняющиеся от общественно-полезного труда.
2. Лица, виновные в саботаже.
3. Мелкие спекулянты.
4. Контрреволюционеры, не представляющие явной опасности для республики.
5. Незлостные дезертиры, не прибегающие в целях уклонения от воинской службы к подложным документам.
6. Труддезертиры.
7. Лица, совершившие должностные преступления некорыстного характера».²³

До нашей социалистической революции человечество не знало, что такое массовые планомерные убийства в подвалах ЧК, фабрики смерти, концентрационные лагеря.

Вот как описывает (по мнению О. Лациса) будни красного террора репортер из подвалов ЧК, сочувствующий делу истребления класса буржуазии, писатель В. Зазубрин в повести «Щепки».

«Больно стукнуло в уши. Белые, серые туши мяса (раздетые люди) рухнули на пол. Чекисты с дымящимися револьверами отбежали назад и сейчас же щелкнули курками. У расстрелянных в судорогах дергались ноги. Тучный со звонким визгом вздохнул последний раз... Двое в серых шинелях ловко надевали трупам на шею петли, отволакивали их в темный загиб подвала. Двое таких же лопатами копали землю, забрасывали дымящиеся ручейки крови. Соломин, заткнув за пояс револьвер, сортировал белье расстрелянных. Старательно складывал кальсоны с кальсонами, рубашки с рубашками, а верхнее платье отдельно... Трое стреляли, как автоматы, и глаза у них были пустые, с мертвым, стеклянистым блеском. Все, что

²³ НТФ. ГАСО, ф. 301, оп. 1, д. 6. Л. 144-144 (об.)// Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 22.

они делали в подвале, делали почти произвольно... Только когда осужденные кричали, сопротивлялись, у троих кровь пенилась жгучей злобой... И тогда, поднимая револьверы к затылкам голым, чувствовали в руках, в груди холодную дрожь. Это от страха за промах, за ранение. Нужно было убить наповал. И если недобитый визжал, харкал, плевался кровью, то становилось душно в подвале, хотелось уйти и напиться до потери сознания... Раздевшиеся живые сменяли раздетых мертвых. Пятерка за пятеркой. В темном конце подвала чекист ловил петли, спускавшиеся в люк, надевал их на шеи расстрелянных... Трупы с мотающимися руками и ногами поднимались к потолку и исчезали. А в подвал вели и вели живых, от страха испражняющихся себе в белье, от страха потеющих, от страха плачущих».²⁴ Все это происходило в 1923 году, когда Сталин еще не предполагал, что он станет самодержцем России.

Могли ли люди, рабочие и крестьяне, в массе десятками, сотнями тысяч прошедшие через чекистские фабрики смерти, грабежи, через участие в расстрелах пленных, как полагал Ленин, приобрести интеллектуальные силы, стать чище? Конечно, нет. Развитие их сознания и души шло в прямо противоположном направлении.

Террор – всегда безумие, срыв плотины, сдерживающей зверя в человеке. Террор современниками воспринимался как элементарная уголовщина и не только теми, кто не разделял большевистских убеждений, но часто и теми, кто готовил революцию, был настоящим коммунистом. В том же 1923 году, когда В. Зазубрин в своей повести «Щепки» со сладострастным восторгом описывал работу чекистов на фабриках смерти, коммунист Скворцов, один из ревизоров комиссии по обследованию ГПУ, в знак протеста против беззаконий карательных органов революции окончил свою жизнь выстрелом в висок. В своем предсмертном обращении к Президиуму ЦК РКП(б) он писал: «Товарищи! Поверхностное знакомство с делопроизводством нашего главного учреждения по охране завоеваний трудового народа, обследования следственного материала и тех приемов, которые сознательно допускаются нами по укреплению нашего положения, как крайне необходимые в интересах партии, по объяснению товарища Уншлихта, вынудили меня уйти навсегда от тех ужасов и гадостей, которые применяются нами во имя высоких принципов коммунизма и в которых я принимал бессознательное участие, числясь ответственным работником компартии. Искушая смертью свою вину, я шлю вам последнюю просьбу: опомнитесь, пока не поздно, и не

²⁴ ЦИТ по: Литературное обозрение. 1989. № 12. С. 48 // А. Ципко. Насилие лжи. М. 1990. С. 148-149.

позорьте своими приемами нашего великого учителя Маркса и не от-
талкивая массы от социализма».²⁵

При формировании первого советского Уголовного кодекса 1922 г. Ленин писал министру юстиции Курскому: «... т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. ...Основная мысль, надеюсь, ясна... Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас...»²⁶

Таким образом, в первые годы после революции, руководствуясь догмами классовой борьбы и диктатуры пролетариата, Ленин, Троцкий, Дзержинский, Фрунзе и др. большевики создали концлагеря, заградотряды, внедрили систему заложников, ликвидировали все другие партии, выслали цвет русской нации за рубеж, ввели цензуру. Сталин являлся лишь своеобразным продолжателем начатого дела. Гениальна роль Сталина в победоносном движении к коммунизму. Карающий меч диктатуры партии рубил головы тишком, в глубочайшей тайне. Тайна, которой окружил себя Сталин, была одной из основных пружин его власти. Тем самым он сумел превратить историю народа в историю чудовищных преступлений против своего народа. Принимались все меры к тому, чтобы мы о нашем прошлом никогда не узнали.

Репрессии продолжались все годы Советской власти, но особенно крупных было три «потока» репрессий:

I – 1929-1931 гг.

II – 1936-1938 гг.

III – 1943-1946 гг.

Сталин и его правительство понимали: чтобы построить социализм, нужно провести индустриализацию страны. Уже во второй половине двадцатых годов появилась для этого возможность: страна оправилась после мировой и гражданской войн. Был составлен грандиозный план работы на пять лет, т. е. первый пятилетний план, для выполнения которого нужно было огромное количество средств, рабочей силы и хорошие инженерно-технические кадры, главное, надежные во всех отношениях. Вот в надежности их и надо было убедиться.

²⁵ В. Кондратьев. Поговорим о свободе. Литературная газета. 1989. 24 мая. С. 11.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. С. 189.

Выполнение этого плана правительство начало с показа народу причин и недостатков медленного движения страны по пути построения социализма. Генеральный прокурор государства дал задание НКВД: в месячный срок выявить, на каких предприятиях за годы Советской власти произошли пожары, взрывы, аварии. Конечно, все это произошло по вине технической интеллигенции, которая в большинстве своем получила образование еще до Советской власти, как правило, это выходцы из буржуазии, значит, нашу действительность не любят и вредят. Давно надо сокрушить такую интеллигенцию, считающую себя слишком уверенной, независимой, не привыкшую подхватывать указания на лету. Таким образом, вредительство было выявлено во всех отраслях промышленности. Начались процессы, особенно крупные:

1928 г. – «шахтинское дело».

1929 г. – «организаторы голода» – вредители в пищевой промышленности.

1930 г. – безукоризненно отрепетированный процесс Промпартии.

Там, где инженеров и техников заменить еще было нечем, их не разоблачали, а подозревали. Аресты задерживали по причине неподготовленности смены до 1935-1937 гг. Например, Н. И. Ладыженский – главный инженер ижевских военных заводов, арестовывался за «предельные теории», «слепую веру в запас прочности», «за недовольство малыми суммами на расширение заводов». Иногда держали в КПЗ, иногда только под домашним арестом. Дело без него не ладилось – его освобождали. Наконец, в 1937 г. арестовали, выслали в исправительно-трудовой лагерь, где он умер на лесоповале.

Н. К. Фон-Мекк трудился в наркомате путей сообщения. Человек, преданный строительству новой экономики. Знал дело прекрасно, Любил давать советы. Вот один его совет: «Увеличить товарные составы, не бояться тяжело груженных поездов». Разоблачили, обвинили, что хотел добиться износа путей, вагонов, паровозов и оставить Республику на случай интервенции без железных дорог. Расстреляли. Через некоторое время новый нарком путей сообщения Каганович распорядился пускать именно тяжело груженные составы, даже вдвое и втрое сверхтяжелые. За это Фон-Мекка расстреляли, а Кагановича и многих других руководителей наградили орденом Ленина.²⁷

А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 333

ЧАСТЬ II

Раскулачивание (1929-1933 гг.)

Чтобы добиться успехов в индустриализации страны, построить ДнепрогЭС, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, гиганты автомобильной промышленности в Горьком и Москве, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове и Челябинске и десятки других фабрик, заводов и электростанций, продавалось все, что ниция копила столетиями. Обобрали церкви, монастыри и музеи. Ни экспорт шли хлеб, лес, уголь, марганец, никель, золото, хлопок, шерсть.

Начали большими налогами облагать нэпманов, а затем и «душить» налогами. А когда им налоги становилось платить нечем, их арестовывали, имущество конфисковывали.

С началом политики ускоренной индустриализации непосильное налоговое бремя легло на крестьянство. Уже в 1927 г. власти ввели новый сельхозналог и финансовые кары за его невыполнение, что привело к недоимкам. Поэтому 28 декабря 1927 г. вышел совместный циркуляр Уральского областного суда и областной прокуратуры, в котором подчеркивалось взыскание налога с неплательщиков обязательно, вплоть до применения статей 60,62 УК РСФСР, которыми предусматривалось длительное лишение свободы с конфискацией имущества. Нашла широкое применение и ст. 61: репрессии за отказ от выполнения повинности или производства работ, имеющих общественное значение.²⁸

7 января 1928 г. ВЦИК СНК РСФСР приняли постановление о налоговом-самообложении, который вначале составлял 35% от суммы сельхозналога, а затем был повсеместно увеличен местными властями. По подсчетам курганского исследователя-экономиста А. Базарова, «в течение 1927-1928 сельскохозяйственного года из крестьянства Уральской области было выкачано по различным видам финансовых платежей без товарного эквивалента 56,7 млн рублей».²⁹

«В 1929 г. сельхозналог увеличился в два раза и введено дополнительное самообложение в размере 25% от основной суммы налога. За сопротивление властям во время хлебозаготовок по ст. 61 УК предусматривался срок два года лишения свободы с конфискацией имущества. Штраф за невыполнение в срок государственных платежей к 1930 г. составлял 300 руб. при максимуме 1600 рублей, что в переводе на сельскохозяйственные продукты означало сдачу 32 тонн хлеба или 6,5 тонн мяса. Ясно, это обрекало наказуемых на осуждение с конфискацией имущества и высылку».³⁰

²⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М. 1953. С. 296.

²⁹ А. Базаров. Кулак и Агроулак. Челябинск. 1991. С. 21.

³⁰ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 34.

5 ноября 1929 г. Наркомюст издает новый циркуляр: «Усилить меры репрессий вплоть до расстрелов в отношении кулаков и контрреволюционеров, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти». 22 ноября 1929 г. вышло постановление СНК РСФСР о заключении осужденных в концлагеря.³¹

В 1929 г. Сталин провозгласил лозунг «сплошной коллективизации» и призывал к ликвидации класса кулачества. Но еще до начала массовой коллективизации по Уральской области органами ГПУ было арестовано около тысячи крестьян. Наряду с другими начала «работать» ст. 58, по ней осудили 380 человек.³²

В начале 1930 г. комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Молотовым разработала документ, который предусматривал выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, на Северный Урал. Выполнение этой акции спланировали на вторую половину зимы 1930 г. – самое холодное время, подходящее для физического уничтожения выселяемых. Явочным порядком раскулачивание на Урале начали осуществлять с декабря 1929 г.³³

5 февраля 1930 г. бюро Уралобкома ВКП(б) приняло постановление «О ликвидации крестьянских хозяйств в связи с массовой коллективизацией». Главными мотивами раскулачивания были:

1. Систематический наем рабочей силы, даже если это происходило до революции.
2. Сдача внаем рабочего скота и техники. Наличие к моменту коллективизации механических машин и двигателей.
3. Занятия торговлей и ростовщичеством.

В основной массе раскулачивались не кулаки, а середняки, т. к. действительно богатые люди на селе, понимая, что скоро у них все будет конфисковано, заранее продали всю недвижимость, часто по низким ценам середнякам, запаслись справочками, что они бедняки, уезжали подальше от мест, где жили, туда, где будут никем не узнаны. А середняки, уверенные, что их конфискация не коснется, попадали в списки кулаков. В большинстве своем это были мужики, вернувшиеся с гражданской войны, истосковавшиеся по крестьянской работе, «накинулись» на потом и кровью заработанную землю, которую Советская власть разделила по едокам. Пока воевали, подросли дети. Стали всей семьей дружно работать, производили много хлеба, тем более что государство давало ссуды для приобретения сельскохозяйственных машин, которые приобретались чаще на паях. Те, кто

³¹ А. Базаров. Указ. соч. С. 129.

³² же. С. 163.

³³ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 34-35.

производил много хлеба, продавали его государству и на рынке, а на вырученные деньги строили дома для себя и детей, т. к. многие жили в избах до Советской власти. Местным неудачникам и лентяям эти дома «кололи» глаза, вызывали зависть. Крестьяне разделились на бедных и богатых-кулаков.

Крестьян, чей хлеб ела Россия и многие другие страны, лучших хлеборобов стали семьями, без всякого имущества выбрасывать в северное безлюдье Уральской области, согласно постановлению Уралоблисполкома от 25 января 1930 г., определяющему порядок распределения кулацкой массы:

1. «В таких районах, в которых они (кулаки) не могли бы явиться влияющей силой на местное население (значит, там, где этого населения нет – авт.) и не могли бы материально обраться (опасно, ведь люди, умеющие работать, опять найдут способ обрасти материально – авт.).

2. Создать ей (кулацкой массе) такие условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок (в лесных районах жить поселками, колониями).³⁴

Все кулацкие хозяйства делились на три категории:

Кулаки 1 категории – контрреволюционный актив, участники повстанческих организаций, подлежали немедленному аресту с последующим оформлением дел во внесудебном порядке органами ОГПУ.

Кулаки 2-й категории – наиболее зажиточные, влиятельные кулаки и полупомещики подлежали принудительной высылке в малонаселенные районы северных округов области.

Кулаки 3-й категории расселялись в пределах района на худшие или окраинные земли.

Порядок раскулачивания должен быть таким: сначала проходило общегражданское собрание на территории сельсовета с повесткой дня: «Ликвидация кулачества как класса», где обсуждались кулацкие хозяйства и выносилось постановление, какие семьи подлежат раскулачиванию и выселению.

На заседании пленума сельсовета обсуждалось и утверждалось постановление общегражданского собрания. Составлялась характеристика на каждое кулацкое хозяйство. Согласно этим характеристикам выносит постановление райисполком по каждой семье, указывает категорию хозяйства. Затем характеристики хозяйств и решения райисполкомов рассматривал пленум окружного исполкома Уральской области и выносил окончательное решение.

³⁴ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 38.

Гражданин села Б-Трифоново Яговитин Данил Андреевич на общегражданском собрании 30 января 1930 г. был признан кулаком. Характеристика такая: «Яговитин Данил Андреевич, в прошлом торговец, подрядчик, гуртовая торговля скотом. В настоящее время торговец (окончил торговлю в 1927-1928 гг.), лишенец, применение в хозяйстве систематически рабочей силы. Хозяйство нажито нетрудовыми доходами, сдача в аренду помещений, имеет дом, надворные постройки, лошадь, корову. Всего учтено дохода по сельхозналогу 340 руб. Налога начислено 49 рублей. Противоколхозная агитация. Посева 1,00 десятин». Хозяйство признано кулацким, подлежит раскулачиванию, имущество описали.

Опись его имущества:

Дом – 1, конюшня – 1, баня – 1, ларь – 1, сарай – 1, пригон – 1, навес – 1, столов – 1, стульев венских – 1, зеркало – 1, кровать с головками – 1, шкаф сосновый -1, графин стеклянный – 1, чернильница стеклянная – 1, стопка стеклянная – 1, тарелок – 1, щеток – 2, масленка-сахарница – 1, юбок шерстяных (старая) – 1».

Д. А. Яговитин пишет жалобу в Егоршинский райисполком следующего содержания:

«Хозяйство признали кулацким неправильно. Обязательное постановление Свердловского окружного исполкома от 25 мая 1929 г. к кулацкому элементу относить хозяйство, имеющее доходность свыше 500 руб. в год, а доход моего хозяйства в 1929-1930 гг. – 339 руб. 88 коп., что видно из «Окладного листа» № 18. Наемным трудом никогда не пользовался, нетрудовых доходов не было и нет. Занимался торговлей минимальной и деньги на торговлю брал в кожсиндикате, на которые есть документы. Избирательных прав раньше никогда не был лишен.

Семейство состоит из двух человек, из которых трудоспособных один человек (Данилу Андреевичу было 60 лет, трудоспособна жена – авт.). Имею дом, 1 корову, 0,88 десятины, сам обрабатываю. Налоги плачу аккуратно. К мероприятиям Советской власти вполне лоялен, не давал поводов для недовольства. Разговоров против Советской власти и коллективизации не вел».

Писал ли Данил Андреевич Яговитин жалобу в Свердловский окружной исполком, в архиве материала я не видела. Но есть решение Свердловской окружной комиссии: «Яговитина Данила Андреевича от раскулачивания отменить».

Но... успокоился Данил Андреевич рано. Прошло два года.

«Совершенно секретно».

Протокол № 1

закрытого заседания Президиума Егоршинского РИК(а)
Свердловского округа Уральской области

12 апреля 1932 г.

Слушали дела о выселении кулаков».

Яговитин Данил Андреевич.

Новая характеристика

«Хозяйство кулацкое. Занимался торговлей мясом и бакалейными товарами до 1928 г. Доход 5000 руб. Применял наемный труд: постоянных один человек, сезонных 15 человек. На основании изложенного гр. Яговитина выселить из пределов Уральской области».

Что не удалось в 1930 г., удалось в 1932 г., хотя в 1931 поступила новая директива о дополнительном выселении кулачества, по которой Яговитин Д. А. явно не подлежит выселению, т. к. по новой директиве не подлежат выселению семьи, которые постановлением окружисполкомов признаны ошибочно раскулаченными, а также семьи, в составе которых нет трудоспособных мужчин в возрасте до 50 лет. Данил Андреевич в 1930 г. «отменен» от раскулачивания Свердловской окружной комиссией, и возраст его старше не только 40, но и 60 лет, а других мужчин в семье вообще не было.

На общегражданском собрании села Б-Трифоново был признан кулаком Доможиров Пигасий Митрофанович.

«Характеристика на П. М. Доможирова.

В прошлом: торговец, эксплуатация рабочей силы, ростовщик хлебом, деньгами за проценты. В настоящем: значительно урезал свое хозяйство и посевные площади. Ростовщик деньгами, захват бедняцкого имущества, антиколхозная агитация, посягательство на бедноту. Имеет дом, две лошади, коров – 2, молодняка – 1, овец – 2, оборудованная пимокатная мастерская и др. надворные постройки. Учено дохода хозяйства 259 рублей. Начислено налога 12 рублей 60 коп. Индивидуально облагался по заготовке хлеба. Злостная сброска скота (быка-производителя), посева – 1,81 десятины».

Виза:

«3-я категория. На рассмотрение района».

П. М. Доможиров пишет прокурору по общему надзору по Свердловскому округу:

«Торговать начинал мой отец Митрофан Спиридонович до германской войны. Торговал бакалеей около двух лет. Оборот денег

был самый минимальный, после революции они все погасились (потеряли стоимость – авт.). Я лично торговлей никогда не занимался. Летом работал в своем хозяйстве не покладая рук. Зимой катал валенки. Рабочую силу не нанимал ни летом, ни зимой. А что оставалось от своих расходов, давал людям, учитывая их тяжелое положение. Проценты ни с кого не брал». (Далее идет список крестьян с. Б-Трифоново, кому Доможиров давал займы хлеба. Все 13 человек расписываются в том, что хлеб от него получали, возвращали с нового урожая без процентов).

«Земли имею на 4 едока, которую обрабатываю исключительно своими силами, в чем прилагаю окладной лист за 1929-1930 гг., из которого видно, что доход хозяйства 259 рублей. Платил налога 12 руб. 60 коп.»

«Протокол № 33
закрытого заседания комиссии
при президиуме окружного исполкома
по рассмотрению материалов
и постановлений райисполкомов по раскулачиванию
19 марта 1930 г.

...Доможиров Пигасий Митрофанович.

Во изменение постановления комиссии от 15 февраля 1930 г. прот. № 3 § 2 д. 79. Решение РИК(а) о раскулачивании Доможирова Пигасия Митрофановича отменить».

Прошел год.

«Совершенно секретно.»

Протокол закрытого заседания президиума Егоршинского РИК(а) Уральской области, состоявшегося 3 апреля 1931 г.

Слушали:

списки и материалы на кулацкие хозяйства, подлежащие дополнительному выселению из района нижеследующих лиц:»

Доможиров Пигасий Митрофанович.

«Окружной исполком отменил от раскулачивания. Хозяйство типично кулацкое. Крупный торговец до и после революции. Эксплуатация наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. Обложен сельхозналогом в индивидуальном порядке. Упорный неплательщик налогов и сдачи излишнего хлеба, за что имущество продано с торгов».*

* *Примечание.* Орфография, пунктуация и стилистика документов здесь и далее сохранена полностью, без редакции.

Новое решение Свердловского окружного исполкома:

«Доможиров Пигасий Митрофанович – решение Егоршинского РИК(а) о конфискации имущества утвердить. Выселить за пределы района».

Семья: Доможиров П. М. – 48 лет, жена Апполинурия – 46 лет, сын Александр – 22 года, сноха Таисья – от высылки освобождена, т. к. из бедной семьи, ушла жить к отцу (с ребенком), мать Ксения – 70 лет.

Семью выслали в Мугай.

«Характеристика

Редькина Данила Федоровича, крестьянина с. Б-Трифоново, подлежащего выселению на основании постановления общегражданского собрания, состоявшегося 30 января 1930 г.

Редькин Данил Федорович в прошлом: систематическое применение рабочей силы, старший артели по вывозке руды в завод Н. Тагила, взимание % с рабочих и кроме того получал обманным путем с государства деньги за отвозку руды. В настоящее время хозяйство кулацкое, типичное, применение рабочей силы в страдное время – 2 человека, хозяйство нажито нетрудовым доходом, антиколхозная агитация, в момент зарождения колхоза говорил: из колхозов ничего не выйдет, а при бурном росте коллективизации заявил, что «я пойду только с массой». Упорно не соглашался с обобществлением скота. В 1925 г. имел в хозяйстве три коровы, в 1929 г. одну улучшенной швейцарской породы и подросток. Лошадей – 2 и подростков – 1, овец – 3, свиней – 1, домов – 2, один каменный, кладовая, надворные постройки, теплый скотный двор, сепаратор, сдача в аренду домов. Старший артели по постройке домов на Егоркопях в 1924-1925 гг. Счислено дохода 254 рубля 89 коп. Налога 9 рублей 75 коп. Имеет предметы роскоши: роскошное ружье охотничье в 200 руб., гармошку – 150 руб., швейная машина – 120 руб. Посева 2,76 га».

Резолюция: «Отменить. Перевести в бедняцкое хозяйство».

Прошло три года.

«Протокол № 1

закрытого заседания президиума
Егоршинского района Уральской области

от 3 апреля 1933 г.

Дело № 74. О выселении кулака с. Б-Трифоново Редькина Данила Федоровича.

«Характеристика

В хозяйстве имелось земли 6 га, из них арендованной 1,37 га, посева 4,25 га, лошадей – 3, коров 2, мелкого скота – 4, сельхозмашин:

жнейка, сброска, сеялка – на паях. 2 больших дома, из них один каменный, каменная кладовая, надворные постройки.

До революции и после имел сезонных наемных рабочих до 400 человеко-дней в год. Занимался подрядами постройки домов на Егоркопях в 1925-1926 гг., торговал листовым железом, стеклом, хлебом с доходом 500 руб. в год. В 1930 г. раскулачен, но восстановлен. После пролез в колхоз, в настоящее время единоличник. Учитывая наличие нетрудового хозяйства Редькина Д. Ф. как кулака вместе с семьей выслать из пределов Уральской области». (Видимо, во время чистки колхозов «вычистили» из колхоза – авт.).

В 1933 г. Д. Ф. Редькину было 62 года, его жене – 61 год, дочери – 21 год.

Если сравнить характеристики хозяйства Редькина Данила Федоровича в 1930 г. и в 1933 г., нетрудно заметить большую разницу:

	1930 г.	1933 г.
земли	2,76 га	6 га
лошадей	2	3
коров	1	2
с/хоз. машин	нет	3 на паях с кем-то
эксплуатация наемной рабочей силы	2 человека в страдное время	400 человеко-дней в год
торговля листовым железом, стеклом, хлебом	нет	да
доход	254 руб.	500 руб.

Что стоит изменить характеристику так, чтобы этих двух нетрудоспособных стариков упечь на север?! Составители характеристики, видимо, были уверены: никто не проверит, а они, возможно, выполнят план по раскулачиванию.

Опись имущества Пономарева Наума Автономовича. Привожу полностью.

«Денег 10 руб. 43 коп., койка железная 1, перина 1, подушек 3, рогожка 1, чулки женские 1, чулки бумажные 1, рукавицы 1, ниток 2 катка, платков носовых 4, передник женский 1, платок головной 1, кофт 1, мануфактуры 1/2 метра, фэйшонок вяз. 1, рубах женских 1, фартук 1, полотенцев 3, сарафан дет. 1, кашемировый, фар. 1, пестрядь на рубаху 2, занавесок 3, скатертей 2, штор тюлевых 2, пестряди 1 труба, скатертей 2, сарафан 2, холста 20 метров, самоварник 1.

Шлей 4, узд 2, возжей 1, веревка 1, сундук 1, зеркало 1, седельник 1, муки ржаной 5 пудов, седелко 1, дровни 1, литовок 4, куриц 6,

пшеницы 2 пуда, ячменя 12 пудов, корова 1, сортировка 1, ходок ж. 1, сани 1, дровни 1, овса 25 пудов».

Н. А. Пономарев писал жалобу Калинину, председателю ВЦИК. Ответ: восстановить в правах, отменить раскулачивание.

«В Егоршинский райисполком Свердловского округа
Уральской области от гражданина д. Налимова
Налимова Александра Андреевича.
Заявление

Прошу рассмотреть мое заявление, т. к. раскулачили мою семью несправедливо: семья красноармейская, в партизанах Красной Армии служило нас три брата. Один брат погиб на колчаковском фронте под г. Глазовом. Я служил 3 года с 5 августа 1918 г. по 15 ноября 1921 г., что и удостоверяю документами № 1380; 1197 – удостоверение личности и личная карточка.

По обложению с/х налогом 41 руб. 18 коп. Семья 10 человек: отец – 66 лет, мать – 60 лет. Не эксплуатировали чужого труда, работали сами.

Прошу райисполком возвратить имущество и не выселять из пределов района.

Прошу принять нашу семью в колхоз.

Прошу не отказать.

20/3.1930 г. »

Тот, кто раскулачивал, конечно, знал инструкцию о том, что семьи воевавших за Советскую власть раскулачиванию не подлежат, но творил беззаконие: авось, пройдет номер. Больше в архиве документов, касающихся А. А. Налимова, мною не найдено, видимо, «отменили» раскулачивать семью участника гражданской войны.

«Характеристика

Тихонова Василия Ивановича, служителя церкви, с. Мостовского, попа.

Тихонов Василий Иванович до 1926 г. занимался службой церкви – попом, имел церковную землю в количестве «—» десятин. Занимался эксплуатацией чужого труда. В 1926 г. наделен был землей общего земельного фонда и имел земли 4,25, посева 2,27, лошадей 2, коров 2. Эксплуатировал чужой труд. Облагался индивидуальным налогом 311 руб. 55 коп. и добавочно было объявлено 279 руб. Всего 590. Вел агитацию против колхозов.

При наступлении красных в 1919 г. делал побег до Тюмени, вернулся служителем же культа в с. Мостовское.

До 1925 г. своего хозяйства не имел, лишь только занимался служителем культа, в конце 1925 г. был наделен землей, построил свой

дом и одновременно служителем культа был до 1929 г. имел свое полное хозяйство».

Опись имущества Тихонова Василия Ивановича 13 января 1930 г.

№ п.п.	Наименование имущества	руб.	коп
1	дом новый	300	
2	амбар новый, пятистенный	50	
3	конюшня большая	20	
4	конюшня маленькая	10	
5	баня	20	
6	6 лошадь	50	
7	(неразборчиво – авт.)	5	
8	кат. колес	6	
9	кошевка	7	
10	сани новые	15	
11	плуг	12	
12	борона	3	
13	13 (неразборчиво – авт.)	-	65
14	железных кроватей	5	
15	комод	5	
16	гардероб	20	
17	шкаф	5	
18	стол круглый	2	
19	столов	5	
20	шкаф угловой	5	
21	диван	10	
22	лампа висячая	10	
23	книжная этажерка	5	
24	подушка	-	50
25	половик	-	30
26	материя шерстяная	-	30
27	самовар	3	
28	лампа	-	60
29	лампа со стеклом	1	
		577	50

На обороте:

№ п.п.	Наименование имущества	руб.	коп
1	рамки пчелиные	50	
2	скатерка		40
3	тарелок 5 штук		20
4	мален. тарелок 3 шт.		10
5	кринок 3 шт.		20
6	фонарь	1	
7	ваза		15
8	сахарница		12
9	чайница		20
10	маслобойка		
11	керосиновый бидон		
12	железный бак		
13	поперешная пила		
14	два стула точеных		
15	венский стул		
16	дамская сумочка		
17	стекло для фонаря		
18	туалетная вещичка		
19	хомут ременный, возжи, седелко, узда		
20	машинка швейная		

Итого: 898 руб. 70 коп.

«В Свердловскую окружную прокуратуру от Тихонова Василия Ивановича, гражданина с. Мостовского Егоршинского района Свердловского округа Уральской области

Заявление

Прошу рассмотреть мое дело о конфискации имущества и о выселении меня с семейством, согласно решения Егоршинского РИК(а).

Мое хозяйство не имеет кулацких признаков, торговлей не занимался, землю не арендовал. Засевал от 2 до 2,5 десятин. Имелись одна лошадь, две коровы и 15 семей пчел. Работа выполнялась своей семьей.

Лишен права голоса как служитель религиозного культа, что подтверждается извещением № 1 от 25 февраля 1930 г. Но с июля 1929 г. служителем культа не состою и занимаюсь только сельским хозяйством. Согласно Постановления ЦИК СССР «Об устранении нарушений избирательного законодательства» в газете «Уральский рабочий» 25 марта с. г. № 69 мероприятия правительства по ликвидации

кулачества не должны распространяться на лиц, лишенных избирательных прав не по признакам культа, так что не будь я служителем культа, мое хозяйство расценивалось бы ниже середняцкого, что подтверждается окладным листом за 1928-1929 г. и 1929-1930 год.

С религией всякая связь порвана, я хочу честно трудиться, что подтверждает заметка в газете «Уральский рабочий» № 86 от 13 апреля 1930 г., которая сдана в газету еще в январе. Имею четырех маленьких детей и большую жену: жена Мария – 50 лет, дети: Виталий – 16 лет, Валерий – 13, Василий -10, дочь – 3 года.

Решения общего собрания зачастую носят характер недоразумений, требующих проверки.

Прошу окружную прокуратуру решение Егоршинского РИК(а) отменить и сделать распоряжение о возвращении моего имущества и пчел и дать возможность в дальнейшем прилагать свой честный труд в сельском хозяйстве, привыкшего с малых лет приносить пользу обществу и государству».

К заявлению приложены вырезка заметки из г. «Уральский рабочий» и окладной лист по единому сельскохозяйственному налогу на 1929-1930 г.

Заметка из газеты.

«Осознали вред религии и снимают сан».

«С 1919 г. я состоял служителем культа. Теперь убедился, что религия отжила свой век и человечество не нуждается в ней, также, как в церквях и ее служителях, и я порвал с религией. Снимая сан, я хочу путем неустанной работы загладить свою вину.

Призываю и других служителей культа, продолжающих до сих пор нечестное дело, прекратить служение религии.

Бывший служитель культа с. Мостовского Василий Тихонов».

«Окладной лист

Плательщик Тихонов Василий Иванович.

В хозяйстве учтено:

1. Десятин земли: 2,08 дес. на сумму дохода 18 руб.

2. Десятин сенокоса – 25 руб. 75 коп.

3. Лошадей – 1 – 27 руб.

4. Коров – 2 – 25 руб.

5. Ульев – 15 – 75 руб.

Доход от сельского хозяйства – 255 руб. 67 коп.

91 руб. 57 коп.

6. От неземледельческих заработков – 710 руб.

Всего учтено дохода 1356 руб. 49 коп.

Едоков – 6.»

Налог начислен на 1929-1930 с/хозяйственный год с дохода 1356 руб. 49 коп. Совершенно непонятно, как получились суммы 255 руб. и 1356 руб., которые явно завышены. Хотя в заявлении ясно сказано, что с 1 июля 1929 г. в церкви Тихонов не служит, значит, неземледельческих заработков у него быть не могло. Однако, все же начислено неземледельческого дохода 710 рублей – это больше, чем стоимость его дома в 2,4 раза.

В. Тихонов с семьей из дома был выведен, хозяйства лишен. Семью перевез в с. Егоршино. Но надо было семью кормить, поехал в Свердловск и устроился работать. В апреле 1930 г. вопрос о их выселении за пределы Свердловской области должен решать Егоршинский райисполком. Его жена Тихонова Мария пишет заявление прокурору Свердловска, в котором просит семью не выселять, т. к. муж тогда уже работал рабочим станции Свердловск в 10 околотке 6-го участка.

Председатель Мостовского сельсовета наложил визу на ее заявлении:

«Отказать. Заявление к разборке не подлежит.

Пред. сельсовета Свалов. 3 апреля 1930 г. »

Заявление до прокурора, конечно, не дошло, и дело о выселении семьи Тихонова было рассмотрено на заседании президиума РИК(а) 3 апреля 1930 г. Вывод: «Заявление как утвержденное по 3-ей категории: к выселению без основных новых выводов, не учтенных при раскулачивании – отклонить».

Разобраться, какой все же вывод сделал президиум РИК(а), трудно. Видимо, описанное имущество решено было не возвращать, а семью кулака 3-ей категории не выселять за пределы Егоршинского района, но переселить на худшую землю.

Прошел год. Еще один документ:

«Совершенно секретно.

Протокол закрытого заседания Президиума Егоршинского РИК(а) Уральской области, состоявшегося 3 апреля 1931 года.

Слушали:

Списки и материалы на кулацкие хозяйства, надлежащие дополнительному выселению из района следующих лиц:

с. Мостовское.

Тихонов Василий Иванович, хозяйство кулацкое, систематически использовал наемную силу, облагался сельхозналогом индивидуально. Лишен права голоса. Бывший поп до 1929 г.

Решили: просить облисполком о выселении из района. Живет: г. Свердловск, ул. К.-Маркса, 43, кв. 4».

Фактически, Тихонов уже не живет ни в с.Мостовском, ни в Егоршинском районе, но Егоршинский РИК просит выселить его именно из Егоршинского района. Очевидно, полагая, что мало еще наказан тот, кому когда-то носили свои грехи.

На примере семьи Тихонова видно, как облагались налогом семьи. Тихонов должен был выплатить за 1929-1930 сельскохозяйственный год налог с дохода 1350 рублей 49 копеек, а все его имущество вплоть до «туалетной вещички» стоило только 898 рублей 70 копеек. И то, похоже, что эта сумма взята «с потолка». Где он должен взять деньги, чтобы выплатить государственный налог? За неуплату налога – конфискация имущества.

Почему в качестве примера по раскулачиванию в Егоршинском районе я взяла именно эти хозяйства? Чтобы людям был виден весь абсурд раскулачивания.

Во-первых, по постановлению президиума Уральского облисполкома не должны раскулачиваться, а, тем более, выселяться, следующие семьи:

а) участников гражданской войны. В нарушение этого у нас раскулачивались такие семьи, например, семья Александра Андреевича Налимова;

б) семьи, уже однажды раскулаченные, но комиссией ОПК признанные ошибочно раскулаченными. Их вновь в 1932 – 1933 гг. раскулачивали, например, семьи Данила Федоровича Редькина, Пигасия Митрофановича Доможирова, Данила Андреевича Яговитина;

в) в составе которых нет трудоспособных мужчин в возрасте до 50 лет. Д. А. Яговитину и Д. Ф. Редькину было по 62 года. Других мужчин в их семьях не было.

Во-вторых, по постановлению президиума Уральского облисполкома «О дополнительном выселении кулачества» от 8.03.31 г. у выселяемых надо отбирать постройки, сельхозинвентарь, лошадей, молочный скот и соцбыт. Оставить семье одну корову, но с обязательным сохранением ее в их собственности. Все остальное имущество: одежда, домашние вещи, продовольствие, домашняя птица, семена огородных культур – остаются в полном распоряжении выселяемых с правом реализации на месте или забирать с собой, семена зерновых культур – по указанию РИК(а) – конфискуются или передаются переселенцам.

У нас же конфисковывалась даже стеклянная стопка, полметра мануфактуры, катушка ниток и туалетная вещичка. А швейная машинка считалась предметом роскоши. Людей выселяли в том, в чем вышли из дома.

Так все же почему семьи, в 1930 г. признанные ошибочно раскулаченными, в 1931-1933 гг. раскулачивались вновь?

Чтобы выполнить грандиозный план первой пятилетки, нужна была рабочая сила. Поэтому-то в феврале-марте 1931 г. началась новая волна раскулачивания. 11 марта 1931 г. была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. По существу эта комиссия занималась распределением раскулаченных переселенцев по районам страны. Это был своеобразный Госснаб, который удовлетворял заявки хозяйственных организаций на трудовые ресурсы. А если называть вещи своими именами, то комиссия Андреева обеспечивала стройки социализма рабами – вчерашними крестьянами.

Например, протокол заседания этой комиссии от 30 июля 1931 г.

«Слушали: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

Постановили:...

удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей...; заявки Цветметзолото – на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО – на 5 тысяч кулацких семей – удовлетворить;

по углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев: Восток-угля – на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю – на 2 тысячи кулацких семей, заявку по Подмосковному углю на 4500 кулацких семей принять условно;

по торфу принять заявку на 31 тысячу кулацких семей»...³⁵

Стройки социализма нуждались все больше в рабочей силе. Волна насилия охватила страну. Выезжавшие на места партийные руководители изо всех сил нажимали на низовых работников, низовые же работники вынуждены были искать вновь и вновь кулаков часто из тех, кто уже вступил в колхоз, сдал скот, хлеб, сельскохозяйственный инвентарь в общее хозяйство. Проводили чистки в колхозах: людей упрекали, что они, кулаки, пробрались в колхоз, их исключали из колхоза и выселяли.

Что творилось на местах во время раскулачивания, не поддается осмыслению. Еще более – то, что творилось в местах, куда выселялись эти хлебоборобы.*

* По раскулачиванию Д. А. Яговитина, П. М. Доможирова, Д. Ф. Редькина, И. А. Пономарева, А. А. Налимова, В. И. Тихонова использованы материалы Артемьевского госархива.

³⁵ Родина Журнал. 1989. № 8. с. 33.

Лазукова Лидия Петровна

Л. П. Лазукова родилась в 1921 г. в деревне Крутиха Егоршинского района Свердловской области, в семье с достатком. Отец занимался сельским хозяйством, торговал. Мать – белошвейка. Ирбитские купчихи делали ей заказы. Но мать умерла, когда Лиде было три года. Отец отдал ее на воспитание в семью Лидиной тети. В пять лет девочку посадили вязать кружева, а в шесть пришлось бороться. В труде дожила до 1930 г.

Новых родителей раскулачили, выслали в пригород Свердловска, в поселок Северные бараки. Лидия Петровна вспоминает: «Девяти лет зашла за колючую

проволоку, за высокий забор». Родители под наблюдением охранников с утра до вечера трудились на строительстве городка чекистов. Днем рабочих один раз в день кормили в столовой. Детям дома есть нечего. Лида брала за руку своего двоюродного брата Веню, которому было четыре года. Они проползали через нору под изгородью и бежали в столовую, где обедали родители. Лидия Петровна вспоминает: «Когда мама отламывала мне от своей двухсотграммовой пайки сырого хлеба большую часть, я говорила: «Мама, ты кушай: у тебя ведь тяжелая работа». Мама отвечала: «Лида, кушай ты, ты ведь растешь» – и пододвигала хлеб мне. Так же делили баланду и кашу. Вечером, когда взрослых загоняли за ограду, родители разжигали костер и варили немудрящий ужин».

Зимой Лиде было скучно сидеть в бараке, а одежды теплой не было, чтобы гулять на улице. В школу учителя не берут – нет школы для детей спецпереселенцев. Летом целый день Лида коротала на реке. В 1933 г. забор зоны сгнил и упал. Его ремонтировать не стали. Родителей Вени отправили в Сухой Лог, а Лидиных приемных родителей – строить Уралниисхоз. На стройке был всего один барак. В него селили вольнонаемных, а спецпереселенцев отправили жить на чердак этого барака, где они «квартировали» до праздника Октября. К этому времени наскоро построили барак с каркаснозасыпными стенами и 7 ноября торжественно переселили спецпоселенцев в комнаты со стенами из промерзших досок.

Началось строительство домов. В их квартиры переселяли вольнонаемных, а спецпоселенцев на их место – в барак. Здесь не было

забора из колючей проволоки, но спецпоселенцы ежедневно в 9 часов вечера отмечались у военного коменданта.

На этой стройке Лида пошла учиться в первый класс. Училась с желанием, активно участвовала в делах класса и школы. Уже в третьем классе выпускала стенгазету. Стала выпускать барачную стенгазету. Посылала стихи в детскую газету «Всходы коммуны».

Исполнилось 16 лет Лиде. Учиться не на что, паспорта нет – на работу не берут. Пошла в прислуги. Два года труднейшей работы с раннего утра до позднего вечера. Все кипело в ее руках: мыла, стирала, штопала, убирала, нянчила детей. Не у родной матери – не посидишь, не разогнешь спину. Жаловаться некому. Этот труд был ее первым «университетом».

Когда исполнилось восемнадцать лет, получила паспорт, но на работу приняли не сразу, пришлось прибегнуть к помощи знакомых. А как началась Отечественная война, тут Лида понадобилась сразу. Не усомнился никто, что из раскулаченных, спецпоселенцев, можно ли ей доверить жизни солдат и офицеров. Стала она проводником военно-санитарного поезда № 227. Всю войну на колесах: в жару и стужу, под бомбежками и обстрелами.

Всю жизнь Л. П. Лазукова работала в Егоршинском отделении железной дороги. Вырастила троих детей. На пенсии пишет стихи и песни. Выпустила несколько сборников стихов и песен: «Я люблю тебя, жизнь», «Отцвели колокольчики синие» и др.

Коновалов

Александр Митрофанович

Жила в селе Белослудском Ирбитского уезда семья Алексея Степановича Коновалова. Ютились Коноваловы в избе до второй половины двадцатых годов. Выросло в этой семье три сына и две дочери. Дочерей выдали замуж, а сынов, высоких, статных, кудрявых, женили на лучших девушках села. Какая девушка устоит перед красавцем, а главное, работающим! В трех семьях сынов росло уже двенадцать детей, да три снохи, да сам Алексей со своей старушкой. Всего в избе жило двадцать человек. Во главе хозяйства был Алексей Степанович, и все беспрекословно выполняли его распоряжения.

К двадцатым годам подросли и внуки. Большая семья получила много земли от Советской власти. Начали работать. Сначала взяли ссуду на покупку молотилки, а потом купили и жатку. Хлеба хватало и самим, и государству продавали. К концу двадцатых годов построили всем сынам по дому. Сам Алексей не дожил до того времени, когда сыновья зажили своими домами. Было пока в них пусто, только столы да лавки, на снохах портяные юбки. Однако в тридцатом году всех трех сыновей раскулачили: дома, скотину и технику отобрали, семьи выслали.

Лучше знаю историю семьи Митрофана Алексеевича, старшего сына Алексея Степановича. К тридцатому году его старший сын Иван Митрофанович был женат и в селе не жил, т. к. выучился бухгалтерскому делу. Дочери, Анна и Федора, вышли замуж и жили отдельно от родителей. Остался с родителями только младший сынок-заскребышек, любимец семьи, Шура – Александр Митрофанович.

В начале 1930 года семью Митрофана Алексеевича раскулачили, его самого арестовали и в возрасте пятидесяти семи лет отправили в исправительно-трудовой лагерь в Пермскую область на строительство Соликамского целлюлозно-бумажного комбината. Там он и сгинул. Больше от него не было ни слуху ни духу, как говорят. А его жену Ульяну Васильевну с шестилетним Шурой выслали в том, в чем они вышли из дома, на север.

До Тавды довели их на поезде, а дальше, в глубь тайги, в феврале 1930 года шли этапом пешком на строительство лесозаготовительного поселка. Маленький Шура мерз, на привалах грела его Ульяна Васильевна теплом своего тела, а было ей уже пятьдесят четыре года.

На новом месте сначала вырыли землянки и спали в них вповалку все, пока строили бараки. Продукты завозили несвоевременно, часто по пять-семь дней были без хлеба, а работать – иди. Нормы на продукты были мизерными: для работающих – хлеба 320 г, капусты 100 г, сахара 6 г, чая 3 г, растительного масла 9 г. Царили в поселке голод, болезни, мор, особенно тогда, когда власти отказались кормить нетрудоспособную часть кулацкой ссылки: больных, инвалидов, детей и стариков. Часто дети и старики уходили в лес за корешками, ягодами, грибами и т. п. и обратно не возвращались – гибли там.

Ульяна Васильевна с Шурой выжили, а когда ей исполнилось шестьдесят, им разрешили выехать. Но как? Поехали за ними дочь Анна Митрофановна и зять Захар Петрович, которые жили уже в Егоршино, Захар Петрович работал в шахте. Доехали до Тавды на поезде, купили в Тавде лошадь и поехали дальше. Дорога по за-

стывшей реке Конде – не заблудишься. Ехали, ехали – остановка: лошадь не пошла. Оставили ее в одном селе, дали денег на корм, сами пошли пешком. И дошли, разыскали мать и братика. Но, чтобы оформить разрешение на выезд, надо еще дальше идти километров сто. Ночевали и опять в путь.

Оформили документы, отправились домой. Путь неблизкий. Старую, большую мать успокаивали: «У нас есть лошадь, только дойти, где ее оставили, а дальше уж поедем». Но надежда на то, что хоть мать с Шурой на себе кляча повезет, не сбылась: лошадь пала. Положение тяжелое, старая женщина плелась из последних сил. Но догнал их обоз, и за деньги Ульяну Васильевну и Шуру довез до Тавды. Словом, до Егоршино добрались, и Ульяна Васильевна с Шурой стали иждивенцами зятя.

В городском музее есть Похвальная грамота, которой был награжден за отличную учебу и примерное поведение ученик 5-го класса школы № 56 ст. Егоршино Коновалов Александр. Но среднюю школу окончить Шура не успел: началась Отечественная война, и забрали его в Тюменское военное училище. В училище тоже учиться пришлось мало: всех «бросили» под Сталинград. Ранение. Госпиталь. Дома не удалось побывать – вновь фронт. Военную науку изучал на практике, будучи командиром то взвода, то роты. С боями дошел до Киева. Здесь, под Киевом, в жестоком бою погиб. На братской могиле поставлен памятник, его фамилия на памятнике первая.

Фотография Коновалова Александра Митрофановича и фотография этого памятника есть в городском музее, куда их отдала сестра Александра, Демина Анна Митрофановна.

А еще сохранила Анна Митрофановна почти 60 его писем из военного училища, с фронта и из госпиталя, тетраточку по русскому языку ученика 6-го класса. Во всей тетради одно исправление, сделанное учителем: неверный перенос. Сохранились карты, изготовленные для уроков географии, портрет Пушкина в исполнении Александра.

Как и все дети в подростковом возрасте, вел Шура тетрадь «Стихи и песни», в которую записывал известные стихи, содержание которых было созвучно его мыслям. Сохранилось всего четыре листа этой тетради, но и по ним видно, о чем Александр думал, что его волновало.

Начинается тетрадь песней из кинофильма «Веселые ребята», которая исполняется легко, и вложено в песню много патриотических чувств и мыслей:

*Мы все добудем, пойдем и откроем:
Холодный полюс и свод голубой.*

*И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою.
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою!*

*А вот еще песни: «Славное море» и «Колодники»:
Скрывается солнце за степью.
Вдали колосится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Вздымают дорожную пыль.*

Нет, не забыл Александр, как шестилетним шел по этапу на север тайги и как мерз и голодал в пути и на поселении.

А дальше опять стихи и песни на патриотическую тему: «Бородино», «Встречный».

Кличка «кулак» и людское презрение отравляли ему жизнь до последних дней. Он больно переживал: «Какой я кулак, если за свою жизнь досыта не часто ел?!» А дело в том, что в его роту попал служить Пономарев Константин Гаврилович, житель родного села Александра. По фамилии он быстро сообразил, что Александр, пожалуй, земляк, а когда узнал, чей Александр сын, стало ясно – кулацкий. Этот человек годился по возрасту Александру в отцы и помнил, что родителей его раскулачили. Он без конца терроризировал Александра, иногда прямо говорил: «Я кулацкого сына слушать не хочу». И бойцов подговаривал: «Нами командует кулак, что вы его слушаете? Надо его просто прихлопнуть и все». Кто «прихлопнул» Александра, немец или земляк, осталось тайной.

А в канун 45-летия Победы радиожурналист Инна Гладкова по областному радио сказала: «Отзовитесь те, кто знает Коновалова Александра Митрофановича, уроженца Ирбитского района, перед Отечественной войной жил в Егоршино. Его ищет орден Боевого Красного Знамени». Но родственников, кроме племянников и их детей, уже не было в этом мире.

Братскую могилу, где похоронен Александр, однажды посетил его племянник, Василий Павлович Максимов, а его сын, Александр Васильевич Максимов, побывал на этой братской могиле несколько раз, встречался с учениками школы, взявшей шефство над могилкой.

В «Книге памяти» нашего города на 86 странице записано: «Коновалов Александр Митрофанович, лейтенант, 1924 года рождения. Призван в 1941 г. Погиб в 1944 г.»

Всего двадцать лет прожил Александр, прожил почти без радости, без счастья, сиротой на чужой стороне. Шестилетним Советская

власть лишила его отца, дома, родины, наградила кличкой «кулак». Не успел он ни любви испытать, ни семьи создать. Было не до этого. Не до этого было... Надо было выживать... Ну, а коли выжил, те, кто жизнь его сделал адом, призвали защищать Отечество. Пригодился... Испустить свою вину перед Советской властью.

**Шомина
Евдокия Семеновна
(Гавриловская)**

В чем же была вина этой девятилетней девочки, Дуси Гавриловской, ее пятилетнего брата Гриши и их младшей сестренки перед Советской властью? В то время, когда «Отец народов» говорил, что дети за отцов не отвечают, этих малышей Советская власть оставляет без крова, отправляет в тюрьму и за колючую проволоку. Раннее детство Дуси и ее брата Гриши прошло в семье, где нужды не было. Отец, Семен Поликарпович, на все руки мастер: плотник, кузнец, в сельхозмашинах разбирался – главное, что нужно сельскому жителю. Мать прекрасно шила, вышивала, ее трудом пользовались богатые женщины села. Оба не ленились, трудились до седьмого пота, чтобы семья не бедствовала.

Началась коллективизация, вступил в колхоз и Семен Поликарпович. Работал машиноведом, т. е. ремонтировал как кузнец сельскохозяйственный инвентарь. А за труд получал палочки в колхозной книжке. Многие колхозники из-за голода стали тайно уезжать из деревни. Существовали заградительные отряды, которые ловили беглецов и отправляли на тяжелые принудительные работы. Некоторым удавалось «испариться» незаметно. Их на стройках первой пятилетки принимали с радостью, так как выполнять грандиозные планы пятилетки не хватало рабочих рук. Но... принимали все же только тех, кто имел справку, что он бедняк или середняк, а не кулак, который только и думает, как совершить диверсию. Вот эти-то справки каждому желающему их получить сельсоветом не выдавались. Их можно было добыть только нечестным путем.

Семен Поликарпович, видя, что некоторые колхозники исчезли из деревни незаметно и, по слухам, неплохо устроились на производстве, рассудил: «Мне, мастеру на все руки, работа везде найдется, а в колхозе семья с голоду помрет». Он принял решение – убежать

из деревни. Решено – сделано. Сначала Тавда, потом Свердловск. Но... справочкой от сельсовета не запасся. Соответствующие органы сделали запрос в родное село и получили ответ: «кулак». И отправили всю семью за колючую проволоку, в поселок Северные Бараки, строить городок чекистов. Но так как в Северных Бараках разрешалось жить только семьям, в которых не больше трех человек, семью С. П. Гавриловского переправили в Камышлов строить завод. В Камышлове семью поселили с другими очень многими семьями в большом каменном здании без окон и дверей, только с проемами для них. Родители ежедневно уходили на работу, на строительство завода, а дети всех семей оставались тут, подверженные всем сквознякам, предоставленные сами себе, полуголодные. Они не играли, а бродили по окрестностям в поисках того, что можно было пожевать.

Семен Поликарпович никак не мог смириться с тем, что его семью держат здесь как семью кулака. Жене он доказывал: «Я – не кулак. Это ошибка. Ведь кулак тот, кто имел большое хозяйство, много земли, для обработки которой нанимал рабочую силу, т. е. эксплуатировал других. А я – кузнец, выполнял заказы других людей, хлеб зарабатывал своими руками. Вот поеду в Шатрово, и мне дадут справку, что я – не кулак».

Комендант поездки в Шатрово не разрешил, и Семен Поликарпович уехал без разрешения. Получил справку, что его хозяйство было середняцким, послал ее жене, чтоб ее освободили, а сам, поджидая семью, стал работать в колхозе кузнецом. Работал с утра до ночи, в кузнице и спал.

Любовь Семеновна, жена, к той поре, как получила справку, схоронила уже младшую дочку. Пошла к коменданту за освобождением – получила отказ и предупреждение, чтоб не вздумала уехать. Тогда женщина решилась на хитрость: пошла будто бы к реке за водой, дочка бежит стороной, сынок за подол держится, а там, по договоренности, ждал их мужчина с лодкой, посадил и свез их в деревню Ощепково. С людской и божьей помощью добралась она до Шатрово. Только... муж уже арестован за побег из лагеря, находится в КПЗ. Теперь в КПЗ поместили и семью. Отправили сначала в Шадринскую тюрьму, потом в Свердловскую. Дуся запомнила, как вели под конвоем от вокзала до тюрьмы в Свердловске под проливным дождем, холод пробирал до костей. Маму поместили в одну камеру, папу – в другую, а Дусю с Гришей – в детприемник. Потом опять всех свезли в спецпоселок Камышлова, где отец вскоре умер. Мать работала на заводе, вечерами шила, сшитые вещи продавала на рынке, за деньги покупала водку, которую меняла солдатам на кашу, чтобы поддержи-

вать детей. Водка в продаже была, а продуктов не было. Дети стали учиться в школе для спецпереселенцев. После окончания семилетки Дусе разрешили учиться в педучилище, после окончания которого она была направлена работать в Егоршинский район. С 1941 г. Евдокия Семеновна Шомина (быв. Гавриловская) – житель нашего района. Теперь она живет в пос. Красногвардейском.

Чубарова Лидия Степановна

Л. С. Чубарова живет в поселке Красногвардейском, ей 98 лет. Но ни память, ни здравый рассудок эта женщина не потеряла. Ее знают как интеллигентную, умную собеседницу, доброй, чуткой души человека. В прошлом – преподаватель рукоделия и художественной вышивки Красногвардейской средней школы.

Единственная дочь Степана Андреевича Смирнова, имевшего хутор с 250 га земли в Симбирской губернии, образование получила в Милекесской гимназии. Позднее закончила курсы художественной машинной вышивки. Стала работать учительницей начальных классов на хуторе Старая Майна.

Вышла замуж в большую семью, где глава семьи и три его сына занимались торговлей, а четвертый сын, муж Лидии Степановны, открыл на хуторе кинематограф. В двадцатые годы жили хорошо. Лидия Степановна ликвидировала безграмотность на хуторе: днем учила грамоте ребятшек, а вечером – взрослых. Подростала дочка Валя, появился сынок Юра.

И вдруг все рухнуло: началась ликвидация кулачества как класса. Арестованы отец (мать умерла раньше), свекор, муж и его братья, а Лидия Степановна с двумя детьми и семидесятидвухлетней свекровью выведены из дома, в чем были. На хуторе крыши для малышей своих не нашла – все боялись приютить лишенку. Поехали в Ульяновск. Знакомые уговорили одну старушку принять их на квартиру. Лишенная имущества и всех человеческих прав, она не получала продуктовых карточек, не имела даже права обратиться в больницу за медицинской помощью для детей. О работе и речи не могло быть.

Мало-помалу выяснилось, что отец выслан в Соликамск на строительство целлюлозно-бумажного комбината, свекровь – на поселе-

ние на станцию Плесецкая Архангельской области, муж – на лесоповал близ города Мезень.

Зимой 1931 года муж написал, что разрешено приехать жене. Друг мужа помог приобрести билеты до Архангельска и дал немного муки, чтобы испечь хлеб для сухарей в дорогу.

Поехала. Поезд тащился много дней. Ребенок в дороге заболел. В Архангельске на вокзале несколько суток ждали обоз, чтобы уехать в Мезень. Предстояло проехать на лошади 600 километров узкой дороги между двумя стенами вековых сосен. На первой же остановке обоза сердобольная хозяйка избы, куда зашли погреться от лютого холода, вскипятила молочко, ребеночка напоили. Все ехали в открытых розвальнях, а для малыша с матерью обозники соорудили, как смогли, крытый возок, чтобы хоть немного уберечь малыша от ветра и снега. Но это не помогло. Еще четверо суток держала у сердца Лидия Степановна уже мертвого малыша.

На предпоследней остановке местные женщины уговорили Лидию Степановну оставить мертвенького, сказав: «Мы знаем, что тебя ждет там. Оставь нам ребеночка, мы его схороним по всем христианским обычаям». Самой хоронить не пришлось – нельзя отстать от обоза.

С людской и божьей помощью добралась до места, где в двадцати километрах от Мезени работал муж. Стали жить в бараке, где в каждой комнате ютилось несколько семей. Лидия Степановна вспоминает: «Ссор не было, все люди интеллигентные, добрые, старались помочь друг другу перенести беды». Жены репрессированных стали автоматически и сами репрессированными – должны были работать. Лидии Степановне определили работу на лесопильном заводе. Она подтаскивала бревна, направляла их в лесопилку и распиливала. На второй день работы пошла кровь горлом. Врач перевел на легкий труд – очистку от снега железнодорожного полотна.

Прошло десять лет. Выжили. Хотя здоровье было подорвано, особенно у мужа сильно стали болеть ноги. Освободились. Куда податься? Кто где их ждет? Поехали в Соликамск к ее отцу. Тот, уже старый, работал сторожем, жил в сторожке. Друзья пригласили в Днепро-дзержинск. Вскоре туда и перебрались. Купили на окраине города хату-мазанку, неважную, но есть земляца...

Война. Эвакуация. Хата уцелела. В 1945 г. вернулись в Днепро-дзержинск, все-таки там свой угол, дом. Но... новая беда: хату снесли по причине строительства детского санатория. Чубаровым выдали страховки тысячу рублей – и шагай на все четыре стороны. Получить новое жилье не было никакой надежды. Новую хату на эти деньги тоже не купишь.

Завуч школы, где Лидия Степановна преподавала рукоделие, дал адрес своей сестры, что жила в Свердловской области, в поселке Красногвардейском: «Там войны не было, может, устроитесь как-нибудь». Где-то надо было доживать век, вот и поехали на Урал.

Здесь, на Урале, спустя годы, схоронила Лидия Степановна и мужа, и дочь. Теперь внучка решает все проблемы этой старой женщины.

Зырянов Андрей Кузьмич, Зырянова Варвара Ефимовна

А. К. Зырянов родился в 1879 г. в селе Писанец Ирбитско-заводского района. Здесь создал семью, которая до Советской власти вместе с семьей брата и их родителями ютилась в избе. Изба была большая, просторная, но все-таки 16 человек, 10 из которых – дети (6 детей – Андрея Кузьмича,

4 – брата), вместе не всегда чувствовали себя уютно.

В двадцатые годы семья получила много земли, подросли дети-помощники. Стали выращивать много скота, хлеба. Появились не только лишние копейки, но и рубли. Андрей Кузьмич решил строить дом, да такой, о котором мечтал всю жизнь. Варвара Ефимовна была против, выговаривала мужу: «Дети подрастают, надо одевать их, а ты строишься выдумал». Старшими в семье были дочери, и Варвару Ефимовну волновало, что не на что будет дочерям приданое справлять, ведь все сбережения на строительство уйдут. «Кто бесприданниц замуж возьмет? Останутся в том доме старыми девами», – думала она.

Андрей Кузьмич с женой не спорил, понимал ее заботы, но ведь и дом нужен. Сколько можно ютиться в избе, где не найти места, чтобы отдохнуть после тяжелой работы?! Все у всех на виду, ни у кого нет постоянного места для сна. Вечером каждый стремится пораньше занять место на лавке, полатях или на полу поближе к печке. Из-за этого частенько возникали споры.

Строило дом все трудоспособное население. Работали, как волы, не зная ни сна, ни отдыха. Очень помогали семья брата и отец Андрея Кузьмича. Он очень хотел, чтобы сын почувствовал себя хозяином и люди его уважали. Мечтал втайне, что потом начнут строить дом и младшему сыну, все будет, как у добрых людей.

Вышла усадьба Андрея Кузьмича на славу: дом круглый, пяти-стенный, окна большие, с резными наличниками, резьбой украсили и ворота. Во дворе малуха, маслобойня, завозня, амбар, баня, конюшни, а в конюшнях – две коровы, телята, две лошади, жеребенок и всякая мелкая живность – все, как у добрых людей.

Но пожить, как добрые люди, пришлось мало: в дом вошли в 1927 г., остальное еще почти два года достраивали.

В конце двадцатых годов правительство стало облагать крестьян большими налогами – стране нужны были средства на стройки индустриализации. Налоги были такими, что многие семьи заплатить их просто не могли. В 1930 г. и Андрей Кузьмич не смог расплатиться с госпоставками и заплатить денежный налог. В 1931 г. за недоимку хозяйство его было описано. Указан был срок и условие: если к этому сроку долг государству не будет возмещен, имущество будет конфисковано, а семью выселят из района. Андрей Кузьмич понял, что он в «капкане», заволновался, как это отразится на судьбах дочерей, ведь они уже на выданье. К этому времени в селе уже несколько девушек из кулацких семей успели выйти замуж за бедняков, чем избежали высылки, остались жить в селе. В положении о спецпереселенцах так и было указано: если девушка из кулацкой семьи выходила замуж за бедняка, то ее с мужем не разлучать, значит – не выселять.

Андрей Кузьмич решил уговаривать дочерей, чтобы они выходили замуж за бедняков, тем более что парни из таких семей были не прочь жениться на кулачках: какое-то приданое в дом принесет, многие из них рукодельницы, способные ко всякой работе.

Нашлись женихи и дочерям Андрея Кузьмича. Но его дочери не о таких мечтали и замуж выходить за этих парней отказались. Тогда отец стал уговаривать старшую: «Зоя, хоть ты бы вышла. Нас выселят, как обещали, что нас там ждет, неизвестно. Но ясно, что хорошо мало. Может, кому-то удастся вернуться – будет куда притулиться». И Зоя Андреевна смирилась с этой участью, послушала отца и просваталась. Осталась в деревне одна из семьи.

Андрей Кузьмич за недоимки был осужден на один год исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Отправлен был отбывать срок в Свердловск. Вскоре и Варвара Ефимовна, 1980 года рождения, с детьми: Анной 18 лет, Валентином 10 лет, Вениамином 5 лет и Михаилом 17 лет – были отправлены на спецпоселение. Добровольно в ссылку с Михаилом отправилась и его жена Марфа с трехмесячным ребенком на руках. Добровольно, потому что Михаил и Марфа были несовершеннолетними, и их брак не был зарегистрирован сельсоветом, и в церкви они не были венчаны. Маша могла

остаться жить у своего отца. Но, любя своего мужа, не мысля без него своей жизни, она рассудила: «Кто я останусь? Не баба, не девка, с ребенком на руках».

Из села всех повезли на их же лошади на станцию Талый ключ. Односельчане выходили из своих домов проводить их, выносили хлеб, съестное в дальнюю дорогу. Многие плакали. На станции держали трое суток. Туда приехали родители Марфы и почти силой забрали у нее дочку, уговаривали и ее вернуться, но она была непреклонна в своем выборе.

Дорога оказалась не очень длинной – привезли в Троицк Челябинской области. Определили жить в сарай, под полом которого стояла вода. Сыро, холодно. Работали на кирпичном заводе по 12 часов в сутки, таскали на носилках, в тачках глину, кирпичи. Мизерный паек давали несвоевременно. Часто неделями семья не получала продукты. Питались травой, ягодами, грибами. Однажды грибами отравились, едва выжили. Не давали ни денег, ни мыла. Все обовшивели. А где вши и плохое питание, тут тиф, дизентерия и другие болезни. Не обошли они и семью Варвары Ефимовны. Когда был построен кирпичный барак, семье Зыряновых дали в нем одну комнату на всех.

Еще в худшем положении был Андрей Кузьмич, так как ничего не знал о судьбе семьи. Его изнуряли не только тяжелый труд, недоедание, но и тяжкие мысли. Как такое пережить? Все, что нажито тяжелым трудом, отобрано; мечта о хорошей жизни лопнула, как мыльный пузырь. Где теперь семья? Что с женой и детьми? Ясно, что они живут не лучше его, чью жизнь и полуголодной-то не назовешь. Какую работу выполняют? Живы ли вообще? Удастся ли когда-нибудь встретиться? Эти мысли терзали, не давали заснуть после тяжелой физической работы. Через год этот статный, крепкий мужик превратился в немощного старика. За год ИТЛ высосал из него все.

Когда срок наказания истек, Андрей Кузьмич вернулся в Писанец и только тогда узнал, где его семья. Отбыв свой срок, А. К. Зырянов мог теперь жить, где хочет. Но, если поедет к семье, значит, автоматически станет спецпоселенцем, придется жить под неусыпным оком спецкомендатуры. Раздумий, как поступить, не было. Разве мог он жить отдельно от своих родных? И Андрей Кузьмич едет к семье и становится спецпоселенцем.

Вроде душа Варвары Ефимовны стала понемногу оттаивать: жилищные условия стали получше, муж в семью вернулся, продукты стали давать более своевременно, но... Новое потрясение: пришел приказ – семью Зыряновых перевести в Нижний Тагил. Все трудности сначала: опять ужасные жилищные условия, опять работа по 12 ча-

сов на кирпичном заводе без выходных, опять недоедание и болезни. Марфа больше всего этого выносить не могла и решила вернуться к своим родителям в Писанец.

Уехала. Как только хватились, что ее нет на работе, арестовали Андрея Кузьмича, Варвару Ефимовну, Анну и Михаила за то, что позволили Марфе скрыться, не поставили в известность комендатуру. Марфа еще не приехала в Писанец, а в доме отца ее уже поджидали милиционеры. Сразу же она была арестована и отправлена в Егоршинское отделение НКВД. Там ей и объяснили: если она сразу не осталась в доме своих родителей, то она теперь тоже спецпоселенка и обязана вернуться в Н. Тагил. Отправили обратно.

Всех потрясенный не мог больше вынести Андрей Кузьмич, сильно заболел и 2 мая 1933 г. скончался. В свидетельстве о смерти поставлен диагноз: «От старческой дряхлости». А ведь ему тогда было только 53 года. Сколько еще трудностей пережила семья Зыряновых, не опишешь. Но во время Отечественной войны защищать Родину и Советскую власть, которая лишила их всех радостей жизни, были призваны все сыны Андрея Кузьмича и Варвары Ефимовны. Все самоотверженно воевали и все: Михаил Андреевич, Валентин Андреевич и Вениамин Андреевич – остались навсегда на поле брани, сложив свои головы за Родину.

Авдеева Агриппина Васильевна

Агриппине Васильевне Авдеевой скоро исполнится 98 лет, из них 45 лет она живет в нашем городе.

Агриппина Васильевна родилась в 1899 году в селе Нежинка Оренбургской области, в крестьянской семье, где росло десять детей. Но семья сильно не бедствовала, потому что женщины с детских лет вязали из козьего пуха шали на продажу. Агриппина Васильевна вспоминает: «С одиннадцати лет и до глубокой старости я вязала пуховые шали, и это мне помогло в самых безвыходных ситуациях, а ситуаций таких удалось мне пережить ох как много».

Агриппина Васильевна была девушкой красивой, смышленной, всякая работа в ее руках спорилась. Бойкая, уверенная в себе, остра на язык, могла бы более счастливо устроить свою жизнь, но понравился ей высокий, спокойный Илья, и она в восемнадцать лет вышла замуж в семью, где было двенадцать детей. Агриппина была пер-

вой снохой в этой семье. А когда появились еще три: Маша, Поля и Анюта – только тогда старший сын Илья Степанович со своей женой смогли отделиться.

Купили саманную полуземлянку и рядом стали строить дом на три окошка, который состоял из прихожей и горницы. А пока построили теплую конюшню, новорожденного теленочка или ягнят во время морозов на улице держали в доме вместе с детьми. Все средства на дом и хозяйство заработали сами, работали день и ночь до потери сил. Все, что производилось в хозяйстве, продавалось: хлеб, молоко, мясо. Взяли ссуду у государства, купили сеялку. Илья Степанович ею зарабатывал копейку, а Агриппина Васильевна – по-прежнему вязанием.

В 1930 году началась коллективизация. Вынуждены были и Авдеевы вступить в колхоз. Хотя нажитого было жаль, но все сдали. Остались на подворье только корова да куры. А в 1933 году их признали кулаками. Сначала арестовали Илью Степановича. Осталась Агриппина Васильевна с четырьмя детьми: старшему Мише – 8 лет, Васе – 5, Володе – 4 года, Зине – 7 месяцев. Не успела осмыслить, как жить дальше, через несколько дней ей объявляют: «Сегодня тебя с детьми будут выселять из деревни». Тут же приставили к ней охрану – мужика по кличке Косой. Почему? Чего боялись? Или богатство, которого не было, спрячет, или эта решительная женщина «петуха» пугит, чтобы никому ее жилье не досталось?

Не растерялась Агриппина Васильевна, стала собираться в дорогу. Косой ходит по пятам. Наконец взяла она топор и пошла рубить кур. Косой за ней, хотел отобрать топор, она припугнула: «Косой, не тронь, не то тебе голову отрублю». Всех десятерых кур зарубила, сложила в мешок и взяла в дорогу.

На вокзале, пока ждали спецпоезд, Агриппина Васильевна времени не теряла. Топилась железная печка. Она вскипятила в ведре воду, ошпарила кур, отеребила, а потом в ведре сварила всех. На вокзал привезли арестованных ранее мужчин, они выпили бульон, а курами она кормила детей в дороге. Путь был долгим. Поездом везли до Томска, парходом 200 км до Колпашево, дальше пешком, а по болотам – на лодках или облазках. Вытряхнули в дремучей тайге, где не ступала нога человека, и приказали строить землянки. Рыли одну землянку на четыре семьи, закрывали ветками и травой. Через такую «крышу» в дождь протекала вода. Так и жили. Взрослое население стало без техники, вручную корчевать вековые сосны и ели, готовить место под пашню. Назвали их селение Сохта.

Агриппина Васильевна вспоминает: «Жили под присмотром спецкоменданта. Он целыми днями объезжал верхом на лошади свои

владения, всех видел, о каждом все знал. Однажды у меня очень заболел ребенок, отпросилась у десятника с корчевки домой пораньше. Комендант догнал меня, потребовал вернуться. Я отказалась, мол, ребенок в тяжелейшем состоянии, так он ехал следом так, что его лошадь топтала мои пятки, и кричал: «Вернись! А то арестую!» Я ответила: «Возьму ребенка, тогда арестовывай, пойду, а сейчас, без ребенка, не пойду». Так, издеваясь, ехал за мной до поселка, потом повернул лошадь и уехал обратно.

Уходили на работу с мужем, детей оставляли без присмотра, только Зину сдавали в ясли. Днем в этом доме были ясли, а вечером – клуб. Нянь мало. Дети постарше качали Зину в зыбке. Однажды так раскачали, что она выпала, ударилась об угол сцены, стала болеть. Причины были и другие – недоедание, сырость в жилье. В общем, до пяти лет она не ходила. Чем лечила? Только травами. Запаривала их в ведре, сажала Зину в ведро, так восстановила здоровье. От холода, голода и болезней там тьма людей погибла, а вокруг селения никакой травы не было – вся была съедена людьми. Я свою семью сохранила только тем, что вязала хорошо, прославилась этим широко. Приносили работу из других поселков. Спала всю жизнь мало, а там – особенно. Хоть и немного успевала, ведь работали по двенадцать часов, а все семье поддержка.

Потом перевели жить в поселок Степной. Поселили в барак тоже полуземляночного типа, заходишь – надо пригнуться. Образовали из нас колхоз «Новая жизнь». Стали сеять хлеб. Муж работал в поле, а я – свиаркой. Однажды боров выхватил у меня всю ляжку, истекала кровью, думала, не выживу, детей сиротами оставлю. Коли стали мы колхозниками, обложили нас налогами, надо сдавать государству мясо, молоко, шерсть, яйца, картофель».

Продолжила рассказ дочь, Зинаида Ильинична: «Вспомнить страшно, что пережито. Чтобы сдать государству мясо, покупали на той ферме, где «все наше, колхозное, все мое», поросенка. Кормили его всю весну, лето, осень, а в начале зимы кололи. Когда мясо замерзнет, затаскивали в квартиру. Миша с Васей брали пилу, отпиливали поросенку голову, голова оставалась семье, а тушу сдавали государству. Картофель не принимали клубнями: плохо вывозить, трудности с транспортом, поэтому принимали или сушеным, или крахмал. Мы с Володей (самые младшие в семье, неработающие) картошку чистили, резали, сушили. А она чернеет, почерневшую не берут. Тогда стали тереть на крахмал. До вечера сидим, «скоблим», а промыть крахмал, чтобы стал белым, надо много воды. Где ее взять? Проблема, так как в поселке всего два колодца, нет ни речки, ни ручья.

Трут картошку в каждом доме, так что у колодца очереди. Холодно. Стоим, дрожим, продувают нас все ветры. Пока тащим, обледенеет на нас все.

В поселке учили только за первый класс. Продолжать учебу можно было в Яковлевке, за пять километров. Я окончила первый класс и три года не училась. В Яковлевку ходить не в чем. Учиться хотелось. Настояла и почти двенадцати лет пошла во второй класс. Сшили мне обутки, ноги зимой примерзали к ним, а пальтишка своего не было. От кого достанется сегодня одежда – пойду в школу, не достанется – сижу дома. Бывало и так: брат придет домой на обед, я хватаю его огромную фуфайку и убегаю из дома. Рукава болтаются, полы заплетают ноги, но я бегу бегом, как бы брат быстро не догадался, не догнал меня, не отобрал фуфайку.

Когда училась, с мая по октябрь работала в колхозе. Чаще пасла телят и свиней. Бегаешь за ними, как собака. Придешь домой, а поесть нечего. Осенью и зимой хоть немножко муки давали. Мать бросит горстку в траву или картошку – какие-нибудь лепешки состряпает. А к лету в колхозе ничего не оставалось. Только варили какую-нибудь бурду. После дня беготни за свиньями бежишь за поварешкой этой бурды. А днем свиньи едят траву, ты – эту же траву. Опять хоть немножко выручало то, что мать, не зная отдыха, вязала.

Началась война. Старшего брата Мишу взяли на фронт, папу – в трудармию, там он в 1943 году погиб. Жить стало еще хуже. Мать вызывают в правление:

– Подпишись на заем!

– Где возьму деньги платить? Не подпишусь.

– Иди к е... матери.

Мама идет к дверям. Окрик:

– Вернись! Подпишись!

И так до тех пор, пока не подпишется. А однажды ее чуть не уекли по 58 статье. На трудодни стали давать муку, смолотую из охвостья. Она при уполномоченном из района сказала: «У нас две бочки с мукой: одна – для гладких, другая – для корявых». Этим хотела сказать, что начальству дают хорошую муку, а рядовым колхозникам – из охвостья. Начали ее таскать в милицию или в КГБ, будто бы она, говоря о «корявых», имела в виду Сталина, видимо, он был корявым. Господи! Что мы тут пережили! Ее увозят, а мы остаемся в страхе, вернется ли. Да и вернется, покоя нет: ждем, что снова вызовут и уже не отпустят.

Кое-как и войну пережили. Вернулся домой с фронта Миша, поступил на курсы бухгалтеров. После окончания его направили рабо-

тать в поселок Север. Он добился того, что нас сняли с комендантского учета, и забрал к себе. Там мы прожили до 1948 года».

Когда отменили в стране карточную систему, семья Агриппины Васильевны решила ехать на родину, в село Нежинка, ведь там столько родных. Все стали работать в колхозе, а Зина поступила учиться в педучилище. Сначала жили у сестер Агриппины Васильевны, но, убедившись, что ее три сына – хорошие работники, семье возвратили их родной дом, чтобы не упустить работников из колхоза.

Взяли в армию Васю, через год – Володю. Миша работал в колхозе учетчиком. Его стали часто просить подписать то один документ, то другой, содержание которых не соответствовало действительности. Он, чтобы не «загреть» в места не столь отдаленные, ушел из колхоза работать на железную дорогу. Агриппину Васильевну в 1951 году опять из собственного дома выгнали, хотя два ее сына в это время служили в Советской Армии. Она была вынуждена опять скитаться по чужим углам.

Сыны служили на Сахалине. Там Вася познакомился с семьей Григоренко. Вскоре эта семья выехала с Сахалина в Артемовский. Григоренко поступил работать на шахту имени Кирова. Послал Васе адрес. А так как Васе (Василию Ильичу Авдееву) после демобилизации ехать было некуда (дома нигде нет), он приехал к Григоренко в Артемовский. К нему после демобилизации приехал и Володя (Владимир Ильич Авдеев). Пригласили к себе маму. После окончания педагогического училища приехала к ним и Зина. И вот уже 43 года Зыкова Зинаида Ильинична работает в Артемовской школе № 3. Сколько людей обучила эта женщина азам наук в поселке имени Кирова!

И только в прошлом году, когда Зинаида Ильинична ездила на родину, ее двоюродная сестра поведала ей о том, почему была раскулачена и выселена ее семья: «Ваша семья пострадала потому, что председатель колхоза предложил твоей матери любовные встречи. Она возмутилась, как он смеет предлагать такое ей, замужней женщине, растившей четверых детей, и пристыдила его. Он обиделся и сказал: «Запомнишь меня на всю жизнь». Агриппина Васильевна или не придавала его словам значения, или забыла в перипетиях жизни, только дети ее никогда не слышали об этом от нее. Ведь столько семей пострадало беспричинно, не ее – первая, не ее – последняя. А вот того председателя то ли совесть замучила, или позлорадствовал он по пьянке с кем-то, что отплатил стропливой бабе сполна так, что «всю жизнь будет помнить», а только «глухой телефон» подхватил и донес в селе до каждого.

Это еще один пример того, как решались людские судьбы.

Ольков Федор Игнатьевич и семья

В деревне Луговой в семье Игнатия Степановича Олькова выросло пять сыновей: Григорий, Егор, Дмитрий, Василий, Федор. Все женились, поставили всем по избе, каждый начал жить своим хозяйством. К двадцатым годам и их дети подросли. А когда от Советской власти получили много земли и ссуды на приобретение сельхозмашин, стали производить много хлеба, излишки продавать. У всех братьев появилась возможность построить дом – мечта каждого крестьянина. Деньги ведь нужны были только для приобретения леса, а все работы по постройке дома такому коллективу – никакой трудности: кони свои, рабочие руки свои, а трудиться мужчины этого рода умели. Во второй половине двадцатых годов все жили в пятистенных домах, амбары полны хлебом, дворы – скотом.

Уже в 1927 г. всех обложили большим налогом. В 1928 г. налог увеличился вдвое и было введено самообложение в размере 25% от основного налога. Осенью началась заготовка хлеба государству; за сопротивление властям во время хлебозаготовок предусматривался срок 2 года лишения свободы с конфискацией имущества. А в 1930 г. за невыполнение в срок государственных платежей налагался штраф не менее 300 рублей (в то время столько стоил приличный деревенский дом). Все это привело к тому, что амбары и дворы сынов Игнатия Степановича опустели: хлеб сдали государству, скот продали, выручая деньги на уплату налогов.

В 1930 г. братьев всех раскулачили, семьи двух выслали на север Урала, остальным дали «волчьи билеты» (справочки, что семья кулака) – и поезжай куда хочешь, живи как желаешь.

Нина Андреевна Аксенова, внучка одного из этих братьев, вспоминает: «В семье нашего деда, Федора Игнатьевича, выросла одна дочь. Выдал он ее замуж за парня из бедной семьи. Молодые (мои будущие родители) стали жить в семье деда. В 1930 г. нас, детей, в семье было уже трое, когда поздним зимним вечером пришли описывать имущество. Описывать было нечего, кроме дома, коровы и двух лошадей: хлеб был сдан уже государству почти весь. Забрали все до последней чашки и ложки. Мы, дети, спали на полу на своих лопатинках, укрывшись бабушкиной сермягой. Лопатинки из-под нас выдернули, мы остались на голом полу. На следующее утро забрали скот. Корова со двора идти никак не хотела, упиралась, так ее долго запихивали в розвальни и увезли. Мы, все трое, стояли на подоконнике, видели эту картину и горько плакали, что нашу Маню увозят со двора. И оставили нас на голодную жизнь. Дом приказали освободить. Отец и дед, получив «волчьи билеты», повезли нас сна-

чала на ст. Монетная. Место жительства пришлось менять много раз, но семью в 9 человек (детей стало уже 5) никто нигде с кулацкими документами не ждал. Ночевали на вокзалах, жили в землянке, в бараках. Братья собирали кусочки.

Однажды, собираясь в путь в поисках нового места жительства, на последние деньги купили льняного семени, истолкли, и мама состряпала лепешки. На вокзале, когда отец с дедом ушли искать работу, у мамы из-под головы воришки выдернули мешочек с лепешками и убежали. Она, зная, что денег нет и положение безысходное, бросилась от отчаяния под поезд. Но рабочие успели оттащить ее.

Во второй половине тридцатых прибились в Сибири в один колхоз. Отец получил работу заведующим животноводческой фермой, а потом был избран председателем поселкового совета. Жить стало можно, но... годы мытарств и страданий отразились на здоровье отца, он заболел туберкулезом и в 1939 г. умер.

Старики решили ехать домой, и мы вернулись в Луговую. Ни кола ни двора... Мама и мы стали работать в колхозе. Со временем вернули дом. Но началась война. На быках пахали, ноги к чуням примерзали, голод душил. Одного брата схоронили. Так прошли наши детство и юность».

ЧАСТЬ III

Пик политического террора (1936-1938 гг.)

1932 год начался в условиях кризиса. Того количества зерна, какое давала деревня в 20-е годы, колхозы не собрали. А нужда в хлебе у государства была большая: кормить город, стройки индустриализации, армию, продавать за границу. Хлеб уже осенью в колхозах выгребли до зернышка. В деревне начался голод. Люди пухли от голода и умирали. Вспыхнул тиф. Особенно тяжелое положение было в Украине и в некоторых областях РСФСР, дело доходило до каннибализма.³⁶

Иван Ефимович Сероштан, пенсионер, бывший начальник участка шахты «Буланаш-4», вспоминает: «Мы жили в селе Великая Михайловка Курской области. Родители работали в колхозе. В 1932 году начался голод. Наш отец свою семью сумел увезти в Донбасс, а брат его остался в деревне. Семья его была 13 человек: он, жена, теща и 10 детей. От голода умерли жена, теща и 8 детей. В живых остался дядя и две дочери».

В городе была введена карточная система на хлеб, но по карточкам хлеба давали недостаточно. Производительность труда в промышленности падала. Расстроилась финансовая система страны. Были повышены цены на многие товары, разрешена коммерческая торговля. За невыход на работу по всем причинам, кроме болезни, подтвержденной больницей, людей увольняли с работы, лишали хлебных карточек, квартиры. Люди в городе стали роптать.

Из деревни крестьяне пытались бежать. Заградительные отряды их ловили. Всех бродяг отправляли на тяжелые принудительные работы. Кто и миновал сеть таких заградительных отрядов, в городе на работу не всегда мог устроиться, т. к. в 1933 г. в городе была введена паспортная система, а у колхозников паспортов не было. Без паспорта на работу не брали. Многие деревни охватили волнения.

Крайне тяжелое положение в стране усилило волнения и в партии. Дело не ограничивалось разговорами. Ряд членов партии попытались организовать и вести целенаправленную антисталинскую пропаганду среди коммунистов. Например, «Союз марксистов-ленинцев», возглавляемый Рютиным. В союз входили Зиновьев и Каменев. Написали документ «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В нем говорилось: «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис».

Результат – новая волна репрессий прокатилась по стране, арестовывались недовольные сталинской политикой, распространители слухов. Чтобы предотвратить политические шатания, была проведена чистка партии. «12 января 1933 г. пленум ЦК вынес резолюцию

³⁶ Уральский рабочий (газета). 1992. 16 сентября.

о всеобщей чистке партии. В 1933 г. было вычищено из партии 800 тысяч человек, в 1934 г. – еще 340 тысяч».³⁷

Прошел ряд громких дел в партии, в том числе «Дело» Рютина, Зиновьева, Каменева. ОГПУ сфабриковало «Дело», по которому «Союз марксистов-ленинцев» был признан организацией террористов. Сталин и ОГПУ требовали для Рютина высшей меры наказания». Умеренное крыло Политбюро выступило за тюремное заключение. Разгорелись принципиальные споры. Политбюро, которое в большинстве своем состояло из старой гвардии большевиков, показало Сталину, что он в своих действиях не всевластен. Рютин был приговорен к 10 годам тюремного заключения. У Сталина созрело решение избавиться от старой гвардии большевиков. Позднее он все больше укреплялся в своем решении.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли закон, сформулированный лично Сталиным «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности», который народом был назван «законом о пяти колосках». Этот закон требовал расстрела даже за незначительные хищения, в крайнем случае – 10 лет. По замыслу Сталина расстрел – правило, а 10 лет – исключение.

«Особенно тяжело этот закон отразился на крестьянах. Официально колхоз считался коллективным хозяйством, а все его имущество – коллективной собственностью. Это на словах, а практически отчуждение колхозника от колхозной собственности и плодов труда было полным. Голод толкал крестьянство на воровство. Брал крестьянин по праву свое собственное, однако за горсть ржи с тока, гнездо картошки и клочок сена неотвратимо следовала уголовная ответственность».³⁸

Я помню: мой сосед, Евгений Коновалов, шестнадцатилетний юноша, сирота, маленький, тщедушный колхозник, накопил карман колхозной картошки, был осужден на 10 лет.

Закон «О пяти колосках» осуждался народом.

На январском Пленуме ЦК нарком юстиции Крыленко с дрожью в голосе докладывал, что за хищение социалистической собственности осуждено 55 тысяч человек, а к высшей мере наказания приговорено всего 2,1 тысячи. Жаловался на суды, на Верховный суд, президиум ВЦИК, на их мнение о том, что нельзя всех обязательно строго судить, должно поступать, исходя не из указаний партии и правительства, а из соображений высшей справедливости.

³⁷ Р. Конквест. Большой террор. Рига. 1991. Т. 1. С. 51.

³⁸ Урал (журнал). 1989. № 12. С. 123.

Сталин выступил с резкой речью, призвал к беспощадной борьбе против внутренних классовых врагов, гнать из партии перерожденцев и двурушников, судить, расстреливать. Но еще не решился объявить войну всему обществу, тем более старой гвардии большевиков. Причины нерешительности: ситуация в стране сложная, взрывоопасная, могли быть вызваны новые потрясения; еще не все решения центра безоговорочно принимались на местах; в стране еще есть немало людей, которые политику Сталина и его окружения не приемлют. Закон «О пяти колосках» осуждался народом. Еще смело осуждали вождя за ошибки.

Пришлось считаться, так как еще много людей среди руководства и партии жили по соображениям высшей справедливости. Сталин понял: ни Политбюро, ни ЦК согласия на репрессии из своей среды или своего окружения не дадут. А кризис на рубеже пятилеток вызывал потрясения в партии. Более того: снижение темпов индустриального развития страны, недовольство политикой Сталина грозило его смещением.

Правда, в конце 1933 г. положение в стране несколько улучшилось: карточная система на хлеб была отменена, кризис преодолен. Была устранена опасность раскола партии. 17-й съезд ВКП(б) одобрил планы второй пятилетки, но идеи «большого скачка», чего хотел Сталин, были отброшены, а группа делегатов попыталась «забаллотировать» Сталина при выборах в ЦК. Сталин заволновался, он понял, что он – мастер чрезвычайных ситуаций, делавших его власть прочнее, для умеренной же политики верхи партии будут искать другого вождя. Тем более, что другой лидер у партии уже есть – С. М. Киров. Сталин стал ждать удобной позиции, беспроигрышного варианта, чтобы расправиться со старой гвардией большевиков.

1 декабря 1934 г. было организовано убийство Кирова. Это событие потрясло всю страну. Сталин воспользовался моментом и руль репрессивной политики взял в свои руки.

Конечно, не сразу началась «большая чистка». Страну и партию постепенно приучали к новому – резкому повороту в политике, изматывая кампаниями.

Суд над террористической организацией, подготовившей убийство Кирова. Четвертая часть ленинградцев была арестована, многих сослали в ссылки.³⁹

В нашем городе живет Игорь Михайлович Сенькин. Родина его – Ленинград. Его отца как члена террористической организации, совершившей убийство Кирова, сослали в ссылку в Якутию на 5 лет.

³⁹ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 66.

Когда срок закончился, отправили на Колыму, где он и погиб. А мать с двумя детьми как семью члена этой террористической организации выслали на север Архангельской области в г. Каргаполь. Игорь тогда учился в пятом классе.

Искали ячейки этой террористической организации по всей стране.

Шла вторая пятилетка. Люди работали с энтузиазмом, по-стахановски на стройках, заводах, рудниках и шахтах. Молодежь училась в институтах, техникумах, ФЗУ, технических училищах. Много занималась спортом, в кружках художественной самодеятельности. Из репродукторов лилось: «Живем мы весело сегодня, завтра будем веселей!» Люди верили в это, потому что чувствовали, что жизнь налаживается. Но в это же время по мере внедрения стахановских методов работы началось гонение на инженерно-технических работников. Если бригада или цех еще не включились в стахановское движение, значит, руководители – консерваторы, саботажники, вредители. Невыполнение плана, любые неполадки в работе, игнорирование стахановских методов, даже неосторожное слово о стахановцах рассматривалось как дело контрреволюционное. Сталин говорил: «Дальнейшее развитие стахановского движения зависит от борьбы с врагами».

Но все же на протяжении 1935-1936 гг. репрессии проходили небольшими порциями, как бы дозировались, перемежаясь с временными отступлениями. Кого-то исключали из партии, других арестовывали, сажали в тюрьму, ссылали в исправительно-трудовые лагеря, только немногих расстреливали, так как политике репрессий противодействовали умеренные силы в партии. Председатель Верховного Суда СССР Винокуров в июле 1935 г. пишет директивное письмо, в котором осуждает практику необоснованного привлечения к судебной ответственности огромного количества людей:

«Судебные работники должны помнить, что ответственны за каждый неправильный приговор. ...Оценка деятельности судов должна измеряться не числом рассмотренных дел, а теми результатами, какие судебная работа принесла делу развития социалистического строительства, поднятию культурного уровня населения и пр. ...Массовые судебные преследования пересмотреть».

Директива эта действовала два месяца. Затем квалифицирована была как политическая ошибка, изъята из обращения.

Наркомат тяжелой промышленности во главе с С. Орджоникидзе делал все, чтобы притормозить репрессии в промышленности. Рост производительности труда в 1935-1936 гг. – противоречие с массовым вредительством, но Сталин и Молотов неустанно доказывали

партии и народу: рады успехам, притупили классовую бдительность, позволили врагам активизироваться. На попытки Орджоникидзе вывести из-под удара своих людей Сталин сказал: «У Серго дворянско-рыцарское отношение к людям».

Сталину не терпелось развернуть «большую чистку», чтобы ликвидировать старую партийную гвардию.

В августе 1936 г. открылся массовый процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». В результате этого судилища Сталину удалось добиться перелома в своей борьбе с оппозицией – получить санкцию на физическое устранение. Были расстреляны 16 лидеров оппозиции; заочно приговорен к смерти Л. Д. Троцкий. Незамедлительно по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов.⁴⁰

25 сентября 1936 г. из Сочи, где Сталин отдыхал, он посылает телеграмму НКВД: «ОГПУ опоздало с репрессиями на четыре года. ...Усилить репрессии против троцкистского блока. ...Изменить руководство НКВД: народного комиссара внутренних дел Ягоду заменить Ежовым».⁴¹

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин выдвинул тезис: «По мере укрепления социализма классовая борьба в СССР обостряется». Этот Пленум дал на места команду о расправе. Террор начался. И заработала в полную мощь «мясорубка» НКВД.⁴²

Что «Операция-37» не была стихийной, а планировалась заранее, об этом говорит тот факт, что во многих тюрьмах Союза проведено было заранее преобразование: из камер убирались койки, строились сплошные двухъярусные и трехъярусные нары.⁴³

В 1937 г. состоялся Второй Московский процесс по делу «параллельного троцкистского центра», и были приговорены к расстрелу Г. Пятаков, А. Серебряков и другие, обвиненные в антисоветской деятельности и шпионаже.

В 1938 г. прошел Третий Московский процесс по делу «антисоветского троцкистского блока», решивший судьбу Рыкова и Бухарина. Штамп «враг народа» ставился на своих и чужих, знакомых и родственников, неграмотных мужиках и академиках.⁴⁴

Главный идеолог Жданов в 1937 г. организовал «Варфоломеевскую ночь» в Башкирии, когда за несколько ночей были уничтожены

⁴⁰ Л. Н. Жарова, И. А. Мишина. История Отечества. М. 1992. С. 300-301.

⁴¹ Известия ЦК ВКП(б). 1990 № 2. С. 30-38

⁴² Книга памяти. Ек. Наука. 1994. С. 68.

⁴³ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 76.

⁴⁴ Л. Н. Жарова, И. А. Мишина. Указ. соч. 1992. С. 301

многие тысячи коммунистов республики. Людей расстреливали, а когда кончились патроны, на убийство арестованных были направлены уголовники. Им вручили ломы. Ближайшие враги Уфы были завалены трупами людей, казненных без суда и следствия. Засекреченность была отработана до совершенства – нигде никто об этом в то время не услышал.⁴⁵

Сотрудники органов ГБ продолжали работу ЧК: вылавливали шпионов и диверсантов, очищали государство от великого множества внутренних врагов, которые старались затормозить шествие страны Советов к счастью и изобилию.

Из месяца в месяц, из года в год вся партия, вся пресса и (так называемая) наука занимались прославлением одной личности – Сталина. Как жили люди, в чем остро нуждались, о чем думали – на эти вопросы никто не отвечал, да и ставить их опасались. Попытка размышлять и сомневаться вызывала мгновенную реакцию сталинской системы, угнетая народ страхом, глухонемой, безволием, помещая за колючую проволоку всех мало-мальски мыслящих, инициативных, добропорядочных.⁴⁶

К «лубянкам» и «бутыркам» тянулись даже днем «воронки», легковые машины, крытые грузовики, извозчики. Арестованных не успевали разгружать и регистрировать. Теперь на ГУЛАГ шли люди с положением, с образованием, с партийным прошлым и настоящим, самые верные партии, самые идейные.

Ольга Чавчавадзе писала: «В Тбилиси в 1938 г. арестовали председателя горисполкома, его заместителя, одиннадцать начальников отделов, их помощников, всех главных бухгалтеров, всех главных экономистов. Назначили новых. Через два месяца вновь арестовали этих. На свободе остались рядовые бухгалтеры, машинистки, уборщицы, курьеры. Также почти были обезглавлены все обкомы, крайкомы и республиканские комитеты партии всей страны. Сталин подбирал себе более удобных»⁴⁷

Например, в Башкирии в 1937 г. были истреблены почти все преподаватели Башкирского института народного образования, цвет национальной интеллигенции.

...Г. Давлетшин – нарком просвещения БАССР, писатель; Муртазин-Иманский – основатель Башкирского драмтеатра; Дыут Юлтаев – редактор газеты «Башкурстан», писатель, драматург.⁴⁸

⁴⁵ Урал (журнал). 1991. № 12. С. 121.

⁴⁶ Там же. С. 123.

⁴⁷ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 76.

⁴⁸ Урал (журнал). 1989. № 1. С. 162.

«Не брезговали и преподавателями школ. В Свердловске создано дело тридцати преподавателей средних школ во главе с их завобло-но Перелем, одно из ужасных обвинений: «Устраивали в школах елки для того, чтобы жечь школы». Из них пятеро замучены на следствии, умерли до суда. 24 умерли в лагерях. Тридцатый, Иван Аристаулович Пунич, вернулся, реабилитирован. Многочисленные «свидетели» по делу в Свердловске были номенклатурными работниками, теперь персональные пенсионеры».⁴⁹

А что в Красной Армии?

Из репродукторов лилось: «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», «Если враг нападет, мы готовы дать отпор». Но... действительность 22 июня показала, что это были только слова.

А на деле...

«В конце ноября 1938 г. состоялся Военный Совет при наркомате обороны. В своем докладе Ворошилов привел страшные вещи: «В 1937-1938 годах мы «вычистили» из Красной Армии более четырех десятков тысяч человек. Только в 1938 г. выдвинуто и перемещено в должностях более 100 тысяч человек! В руководстве армией произошли огромные изменения: из членов Военного Совета при наркомате осталось только 10 человек прежнего состава...» Не трудно пред-ставить, что творилось в округах!

В своем донесении в Москву в начале марта 1938 г. командующий войсками Киевского военного округа С. К. Тимошенко и член Военно-го совета Н. С. Хрущев сообщили как о большом успехе: «Вычищено врагов» из войск округа за год около трех тысяч человек, из них аресто-вано больше тысячи. «Обновлены» практически все командиры корпусов и дивизий. В результате ликвидации троцкистско-бухарин-ских элементов мощь войск округа выросла».⁵⁰

Самое страшное, что террор был обрушен прежде всего на выс-ший начсостав: 41 военачальник, т. е. маршалы, флагманы флота, командиры армий и армейские комиссары, были физически уничто-жены почти полностью: расстреляны, умерли под стражей, покончи-ли жизнь самоубийством. Эту категорию стремились уничтожить под корень, не только самих, но и их близких.

Маршала Тухачевского казнили в июне 1937 г., а в декабре пригово-рили к расстрелу его братьев: старшего Николая, майора запаса, и младшего Александра, военного инженера 2 ранга запаса. В октябре 1941 г. расстреляна жена. Три младшие сестры отправлены в лагеря. В лагере погибла и мать.

⁴⁹ А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 80

⁵⁰ Д. А. Волкогонов. Сталин. М. 1991. С. 553.

Почему такое могло случиться?

«Из архивных документов видно, как изо дня в день НКВД бомбил Наркомат обороны меморандумами о якобы выявленных «военно-фашистских заговорах» в Забайкальском, Закавказском, Кавказском, Ленинградском, Московском, Сибирском, Уральском и др. военных округах, на Балтийском, Северном, Тихоокеанском флотах, на Амурской флотилии. Были вскрыты шпионско-террористические диверсионные организации в политуправлении РККА и Военной Академии генерального штаба, в Омском пехотном училище, в Горьковском бронетанковом училище, Киевском артиллерийском и многих других.

В середине 50-х годов после дополнительной проверки главной военной прокуратурой было доказано, что не существовало ни одной из этих организаций и ни одного из этих заговоров. Все версии были сфабрикованы в НКВД».⁵¹

Если бы нож гильотины беззакония не прошелся по высшему командному составу во второй половине тридцатых годов, не было бы столько жертв в Великую Отечественную войну – это однозначно.

В 1937 г. состоялось несколько Пленумов ЦК партии. На каждом, кроме других проблем, рассматривались и такие как «О составе ЦК ВКП(б)», продолжались чистки высшего партийного органа. Например, на октябрьском Пленуме ЦК партии 1937 г. выведено из ЦК 24 члена и кандидата. Все оказались немецкими шпионами, агентами царской охранки (хотя уж 20 лет Советской власти, их только разглядели) или контрреволюционерами.

К концу 1938 г. из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде, 97, или 70%, были арестованы и в течение 1937-1938 гг. погибли.⁵²

Пенсионеры теперь часто говорят: «При Сталине был порядок». Порядком называлось такое положение, когда гласность и демократия были на нуле, а страна представляла собой гигантский концлагерь, отгороженный от окружающего мира непроницаемой стеной. В этом замкнутом пространстве можно было безнаказанно творить все, что угодно сердцу диктатора и воспаленным мозгам его окружения.

Нас так воспитали: не думать, все, что написано в газете, сказано по радио, принимать за чистую правду; любить свою страну и вождей, которые ведут нас к светлому будущему – коммунизму; быть патриотами Родины, трудиться для нее, приумножать ее богатства; быть бдительными, готовыми отдать жизни за свое Отечество. Из репродукторов слышалось ежедневно:

⁵¹ Аргументы и факты (газета). 1995. № 41.

⁵² Д. А. Волкогонов. Сталин. М. 1991. С. 520-521.

*Нам солнца не надо:
Нам партия светит,
Нам хлеба не надо,
Работу давай!*
(А. Твардовский)

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов.
И, как один, умрем
В борьбе за это.*

*Думай
о комсомоле
дни и недели!*
*Ряды
свои
оглядывай зорче,
Все ли
комсомольцы
на самом деле*
*Или
только
комсомольца корчат?*
(В. Маяковский)

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*
(В. Лебедев-Кумач)

Но только вольно не дышалось людям, а нас это не волновало или волновало мало: «хватают» ежедневно кого-то, увозят в тюрьму, а мы верили: врагов народа. Например, когда прошел третий московский процесс по делу «антисоветского троцкистского блока», приговоривший Бухарина, Рыкова и еще 15 человек к высшей мере наказания, 13 марта 1938 г. газета «Егоршинский рабочий» поместила материал с митингов трудящихся нашего района: трактористов, комбайнеров, служащих Егоршинской МТС – под заголовком «Приговор суда единодушно одобряем»; рабочих шахты «Филипп» – «До конца выкорчем врагов»; рабочих и служащих стройцеха ЕГРЭС – «Суд

выполнил волю народа»; колхозников сельхозартели им. Октябрьской революции – «Приговор суда – приговор народа»; сотрудников управления Егоршинских копей – «Слава советской разведке»; бойцов охраны ЕГРЭС – «Теснее сплотим свои ряды».

По заголовкам этих статей видно, что «одобряем» и впредь одобрим все, как решат поступить с нами Сталин и его окружение. А между тем число арестованных в 1937 г. и в первой половине 1938 г. нарастало из месяца в месяц. Большая часть из них была расстреляна.

События в Егоршинском районе – закономерное отражение того, что происходило в масштабах всей страны. Петр Степанович Соколов рассказал: «Я учился на курсах соцмастеров. Занятия проходили в учебном комбинате на ул. Комсомольской. Готовили не только мастеров, но и электриков, машинистов, кочегаров. Часто бывало, что в конце занятий приходили люди из НКВД и уводили кого-нибудь. Помню, забрали Скутина Василия Федоровича. Детей у него было четверо или пятеро. Домой не отпустили. Так и не вернулся он. Идешь домой и думаешь, за что человека забрали, не заберут ли завтра меня. Страшно было жить».

3 июля 1937 г. на рабочем месте был арестован первый секретарь Егоршинского РК ВКП(б) Федченко Николай Васильевич. Расстрелян 31 июля 1937 г.

22 августа 1937 г. арестован второй секретарь РК ВКП(б) Коржавин Виктор Петрович. Расстрелян.

22 августа 1937 г. арестован председатель Егоршинского райисполкома Ярославцев Дмитрий Алексеевич. Расстрелян.

Секретарь Егоршинского РК ВЛКСМ Сивков, понимая, что его ждет, ушел в лес и застрелился. Его подругу Скутину Валю стали вызывать на допросы в НКВД. Она повесилась.

В 1937 г. были арестованы работники шахтоуправления «Егоршинское»: управляющий, Ефим Яковлевич Упоров, расстрелян; главный инженер, Николай Николаевич Капустин, расстрелян; главный механик, Никандр Павлович Галанин, расстрелян; начальник снабжения, Яков Антонович Олейник, расстрелян.

За одни сутки с 5 на 6 февраля 1938 г. было арестовано 52 человека (на стольких людей сумела я найти документы). Достоверно известно, что 49 из них 10 марта 1938 г. расстреляны. Вот их имена:

Аникин Семен Григорьевич
Брылин Александр Сергеевич
Богачев Семен Андреевич
Васьков Василий Игнатьевич
Голомолзин Дмитрий Федорович

Горохов
Еремина Ульяна Львовна
Емелин Иван Александрович
Жуков Никита Иванович
Загвоздкин Георгий Матвеевич
Зеленко Сигизмунд Вячеславович расстрелян 14 июля 1938 г.
Изотов Семен Константинович
Исаков Николай Павлович
Кожевин Иван Саввич
Кожевин Варлам Андреевич
Корнев Филипп Арсентьевич
Костылев Григорий Савватеевич
Красильников Александр Иванович
Кривых Зиновий Артемьевич
Кривых Андрей Зиновьевич
Лоскутов Павел Петрович
Лыжин Евгений Данилович
Лыжин Павел Данилович
Ломберт Ян Хасанович
Малых Владимир Константинович
Малых Константин Прокопьевич
Нартов Виталий Николаевич
Пестов Петр Иванович
Писчиков Ефим Иванович
Печенкин Сергей Федорович
Савин Александр Иванович
Савин Иван Иванович
Свалов Василий Архипович
Свалов Николай Архипович
Свалов Иван Архипович
Свалов Александр Филиппович
Сивков Иван Устинович
Скутин Елисей Андреевич
Скутин Алексей Павлович
Скутин Петр Игнатьевич
Свалов Никифор Сергеевич
Старков Федор Григорьевич
Тебеньков Алексей Михайлович
Тарасов Николай Никифорович
Устинов Семен Александрович
Уваров Александр Аркадьевич
Цветков Ананий Сергеевич

Черемных Иван Емельянович
Шастов Трофим Архипович
Шомин Гаврил Семенович.

В одну ночь с 5 на 6 февраля были арестованы и в одну ночь 10 марта 1938 г. расстреляны братья Лыжины:

Павел Данилович, 1899 г. р., – слесарь шахты им. Кирова,
Евгений Данилович, 1912 г. р., – слесарь шахты «Бурсунка»;
братья Сваловы:

Николай Архипович, 1897 г. р., – плотник стройцеха ЕГРЭС,
Василий Архипович, 1902 г. р., – забойщик шахты им. Кирова,
Иван Архипович, 1907 г. р., – буровой мастер геологоразведки;
братья Писчиковы:

Ефим Иванович, 1867 г. р., – крестьянин,

Степан Иванович, 1870 г. р., – сторож свинофермы колхоза им. Калинина с. Покровского арестован 27 января 1938 г.

отец и сын Кривых:

Зиновий Артемьевич, 1888 г. р., – грузчик угля шахты им. Кирова,
Андрей Зиновьевич, 1912 г. р., – кочегар ЕГРЭС;

отец и сын Малых:

Константин Прокопьевич, 1882 г. р., – колхозник колхоза им. Декабристов с. Мостовского,

Владимир Константинович, 1911 г. р., – слесарь ЕГРЭС.

Арестованы в разное время:

братья Пановы:

Николай Петрович, 1892 г. р., – пенсионер. Расстрелян.

Михаил Петрович, 1888 г. р., – счетовод Ирбитского железопрокатного завода. Погиб.

Братья Жганьяр:

Валентин Иванович, 1890 г. р., – бригадир цеха обработки руд. Расстрелян.

Артур Иванович. 1903 г. р., – старший экономист локомотивного депо ст. Егоршино. 10 лет ИТЛ. Погиб.

Франц Иванович – железнодорожник, погиб.

Братья Савины:

Александр Иванович, 1895 г. р., – главный механик шахты им. Кирова. Расстрелян.

Иван Иванович, 1897 г. р., – начальник ремонтно-механического цеха Егоршинской ГРЭС. Расстрелян.

Братья Чебаковы:

Иван Иванович, 1887 г. р. Прошел через Соловецкий лагерь, но вернулся.

Степан Иванович, 1888 г. р., – мастер инструментального цеха вагоноремонтного пункта ст. Егоршино. Расстрелян.

Братья Фадеевы:

Александр Афанасьевич, 1887 г. р., – токарь. 10 лет ИТЛ. Погиб.

Андрян Афанасьевич, 1885 г. р., – слесарь Егоршинской МТС. 10 лет ИТЛ. Погиб.

Братья Синюхины:

Алексей Ефимович, 1903 г. р.

Федор Ефимович, 1901 г. р. Оба отбывали по 10 лет ИТЛ, вернулись.

Мужей расстреляли, а жен изменников Родины ссылали в исправительно-трудовые лагеря на 5 лет. Так как пять лет истекли, а война не закончилась, срок продляли до конца войны. Женщины пребывали в ИТЛ по 8-10 лет, а многих оставляли на поселение без права выезда.

Галанин Никандр Павлович расстрелян. Его жена Анна Евдокимовна отбывала срок в Темниковских лагерях жен изменников Родины 8 лет.

Юдаков Андрей Яковлевич расстрелян. Жена Красавина Ольга Андреевна отбывала срок в Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИР). Оставлена на поселение без права выезда.

Пушкарёв Степан Леонидович расстрелян. Жена Пушкарева Елена Михайловна отбывала срок на Колыме 8 лет. Умерла в Магадане.

Гордеев Семен Алексеевич расстрелян. Жена Гордеева Галина Александровна отбывала 8 лет в ИТЛ.

Барышников Иван Семенович расстрелян. Жена Пузанова Анастасия Степановна отбывала срок в ИТЛ 8 лет.

Муж Кочетовой Валерии Владиславовны расстрелян, а она, жена врага народа, отбывала 10 лет в ИТЛ в бухте Золотой Рог.

За что этих людей арестовывали и расстреливали или отправляли в лагеря, где выживали единицы, а остальные гибли при 11-12-часовом рабочем дне от тяжелого ручного труда, сверхскудного рациона, замерзали от жуткого холода в землянках и старых бараках, где свирепствовали авитаминоз, цинга, дизентерия, тиф?⁵³

Например:

Ламберт Ян Хасанович, образование среднее специальное, начальник вентиляции шахты им. Кирова, «являлся участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, существовавшей на Егоршинских колях, и производил вредительскую деятельность». Расстрелян.

Лыжин Павел Данилович, малограмотный слесарь этой же шахты, «являлся руководителем контрреволюционной, диверсионно-по-

⁵³ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 76.

встанческой организации, ...вербовал контрреволюционно-повстанческие кадры и совместно с ними проводил диверсионные акты на шахте им. Кирова». Расстрелян.

Его брат, Лыжин Евгений Данилович, грамотный, слесарь шахты «Бурсунка», «являлся участником диверсионно-повстанческой организации, ставившей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания». Расстрелян.

Еремина Ульяна Львовна, 1889 г. р., чернорабочая на шахте «Бурсунка», «вела контрреволюционную агитацию». Расстреляна.

Малых Константин Прокопьевич, колхозник колхоза им. Декабристов Мостовского сельсовета «являлся участником контрреволюционной повстанческо-вредительской организации, существовавшей на территории Егоршинского района, и ставил своей задачей поднятие вооруженного восстания в период вступления СССР в войну и совершение вредительских актов в колхозах с целью подрыва обороноспособности и экономической мощи страны». Расстрелян.

Доможиров Александр Пегасьевич, крестьянин села Б-Трифоново, «участвовал в покушении на Кирова», только не знал, кто такой Киров. Били и мучили до тех пор, пока не подписал, что действительно член террористической организации, совершившей убийство Кирова. Итог – 21 год исправительно-трудовых лагерей: 1 год – Мугай, Азанка – 5 лет, Горький – 10 лет, север Красноярского края – 5 лет.

Анна Дмитриевна Евдокимова, студентка Ирбитского педучилища, «распространяла контрреволюционные записки, листовки, портила портреты руководителей ВКП(б) и Советского правительства, а также высказывала контрреволюционные взгляды». Ссылка в Кировскую область.

Налимов Захар Иванович, колхозник деревни Налимово, спел частушку:

*Ленин Сталину сказал:
«Пойдем, Сталин, на базар,
Купим лошадь карюю,
Прокатим пролетарию».*

А вот как в КГБ или НКВД узнали, что Налимов Захар Иванович в своей родной деревне, в своем родном доме, в кругу близких людей, которых пригласил к себе в гости, спел такую частушку?

В тридцатые годы массовое распространение получил безнравственный метод «компромагов», вынуждавший людей к доносительству и провокациям. Было много добровольных осведомителей, которые весьма охотно сочиняли доносы на честных людей. Но были и «помощники», сломавшиеся под пытками и сделавшие свой выбор между смертью и доносительством.

Мне призналась одна пенсионерка, что ее отец и мать были арестованы, а ей НКВД дал задание следить за соседом и доносить. Следила, записывала, когда вышел из дома, когда пришел, уходил ли куда, кроме работы, с кем встречался, кто к нему приходил и т. п. Сообщала в НКВД. Люди, боясь ареста, выполняли просьбы НКВД. А потом человека хватали, и он обвинялся в том, что являлся членом контрреволюционной, диверсионно-повстанческой организации, якобы существовавшей на территории Егоршинского района. Одни «вели» контрреволюционную пропаганду и агитацию, другие «совершали» диверсионные акты.

Доказательства? Осведомитель сообщал: уходил вечерами куда-то. А куда ходить? Есть семья – сиди дома. А он уходил. К нему кто-то приходил. Злые домыслы: плохие дела – ясно.

Абсурд? Конечно, абсурд. Это теперь нам понятно и удивляет, как можно до этого додуматься: теперь, когда мы успели «вдохнуть» воздуха демократии. А тогда? Боялись и думать, что это чушь, что кто-то может сочинить подобную ахинею, именно сочинить. Раз написано, значит, было, правда, и никаких сомнений быть не может.

Разве мы могли подозревать, что наша родная Свердловская область представляет собой сеть концентрационных лагерей? А на основании чего могли возникнуть подозрения, если пресса не сообщала, а мы дальше районного центра не бывали, значит, «дальше своего корыта» ничего не видели. Ведь не было свободного проезда даже в наш областной центр – город Свердловск. Я в 1938-1941 гг. училась в Ирбитском педучилище. Только будучи студенткой последнего курса впервые побывала в Свердловске как делегат областной конференции. Билеты на пассажирский поезд, который проходил раз в сутки маршрутом Тавда-Свердловск, без командировочного удостоверения продавались только до станции Монетная. А дальше, если желаешь посетить областной центр с целью, например, купить ситца детям на белье (у нас в свободной продаже никакой ткани не было ни метра), иди пешком до Свердловска 40 км. Также и домой возвращайся с покупками: пешком от Свердловска до ст. Монетная, а дальше поездом.

Вы можете подумать: «Сходила бы в библиотеку, почитала что-нибудь для расширения кругозора. Но... была в педучилище библиотека, которая умещалась в маленькой комнатке. Я однажды постояла там на пороге, но, кроме толстых томов Ленина и Сталина в хорошем переплете, никакой литературы не увидела. Готовиться к урокам ходили в городскую библиотеку, так как в общежитии условий для этого не было. Там читали газеты. Вся информация черпалась из сообщений радио и газет. А в них: «Гляди зорче: враг не дремлет», «Раскрыт

новый параллельный троцкистско-зиновьевский центр», «До конца выкорчем врагов Советской власти», «Шпионы и убийцы», «Подлейшие из подлых», «Троцкистская шайка реставраторов капитализма», «Мы построим социализм, и никакой кризис нам не грозит». И все в этом роде. «Непрекращающийся массаж» общественного мнения давал свои плоды: люди негодовали, узнав о подлости того, кто так долго маскировался.

Кульминация массового террора пришлось на первую половину 1938 г. В последние месяцы этого года вакханалия пошла на спад. Главная цель была достигнута: страна сломлена, люди оцепенели от страха и взаимных подозрений. Теперь для поддержания молчаливой покорности аресты проводились, но реже. Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В лагеря отправлялось ежегодно до миллиона человек. Но неистовство 1936-1938 гг. больше не повторялось». ⁵⁴

Мне удалось ознакомиться с «Делами» нескольких политзаключенных. Волосы встают дыбом, как прочитаешь, какие обвинения они себе подписывали! Если представить себе, что следователь записывал с их слов действительно чистосердечный рассказ, то можно решить, что их обязательно надо наказывать.

Но... ничего из того, что было ими подписано, они не только не сделали, но и на уме не держали. Это все фабриковалось следователями. К. К. Азнабаев рассказал в статье «Все выдержал... и в народ своей верю»: «Следователь Соснов целую ночь держал в подвале, а сам писал... Начал допрос:

– Вы арестованы как участник контрреволюционной националистической организации, существовавшей в Башкирии с 1930 г. Признаете себя виновным?

Тут же сам написал: «Да, я действительно состоял и входил в ее руководящий центр».

– Какова ваша практическая деятельность? Кого еще завербовали?

Ответ:

– С 1930 г. я вел активную контрреволюционную деятельность, направленную на отрыв Башкирии от СССР и образование буржуазной республики, под протекторатом Германии, Японии.

– Подпиши!

– Нет, не подпишу.

Держал пять суток голодом. Потом конвейерный допрос: «игра в мяч» – швыряют из стороны в сторону:

⁵⁴ Р. Конквест. Указ. соч. Т. 2. С. 285-306.

– Подпиши!⁵⁵

«Главная причина, по которой подследственные подписывали любой абсурд следователей, выяснилась на июльском Пленуме ЦК 1957 г., где Молотов и Каганович признали существование секретного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 1937 г., где органам НКВД разрешалось применение «физических сил воздействия». Механизм добывания признательных показаний был таков, что... доведенные до отчаяния подследственные иногда «выдавали» явно вымышленных сообщников».⁵⁶

Следователи Егоршинского райотдела НКВД, видимо, заручившись таким документом, действовали решительно, трудились усердно, выискивая членов диверсионно-повстанческой контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания, действовавшей на территории Егоршинского района.

Сигизмунд Иванович Сидорович рассказывал: следователь под дулом пистолета заставлял его подписать, что он, С. И. Сидорович, – польский шпион.

Яков Антонович Олейник послал из застенков райотдела НКВД тайно своей жене пять писем. В одном из них написано: «На себя клеветать и придумывать себе обвинительный материал – такова постановка дела. Таково положение, и от судьбы не уйдешь, «запираться» бесполезно».

Этот документ доказывает, что арестованным не только приходилось подписывать плод фантазий следователя, но и помогать ему сочинять на себя компрометирующий материал, а потом его подписать, тем самым подписать себе смертный приговор. Даже в произведениях какого-нибудь фантаста вряд ли можно найти такой абсурд, чтобы люди фабриковали сами на себя уголовное дело. А у нас в Егоршинском райотделе НКВД в тридцатые годы практиковалось и такое.

Когда я знакоилась с «Делами» некоторых «врагов народа» нашего шахтоуправления, будучи убежденной, что следователи сами фабриковали эти «Дела», удивлялась тому, как хорошо они знают шахтное дело и наши шахты. Это письмо Я. А. Олейника мне «раскрыло» глаза, стало ясно, что подследственные были поставлены в такое положение, что вынуждены были на себя наговаривать, как они якобы «действовали» в шахте.

Судя по «Делам» бывших работников шахтоуправления, больше всех других подследственных «наговорил» не только на себя, но и на

⁵⁵ Урал (журнал). 1989. № 1. С. 161.

⁵⁶ Аргументы и факты (газета). 1995. № 41.

других Н. Н. Капустин. Иначе и быть не могло, ведь он был главным инженером шахтоуправления. Значит, по долгу службы должен был знать о делах всех подчиненных. А если учесть, что он раньше работал в Кизеле и в Кузбассе, знал все начальство тех копей, комбината «Свердловуголь», то станет понятно: Н. Н. Капустин – просто клад для фантазии следователей, тут уж они «поизошрялись».

Была и другая, на мой взгляд, веская причина тому, что подследственные могли оказывать помощь следователю в «сочинении» на них «Дел». Ее мне рассказали те, кто прошел через все «муки ада» и вернулся. Например, Н. И. Садоматников. Следователи говорили ему: «Подпишешь, что совершал диверсии и участвовал в контрреволюционной деятельности – будет суд, и ты оправдаешься на суде. Не подпишешь – 5 лет лагерей». Вполне возможно, что некоторые «клевали» на такую приманку. Возможно, и Н. Н. Капустин поверил. Имея много друзей и знакомых на комбинатах «Кузбассуголь» и «Свердловуголь», называл имена самого высокого начальства этих комбинатов, надеясь, что на суде эти люди помогут ему оправдаться. А следователю только это и надо было: подписал – подписал приговор себе. Понятно, что ни о каком оправдании на суде не могло быть и речи.

Протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 июля 1937 г. гласил: «Осудить Н. Н. Капустина по ст. 58 (8, 9, 10) УК РСФСР. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, с применением Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.». Вот и оправдайся Капустин: «Без вызова свидетелей, с применением «Постановления».

А это постановление гласит: «Приговор подлежит немедленному исполнению». Значит, нет никакой возможности обжаловать решение суда. Заметьте, протокол подготовительного заседания уже определил меру наказания подсудимому. Хотя и не написано прямо о высшей мере наказания, но сказано: «С применением Постановления».

Н. Н. Капустин в день суда 1 августа 1937 г. был расстрелян.

Третья причина подписания подследственными любого абсурда мне стала ясна опять же из письма А. Я. Олейника жене: «Многие здесь сидящие выбрали путь ускорения процесса путем признания себя виноватыми».

Почему? Тоже надеялись, что оправдаются на суде? Возможно. Но, скорее всего, я думаю, потому, что поняли: если тебе предъявлено обвинение по 58 статье, доказать обратное было почти невозможно, хоть подписывай, хоть не подписывай. Быстрее подпишешь – быстрее наступит развязка. Меньше мук примешь.

Безусловно, были такие, что никакого абсурда не подписывали. Одним хватало мужества все вытерпеть, а другим попали более порядочные следователи, хотя таких, приходится думать, было немного. Следователю надо было «выслужиться», чтобы самому «не загреметь». Но и они попадали туда. И как раз те, что чересчур рьяно «служили», т. е. вели следствие преступными методами.

Например, в числе следователей, которые «вели следствие» по делу «врагов народа» Егоршинского района, были С. А. Кричман, А. М. Поряшкин, Боярских. Поряшкин расстрелян, а Кричман и Боярских «за нарушение соц. законности» осуждены по ст. 378 УПК. Бывший начальник УНКВД – председатель Тройки – Дмитриев (Плоткин) расстрелян.⁵⁷

Таких следователей УНКВД Свердловской области, как Кричман, Поряшкин, Боярских и др. понять невозможно, но все-таки в их руки попадали «Дела», уже «сшитые» в Егоршинском райотделе НКВД, в которых написано, какие ужасные преступления совершали «враги народа» в Егоршино да «готовили кадры для поднятия вооруженного восстания», и эти «преступники» сами сознались в своих деяниях. Как их прощать? Но как понять тех, кто хватал своих соседей, бывших друзей или знакомых, искусно «стряпал» на них «Дела», обвиняя их в чудовищных преступлениях, зная, что никакой вины за ними нет?!

У нас в 1936-1938 годах города еще не было, были отдельные небольшие поселочки около шахт и на станции Егоршино, где почти все друг друга знали. Эти энкавэдэшники порой жили под одной крышей, ходили по одним дорожкам с теми, кого потом мучили; порой кланялись перед ними, а перед такими, как первый или второй секретари РК ВКП(б), председатель райисполкома, начальник шахты или шахтоуправления, начальник отделения дороги, уж точно, раскланивались. А потом взяли так просто сотни их «замели», предали мукам, вдоволь натешились, «сшили» на них «Дела» и, зная, что это не правда, а плод их фантазии, заставили подписать и отправили на верную смерть; их жен сделали вдовами или отправили в лагерь, детей осиротили. Не менее ужасно то, что эти «друзья народа», сделав черное дело, продолжали и дальше здесь жить, горе вдов и сирот созерцать со спокойной совестью.

Документами, доказывающими, что сотрудники Егоршинского райотдела НКВД умели заставлять подсудимых подписать себе смертный приговор, являются не только письма Я. А. Олейника, тайно пересланные жене из Егоршинского РО НКВД (читатель с ними оз-

⁵⁷ Управление КГБ по Свердловской области. 31.03.92. № 16 (А-517) – ответ Анохину Сергею Ивановичу

накопится позднее), но и копия заключения по архивно-следственному делу № 116 018 компетентной комиссии, которая после XX съезда КПСС пересматривала «Дела» осужденных по статье 58.

«Заключение по архивно-следственному делу № 116 018 от 24 февраля 1956 года, г. Свердловск.

Я, старший следователь следственного отдела Управления КГБ при СМ СССР по Свердловской области, капитан Урусов, рассмотрев в связи с жалобой родственников материалы архивно-следственного «Дела» № 116 018 по обвинению:

Жукова Никиты Ивановича, 1890 г. р., ...до ареста работавшего техником-строителем ЕГРЭС;

Цветкова Анания Сергеевича, 1903 г. р., ...работавшего начальником цеха теплоподдачи ЕГРЭС;

Костылева Григория Савватеевича, 1898 г. р., ...работавшего начальником коммунального отдела ЕГРЭС;

Красильникова Александра Ивановича, 1913 г. р., работавшего помощником начальника котельного цеха ЕГРЭС;

Нартова Виталия Николаевича, 1917 г. р., работавшего теплотехником ЕГРЭС;

Васькова Василия Игнатьевича, 1901 г. р., работавшего слесарем ремонтно-технических мастерских ЕГРЭС;

Лоскутова Павла Петровича, 1914 г. р., работавшего инженером техотдела ЕГРЭС;

Тарасова Николая Никифоровича, 1919 г. р., работавшего дежурным электромонтером ЕГРЭС;

Савина Ивана Ивановича, 1897 г. р., работавшего начальником ремонтно-механического цеха ЕГРЭС;

Свалова Николая Архиповича, 1897 г. р., работавшего плотником стройотдела ЕГРЭС;

Свалова Ивана Архиповича, 1907 г. р., работавшего бетонщиком ЕГРЭС;

Свалова Василия Архиповича, 1910 г. р., работавшего слесарем механических мастерских ЕГРЭС;

Малых Владимира Константиновича, 1911 г. р., работавшего слесарем механических мастерских ЕГРЭС.

Перечисленные лица арестованы бывшим Егоршинским РО НКВД Свердловской области 6 февраля 1938 г. без санкции прокурора (л. д. 60, 76, 82, 92, 99, 108, 116, 134, 152, 161, 182, 247).

В обвинительном заключении по делу указывается, что все они входили в состав контрреволюционной организации, существовавшей на Егоршинской ГРЭС, ставившей перед собой задачу подготов-

ки кадров для поднятия вооруженного восстания в период вступления СССР в войну и совершение диверсионных актов на электростанции с целью подрыва обороноспособности страны.

Участники означенной организации проводили на ЕГРЭС систематическую подрывную работу по выводу из строя агрегатов, поломки оборудования и расстройству нормальной работы станции (л. д. 254 и об.).

Решением Тройки УНКВД по Свердловской области 26 февраля 1938 г. все арестованные по данному делу лица осуждены к расстрелу (л. д. 255-267).

Материалами архивно-следственного дела и дополнительной проверки устанавливается следующее:

Обвинения в принадлежности к контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации Цветкова, Костылева, Нартова, Васькова, Лоскутова, Тарасова, Малых, Свалова Н. А., Свалова В. А., Свалова И. А., Савина основывались на их личных признаниях, которые никакими другими доказательствами не подтверждены. Цветков и Красильников обвинялись в этом на основании показаний других осужденных по настоящему делу лиц и показаний арестованного по другому делу Скутина.

Просмотром архивно-следственного дела по обвинению Скутина установлено, что он впоследствии от этих своих показаний отказался (л. д. 19, 96-104).

В показаниях осужденных указывается, что Жукова в контрреволюционную организацию завербовал агент польской разведки Олейник, Костылева и Савина – Бабкин А. Я., Васькова, Лоскутова и Нартова – Горохов;

Свалова Н. А. – Макаров; Свалова В. А. – Ипатов;

Тарасова – Бондарев.

В числе участников контрреволюционной организации они назвали Дубровина, Дудик, Сяновского, Капустина, Савицкого, Печенкина, Тетелина, Лыжина, Сапельникова, братьев Козловских и Гольст Р. (Т. 1. л. д. 65-75, 80-81, 86-91, 96-98, 104-107, 112-115, 120-133, 139-142, 147-151, 156-160, 165-168).

Эти показания не могут быть приняты за достоверные доказательства в силу следующих обстоятельств:

Олейник, Горохов, Макаров, Ипатов, Бондарев, будучи арестованными раньше, никаких показаний в отношении осужденных по настоящему делу не дали. (Т. 3. л. д. 105-106, 107-111, 204-205, 203).

Бабкин А. Я., который якобы завербовал в контрреволюционную организацию Костылева и Савина, вообще к уголовной ответствен-

ности не привлекался и, будучи допрошен в 1956 году в качестве свидетеля, показал, что участником контрреволюционной организации он никогда не был и о преступной деятельности Костылева и Савина ничего не знает. (Т. 1. л. д. 48-49, Т. 2. л. д. 124-129).

Названные осужденными как участники контрреволюционной организации Дубровин, Сапельников и Гольст Р. также к уголовной ответственности не привлекались. (Т. 2. л. д. 12-14, 19, 197).

Лыжин, Капустин, Печенкин, Савицкий были арестованы в 1937-1938 гг., однако по их показаниям никто из осужденных по настоящему делу не проходит. Дело в отношении Савицкого было прекращено за недоказанностью состава преступления.

Привлекались ли к уголовной ответственности Дудик, Сяновский, Тетелин, Задира и братья Козловы, проверить не представилось возможности вследствие отсутствия на них установочных данных.

Обвинения в диверсионно-вредительской деятельности также основывались главным образом на показаниях самих осужденных и показаниях одного свидетеля Войстрого Б. И.

Жукову вменялось в вину то, что он вредительски проводил строительство бани-прачечной в г. Артемовском. Проверкой установлено, что в 1936-1937 гг., когда Жуков являлся руководителем строительства этого объекта, оно было законсервировано из-за отсутствия финансирования, (л. д. 24, 26).

Остальные лица обвинялись в поломке и расстройстве нормальной работы ЕГРЭС.

Допрошенные в 1955-1956 годах свидетели Дубровин, Скутин И. И., Кожевин И. М., Косе М. г., Симахин А. М., Сызганов П. А., Савицкий Е. Н., Ценников А. С, Мельницын А. Н., Бабкин А. И., Ведерников г. Н., Кожевин А. Е., Мухачев П. И., Козлов Н. М., Шамрикова, Трофименко, Баран Ф. П., Наумчук А. И., Павленко Д. К., которые хорошо знали осужденных по работе на Егоршинской ГРЭС, показаний о их преднамеренной деятельности по выводу из строя оборудования и расстройству нормальной работы электростанции не дали.

Передопрошенный в 1955 году свидетель Войстрый Б. И. от своих показаний, которые он давал на следствии в 1938 г., отказался, заявив, что они были сформулированы допрашивавшим его следователем. О преступной же деятельности осужденных ему ничего не известно. (Т. 1. л. д. 56-59, т. 2. л. д. 72-77).

В архивах УКГБ и УМВД Свердловской области компрометирующих материалов на осужденных не имеется (Т. 2. л. д. 118-130).

Таким образом, следует считать, что Жуков, Цветков, Костылев, Нартов, Васьков, Лоскутов, Тарасов, Малых, Свалов Н. А., Свалов В. А.,

Свалов И. А., Савин и Красильников были арестованы и осуждены в 1938 году без достаточного на то основания.

Исходя из вышесказанного, полагал бы:

Возбудить ходатайство перед военным прокурором Уральского Военного округа о внесении протеста в Военный трибунал УралВО об отмене решения б./Тройки Свердловской области от 26 февраля 1938 г. в отношении:

Жукова Никиты Ивановича,
Цветкова Анания Сергеевича,
Костылева Григория Савватеевича,
Красильникова Александра Ивановича,
Нартова Виталия Николаевича,
Васькова Василия Игнатьевича,
Лоскутова Павла Петровича,
Тарасова Николая Никифоровича,
Савина Ивана Ивановича,
Свалова Николая Архиповича,
Свалова Ивана Архиповича,
Свалова Василия Архиповича,
Малых Владимира Константиновича

и прекращении дела за недостаточностью доказательств их вины.

Ст. следователь УКГБ при СМ СССР по Свердловской области капитан Урусов.

Согласен: начальник следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Свердловской области
подполковник Голубь.

Частное определение

Военного Трибунала Уральского Военного округа.

В составе председательствующего гв. полковника юстиции Вальца и членов: полковника юстиции Сострова и подполковника юстиции Коноплева 6 апреля 1956 года по делу Жукова Н. И., Цветкова А. С. и др., всего 13 человек.

Установил:

Жуков Н. И., Цветков А. С. и др., всего 13 человек, на основании постановления Тройки при УНКВД Свердловской области от 26 февраля 1938 г. были расстреляны.

Определением Военного Трибунала УрВО от 6 апреля 1956 г. данное постановление Тройки было отменено и дело на Жукова и др. лиц, как сфальсифицированное органами следствия, прекращено за отсутствием в действиях состава преступления.

Имея в виду, что аресты Жукова Н. И. и др. лиц, а также следствие по их делу проводил с грубым нарушением социалистической закон-

ности быв. начальник Егоршинского РО НКВД Свердловской области Николаев,

определил:

О вышеизложенном довести до сведения военного прокурора УрВО для привлечения Николаева к ответственности.

Председательствующий.

№ 1612».

Из этого документа следует: эти 13 граждан Егоршино в том, что они являлись членами контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации и вели диверсионно-вредительскую деятельность, признались лично. В их делах никаких других доказательств их вредительской деятельности нет. Это говорит о том, что в нашем родном Егоршинском районе сотрудники НКВД во главе с начальником использовали такие методы ведения следствия, благодаря которым умели заставить людей подписать себе смертный приговор.

Все видели зияющую пропасть между речами власть предержащих: Сталина, Молотова, Маленкова, Кагановича, Жданова – о завершении построения социализма, о расцвете советской демократии, о счастливой жизни трудящихся и суровой действительностью.

Наивные пытались проинформировать Сталина, подсказать, что на местах не все ладно. Их быстро вылавливали и расправлялись с ними по политической статье за клевету на советскую действительность органы государственной безопасности.⁵⁸

Г. Сулейманов в статье «За семью печатями» рассказал о Хазиеве, инвалиде Отечественной войны, без руки, который написал письмо на имя Сталина буквами из отрывного календаря: «В Ижевске вроде нет Советской власти, инвалиды войны вынуждены нищенствовать, потому что на работу их не берут, в выписке дров отказывают, хоть замерзай. За что же кровь проливали, если фронтовиков за людей не считают».

Этот крик души – преступление. Судил Хазиева Военный трибунал Уральского военного округа. Приговор: 25 лет ИТЛ строгого режима, 5 лет поражения в правах после отбытия срока.⁵⁹

Яков Набатов в статье «Наказание без преступления» рассказывает, как он отбывал срок в Ингашском лагпункте: «Сибирские зимы известны лютыми морозами и глубокими снегами. Бывало за ночь метели заметали все пешеходные дорожки и снегом заносило окна барачков. Подавляющая часть заключенных была врагами народа

⁵⁸ Урал (журнал). 1991. № 12. С. 124.

⁵⁹ Урал (журнал). 1991. № 12. С. 115.

(т. е. настоящие большевики), но в зоне властвовали «урки» – опытные уголовники, на стороне которых была грубая сила, жестокость, коварство и лучшая организованность. Мы часто страдали от «друзей народа», которым сходило все.

22 июня 1941 г. радио во дворе на столбе передало о начале войны. Его тут же отключили и больше никогда не включали. Но люди встали добровольно на стахановскую вахту. Среди первых стахановцев на каторге были большевики:

С. И. Канатчиков – член партии с 1898 г.,

М. Я. Апсе – член партии с 1912 г., бывший комиссар 2-го армейского корпуса,

А. А. Селичев – первый секретарь Коми обкома партии Северного края,

В. П. Алексеев-Железняк – секретарь советского посольства в Токио,

С. П. Ротманов – секретарь Архангельского обкома партии, С. И. Лазарев – нарком здравоохранения Армении,

М. К. Григорьев – член правления Госбанка СССР, А. Н. Брандин – член ЦК ВЛКСМ, секретарь Калининского обкома комсомола, и другие славные сыны нашей Родины.

Тяжелые условия каторги с началом войны ухудшились резко: отменили воскресенья, сократили рацион, а режим усилили. Люди надорвали здоровье.

Большинство каторжных стахановцев схоронили в первую же военную зиму. Героев каторги хоронили без гробов и одежды, голые трупы, которые на вахте охрана прокалывала штыком, чтобы не вывезли кого-нибудь из зоны лагеря еще живым. ...В Ингашском лагере погиб поэт Константин Николаевич Алтайский, автор нескольких сборников стихов, романов и очерков». ⁶⁰

К. К. Азарбаев отбывал наказание в Верхнетавдинском лагере. Он рассказывает об условиях жизни и работы в нем: «Работали на лесоповале по 14-16 часов. В пять утра подъем, долгая перекличка, и под конвоем гуськом идем три-четыре километра до лесосеки. Норма на человека 18 фестметров, т. е. 24 кубометра древесины. Выполнить эту норму невозможно, поэтому нам, как невыполнившим ее, полагалось только 200 граммов хлеба. С голодухи и непомерного труда за полмесяца из бригады в 31 человек уцелело трое, в том числе я. ...Шаг вправо, шаг влево из колонны расценивался как попытка к бегству. Конвоир применял оружие без предупреждения. Нагнулся за земляничкой или пробовал закурить – тоже получай. Как правило,

⁶⁰ Урал (журнал). 1990. № 3. С. 142-149.

бригадиром назначался «урка», уголовник. Мы – «враги народа», а уголовники – «друзья народа».⁶¹

А. Ципко в ст. «Превратности чистого социализма» пишет: «Такие муки ада, через которые народ прошел в тридцатые годы, можно было оправдать только чем-то исключительным, – например, соблазном создания того, чего никогда не было у других».⁶²

⁶¹ Урал (журнал). 1989. N11. С. 164.

⁶² Наука и жизнь (журнал). 1988. № 12. С. 40.

Красильников Александр Иванович

А. И. Красильников родился в 1913 г. в Калужской области. В 1920 г. в России был страшный голод, и семья перебралась на Урал, прибилась в Егоршино. Отец Иван Васильевич работал каменщиком на копях, а семью определил жить в деревне Налимово, так как на копях квартиру для семьи снять было просто невозможно. Да и в Налимово сначала на краю деревни вырыли землянку, в ней и жили первое время. Когда люди убедились в порядочности семьи, приняли на квартиру.

Старший сын Саша после окончания начальной школы стал учиться в Покровской семилетке. В 1930 г. отец умер, и семья осталась на иждивении Саши, о чем свидетельствует справка, данная в 1932 г. Шогринским сельсоветом, когда Саша поступал в Свердловский индустриальный техникум: «На иждивении Красильникова А. И. находятся семь человек: мать, брат Иван – 16 лет, сестра Марфа – 12 лет, сестра Клавдия – 10 лет, брат Яков – 9 лет, сестра Татьяна – 8 лет, сестра Анна – 3 года. Имущества семья совершенно никакого не имеет, живут только на пенсию 29 рублей, которую им дают за умершего отца».

При огромных материальных трудностях Александр в 1935 г. окончил техникум и стал работать на Егоршинской ГРЭС теплотехником. Получив квартиру на улице Ленина, перевез к себе мать со всеми детьми. Александра все братья и сестры любили и слушались, как отца.

Александр Иванович к работе относился очень серьезно. 25 октября 1935 г. в Свердловске проходил слет молодых стахановцев области. Александр был делегатом от коллектива электростанции, хотя работал на предприятии только несколько месяцев. Газета «Егоршинский рабочий» писала о нем: «Александр Красильников недавно окончил техникум, но уже показал себя как умелый организатор производственных процессов, умелый руководитель. Его смена дает крупную экономию топлива при общем перерасходе топлива на станции. Подача пара сменой Красильникова идет равномерно, без перебоев. Аварий в его смене нет».

В последних числах ноября 1935 г. проходит областное совещание стахановцев. От Егоршинской ГРЭС делегатом едет Красильников. А газета «Егоршинский рабочий» пишет: «Красильников А. И. – дежурный теплотехник. Его смена октябрьский план выполнила на 103%. Сэкономлено 57 тонн топлива. В его смену впервые электростанция приняла рекордную нагрузку – 22,7 тысячи киловатт-часов. Это молодой, энергичный комсомолец». В день областного совещания газета «Уральский рабочий» на первой странице напечатала его портрет с подписью: «А. И. Красильников – организатор стахановского движения на Егоршинской ГРЭС».

За 1935-1937 г. наша местная газета восемь раз печатала материалы об Александре Ивановиче, хорошем производственнике, прекрасном организаторе, активном комсомольце. Но Александр хотел, чтобы не только он сам и его смена хорошо трудились, но и все службы электростанции выполняли производственную программу. Об этом он писал в районной газете так: «Руководству нашей электростанции нужно крепко усвоить задачи, выдвинутые решением последнего пленума обкома партии, организовать борьбу за внедрение стахановского метода. Я призываю всех инженеров и техников ЕГРЭС взяться за учение и внедрение новых методов работы, поставить наше предприятие в число передовых промышленных предприятий области».

В ночь с 5 на 6 февраля 1938 г. А. Красильников был арестован. Когда его повели, младшие сестры бежали следом, хватались за него, отталкивали конвоиров, плакали и кричали: «Куда повели Сашу?! Уходите! Оставьте Сашу!».

Больше мать, молодая жена, сестры и братья Сашу не видели и ничего о нем не узнали. Хотя жена несколько раз ездила в Свердловск, свидания не давали.

Этой большой семье приказано было за 24 часа освободить квартиру. Все стали членами семьи врага народа. Вести в поселке разносятся быстро. Когда пятнадцатилетний брат Яша пришел в школу, учительница географии, войдя в класс, заявила: «Дети, будьте осторожны, у вас в классе есть брат врага народа». Яшу сразу парализовало, перекошилось лицо.

10 марта 1938 г. Александр Иванович Красильников был расстрелян. Ему было 24 года.

6 апреля 1956 г. дело по обвинению Александра Ивановича Красильникова было пересмотрено Военным трибуналом Уральского военного округа. Он был реабилитирован посмертно. Татьяне Ивановне Красильниковой, матери Саши, сообщили: «Ваш сын умер от паралича сердца». Только в 1991 г. брат Яков Иванович и сестры, Та-

тьяна Ивановна и Клавдия Ивановна, узнали, что он был расстрелян и где кладбище расстрелянных.

Яков Иванович Красильников, ветеран Великой Отечественной войны, начальник производства Уралхиммаша, посетил это кладбище и написал стихотворение «На 12-м километре»:

*Там тысячи лежат невинных,
Замученных, расстрелянных без всякого суда.
Хранила их земля лесная
Под стражей всемогущего врага.*

*Врагом тем был режим кровавый,
Который Сталин возглавлял.
Искал врагов в своем народе.
Он в страхе всю страну держал.*

*Тридцатые годы – разгул террора.
Плач матерей, детей, стариков.
И многих, многих забирали
От родных, обжитых очагов.*

*Брата в феврале забрали
В тридцать восьмом злопамятном году.
А в марте расстреляли.
Жестокость эту забыть я не могу.*

*Прошли года. В стране все изменилось:
Не стало «кормчего – отца».
Народ вздохнул, вздохнул свободно,
От жуткого проснувшись сна.*

*Вот я больной, на костылях железных
Бреду по узенькой лесной тропе
К поляне той, могиле братской,
Чтоб с мертвыми побыть наедине.*

*Спите, жертвы произвола.
И пусть незримо вас Господь хранит.
Я знаю: скоро иль не скоро,
Но ваши имена войдут в гранит.*

18 июля 1991 г.
г. Свердловск.

Стихотворение, конечно, не профессионального поэта, но в нем боль, крик души, и я не могла не поместить его в этой книге.

Надежда Я. И. Красильникова на то, что имена жертв политических репрессий войдут в гранит, сбылась скоро: уже через пять лет, 26 октября 1996 г., на 12-м километре Московского шоссе в г. Екатеринбургe состоялось открытие мемориального комплекса, посвященного памяти жертв политических репрессий, на пилоны которого занесены имена этих жертв.

Пестова Анна Дмитриевна

А. Д. Пестова родилась в 1901 г. в Ирбитском заводе, ныне пос. Красногвардейский.

Перед арестом работала финансовым инспектором по платежам при Ирбитскозаводском поссовете от финотдела Егоршинского райисполкома. Член ВКП(б). Семья состояла из пяти человек: престарелая мать, муж, дочь Маргарита, девятиклассница, комсомолка, сыну Игорю семь лет.

Анну Дмитриевну арестовали 2 января 1938 г. Вызвали в НКВД ночью и домой не пустили. Ее обвинили в том, что она проводила собрание по слиянию двух колхозов, находившихся на территории Ирбитского завода: колхоза им. Анчутина и колхоза «Красный доброволец». Слияние этих колхозов в один было предложено Егоршинским райкомом партии и Егоршинским райисполкомом. А так как вскоре первый секретарь Егоршинского РК ВКП(б) Федченко Николай Васильевич и председатель Егоршинского райисполкома Ярославцев Дмитрий Алексеевич были арестованы и как враги народа расстреляны, значит, А. Д. Пестова, проводя в жизнь линию на слияние двух колхозов, выполняла распоряжение вредителей, тоже враг народа. Предъявлена ей была статья 58. Находилась Анна Дмитриевна под следствием пять месяцев и четыре дня. Она требовала настойчиво, чтобы ее судили открытым судом, в присутствии жителей поселка. Надо полагать, была уверена в уважении народа. Но следствие закончилось, и 5 июня 1938 г. ее освободили из-под стражи в Свердловской областной тюрьме. Из членов ВКП(б) после ареста была исключена, а восстановлена после окончания следствия.

Недолго была под следствием Анна Дмитриевна, но семья много трудностей пережила. Престарелую мать отправили к другой дочери,

муж успел жениться (думаю, срочно надо было доказать, что не сожалеет о жене, враге народа, нисколько).

Дочери Маргарите (Чистякова Маргарита Ивановна) пришлось самой зарабатывать на жизнь, так как муж матери был ей отчимом, а женившись на другой женщине, прекратил всякую связь с падчерицей и, конечно, перестал оказывать ей материальную помощь. Днем она училась в девятом классе, а вечером работала в школе ликвидации безграмотности при промкомбинате и с допризывниками, которые не окончили начальную школу.

Плишкин

Модест Иванович

М. И. Плишкин родился в 1902 г. в поселке Ирбитский Завод, в семье рабочего. Закончил Ирбитско-заводское церковно-приходское училище и подростком пошел работать на Ирбитский чугунолитейный завод.

Шестнадцати лет комсомольцем ушел на гражданскую войну. В двадцатые годы от завода был направлен в Пермский рабфак, а затем в Уральский политехнический институт, после окончания которого работал на Магнитогорском металлургическом комбинате. В 1927 г. создал семью. В 1929 г. вступил в члены ВКП(б). В 1931 г. исключен, но восстановлен.

В 1934 г. вернулся в родной Ирбитский Завод, где работал техническим руководителем завода, начальником прокатного цеха, исполнял обязанности технического директора завода (теперь главный инженер). Последняя его должность – главный механик завода. Пощрялся премиями, получал благодарности за проявленную инициативу. Честный, добросовестный, пользовался уважением среди коллектива завода.

Первая жена Модеста Ивановича умерла, осталось трое детей: сын Олег, дочки Маргарита и Владлена. Создал вторую семью. Появилась дочь Галина.

В октябре 1937 г. М. И. Плишкин был отстранен от должности главного механика и уволен с работы «за необеспеченность работой рабочих сознательно». Через несколько дней был арестован. Приш-

ли утром участковый милиционер Смуров и двое понятых. Сделали обыск, конфисковали охотничье ружье. Модесту Ивановичу сказали: «Ты арестован». Поцеловал он жену и детей, старшему Олегу сказал: «Прости, Олег!» – и ушел.

Обвинен М. И. Плишкин был в том, что с 1934 года являлся участником контрреволюционной вредительской организации на Ирбитском заводе, проводил контрреволюционную пропаганду. Осужден по статье 58, пункты 2, 7, 10 УК РСФСР. Решением Тройки УНКВД по Свердловской области от 5 декабря 1937 г. был приговорен к 10 годам ИТЛ без права переписки. И осталась Наталья Михайловна с четырьмя детьми: старшему Олегу – 9 лет, Маргарите – 7, Владлене – 5, Гале – 1 годик. На зарплату медицинской сестры содержать такую семью было невозможно, вынуждена была в 1938 г. детей Модеста Ивановича от первого брака сдать в детдом. Олегу детдомовская жизнь была не по душе, он несколько раз сбежал, беспризорничал, а как попадался милиции, его возвращали вновь в детский дом. В 1942 г. четырнадцатилетнего Олега направили в Свердловское ремесленное училище. Он сбежал и бродяжил по стране, несколько раз добирался до фронта, курсировал из одной воинской части в другую. Под Краковом был ранен, попал в госпиталь. Ушел из госпиталя, как только немножко стало легче.

Модест Иванович отбывал наказание в Улан-Уде. В лагере совершенно потерял здоровье от недоедания и тяжелой работы. Получив инвалидность, Модест Иванович написал очередную просьбу пересмотреть его дело. И 30 июня 1945 г. «дело» было пересмотрено Особым совещанием при НКВД СССР. Теперь решение было таким: решение Тройки УНКВД по Свердловской области от 5 декабря 1937 г. в отношении Плишкина М. И. изменить. Состав преступления переqualифицировать на статью 3 УК РСФСР (халатность, небрежность), срок наказания снизить до фактически отбытого (8 лет уже отбыто), из-под стражи освободить.

Ехал Модест Иванович домой и очень волновался, что его ожидает дома, выжили ли его сиротки, ведь прошла страшная война. И увидел: две дочки в детдоме, а сынок – в бегах. Модест Иванович поступил работать на тот же завод, в техотдел конструктором, потом начальником отдела. Его ценили за аккуратность, четкость в работе, уважали за честность, добросовестность, скромность и справедливость, уважение к рабочему человеку. Работал еще 10 лет Модест Иванович на заводе до 1955 года, но ходить не мог, его привозили на работу на лошади и отвозили домой после рабочего дня. Собрал домой детей, занимался со всеми, у кого были пробелы в знаниях. В се-

мье очень спокойный, внимательный, умел убедить каждого. Помог всем детям получить специальность. Владлена Модестовна – педагог, Маргарита Модестовна и Галина Модестовна – воспитательницы детских садов. Вразумил и Олега, стал он хорошим специалистом по токарному делу, работал мастером на Красногвардейском крановом заводе.

О реабилитации своей М. И. Плишкин так и не успел узнать. Умер в 1955 г. А реабилитирован в 1957 г. постановлением Президиума Свердловского областного суда от 11 июля 1957 г. Постановление Тройки при УНКВД по Свердловской области от 5 декабря 1937 г. и постановление Особого совещания при НКВД СССР от 30 июля 1945 г. в отношении Плишкина Модеста Ивановича отменено, производство дела прекращено за отсутствием состава преступления. По данному делу Плишкин Модест Иванович полностью реабилитирован.

Основание: ГААОСО ф.1, оп.2 д. 18 229 от 31.10.94 № 790.

Никонов Григорий Васильевич

В 1918 году, когда фронт гражданской войны приблизился к Егоршино, 750 рабочих Ирбитского завода (ныне Красногвардейский крановый) вступили в Красную Армию. Ими был доформирован Камышловский полк. В него вступили и друзья с детства Григорий Васильевич Никонов, Григорий Афиногенович Смирнов, Степан Леонидович Пушкарев. Михаил Петрович Панов, Николай Петрович Панов.

Огненные годы сдружили их еще больше. И хотя в послевоенное время пути их разошлись, связь не теряли, встречаясь случайно, беседовали, навещали друг друга...

Наступили тридцатые. Арестованы уже многие. Первым из друзей «взяли» Михаила Петровича Панова, счетовода Ирбитского листопрокатного завода. Обвинили в троцкизме, ведении контрреволюционной пропаганды и дискредитации генеральной линии партии (ст. 58, п. 10, ч.1 УК РСФСР).

А когда узнали друзья, что арестован как троцкист Иван Платонович Вырышев, под руководством которого Четвертый Уральский полк оборонял Егоршино от белых, заволновались совсем: за что

арестовывают таких хороших людей! Григорий Васильевич Никонов этот вопрос задавал на суде по делу М. П. Панова, где он проходил как свидетель. А друзьям сказал: «Дела неважные. Скоро, наверное, и до нас доберутся, посадят».

Слова оказались пророческими. Скоро один за другим были арестованы почти все остальные. Но так как все обвинялись в троцкизме и ведении контрреволюционной пропаганды, то, когда на допросе их спрашивали: «Кого знаешь из троцкистов?» – называли своих друзей, уже арестованных. А следователь делал вывод по пословице: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Арестован твой друг как троцкист, значит, и ты – троцкист, дискредитируешь линию партии.

В городской музей поступили копии документов на Григория Васильевича Никонова. Его дочь, Вера Григорьевна Никонова, сумела взять копии всех допросов, личных ставок и обвинений. Читаешь и дивишься, за что могли погубить человека.

Г. В. Никонов – уроженец Ирбитского завода Егоршинского района. 5 ноября 1892 года в семье кузнеца Василия Никонова и красавицы Прасковьи родился второй ребенок – сын Гришенька. Родители души в нем не чаяли: стройный, легок в движениях, с темно-русыми волосами, внешне – весь в мать, а характером вышел в отца, упорный, настойчивый. Родители работали много, легко, охотно, в семье большой нужды не чувствовалось. Но умер муж Прасковьи, умерла дочка Оленька, и осталась она с четырехлетним Гришенькой. Придавленная горем, с трудом вела хозяйство. И семилетний Гриша вынужден был идти батрачить в соседнюю деревню: боронил, пас скот. Хозяйева будили до рассвета. Чтобы ребенок, заснув, не упал с лошади, не попал под борону, его привязывали к седлу. Когда заканчивалась уборка урожая, шел к матери, учился зимой в школе. К четырнадцати годам он уже семь лет отбатрачил, а в 16 лет окончил ремесленное училище и пришел работать на Ирбитский листопрокатный завод.

Участвовал в первой мировой войне 1914 года, был пулеметчиком, получил ранение в ногу. Во время гражданской войны – помощник командира Камышловского полка. Ранен в спину, повреждены два позвонка, спину гнать не мог. Остался инвалидом. В 1932 году окончил курсы красных директоров металлургических предприятий при Промакадемии и был назначен директором Северского металлургического завода. Позднее работал на советской и хозяйственной работе. Здоровье ухудшилось, пришлось оформить пенсию.

20 декабря 1936 года пенсионер Никонов был арестован органами НКВД. 9 месяцев под следствием просидел в Свердловской тюрьме. «За участие в контрреволюционной группировке, связь с троцки-

стами и высказывание недовольства проводимых партией мероприятий» 9 июля 1937 года по решению Особого Совещания НКВД СССР был сослан в Магадан, в исправительно-трудовой лагерь. Несмотря на инвалидность, определен был работать забойщиком на прииске «Мальдяк» Сусуманского района. Хотя был инвалидом второй группы, справлялся с работой забойщика. Конечно, трудно представить, как, но норму он давал. И все же пришла беда: может быть, силы его ослабли или бригадир неправильно расставлял рабочую силу, как сам Никонов объяснял, но Григорий Васильевич в течение пятнадцати дней не мог выполнять норму забойщика. Его доводам никто не внял. И 10 февраля 1938 года Никонов был вновь арестован райотделением НКВД по Северному горнопромышленному управлению «Дальстроя».

В обвинительном заключении сказано: «...является активным участником существовавшей на Колыме антисоветской, повстанческой террористическо-вредительской организации, возглавляемой Берзиным, ставившей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания, совершение террористических актов над руководителями Советского правительства и Коммунистической партии, срыв и разрушение производства «Дальстроя», в частности плана золотодобычи 1938 года путем организации массового саботажа и вредительства. Был членом контрреволюционной группы, возглавляемой К. Д. Кутателадзе, в целях срыва выполнения производственного плана прииска «Мальдяк» активно проводил контрреволюционный саботаж, выразившийся в демонстративном и систематическом невыполнении норм производственных заданий, участвовал в групповом бригадном саботаже, призывал заключенных к массовому невыполнению норм выработки. Среди лагерного населения распространял контрреволюционную клевету на руководителей ВКП(б) и руководителей Советского правительства.

Обвиняемый Никонов Г. В. виновным себя не признал, недостаточно изобличается показаниями обвиняемых, членов антисоветской организации: Сенькина, Байкова, Грей, Шогиладзе». Решением было «...Направить на рассмотрение Тройки УНКВД по «Дальстрою».

В процессе следствия Г. В. Никонов был допрошен всего один раз, 12 февраля 1938 года. Протокол допроса написан на одном листе. Григорий Васильевич категорически отрицал свою причастность к антисоветской группе, организующей саботаж. Очных ставок с заключенными, изобличающими его в преступной деятельности, не было, их взаимоотношения с Никоновым не выяснялись, обличающих показаний в деле Никонова нет, они записаны только списком.

Решение Тройки УНКВД по «Дальстрою» от 26 февраля 1938 года: расстрелять. 8 марта 1938 года приговор был приведен в исполнение.

Дело по обвинению Г. В. Никонова пересмотрено Президиумом Свердловского областного суда 30 ноября 1956 года, постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 9 июля 1937 года отменено, и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления. Григорий Васильевич по настоящему делу реабилитирован. А постановление Тройки УНКВД по «Дальстрою» от 26 февраля 1938 года отменено только 14 марта 1990 года за отсутствием состава преступления. Григорий Васильевич Никонов полностью посмертно реабилитирован.

Семья никогда не верила, что отец – враг народа, и все время пыталась выяснить его судьбу. После 1956 года ими было получено три свидетельства о смерти, и во всех написано одно и то же: умер от склероза кровеносных сосудов сердца. И только в 1990 году дети узнали правду о судьбе отца.

Как же арест Григория Васильевича отразился на судьбе его семьи? Жену Федосью Ивановну с тремя детьми сразу выселили из квартиры. В 1941 году сын Леонид Григорьевич Никонов, работавший токарем на заводе, был арестован и выслан в глухой район, в верховья Волги, где работал в хозяйственном отряде. Он якобы назвал Сталина врагом народа. После жалобы матери М. И. Калинину в 1943 году Леонид был освобожден как инвалид детства и за недоказанностью вины. Клаву, студентку Свердловского юридического института, исключили как дочь врага народа, она не получила специальность.

Сидорович Сигизмунд Иванович

Начальник погрузочно-разгрузочного управления бывшего треста «Егоршин-уголь» И. Т. Голуб в свое время так отзывался о Сигизмунде Ивановиче Сидоровиче, ветеране труда: «Исключительно дисциплинирован, требователен к себе и другим. Работает без аварий и, несмотря на преклонный возраст, бодр, с душой относится к общественным поручениям».

Сигизмунд Иванович – потомственный железнодорожник. Родился в 1904 году в

Тульской губернии в семье бригадира железнодорожного пути. Вскоре переехали в Москву, но в гражданскую войну этой большой семье из десяти человек здесь стало голодно, и в 1919 г. все перебрались в Ирбит. Иван Степанович через месяц умер от сыпного тифа, и Антонина Адольфовна с семерыми детьми осталась одна на чужой стороне.

Стала она работать сторожем переезда станции Худяково, старшего сына, пятнадцатилетнего Сигизмунда, пристроила табельщиком к дорожному мастеру. По достижении совершеннолетия юношу направили на курсы дежурных по станции, а потом и диспетчеров. В двадцать три года он уже работал диспетчером Егоршинского отделения железной дороги. Десять лет добросовестно трудился в этой должности. Была семья, двое детей.

14 января 1938 года после работы его уже поджидали сотрудники НКВД. Арест. КПЗ на станции Егоршино. Сигизмунд Иванович позднее вспоминал обвинение: «Поляк. Имеешь переписку с заграницей. Будучи диспетчером, задерживал поезда. Вел антисоветскую агитацию, состоишь в троцкистской организации». Требовали сказать, кто завербовал, где и когда это было.

Отвечал: «Да, поляк. Переписываюсь с тетей, которая живет в Польше. Но больше ни с кем за границей переписки не имею. Был случай: задержал поезд на станции Кунара. Если бы отправил его по расписанию, могла бы быть авария. Вины не чувствую».

Перевели на копи, держали в бараке. По-прежнему требовали подписать себе обвинение. Теперь на допросах следователь, спрашивая: «Будешь подписывать?», играл наганом. Не добившись ничего, принес большой лист бумаги, вверху написал: «Я ни в какой организации не состоял» – и приказал: «Подписывай!» Как только Сигизмунд Иванович вывел первую букву, следователь вырвал ручку с криком: «Свою фамилию пиши внизу листа!» Стало ясно: между первой строчкой и подписью он сможет написать любое обвинение.

В апреле отправили в Свердловскую тюрьму. В июле без суда объявили приговор – постановление Особого совещания НКВД СССР: за контрреволюционную деятельность – десять лет исправительно-трудовых лагерей.

2 августа 1938 года ночью погрузили в товарный вагон, закрыли на замок и тридцать семь суток в жаре и духоте тащили до Владивостока. Вагон открывали только, чтобы бросить кусок хлеба и дать воду.

На станции Черная речка множество деревянных барачков с трехъярусными нарами. Сюда прибывало ежедневно несколько эшелонов с репрессированными. Здоровых отбирали, грузили по шесть-восемь тысяч на пароход «Николай Ежов» и отправляли на Колыму. Сидо-

ровича забраковали из-за слабого сердца, и пришлось ему всю зиму обитать в бараке, где одолевали вши, свирепствовали сыпной тиф и дизентерия. Умиравли люди каждый день десятками. Сигизмунд Иванович с трудом выжил, наверное, потому, что тифом переболел раньше.

Весной 1939 года работники НКВД приехали за рабочей силой. Сидоровича увезли в Новосибирск на строительство соцгородка. Работали по двенадцать часов. Кормили вареным капустным листом, хлеба давали в зависимости от выработки 500-800 граммов в сутки. Разрешили переписку и получение посылок из дома. И Сигизмунд Иванович стал получать (не чаще, чем раз в квартал) посылки от брата Михаила Ивановича. Он всегда считал, что только благодаря поддержке брата сумел выжить в тяжелейших условиях.

За хорошую работу и поведение (так квалифицировало Особое совещание НКВД) скостили ему два года. 15 января 1946 года выпустили на свободу. Но домой ехать не разрешили, а отправили в Кубовинский совхоз, как объяснили, до особого распоряжения.

В августе приехал к семье в Артемовский с радостью, что пережил все муки ада, с надеждой вернуться на родное предприятие. Но получил отказ: врагам народа доверия нет. Как горько стало, как больно! Руководители погрузочно-транспортного цеха треста «Егоршинуголь» не побоялись принять его, и Сигизмунд Иванович работал еще более двадцати лет. Уже достигнув пенсионного возраста, продолжал дежурить по станции Предшахтная. Был председателем товарищеского суда, народным заседателем. Занятие для души – игра на баяне.

Зырянов

Михаил Пименович

Михаил Пименович Зырянов родился в 1910 году в деревне М. Трифоново Егоршинского района. В момент ареста сотрудниками НКВД жил со своей семьей на станции Рефт, где выполнял обязанности электрообходчика электросети Егоршинской ГРЭС. Среди векового леса стоял один дом, в нем жила его семья и его старший брат Павел Пименович с женой. Жили, не тужили. Сразу за домом – лес, в нем грибы, ягоды, птицы поют, в высокой траве цветы. Дичи полно всякой. Держали лошадь, корову, много другой живности, сенокосные угодья рядом, только не ле-

нись, заготовляй скоту корм. А сидеть без работы было не в правилах Михаила Пименовича. Он по хозяйству всю работу сделает, а если подстрелит какую дичь, то сам и отеребит. Елене Ефимовне оставалось только корову подоить, обед приготовить да за детьми присмотреть, но это дело для молодой женщины не в тягость. А если муж поедет за зарплатой в Егоршино, то обязательно привезет подарок жене, гостинцы детям. Словом, жила Елена Ефимовна как за каменной стеной. Беды не чуяла. Все хорошо было в семье, только Михаил Пименович ждал сына, а жена рождала ему дочерей. Но какие их годы – 26?! Успели бы и сына родить.

Однажды пригожим летним днем, 19 июля 1937 года, пожаловала в их дом милиция, произвела обыск и обоих братьев: Михаила Пименовича и Павла Пименовича – арестовала. И остались две молодые вдовы. Елена Ефимовна осталась с тремя дочками на руках: Нине шесть лет. Ире – пять, Гале – четыре месяца. Из квартиры сразу выселили. Куда податься? Перебралась с детьми к сестре мужа на копи Артема. Скотину заколола на мясо, сама устроилась на работу няней в Ленинские ясли. Довольна была уже и тем, что хоть малышка при ней. Но эта радость скоро закончилась. Как только узнали, что Елена Ефимовна – жена врага народа, сразу уволили с работы, а когда закончилось мясо, то и с квартиры попросили. Найти выход из создавшегося положения не могла, отчаявшись, молодая женщина решила уйти из жизни. Рассудила: младшую возьмет с собой, а старшие вырастут в детдоме. Взяв малышку на руки, пошла к железнодорожному мосту, чтобы броситься с него. Приготовилась. Мысленно стала прощаться с дочками, которых оставила на произвол судьбы. Представила, что станет с ними вот уже сегодня, кто и куда уложит их спать, кто обогреет лаской, не к кому сиротинкам будет голову приклонить. Так стало страшно за них, как ошпаренная кипятком, почти бегом побежала к своим сироткам. Всю ночь проплакала над ними, а утром стала продавать все, что можно было продать. Собрала немного денег и купила избушку-развалюшку, в которой раньше никто не жил. Нашла и работу – в паровозном депо вызывальщицей. Вызывала на работу машинистов, помощников машинистов и кочегаров. Работала сутками, дочек оставляла одних. Сами они топили печку, варили обед, нянчили младшую сестру.

Заработок маленький, за детей всю смену на работе волнуешься, да и самой страшно ночью ходить иногда в Мостовую или в Трифонову. И решила Елена Ефимовна уехать в М. Трифоново и работать в колхозе. Поселилась в избушке доживающего свой век большого старика с условием, что за ним будет ухаживать. Стало у нее четыре

иждивенца. Избушку в Егоршино продала, купила на эти деньги корову. В колхозе пришлось выполнять самую тяжелую, мужскую работу.

Дочь Ираида Михайловна вспоминает: «Мама опять с утра до ночи на работе. Мы опять стали хозяйничать дома сами. Прежде, чем своей корове сена накосить надо сначала колхозу сено поставить. Мама летом на месяц уезжала на покос. Когда бригадир едет на покос, спрашивает, что будете посылать матери. А что мы пошлем, кроме молока?»

Когда началась война, дрова и сено стали вывозить домой на санках. Лошадь не давали. Впрягались сами и тащили. Снег глубокий, еле вытащим на дорогу. Когда стали учиться, по всему лету работали в колхозе, то свиней, то уток пасли. Если мама болела, шли за нее работать, чтобы трудодни были. А какие налоги надо было платить! Сдай государству мясо, молоко, яйца, шерсть, картофель и денежный налог. После пятого класса я учиться не стала: не в чем было ходить в школу. А когда исполнилось тринадцать лет, подправили в метриках на 14 лет, и пошла на радиозавод проситься на работу. Приняли. Проработала там два года, перешла в типографию, где заработок был чуть побольше.

Типография была на берегу пруда, близко от электростанции. Надо было из М. Трифоново в любую погоду к 8 часам утра прибыть на работу.

Сначала я работала учеником наборщика, а вскоре самостоятельно стала работать. Одежды нет. Бабушка отдала мне старую шубу. Я целый день в ней стояла у наборного станка. Плечи разламывало от тяжести шубы, крытой тяжелым холстом, но раздеться нельзя, под шубой ничего нет, почти голое тело. Только устроилась на работу, посылают в колхоз копать картошку, а у меня на ноги нечего надеть. Петя Демин снял свои солдатские сапоги 42 размера и подал мне. За месяц работы в колхозе подметки у сапог оторвались, оттянуло грязью, осень дождливая была. Переживала, как отдавать рваные сапоги. Но Петя сказал: «Не расстраивайся, я почию». Бедняк бедняку сочувствовал. У него отец и мать были арестованы в 1937 году; сам он, и его братья, и сестра 8 лет в детдоме жили, так что хлебнули горя тоже.

Я работала в типографии, а сестра – на промкомбинате, весь наш заработок уходил на налоги. А тут еще совершенно невозможно стало жить в дедовой развалюхе: стены сгнили, тепло не держат. И мама корову променяла одной женщине на домишко. Без коровы в деревне совсем голод. И взялись мы с сестрой выращивать двадцать колхозных телят, за них получали трудодни, а на них – муку. Сбегаешь так из деревни в типографию, простоишь весь день за наборным станком, не разгибая спины, а дома ждет другая работа: телят кормить, поить,

конюшню чистить, воду носить. А тут новая проблема – всеобщее среднее образование, вынуждена была с работы заходить в школу рабочей молодежи, что на станции Егоршино. Домой приходила уже в час ночи, на сон оставалось три-четыре часа. Так и жили, но не сломались, не опустились.

Не раздавила жизнь: 15 лет я работала наборщиком, 5 лет – корректором и 30 – мастером Артемовской типографии. От отца ни разу никакой весточки не получили. Уже только через 20 лет после того, как увели его из дома, в 1957 году, пришла справка из Военного трибунала Уральского военного округа, что «Дело по обвинению Зырянова Михаила Пименовича пересмотрено Военным трибуналом Уральского военного округа 22 января 1957 года. Постановление от 27 сентября 1937 г. в отношении Зырянова М. П. отменено, и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Артемовский ЗАГС выдал свидетельство о смерти, где сказано, что умер М. П. Зырянов 1 февраля 1944 года от брюшного тифа».

Только в январе 1997 года, через 60 лет после ареста М. П. Зырянова, его дочь Ираида Михайловна Доможирова узнала правду, получив справку из прокуратуры Свердловской области о том, что М. В. Зырянов, арестованный 19 июля 1937 года, осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области 27 сентября 1937 года. Обвинялся по статье 58 (10,11) УК РСФСР, а также по статье 187 ч. 1 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 1 октября 1937 года в 24 часа 00 минут в Свердловске. Такая же участь постигла его брата Зырянова Павла Пименовича.

Зеленко

Сигизмунд Чеславович

С. Ч. Зеленко родился в 1889 г. Работал в НГЧ Егоршинского отделения Свердловской железной дороги. Инженер по гражданским сооружениям. На свои трудовые приобретал не материальные ценности, а техническую и художественную литературу. В этой семье все любили книгу.

6 февраля 1938 г. С. Ч. Зеленко был арестован. При обыске ничего компрометирующего не нашли. Материальных ценностей, кроме охотничьего ружья, не было. Ружье конфисковали, литературу оставили полностью.

Семья осталась без кормильца. Жена, Евдокия Семеновна, – домохозяйка, дети: Даниил – студент электротехникума, Тамара – ученица 8 класса, Юлий – ученик 1 класса. Когда старшие дети обратились в отдел кадров Егоршинского отделения железной дороги с просьбой получить работу, был отказ: «Вы – дети врага народа». Семья бедствовала. Евдокия Семеновна вынуждена была литературу продавать, чтобы как-то поддержать детей. Только во время Великой Отечественной войны Тамаре, а потом и Юлию удалось получить работу благодаря тому, что к ним на квартиру поставили эвакуированного инженера, работавшего на Егоршинском радиозаводе. Он-то и помог детям С. Ч. Зеленко устроиться на этот завод.

После XX съезда КПСС семья обратилась в Москву с просьбой сообщить о судьбе мужа и отца. Получили ответ: Зеленко Сигизмунд Чеславович не виновен. Реабилитирован 16 сентября 1957 г. В Егоршинском бюро ЗАГС получили свидетельство о смерти: С. Ч. Зеленко умер 6 октября 1942г. Причина смерти – стенокардия.

И только в 1992 г. внуки Сигизмунда Чеславовича узнали правду: «С. Ч. Зеленко расстрелян 14 июля 1938 г. в г. Свердловске как участник контрреволюционной организации, созданной польской разведкой... Постановление комиссии НКВД СССР и прокуратуры СССР от 31 мая 1938 г. пересмотрено, поскольку дополнительной проверкой установлено, что в 1938 г. репрессирован необоснованно... Сигизмунд Чеславович Зеленко полностью реабилитирован. Посмертно».

Галанин Никандр Павлович, Галанина Анна Евдокимовна

Н. П. Галанин родился в 1888 г. в г. Верхне-Уральске Троицкого округа. Окончил Кунгурское техническое училище. Работал в Омских железнодорожных мастерских, на угольных копях г. Кизела, а в 1933 г. по распоряжению треста «Востокуголь» назначен главным механиком в Егоршинское шахтоуправление. Жил с семьей на ул. Коммунаров, 2, кв. 2. Семья состояла из пяти человек: Никандр Павлович, жена Анна Евдокимовна, директор клуба ИТР и стахановцев, две дочери: Ирина – 15 лет, Зоя – 11 лет и няня, Анастасия Петровна Намкина, родственница.

18 июня 1937 г., когда Никандр Павлович выехал из шахты, был арестован. Был проведен обыск в кабинете Галанина, в шахтоуправлении, затем – в квартире. Разумеется, того, что искали, не нашли. Зато нашли кавказский кинжал. Его, конечно, не могли не конфисковать. Никандр Павлович сказал семье, что это – недоразумение. Разберутся, и он вернется. Но семья его больше не видела. Были аре-

стованы как враги народа два его брата: Галанин Виталий Павлович и Галанин Иван Павлович.

Н. П. Галанина обвинили по статье 58 (7, 8, 9, 11) УК РСФСР. Это и вредительство в промышленности, диверсии и террор, ведь он обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной, троцкистско-диверсионной террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство товарища Кирова и подготавливающей в последующие годы террористические акты против руководителей партии и правительства.

Позднее дочь Ирина Никандровна пыталась узнать, за что арестован отец, получила ответ: осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области на 8 или 10 лет без права переписки и отправлен в дальние лагеря.

В 1958 г. получила документ о реабилитации отца Военной коллегией Верховного суда СССР от 15 января и свидетельство о смерти, в котором сообщалось, что Н. П. Галанин умер 15 сентября 1939 г. И только в 1993 г. дочери узнали правду: их отец расстрелян в г. Свердловске 13 августа 1937 г.

6 октября 1937 г. арестовали и Анну Евдокимовну как жену врага народа и осудили на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывала в Темниковских лагерях Рязанской области. Освободилась в ноябре 1942 г. Вернулась больным человеком и вскоре умерла. Документы о ее реабилитации были получены дочерью в 1958 г. Ни о своей реабилитации, ни о реабилитации мужа ей не суждено было узнать. Умерла с клеймом: жена врага народа.

После ареста Анны Евдокимовны пятнадцатилетней Ирине предложено было устроиться на работу, зарабатывать себе на жизнь, правда, работу не предложили. Ирина сама должна была ее найти,

но дали справку, что она нуждается в работе и можно ее принять. Зою поселили в школе и собрались отправить в детдом.

Узнав о беде, приехала сестра Анны Евдокимовны из г. Кыштыма и забрала девочек. Своя семья у нее состояла из пяти человек, да двое сирот жили в ее семье со стороны мужа, добавились две сироты с ее стороны.

Ирина Никандровна окончила Свердловское медучилище, но в 1939 г. ее не приняли в комсомол, а в 1941 г. не взяли на фронт как дочь врага народа. Всю войну она работала в военном госпитале. А Зою Никандровну после окончания горнометаллургического техникума не приняли на работу в институт черных металлов. Клеймо «дочь врага народа» долго еще следовало за ними.

Даже тетя, приютившая сирот, имела много неприятностей, например, когда стали строить «Челябинск-40», тете с семьей предложили выехать из города.

Жуков Никита Иванович

Н. И. Жуков родился в 1890 г. в д. Лоза Смоленской области. Там прошла его юность. Это был интеллигентный человек. Каким ветром занесло его в Егоршино, дочь Валентина Никитична Кузнецова не знает. Работал он на Егоршинской ГРЭС начальником стройцеха. Сотрудники, помнящие его, рассказывают: «Никита Иванович пользовался большим авторитетом, был умным начальником, человеком добрым, старался всем помочь».

В ночь с 5 на 6 февраля 1938 г. Н. И. Жуков был арестован. По словам Валентины Никитичны, арестовать его прибыл сам начальник РО НКВД Бажин, скорее всего потому, что у Никиты Ивановича было охотничье ружье. Он был страстным охотником и толк в ружьях знал. Ружье было хорошее, дорогое. Многие охотники поселка Артема завидовали ему. Вот Бажин и конфисковал это ружье, как стало известно позднее, для себя. Больше ничего в доме не нашлось, что бы заинтересовало начальника РО НКВД. Не нашлось и компрометирующих материалов.

Жене с дочерью было приказано в течение суток освободить квартиру в трехэтажном доме на улице Ленина. Одиннадцатилетняя Валя на всю жизнь запомнила слова отца: «Валя, меня повели в тюрьму, но ты не обижайся на Советскую власть, носи с гордостью красный галстук».

Н. И. Жуков был реабилитирован 1 февраля 1956 г. В свидетельстве о смерти значилось: умер от водянки брюшной полости. В действительности Жуков Никита Иванович расстрелян в г. Свердловске 10 марта 1938 г.

Костылев

Григорий Савватеевич

Г. С. Костылев родился в 1898 г. в селе Каменка Режевского района в бедной крестьянской семье. Вырос без отца. В 1816 г. был призван в царскую армию, а в 1918 г. из белой перешел в Красную Армию.

Закончилась гражданская война, и Григорий Савватеевич вернулся в Каменку, участвовал в организации первого колхоза в селе.

Четыре класса образования дали возможность работать в колхозе счетным работником. Вскоре он был арестован, через месяц освобожден, но семья из колхоза была уже исключена. Г. С. Костылев

решает уехать из деревни на производство. Странствовал по городам Реж, Березовский, Пышма. Работы везде хватало, но семье нигде было приютиться, скитались по частным углам.

В 1935 г. Григорий Савватеевич приехал в Егоршино, устроился на электростанцию, получил комнату в бараке. Трудолюбивого, ответственного человека здесь заметили, и в 1937 г. он был назначен начальником коммунального отдела ЕГРЭС. Семья получила квартиру в одном из домов на улице Комсомольской. Появилась надежда на лучшую жизнь, на то, что семья «встанет на ноги». 6 февраля 1938 г. Г. Костылев был арестован, объявлен врагом народа. И осталась Татьяна Никандровна на чужой стороне с четырьмя детьми (пятый уже женился и жил отдельно). Старшей дочке 16 лет, а младшему сынишке не было и года. Страшное горе пришло в семью. Плачь – не плачь, а слезами тут не поможешь. Надо было набраться физических и душевных сил, чтобы поднять детей, и пошла работать Татьяна Никандровна на топливоподачу, много лет была дробильщицей угля. Работала порой до потери сознания, голову держала как можно ниже, чтобы только ее с детьми не разлучили, не выслали куда-нибудь, как других жен врагов народа.

Только в 1957 г. Т. Н. Костылева получила извещение, что муж ни в чем не виноват, реабилитирован посмертно. Умер в исправительно-трудовых лагерях в 1943 г. от диабета.

В 1993 г. его дети узнали, что Г. С. Костылев расстрелян 10 марта 1938 г. в г. Свердловске.

Кочнев Яков Иванович

Яков Иванович Кочнев родился в 1899 году в селе Ерзовском Камышловского района Свердловской области, в большой крестьянской семье, где выросло пять сыновей: Александр, Иван, Егор, Яков, Василий и сестра Прасковья. До Октябрьской революции жили трудно, хотя старшие братья были женаты, имели детей, все жили в одной избе.

В 1919 году, когда Красная Армия освобождала Урал, а потом и Сибирь от белых, вступил в Красную Армию один из братьев, Яков. Гражданскую войну закончил он на границе с Монголией, где прослужил до 1923 года. Домой, в избу, где много жильцов, его не тянуло, но, когда вернулся, был приятно удивлен: большая, дружная семья строила большой дом. Позднее во дворе были построены и оборудованы шерстобитная и пимокатная мастерские, мастерская по изготовлению кирпича, маслобойня. Летом вся семья была занята на сельскохозяйственных работах. Зимой брали заказы на изготовление валенок, кирпича, масла; брали подряды на строительство домов, выполняли плотницкие и столярные работы, клали печи. Валенки катал глава семьи Иван Семенович, позднее стал помогать ему и сын Яков Иванович, а все другие работы выполнялись другими сыновьями, их женами и детьми... Достаток в семье рос быстро. Построили дома и трем старшим братьям – Александру, Ивану, Егору.

Якову Ивановичу дом строить не спешили, места в доме отца пока хватало: младший брат Василий не был женат, а семья Якова состояла из трех человек – он, жена и сын.

Наступил 1930 год. Ивана Семеновича раскулачили, отобрали дома, скот и все добро у него и у всех его сынов.

Тогда Иван Семенович со своими сыновьями уехал жить в Сухой Лог. Только Яков Иванович с семьей приехал в Егоршино, к брату его жены, Калугину Никифору Михайловичу. Устроился работать кузнецом на шахту им. Кирова и получил квартиру в бараке.

Однажды летом 1938 года, когда он возвращался с работы домой, догнал его «черный ворон». Ему предложили сесть в машину. Так он был арестован. Судила его Тройка УНКВД по Свердловской области по статье 58 за контрреволюционную агитацию. Приговор – восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Здесь встретил очень много хороших людей. Узнал, что все они пострадали безвинно. Стало легче: не он один. Яков Иванович стал думать: надо только работать так, чтобы суметь выполнить норму, получить свою пайку, чтобы выжить.

Работать приходилось в тяжелейших условиях сурового климата, а потом и Отечественной войны. Холод и голод косили людей. Якову

Ивановичу помогло выжить то, что был он мастер на все руки. Многому научился он еще в семье отца, а главное – трудолюбию. Без труда осваивал новые специальности. Но беды его не обходили. От недоедания однажды опух, заболел водянкой. Лечения не было никакого. Так безнадежного и отвезли в морг. Очнулся, увидел вокруг голые тела, все понял – стащили его сюда умирать. От ужаса голова стала работать четко, стал готовиться к встрече с похоронной командой, собрав последние силы, сел, вошедшим сказал: «Я живой». Только тогда его отправили в лазарет, где он сумел справиться с болезнью.

Летом 1946 года Яков Иванович вернулся домой худой, изможденный, в грязном ватном бушлате. Узнал, что брат Егор погиб на фронте, а Александр и Иван в войну были в трудармии, но уже вернулись в семью. Они помогли Якову Ивановичу приобрести старенький амбарчик и приспособить его под жилье на два окошка.

Так Яков Иванович Кочнев со своей семьей начал новую жизнь, работал опять кузнецом. В 1957 году получил документ, что страдал он безвинно, в его действиях состава преступления нет, и он полностью реабилитирован. Но, что было, то было, и восемь лет каторги из памяти не выкинешь.

Прожил Яков Иванович Кочнев потом еще сорок лет. Скончался в 1986 году восьмидесяти шести лет. Последние годы жил у сына в поселке Красногвардейском, где и покоится теперь его прах.

Плишкин Василий Степанович

В. С. Плишкин родился в 1879 г. в поселке Ирбитский Завод. Он – потомственный кузнец Ирбитского чугунолитейного завода, на котором работали кузнецами его отец и дед. У него дома, в огороде, была небольшая кузница с инструментом, построенная еще его дедом.

Василий Степанович был членом подпольного революционного кружка, который действовал на Ирбитском заводе в начале этого века под руководством революционера Ветлугина Григория Герасимовича, участником мировой и гражданской войн, как и его братья, один из которых погиб в мировую, второй – в гражданскую под Нижним Тагилом. К слову сказать, третий брат работал в Ирбите в НКВД, а сестра Плишкина Татьяна Степановна – врач, во время Великой Отечественной войны – начальник прифронтового госпиталя. Все братья и сестры, как и он, – члены партии коммунистов. Арестован Василий Степанович 3 марта 1938 г.

О Василии Степановиче я узнала из письма его племянника, Юланова Николая Петровича. Он вспоминает: «Как и большинство рабочих Ирбитского завода, В. Плишкин держал лошадь, корову и

мелкую живность. Своих детей в семье не было. Мы, дети его сестры, Анны Степановны, любили ходить в гости к Василию Степановичу. С ним жила его мать, наша бабушка, Фекла Ивановна, – редкой души человек, очень добрая женщина, прикованная к постели болезнью ног. Мы бегали ее навещать. Василий Степанович и его жена встречали нас доброжелательно. Он был ласков со всеми племянниками, было их у него девять. Всех приветит, расспросит, как живет семья сестры или брата, все ли здоровы. И уж, конечно, напоят чаем с пирогами или шаньгами, с сушками или пряниками. Мы часто расспрашивали дядю Васю о войне с немцами, австрийцами, белогвардейцами. Он не любил говорить об этом, а если рассказывал что-нибудь, то ругал царя Николая за участие России в мировой войне, которая унесла жизни миллионов людей, где солдат не только убивали пулями, но и травили газами. Однажды он подарил мне трофеи с этой войны: маску от противогаза, немецкую фетровую офицерскую каску с шишаком.

Во время Отечественной войны я работал в ремонтном цехе Красногвардейского листопрокатного завода, на котором всю жизнь работал дядя Вася, тогда я расспрашивал рабочих-кузнецов, которые хорошо знали дядю Васю, за какие грехи он был репрессирован. Журавлев Клавдий Александрович и Бороздин Григорий Селиверстович рассказывали: «Мастер он был высокого класса, справедливый, болтунов и бездельников не любил, высмеивал в глаза, говорил, что думал, за что и пострадал: оклеветали его».

Когда мы, семья его сестры Анны Степановны, узнали о его аресте, не поверили, что он враг народа: не мог рабочий пойти против власти, которую с оружием в руках добровольно защищал в 1918-1921 гг., а после гражданской войны принимал участие в восстановлении родного завода, жил с верой в построение социализма и коммунизма, не мог быть врагом власти рабочих и крестьян.

После XX съезда КПСС мы от имени жены Василия Степановича написали письмо в областную прокуратуру с просьбой о пересмотре его дела. Получили ответ: «Плишкин В. С. умер в лагере. Дело его пересмотрено Военным трибуналом Уральского военного округа 27 июля 1956 г., и приговор отменен. Он полностью реабилитирован. (Посмертно)».

И только в 1993 г. узнали правду: Плишкин Василий Степанович был осужден по ст. 58, пункты 10,11,14 мая 1938 г. расстрелян». Нужно было убрать с дороги. Человек шестидесяти лет был кому-то страшен.

Скутин Яков Андреевич

Я. А. Скутин родился в 1900 г. в с. Егоршино Свердловской области в крестьянской семье, где было три дочери и три сына. Яков – самый младший. В 1921 г. женился. Его жена, Марфа Осеевна, в семью пришла четырнадцатой. Сестры вышли замуж, старшему и среднему братьям построили дома, их семьи отделились. Яков, как младший, остался жить с родителями. Работать Яков Андреевич начал в 19 лет сначала на шахте, а с 1925 г. – в Егорстрое, т. е. на строительстве электростанции, плотником 8 разряда.

В 1930 г., когда Яков Андреевич был на работе, его семью раскулачили: имущество описали, сложили в кладовую. Имущества было немного, так туда же положили горшки с кашей, ночной горшок, чугушки. Хотела Марфа Осеевна утаить три метра ситца, спрятала в зыбку под ребенка, но хитрость не удалась, перетрясли и пеленки в зыбке, ситец обнаружили, хозяйку постыдили, а ситец снесли в кладовую, кладовую опечатали, скот увели, хлеб увезли.

Пришел Яков Андреевич домой, а дом уже не его. Пошел в сельсовет, стал доказывать, что все нажито своим трудом, ничей труд со стороны не привлекался. Потребовали справку от ЕГРЭС, что он там работает. После предъявления таковой ключи от кладовой вернули, а скот и хлеб не вернули.

Закончилось строительство второй очереди электростанции, бригаду, в которой работал Яков Андреевич, командировали в Тавду.

Только он уехал, его родителей, жену с четырьмя детьми вывели из дома, дом конфисковали. Зима. Куда идти? Все боятся принять кулаков. Пригрела дочь среднего брата. Мать Якова Андреевича не смогла пережить этот стресс, умерла. Яков Андреевич приехал на похороны, пытался выяснить, на каком основании конфисковали дом, но к «высокому» начальству не допустили. Пришлось семью забирать с собой в Тавду. К слову сказать, раскулачили и выселили из домов обоих его братьев: Петра Андреевича, хотя он и в гражданскую воювал за Советскую власть, и Елисея Андреевича. Они уехали с семьями в Каменск-Уральский.

Яков Андреевич завербовался на строительство Ижевской ГРЭС, где работал в 1933-1934 гг. Овладел новой профессией сборщика котлов высокого давления. Семья зажила хорошо, получила квартиру, дети стали посещать школу и детский сад. Но закончилась стройка, перевели Якова Андреевича на СУГРЭС. Опять работал на сборке котлов в 1935-1937 гг. Но и здесь строительство закончилось. Предложили работу на Украине, но с семьей, в которой уже пять детей, на чужбину ехать не решился. Перебрался к старшим братьям в Каменск-Уральский. Устроился на Уральский алюминиевый завод, получил квартиру в бараке, наладил быт.

2 апреля 1938 г. ушел на работу, а домой не вернулся: был арестован. Марфе Осеевне с пятью детьми приказали освободить квартиру за 24 часа. На работу никуда не принимают. После долгих поисков работы устроилась техничкой и сторожем парикмахерской. При парикмахерской была маленькая служебная комната, где грели воду, стирали халаты и т. п. Разрешили ей с ребятишками в ней поселиться. Пар, духота, нечем дышать. Вечером соберет Марфа Осеевна скамейки в парикмахерской, составит в комнате и поперек скамеек уложит детей спать, а сама идет делать уборку и сторожить, хотя и весь день работала.

Но тут новая беда: сломала руку, сразу с работы была уволена. Куда податься? Решила ехать в Егоршино. Ютилась с детьми по баням и сараям. Потом пригрела горемык добрая женщина, Лыжина Марина Егоровна, пустила на зиму в малуху. Устроилась на работу Марфа Осеевна сторожем на базу, дети старшие тоже, кто коз пасти, кто воду возить, дочь – рассыльной, Весной картошку на поле посадили и начали строить избу, но она получилась такой маленькой, что спать хватало места только на полу вповалку, и такой низенькой, что когда сыны выросли, то задевали потолок головами.

В 1958 г. семья получила известие об отце, что Скутин Яков Андреевич, арестованный 2 апреля 1938 г., реабилитирован 9 января

1958 г., так как в его действиях нет состава преступления. Обвинение с него снято. Но, находясь в местах лишения свободы, умер 23 августа 1938 г. от туберкулеза легких в активной форме. В действительности же 23 августа 1938 г. Яков Андреевич Скутин был расстрелян в г. Челябинске.

Был арестован и расстрелян и его брат, Скутин Елисей Андреевич.

Избежал этой участи третий брат Скутин Петр Андреевич, учли, что воевал в гражданскую войну в Красной Армии.

Хлюпин

Сергей Артемьевич

С. А. Хлюпин родился 28 апреля 1916 г. в д. Бутырки Кировской области. Сумел окончить семь классов. В то время это было уже образование. Подросток – подался на заработки в город Киров. Последнее место работы – Кировский ликероводочный завод, отпускной отдел.

26 июня 1937 г. Сергей Артемьевич был призван в Красную Армию, служил в Монголии в городе Дзамин-Удэ в звании старшего сержанта, в должности техника-интенданта. Участвовал в войне с Японией в районе реки Халхин-Гол, где получил осколочное ранение в плечо правой руки, мелкие ранения других частей тела и контузию. Но могучий организм относительно справлялся с этой бедой, и Сергей Хлюпин был оставлен в части для продолжения службы.

9 января 1937 г. С. Хлюпин был арестован и осужден по статье 58-10, а вина его была в том, что рассказал своему заместителю Луневу в присутствии политрука Слотина, что в роте боевого снабжения военный трибунал осудил красноармейца на 5 лет за то, что тот рассказал про портрет Сталина анекдот такого содержания: «К художнику, рисовавшему портрет Сталина, приходит друг и спрашивает, куда он денет портрет в конце работы, на что художник ответил: «Может быть, повешу на стенку, а, может быть, поставлю к стенке».

Сергей Хлюпин совершенно не понимал «соли» анекдота, что значит «поставить к стенке», потому рассказывал с удивлением, недоумевая, за что же дали красноармейцу пять лет. Политрук Слотин сразу же донес в особый отдел, и С. А. Хлюпин был арестован и 12 октября 1939 г. осужден как политический преступник тоже к пяти годам лишения свободы и двум годам поражения в правах.

Сергей Артемьевич вспоминает, что следствие вел следователь Зимин, очень грубый, но по отношению к нему никаких физических методов не применял. Сокамерников крепко избивали, те порой чуть живыми возвращались с допросов в камеру. После суда, до лета 1940 г., Хлюпин отбывал срок на 29 авиазаводе, в городе Улан-Уде... Условия труда и быта были безупречными, явно воспитательными. Имелся в зоне свой клуб, где ставились спектакли, устраивались танцы. Обращение администрации было человеческим.

Летом 1940 г. Хлюпин был отправлен на Колыму, где попал на прииск Одинокий, где, по словам Хлюпина, было в сто крат хуже, чем у черта в аду: «Проспав первую ночь, был разбужен дрыном нарядчика, я почувствовал зуд во всем теле. А когда снял рубаху, то обнаружил на теле ужасное количество вшей. От их вида меня сильно рвало. Исчезли ботинки, которые вечером клал под голову вместо подушки. На работу выгнали в обмотках из вшивого тряпья вместо ботинок. Жили в сараеобразном холодном и грязном бараке. Спали на голых нарах, в чем работали, без каких-либо спальных принадлежностей. От невыносимого труда и таких бытовых условий люди умирали. Проснешься утром и видишь мертвого человека то справа от тебя, то слева, а бывало, с обеих сторон сразу, которых нарядчики уже мертвых дубасили палками, думая, что они притворяются, что не могут встать. Нарядчики были из уголовных экзов. В таких условиях я сумел прожить полтора года, дошел до последней степени истощения. Умереть не успел, меня почему-то этапом перегнали в поселок Рыбный, в шестое дорожно-эксплуатационное управление. Работал на строительстве железной дороги. Условия труда и быта здесь были вполне нормальными: жили в теплых, чистых домах, имели полные комплекты постельных принадлежностей. Имелись бани. Начальником был образованный, хороший специалист дорожного дела, член партии Борис Николаевич Соколов, требующий безупречную чистоту и порядок. Он защищал заключенных от жестоких стрелков-охранников. Называл их дармоедами. Заключенные ходили на работу без конвоя, была возможность зайти в лес поесть ягод голубики и брусники, которых в тайге было изобилие, а также – кедровых орехов. Летом ловили рыбу: хариуса и форель, а зимой охотились на куропаток.

За год до окончания срока был переведен в ДЭУ № 9, здесь условия были похуже, но жить можно. 9 сентября 1944 г. был освобожден, но без права выезда, так что еще три года работал в этом управлении, но уже по найму в качестве дорожного мастера».

Когда Сергей Артемьевич вернулся в город Киров, его как осужденного и отбывающего срок по политической статье не прописа-

ли в городе, и он вынужден был искать себе место жительства. По вербовке прибыл в город Артемовский и стал шахтером. Работал на шахтах «Ключи» и «Буланаш-3». Вырастил дочь и семь сыновей.

И только в 1992 г. С. А. Хлюпин узнал, что осужден он был без вины и полностью реабилитирован еще 24 сентября 1958 г.

Чебаков Иван Иванович

И. И. Чебаков родился в 1887 г. в семье рабочего и сам – рабочий Ирбитского металлопрокатного завода. В 1906 г. был членом подпольного революционного кружка. В 1917 г. он – участник первой мировой войны, будучи солдатом Западного фронта, вступил в партию большевиков и был избран в ротный и полковой комитеты.

Демобилизовавшись, помогал А. В. Шаньгину в организации партячейки в поселке. И. И. Чебаков, заместитель председателя первого Ирбитского уездного комитета партии, проводил большую работу по организации Советской власти в городе Ирбите и в селах Ирбитского уезда.

Во время гражданской войны воевал в Камышловском полку, но после болезни тифом демобилизовался и получил направление укома партии в Шогринскую волость начальником милиции по борьбе с дезертирством из Красной Армии; одновременно являлся председателем Шогринского волостного комитета партии коммунистов. В двадцатые годы возглавлял партийные коллективы Ирбитского металлопрокатного завода, Егоршинских угольных копей, вновь Ирбитского завода. После учебы на курсах партактива при Уралобкоме партии был назначен начальником работ Уралсантяжстроя, а вскоре направлен для усиления парторганизации на Уралмашзавод, где выполнял обязанности начальника соцбытового отдела завода, руководил восьмой группой механизации при строительстве второй очереди завода. В 1934 г. – директор фабрики-кухни УЗТМ. Заболел и вновь уехал в Ирбитский Завод. В 1937 г. областным комитетом ВКП(б) назначен директором Егоршинского совхоза, был членом бюро Егоршинского РК ВКП(б).

16 сентября 1937 г. без предъявления обвинения был арестован. Обвинялся по статье 58 (7, 8, 17). Тройка УНКВД по Свердловской области приговорила И. И. Чебакова к 15 годам исправительно-трудовых работ и к 5 годам поражения в правах. В начале 1938 г. был

выслан в Соловецкий лагерь особого назначения (Соловки). Здесь И. И. Чебаков выполнял самые тяжелые работы добросовестно, чем заслужил возможность письменно изложить свою непричастность к троцкистской деятельности. Он объяснил, что, «находясь на партийной работе, сам всегда вел активную борьбу с троцкистами и другими оппортунистами».

Дело было пересмотрено, и 2 сентября 1941 г. И. И. Чебаков был освобожден. Вернулся в п. Красногвардейский к семье, работал вновь до 1950 г. на родном заводе, не терял связь с партийной организацией.

2 сентября 1957 г., когда Ивану Ивановичу исполнилось 70 лет, он был реабилитирован.

Аникин

Семен Григорьевич

С. г. Аникин родился в 1908 г. в крестьянской семье. Только женился, молодую семью полностью разорили – раскулачили. Раскулачили родителей его и жены, Таисьи Степановны. Начались мытарства – проблемы с работой, жильем. Наконец, семья прибилась в Ирбитский Завод. Семен Григорьевич устроился на работу в мехлесопункт слесарем, получил квартиру в бараке. Начал налаживать быт. Семья начала более или менее спокойно жить.

5 февраля 1938 г. Семен Григорьевич Аникин был арестован и 26 февраля 1938 г. осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области по статье 58.

Осталась Таисья Степановна вдовой горе мыкать. На руках мать и трое детей: Тамаре – 8 лет, Вениамину – 6 лет, Юре – 5 лет. Через три с половиной месяца после ареста мужа (он был уже расстрелян) она родила четвертого ребенка – мальчика, который не смог выжить в тех условиях, в каких пришлось мучиться семье.

Таисье Степановне сразу предложили освободить квартиру. На плечи болезненной, физически слабой женщины легли все заботы о семье. Не имея ни образования, ни специальности, работала то сторожем, то конюхом. Летом надо было с лошадьми выезжать в ночное, днем заготавливать для них сено: косить, грести, метать, зимой – вывозить.

В течение первых трех лет Таисья Степановна с семьей меняла «угол» четыре раза: никто долго не держал квартирантов, которым нечем платить, хотя Таисья Степановна хозяевам стремилась во всем угодить, помочь во всякой работе, но все ни в счет, как ни стараясь. Пришлось продать корову, лишиться детей последней радости – молочка и купить половину полуразвалившегося дома. А тут война... Теперь детям приходилось испытывать постоянно чувство голода. И так годы, годы...

Ущемляли самолюбие злые реплики неумных соседей: подкулачники, враги народа, тюремщики и т. п. Заботы, тяготы, унижения подорвали здоровье Таисьи Степановны, и сорока трех лет она уже получила инвалидность второй группы. Пенсия 12 рублей. Хотя чувствовали себя ущемленными и очень нуждались материально, все дети учились хорошо. Дочь Тамара Семеновна окончила педучилище и на вечернем отделении – Свердловский пединститут. Вениамин Семенович с отличным аттестатом об окончании средней школы и любовью к точным наукам хотел поступить в Ленинградский кораблестроительный институт, но, получив анкету для заполнения, понял, что сыну врага народа там места нет, хотя, по словам «отца народов», дети за отцов не отвечают. Был вынужден поступить в Свердловский пединститут, не думая стать учителем. Когда учился на втором курсе, проходил отбор лучших студентов, юношей отправили в Томский университет на закрытый факультет атомной физики. Страстно хотелось попасть Вениамину в эту группу, но... не попал, хотя был одним из лучших студентов факультета физики. Фотография его висела на доске почета пединститута.

Тем не менее, своей профессиональной судьбой Вениамин Семенович был доволен. Он – заслуженный учитель школы РСФСР, награжден правительственными наградами: орденами Ленина и Знак Почета и многими ведомственными. Но боль за беспричинно лишеного жизни отца, моральные и физические муки матери, за трудное детство и юность его, брата и сестры чувствовал всегда.

Семен Григорьевич Аникин, слесарь Ирбитскозаводского мехлесопункта, был арестован 5 февраля 1938 г., расстрелян 10 марта 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Посмертно.

Юдаков Андрей Яковлевич

Красавина (Фанда) Ольга Андреевна

На карте исправительно-трудовых лагерей в кабинете Берии Акмолинское отделение КарЛаг(а) (Карагандинского ИТЛ) было помечено цифрой 26. Эта двадцать шестая точка больше известна местно-

му населению как АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Название это дали не в Кремле, не в НКВД. Его зашифровали сами «зэчки» – это горькая шутка.

На этом клочке земли, в когтях колючей проволоки, под всевидящим оком с вышек почти 20 лет мыкали долю подруги «врагов народа» и их «вражьи дети». В разные годы лагерь насчитывал от 6 до 8 тысяч заключенных. Многие не знали, что давно стали вдовами, потому что мужа их расстреляны. Верили, что закон и милосердие восторжествуют, вернут свободу, дом, семью. Ради этого держались, терпели допросы, тюрьмы, бараки, каторжный труд, разлуку с детьми. Старались всеми силами сохранить чистоту помыслов и поступков. Во что бы то ни стало выжить, не сломаться, не сойти с ума.

Умирали. Ломались. Сходили с ума. Не всем по плечу оказались недостойные человека условия АЛЖИРа, не все сумели выйти хотя бы полуживыми из этой чудовищной несовместимости: женщина и тюрьма.

«Девочки» – так они обращались друг к другу. Здесь были молодые интеллигентные женщины: врачи, ученые, актрисы, учителя, агрономы, балерины – разных профессий «девочки». Каждая из них в свое время не подписала бумагу об отречении от своего мужа, не поверив в то, что он – преступник.

В АЛЖИРе отбывала долгий срок Красавина Ольга Андреевна. Вина ее была в том, что была она женой Юдакова Андрея Яковлевича, признанного властями врагом народа. Прожить с мужем до ареста она успела всего один год. Узнала о нем очень мало: уроженец Тульской области, окончил железнодорожный техникум, распределился в Егоршинское отделение железной дороги, где работал мастером колесных пар вагонного депо.

Красивый молодой человек, интеллигентный, веселый, общительный, добрый. Дружили они недолго, в 1935 году поженились. Год и месяц совместной жизни пролетели как один день. Счастливые, они не думали, что кто-то может принести беду в их дом, разрушить семейный очаг. Радостям, казалось, не будет предела, когда в доме появился сын.

В декабре 1936 года Андрей Яковлевич был арестован как изменник Родины, активный участник контрреволюционной троцкистско-террористической организации, а в 25 лет расстрелян.

Сразу после рождения сына Ольга Андреевна осталась вдовой. Тяжело переживала арест мужа, но не верила в его вину перед Советской властью. Надеялась, что разберутся, и муж вернется. Квартиру, конечно, сразу пришлось освободить, их с сыном приютили ее родители. Жила надеждой на скорое возвращение мужа, но пришло извещение, что 25 марта 1937 года он умер в Свердловской областной тюрьме, конечно, не сообщили правду, что расстрелян. Теперь оплакивала двадцатитрехлетняя вдова не только свою судьбу, но и судьбу малютки-сына.

24 октября 1937 г. была арестована сама Ольга Андреевна как жена врага народа, знавшая о его контрреволюционной деятельности, но не сообщившая органам НКВД и не признавшая своей вины. Суда ей не было. Приговор объявили на бумаге: пять лет ИТЛ. Отбывать наказание отправили в АЛЖИР.

Работала на самых тяжелых работах, как все, по 14-15 часов в сутки. Когда по хрущевскому призыву поднимать целину в новорожденное село Малиновка (так называли АЛЖИР во времена освоения целины) прибыла молодежь, в нем уже были к тому времени крепкие фермы, электростанция, швейная мастерская, пекарня, теплицы, водоканал, на 12-метровые столбы поднят головной арык, над озером насыпан земляной вал. Стояли саманные бараки, а в них жили люди, которые на всех этих объектах работали. Кто все это построил для новоселов, вряд ли прибывшие задумывались. И уж, конечно, никто из них не догадался, что ни единого гвоздика здесь не коснулась рука мужчины... Всеми ирригационными работами в лагере руководила такая же заключенная, как все, – агроном Галина Ивановна Руденко. «Алжирки» пахали землю на 18 гектарах, сажали овощи.

26-я точка не висела обузой на шее Страны Советов. Многопрофильное и прибыльное хозяйство ГУЛАГа с лихвой отработывало тухлые бараньи головы и отсечки ячневой крупы, которыми расплачивалось государство с заключенными.

...Плывет над АЛЖИРОм удушливый серный дым, им травят клопов в бараках. Воеет метель. Воят волки в степи. Тяжело длится ночь.

Кто-то читает в темноте наизусть Толстого, Тургенева, Пушкина или Лермонтова. С тобой только прошлое – думы о муже, в чем его вина перед Советской властью, да и есть ли вина. Кто оговорил его? За что? Каково сыночку без матери и отца в детском доме? За что седеют головы и болят сердца у родителей?

24 октября 1942 года срок Ольги Андреевны закончился, но освободившихся всех закрепили на месте. Они по-прежнему должны работать на лагерных полях и фермах, но жить уже за зоной. Если в лагере не слышали они матерного слова, там не было драк и скандалов, то теперь судить и рядить о них и об их детях предоставлялось право старухам и молодкам, а для них бывшая «зэчка» – это «лагерная шалава», «вражина», «шпионка». Выехать нельзя никуда, приходилось терпеть все унижения.

После ареста Ольги Андреевны ее сын Владик остался у ее родителей, но вскоре был сдан в Покровский детский дом. Как ему, сыну врага народа, жилось там, он сам потом описывал так: «Воспитанник детского дома в селе Покровском Свердловской области. Вспоминаю его как детский ГУЛАГ с его грубыми порядками и человеконенавистнической администрацией. В 1946 году переезд в АЛЖИР, где освобожденные матери без права выезда жили за пределами колючей проволоки, но рядом с ней. Так что детскими глазами увидел советскую действительность».

Ольга Андреевна так навечно и осталась жить в Казахстане. Вышла замуж, создала вторую семью. Но страх за судьбу сына все годы до реабилитации ее и мужа Андрея Яковлевича не покидал ее. Боялась, что сына в армию не возьмут и специальность он не сумеет получить.

Подводя итог жизни, Ольга Андреевна говорит: «Доживаю свой век неплохо. У детей хорошие семьи, хорошие специальности: сын – начальник отдела на Целиноградском насосном заводе, старшая дочь – врач-психиатр, младшая – инженер-строитель. Но боль за старое не утихала и не утихает».

Шомин Гаврил Семенович

Г. С. Шомин родился в с. Большое Аникино. Там и создал семью, и исправно вел хозяйство. Когда началась коллективизация, первым в колхоз не вступил, решил присмотреться, что получится из колхоза, ведь были же коммуны, да распались. Когда понял, что колхозы – серьезно и надолго, подал заявление, и в мае 1931 г. как середняк был принят в колхоз; сдал скот, сельхозинвентарь. А в марте 1933 г. провели чистку в колхозе, и его семью «вычистили», т. е. из колхоза

исключили, лишили даже приусадебной земли, конфисковали последнюю корову и все пожитки, лишили права гражданства. Как жить дальше?

Вынужден был Гаврил Семенович писать прошение в Уральский областной исполнительный комитет. Его прошение было передано в Егоршинский райисполком. Заседание президиума Егоршинского райисполкома 22 декабря 1934 г. рассмотрело дело Шомина и приняло постановление: «Согласно документам Б-Аникинского сельского Совета, хозяйство раскулачено неправильно и признаков кулацких нет. Лишены избирательных прав неправильно. В правах гражданства восстановить, изъятое имущество возвратить»

Но тот, кто когда-то раскулачивал Шомина, не успокоился, и в разгул репрессии Г. С. Шомин вновь попал в список одним из первых, только теперь уже как враг народа. 6 февраля 1938 г. он был арестован, а 10 марта 1938 г. – расстрелян.

Семья осталась без кормильца. Но к Великой Отечественной его сын уже успел подрасти, и ему, сыну врага народа, было доверено защищать Отечество. С войны вернулся инвалидом и молодым ушел в мир иной.

Шомин Гаврил Семенович реабилитирован в 1956 г. посмертно.

Пушкарев Степан Леонидович, Пушкарева Елена Михайловна и их родственники

Степан Леонидович Пушкарев родился в 1891 г. в деревне Голяково Ирбитского уезда (в годы репрессий Егоршинского района). Здесь прошли его детство и юность. Военскую службу проходил на линейных кораблях «Севастополь» и «Россия». Там вступил в партию большевиков, получил высокую политическую и техническую подготовку. Демобилизовавшись, в деревне не остался, поступил на Ирбитский металлопрокатный завод. Здесь было много рабочих, прошедших подобную «школу». Они группировались, а когда началась гражданская война, встали на защиту Советской власти. Почти все они стали командирами в своем Камышловском полку или в дру-

гих частях Красной Армии. Был и командиром, и политработником и Степан Леонидович Пушкарев, участвовал в освобождении Урала от белых. Демобилизовался только в 1924 г. в должности комиссара полка. Потом работал на различных должностях в народном хозяйстве. Связь с друзьями по гражданской войне не терял. Все они: Панов Николай Петрович, Панов Михаил Петрович, Никонов Григорий Васильевич, Смирнов Григорий Афиногенович, Коростелев Михаил Климентьевич, Вырышев Иван Платонович – были репрессированы в 1936-1938 гг. Репрессирован был и Степан Леонидович Пушкарев как активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. А 31 мая 1937 г. он разделил участь многих своих однополчан – был расстрелян.

13 августа 1990 г. реабилитирован посмертно.

Елена Михайловна Ананьина родилась в 1899 г. в селе Стригановском Ирбитского уезда. С будущим своим мужем, Степаном Леонидовичем Пушкаревым, познакомилась Елена Михайловна на фронте. Бойцом Красной Армии вместе с мужем она прошла по дорогам гражданской войны. Создали семью, взяли двоих сирот на воспитание. Когда Степана Леонидовича арестовали, не оставили в покое и Елену Михайловну. Она, жена врага народа, должна держать ответ за него. Ее отправили отбывать наказание на Колыму, в Магадан, на пять лет, но пришлось вытерпеть все восемь, до окончания войны. Отбыв наказание, права на выезд из Магадана не получила, была

оставлена на поселение. Да и куда ехать? Муж расстрелян, детей не наша, дома нет. Умерла в доме старчества в г. Магадане.

Реабилитирована в 1958 г.

Их дочь, Антонина Степановна Пушкарева, родилась в 1918 г. Во время ареста родителей училась в Свердловском строительном техникуме. Сын, Василий Степанович, 1918 года рождения, работал учеником наборщика в типографии газеты «Уральский рабочий». После ареста родителей они как в воду канули, никто из родственников их больше не видел, ничего о них не слышали, подозревали, что и сын, и дочь были арестованы. Двоюродные братья Степана Леонидовича были раскулачены, сосланы на Конду, не вернулись, погибли.

О родственниках Елены Михайловны известно следующее: брат, Тимофей Михайлович Ананьин, активный участник крестьянского восстания в деревне Першино Ирбитского уезда, с 1907 по 1917 гг. отбывал каторгу в Сибири, участник и инвалид гражданской войны, в последнее время работал счетоводом в Стригановском сельпо. 8 марта 1938 г. арестован и обвинен в принадлежности к контрреволюционной повстанческой подпольной эсеровской организации, действовавшей на территории Егоршинского района. В мае 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Его сын, Ананьин Михаил Тимофеевич, шофер колхоза «Новый путь» (деревня Лаптево, тогда Егоршинского района), арестован раньше отца, в октябре 1937 г., обвинен в проведении контрреволюционной агитации, направленной на дискредитацию колхозов, также обвинен в клевете на руководителей партии и правительства и в порче техники с вредительской целью. Расстрелян в ноябре 1937 г. Реабилитирован в январе 1989 г. посмертно.

Лазуков

Никанор Николаевич

Н. Н. Лазуков родился в 1916 году в селе Крутиха, теперь Ирбитского района. В большой крепкой крестьянской семье был пятым ребенком. Был и шестой, родившийся после смерти отца. Вот с шестеркой детей и осталась вдовой его мать, когда Нике было три года. Знала она, что все спасение в труде. Сама трудилась до седьмого пота и детей рано приучала к труду. Они делали всю крестьянскую работу. Чтобы нажить копейку, мать даже се-

яла табак, а дети растили его, сушили, рубили в деревянном корыте и продавали.

Шести лет Никанор уже боронил, пас коров, а девяти лет мать отдала его к кулаку в соседнюю деревню батрачить. Никанор Николаевич вспоминает: «Боронил на четырех лошадях одновременно в четыре следа. Свезет хозяин утром в поле, поможет запрячь лошадей, расставит их, а сам уедет заниматься другим делом». И девятилетнее дитя весь день «вьется», как червь, на поле. Зимой на них с братом, который был старше его на год, лежала вся работа по заготовке и вывозке из леса дров. Бывало, вдвоем на трех лошадях ехали в лес.

Хозяйство, как крепкое стали душить налогами, и к 1930 году оно обеднело. Мать к весне сумела сохранить немного семян ржи. Посеяли, а на еду ничего не осталось. Делать нечего, собрала мать детей и поехала в Ирбитский Завод как-то там прокормиться летом, пока созреет рожь. Мать устроилась работать полумойкой в заводской столовой, а дети стали собирать кусочки. Но таких побирушек и без них было много, так что кусочков перепало мало.

Вдруг из Крутихинского сельсовета приходит бумага с требованием: сдать государству 150 пудов пшеницы и 300 рублей денег в трехдневный срок. Это в то время, когда семья чуть с голода не пухнет. Налог уплатить, конечно, было нечем, за налог конфисковали дом в Крутихе. Но, чтобы делу дать законный вид, составили документ, что хозяйство кулацкое, нажито, значит, все путем эксплуатации чужого труда, подлежит конфискации. Лето кончилось, а возвращаться некуда.

Ирбитскозаводской совет тоже «позаботился» об этой семье: четырнадцатилетнего Никанора и его пятнадцатилетнего брата вызвали в совет и направили на лесозаготовки – пилить дрова на Липовских печах. Норма на одного человека – пять кубометров в день, на двоих – десять. Снег глубокий, за день вся одежда и обувь намокнут, заледенеют, за ночь в бараке не успеют высохнуть. Утром сырую одежду надевают и вновь идут в лес. Хлеба давали 300 граммов да суп из тухлой рыбы. Десятник на работу в лес гонял с револьвером. К мальчикам относились с презрением, мол, кулацкое отродье, здесь надо работать, а вы привыкли на чужом горбу ехать. Силы у ребятшек кончались. Чувствовал Никанор, что не выжить. Решил сбежать. Однажды утром, еще было темно, когда десятник повел их на работу, Никанор с дорожки в лесосеку не свернул, спрятался за дерево, а потом побежал вдоль по дороге в Ирбитский Завод. Путь наметил в Егоршино, куда перебралась уже мать. Пришел на вокзал, присидел

до середины ночи. Стали продавать билеты, встал в очередь. Вдруг заходит в вокзал десятник – его ищет. Никанор сумел юркнуть в толпу и незаметно выбежал из вокзала. Куда? Ночь, мороз. Пошел вдоль по поселку искать обогрев. Одна семья приютила, а утром дала наставление, чтобы шел лесом, держался реки. Так и шел берегом. Петляла река, с ней петлял Никанор. В Писанце зашел к тете, ночевал. Тетя накормила, вывела опять к реке.

Зимний день невелик. Уже в темноте добрался до Егоршино, а там матери нет. Она работала на погрузке угля в вагоны, но ей под-сказали: «Коли кулачка, лишена права голоса, могут арестовать». Вот и уехала она в Нижний Тагил, где жила старшая дочь.

Как разыскать мать и сестру в Тагиле? Разыскать-то разыскал он, а жить негде. Мать мыла полы в вагонах, там и жила. Никанора взяли на работу чистить ковш экскаватора. Платили гроши, но дали паек. В 1931 году он уже работал землекопом. Трудно было, но жили сытно. Мать с Никанором работали, а младший брат вел хозяйство: получал хлеб, варил еду. О брате, который остался на лесозаготовках, они больше ничего не слышали, погиб.

В 1933 году Никанор перешел работать сначала подручным слесаря по ремонту вагонов, а потом и слесарем. Когда стали строить станцию Смычка, пригласили работать молотобойцем. Обрадовался: зимой не на улице. За добросовестный труд дали квартиру. А когда стал осматривать вагоны, зажили совсем хорошо: квартира, хороший заработок, мать уволил с работы.

Пришла повестка из горвоенкомата. Явился. Выстроили в две шеренги собравшихся и сказали: кого назовут – выходить из строя. Всех, кто вышел, попросили написать свою биографию. Сказали: «Здоровье хорошее – пойдете в военное училище учиться на командиров». Никанор Николаевич описал всю свою жизнь без утайки, даже про то, что купил костюм и гармошку. Через два месяца вызывают его в военкомат. Там трое военных напустились: «Ты все врал в своей биографии! Решил нас обмануть, сам сын крупного кулака, а представился бедняком. Хотел пролезть в Красную Армию для вредительства. Пишешь, что рад хорошей жизни, а разве может кулак быть рад жизни при Советской власти, если эта власть тебя раскулачила?» Стоял Никанор перед ними, слезы текли из глаз, и выговаривал: «Я рад, правда, рад такой жизни!»

Дело на Никанора было передано в НКВД. Тут же он был уволен с работы. Начал ходить по инстанциям, доказывать, что уволили без причины. Везде ответ: «Скрыл кулацкое происхождение». Дошел до областного прокурора. Тот пообещал разобраться.

Время идет, надо питаться. Продали все пожитки, проели и гармошку, и костюм, а результата никакого. Наконец пришло решение: восстановить, выплатить зарплату за два с половиной месяца. Пошел с решением к начальнику депо Наумову, спросил, когда на работу. Тот ответил: «А это посмотрим». Наумова возмутило, что Лазуков не только добился восстановления на работе, а еще и выплаты денег за вынужденный прогул. Это уж слишком! Надо ему прыти поубавить. Так все будут «качать права» и искать правду. На работе он его не восстановил, а в НКВД сообщил: «Восстановить на работе Лазукова не можем, так как он уволен за контрреволюционную агитацию: зная, что государственный заем 1937 года на укрепление обороноспособности страны, всех агитировал не подписываться на заем».

Лазукову за сокрытие классового происхождения Тройка определила десять лет ИТЛ. Отбывать наказание привезли в Тайшет-лагерь на строительство железной дороги Тайшет-Лена. Работал на лесоповале, копал землю, делал насыпь. Механизация – одноколесная тачка. Кормили по выработке, а выполнить норму на сто процентов было невозможно, так как она была завышена, а силы у людей иссякали с каждым днем. В палатке, рассчитанной на сто двадцать человек, жило семьсот. За первую зиму в лагере умерло много тысяч, но, когда началась весной дизентерия, умирали сотни людей ежедневно. Отвозили в морг иногда полуживых, а потом хоронили. А Лазуков заболел дизентерией, но чудом остался в живых, хотя ему было уже все равно: умирать, так пусть бы быстрее.

В 1940 году этот лагерь был расформирован, и Лазукова перевели в Кузнец-Карагандинский сельскохозяйственный лагерь. Он выполнял все работы, а когда стал комбайнером, ел горстями зерно, тем и восстановил свои силы.

Шла Великая Отечественная война. На фронте большие потери живой силы. Нужно пополнение. Органы НКВД взялись за пересмотр дел некоторых репрессированных лиц. На Лазукова администрация лагеря написала хорошую характеристику. На запрос НКВД Крутихинский совет ответил, что Никанор из сиротской семьи. Видимо, в сельсовете теперь уже работали другие люди.

Вызвали Лазукова в суд, попросили все рассказать о себе. Суд вынес решение: никаких вредительских действий за Лазуковым не числится; от работы его освободить немедленно и направить по месту жительства семьи. Но только из одной двери вышел, не успев понять, что произошло, как зазвали в другую и повели такой разговор: «Ты, конечно, политический, против Советской власти. И на фронт не хочешь». – «Хочу, хочу, хоть сегодня». Тут же направили на военную

комиссию, а вскоре на фронт. Был разведчиком во втором дивизионе 119-й стрелковой дивизии. Командир, узнав, что Никанор Николаевич прибыл из лагеря, может быть, невзлюбил его, а, может, и боялся относиться по-человечески, как бы не закончилась плохо его биография. Как только задание трудное, посылал Лазукова. И каждый раз приговаривал: «Лазуков, искупай свою вину».

Так и искупал Лазуков свою «вину» до конца войны. А за то, за что других разведчиков награждали, он ничего не получал. Уже при другом командире получил медаль «За боевые заслуги», но тут и война кончилась.

Да и потом, на гражданке, в 1952 году, когда стал работать поездным мастером паровозного депо Егоршино, был отстранен от работы: кого-то еще волновало, можно ли доверять ему ответственную работу. Но начальник отдела кадров В. И. Елфимов успокоил: «Не расстраивайтесь, напишите в Верховный Совет РСФСР, а я отправлю письмо и приложу хорошую характеристику». Ответ пришел в КГБ, разобрались и дали справку: «По постановлению Особого Совещания при министре Государственной безопасности Союза ССР от 7 мая 1952 года указанная судимость вместе со всеми, связанными с ней ограничениями с Лазукова Н. Н. снята».

Вот с этого времени наконец-то для Н. Н. Лазукова наступила более или менее спокойная жизнь, но здоровье было уже подорвано, и снятся ему до сих пор кошмарные сны, будто бы вновь вернулась лагерная жизнь. Вспомнит все, что пережил в сталинские времена, ужас берет, неужели все это с ним происходило...

Емелин

Иван Александрович

И. А. Емелин родился в 1899 г. в Юрюзани. Работал в должности техника-сметчика в шахтоуправлении «Егоршинское» и преподавал технику безопасности на техстанции. Имел большую библиотеку, много читал, был человеком интересным, общительным, обладал чувством юмора.

1938 год. Однажды утром, когда дети еще спали, пришли в дом двое, пригласили понятых – соседей и произвели обыск. Конечно, компрометирующего ничего не нашли, но Ивана Александровича

вича увели. Жене сказали: «Не плачьте, вечером придет домой». Но не вернулся Иван Александрович ни этим вечером, ни следующим, никогда.

Екатерина Федоровна, жена И. А. Емелина, наняла адвоката. Суд, по словам адвоката, проходил в Свердловске. На суде, если он и был, Екатерина Федоровна присутствовать, естественно, не могла. Адвокат ей сообщил: «Суд состоялся. Осудили Ивана Александровича по статье 58, дали восемь лет заключения в исправительно-трудовом лагере без права переписки. Конечно, он будет отбывать ни за что. Но он – человек с высшим образованием и должен был знать, что анекдоты рассказывать не надо было».

Тогда Екатерине Федоровне и друзьям Ивана Александровича стало понятно, что его «заложил» председатель шахтного комитета, некто Ю., в чьем присутствии и был рассказан злополучный анекдот. А незадолго случилось вот что: этот Ю. похаживал в гости к соседке Ивана Александровича. Та оказалась беременной. Тогда этот Ю. дороге к ней сразу забыл. Она родила и обратилась к Ивану Александровичу, как к грамотному человеку, с просьбой написать заявление в суд на взыскание с Ю. алиментов. Ю. обрушил свой гнев не на бывшую подругу, а на Ивана Александровича и пригрозил: «Ты меня, сука, вспомнишь!»

Иван Александрович вспомнил его, конечно, сразу, как только его обвинили в рассказывании политических анекдотов.

А еще адвокат сообщил Екатерине Федоровне, будто бы Иван Александрович писал просьбу о помиловании, получил отрицательный ответ и сразу умер от разрыва сердца. В сообщении о реабилитации было сказано, что И. А. Емелин реабилитирован 18 февраля 1958 г. посмертно, так как умер в 1942 г. 22 июля. Не указаны ни причина, ни место смерти.

Эта информация у меня, как автора этой публикации, вызвала несколько вопросов: во-первых, адвокат вскоре после суда сообщил жене Емелина, что Иван Александрович умер от разрыва сердца, а в справке о реабилитации сказано, что умер только в 1942 г., во-вторых, 1938 г. – пик репрессий, в этот год «мясорубка» НКВД работала во всю мощь, едва ли она могла миновать И. Емелина. Такие сведения мне дала Екатерина Федоровна, хотя у меня были подозрения, что он был расстрелян, но я ей ничего не сказала, так как возможности перепроверить не было. Когда такая возможность появилась, я не нашла Екатерину Федоровну: или дети увезли ее, или она ушла из жизни. А мне прокуратура Свердловской области и КГБ не отвечает, только родственникам.

Осталась Екатерина Федоровна с тремя детьми, как говорят, мал мала меньше: Толя – восьми лет, первоклассник, Володя – трех лет, да годовалая Рая. Екатерина Федоровна при муже не работала, а после его ареста еле-еле приняла уборщицей на шахту имени Кирова. Сколько бед перенесла эта женщина, описать очень трудно, сколько слез пролила! Это и материальные трудности, и оскорбления, насмешки, унижения. Например, ее дети ни разу не получили путевку в пионерский лагерь. Дети шахтеров из обеспеченных семей ездили в пионерлагеря, а ее дети лишены были возможности отдохнуть: дети врага народа.

Ставрович Владимир Владимирович

В. В. Ставрович родился 12 декабря 1899 г. в городе Вильно. Получил незаконченное высшее образование, был человеком все-сторонне развитым, работал главным маркшейдером Егоршинских угольных копей. Семья: Ставрович Юлия Владимировна, его жена; брат, Ставрович Николай Владимирович, жил в Свердловске, отец – в Вильно.

Владимир Владимирович, видимо, настолько смело высказывал свои взгляды на жизнь, что, когда осмыслил все, когда-то сказанное, понял, что, по всей вероятности, ожидает его. А, возможно, кто-то подсказал, что на Владимира Владимировича есть донос в НКВД, а только своему сотруднику Житникову он как-то сказал: «Сейчас мне надо сматываться, а то может быть плохо». И смотался, но... было уже поздно, так как еще 28 января 1937 г. был уже подписан ордер на его арест. Успел он доехать только до Свердловска, зашел к брату, оставил вещи, сам решил сходить еще куда-то, а когда вернулся за вещами, квартиру брата уже обыскивали. Обнаружили его вещи: чемодан с бельем и костюмом и портфель с документами и восемью книгами, 480 рублей и перочинный нож. Так 4 февраля 1937 г. Владимир Владимирович был арестован на квартире брата. Донос на него написал маркшейдер шахты «Филипп» некто К.

На следствии из всех обвинений, предъявленных ему, он признал только, что действительно в присутствии К. высказал желание прочитать книгу Гитлера «Моя борьба», высказал также и ряд одобрений в адрес Гитлера как государственного деятеля. А также высказал желание побывать в Германии и Франции, чтобы узнать правду, ибо советская пресса не всю правду пишет. Ставрович признал, что говорил о хваленох колхозах, что они влачат жалкое существование, а деревня производит впечатление мертвой пустыни, по которой про-шла чума.

Но сколько бы его ни допрашивали, он упорно стоял на своем: «Мне ничего не известно о существовании контрреволюционной организации, сам не занимаюсь контрреволюционной деятельностью и не знаю никого, кто этим занимается. По своим политическим взглядам считаю себя советским человеком».

16 ноября 1937 г. Тройка при УНКВД Свердловской области осудила Ставровича по статье № 58 (7,10,11): «Вредительски составлял план горных выработок, умышленно скрывал лучшие пласты угля, занимался антисоветской пропагандой». Тройка вынесла решение: заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 4 февраля (дня ареста) 1937 г.

Но Ставрович неоднократно писал просьбы пересмотреть его дело, настаивал на том, что ни о каких контрреволюционных организациях ему не известно, сам не занимался контрреволюционной деятельностью. 19 ноября 1939 г. Ставрович из-под стражи был освобожден. Конечно, очень удивляет, что В. В. Ставрович сумел добиться освобождения раньше срока. Видимо, потому, что следствие по его делу шло до мартовского Пленума ЦК ВКП(б), и «мясорубка» НКВД еще не набрала свои обороты.

Ипатов Афанасий Автономович

А. А. Ипатов родился в 1891 г. в г. Реже Свердловской области. Член ВКП(б) с 1928 г. Арестован 21 сентября 1937 г. Проживал по адресу: пос. им. Кирова, дом 15, кв. 2. Работал слесарем по ремонту компрессоров при Егоршинском управлении антрацитовых копей при шахте им. Кирова. Жена Клавдия Афанасьевна – 38 лет, сын Михаил – 15 лет, дочь Рея – 11 лет. Указано в «Деле» все, кроме образования. Видимо, не было смысла записывать, так как оно самое начальное, а вот голова была светлой, и начальство его очень ценило.

После ареста записали А. А. Ипатову в одну контрреволюционную группу с какими людьми!

Гордеев С. А. – главный инженер шахты «Бурсунка», Коломайко Н. М. – бывший начальник отдела капитальных работ Егоршинского шахтоуправления,

Костюков И. А. – бывший главный инженер шахты «Филипп», Мирошниченко – помощник главного инженера шахты «Филипп», Агафонов И. М. – помощник главного инженера шахты «Бурсунка»,

Галанин Н. П. – главный механик Егоршинского шахтоуправления, Соколов – главный инженер шахты им. Кирова, Олейник Я. А. – начальник отдела снабжения Егоршинского шахтоуправления и Ипатов А. А. – слесарь.

Из протокола допроса Ипатова А. А.:

– Почему вы, Ипатов, в этом списке?

– Хотели иметь своего человека среди рабочих.

– Методы этой контрреволюционной группировки?

– Искусственное создание аварий, подтопление и загазирование шахт и т. д.

В ходе следствия «выяснилось», что А. А. Ипатов занимался вредительской деятельностью с 1932 года. Допрос продолжается:

– В чем заключалась ваша вредительская деятельность в 1932 г. ?

– По заданию главного инженера и помощника главного инженера шахты «Филипп» ежедневно переносил воздухопроводные точки из забоя в забой. Ставил туда, где не могли быть сегодня нужны, а убирал оттуда, где была потребность в сжатом воздухе. Не было сжатого воздуха – работы проводились вручную, чем задерживалась добыча угля.

И так с 1932 г. по 1937 г. все «вредил» и «вредил» А. Ипатов, и никто не догадывался, что это делается специально. Судя по «чистосердечным признаниям», «натворил» он так много, что волосы дыбом встают, когда знакомишься с его «Делом» – и все по заданию самого высшего начальства шахт и Егоршинского шахтоуправления.

Рассматривала «Дело» Ипатова не какая-нибудь «Тройка», а выездная сессия Верховной коллегии Верховного Суда СССР. И «пришила» ему статью 58, пункты 7, 8, 11 Уголовного кодекса РСФСР, приговорив к тюремному заключению на 15 лет и поражению в правах на 5 лет с конфискацией имущества.

Только почему-то позднее, конечно, не сразу, бывшие работники УНКВД по Свердловской области Боярский и Кричман, принимавшие участие в следствии по делу Ипатова, за нарушение социалистической законности осуждены по ст. 378 УПК. «Дело» Ипатова и других работников шахтоуправления, чьи дела вели Боярский и Кричман, были сфабрикованы. Когда читаешь эти давние документы, приходится не только удивляться, но и восхищаться фантазией этих следователей. А какими методами заставляли людей подписывать их фантазии, можно только догадываться.

В 1940 г. А. А. Ипатов просил его дело пересмотреть, так как виновным себя не считал, но приговор был оставлен в силе. Реабилитирован Афанасий Автономович 19 июля 1954 г. посмертно.

Сергеев Иван Павлович

Сергеев И. П. родился в Режевском районе. Пришел работать на ЕГРЭС в 1917 г. «Мастер турбинного цеха – один из первых встал в

ряды стахановцев и возглавил борьбу за стахановские методы работы. Под его руководством стахановцы цеха добились сокращения срока ремонта турбины вдвое. Если на ремонт турбины дается 15 дней, рабочие цеха проводят его за 5-6 дней. Нет аварий в цехе в течение ряда последних лет. За время работы вырастил много высококвалифицированных машинистов-турбинистов: Бабкин, Дроздов, Малых, которые теперь даже руководят целыми сменами как старшие машинисты.

Инициативный, энергичный, участвует в общественной жизни – парторганизатор цеха. Окончил курсы социалистических мастеров на отлично. Получил от треста Уралэнерго звание мастера-энергетика. Турбинный цех – ведущий цех ЕГРЭС. Из 54 человек – 22 стахановца и 16 ударников».

Из газеты «Егоршинский рабочий» за 16.11.1936 г.

Сергеев Иван Павлович был репрессирован. Остались жена, Сергеева Валентина, и две дочки – Люда и Ида.

Лыжин Евгений Данилович, Лыжин Павел Данилович

Лыжин Данил Саввич и Елена Ивановна, 1876 года рождения, создали семью в прошлом веке. А вот дети их родились, кроме одного сына, уже в этом веке, но до Октябрьской революции. Самой младшей была долгожданная красавица, рукодельница, любимица всей семьи дочь Оленька, родившаяся в 1915 году. А было еще в семье четыре сына: Павел, Александр, Никандр, Евгений – все в отца, статные, умные, работающие. Больше походили на товарищей, чем на братьев из-за небольшой разницы в возрасте. Отец и мать любовались этой гвардией, гордились.

В двадцатые годы все дети подросли, получили от Советской власти землю, только не ленись, паши, сей, убирай вовремя. Данил Саввич сам не поспит лишних полчаса и сынам не даст понежиться. В пять утра выезжают в поле. Хлеба собирали столько, что хватало семью и скотину прокормить, государству сдать и на рынке продать.

Поставил Данил Саввич себе цель – всем сынам справиться по дому. Сказано – сделано: такой артели все по плечу. Младшему Евгению строили дом кирпичный, кирпичи сами стряпали. До конца дело довести не успели – признала Советская власть Данила Саввича кулаком.

Все началось с того, что стали хозяйство Данилы Саввича облагать налогами. давали все новые и новые задания по сдаче хлеба государству, пока не остались сусеки в амбаре совсем пустыми. Налоги тоже платить стало нечем. Долгими зимними ночами Данил Саввич размышлял: за налоги отберут скот и дом, значит, раскулачат, сошлют куда-нибудь на работу. Но зачем снохе с маленькой дочкой тоже мучиться? Жена сына Никандра, Анастасия Фоминична, – сирота, выросла в семье старшей сестры в д. Паршино. Данил Саввич принял решение, как-то утром сказал снохе: «Настасья, возьми Галинку, собери что получше из одежды, уйдешь к своей сестре в Паршино, как будто от мужа ушла, заберешь корову. Я тебя до лога провожу».

Только Анастасия зашла в лес, вышли на дорогу сосед Свалов да Скутин Ксенофонт, отобрали корову и кошелки с пожитками, пнули под зад и сказали: «Сейчас иди!» В слезах с ребенком пришла Анастасия в дом сестры. Через неделю пришел муж, сказал: «Бери ребенка, пойдем на вокзал». Уехали Никандр с Анастасией и дочкой Галинкой в Нижний Тагил.

Устроился Никандр на работу, получил комнату в бараке, но ведь нет ничего, кроме стен и клопов – не на чем спать, нечем накрыться. В холодном бараке от клопов нет спасения. Стала болеть дочка. Помучились, помучились – решил Никандр ехать обратно домой: будь, что будет.

Мать Елена Ивановна, увидев их, замахала руками: «Все еще хватают, уезжайте быстрее!» И рассказала, что скот забрали, дом конфисковали, отца и шестнадцатилетнюю любимицу Оленьку арестовали и увезли в Свердловскую тюрьму.

И Никандр Данилович со своей Анастасией, никому не показавшись, дожили до следующей ночи, ушли на вокзал и уехали в Асбест. Никандр Данилович устроился на работу в п. Малышево, в шахту. Но жить негде. Обитали по чужим углам и в 1935 г. вернулись в Егоршино. Никандр Данилович устроился работать на шахту им. Кирова, получил комнату как лучший рабочий-стахановец. Семья начала приобретать необходимое. Радости, казалось, не будет конца: после всех скитаний, мучений есть свой дом, хороший заработок, хватает на хлеб и на одежду остается.

Но недолгой была радость: 19 мая 1936 г. Никандра Даниловича не стало: трагически погиб в шахте. Что случилось, Анастасии Фоминичне не объяснили. В квартире без мужа жить она не смогла, ушла с дочкой жить к брату мужа – Павлу Даниловичу. Галина Никандровна вспоминает: «Дядя был очень добрый, ласковый, жалел нас с мамой, нам в их семье было хорошо».

Шахтное начальство считало своей обязанностью помочь молодой вдове и матери погибшего и спросило, в чем они нуждаются. Анастасия Фоминична со свекровью Еленой Ивановной ответили: «Ничего нам не надо, вернули бы нам дом». В доме жили другие люди. Оказалось, что Советская власть отняла у них дом бесплатно, а чтобы получить обратно, нужно его выкупать у той же Советской власти. Требуется 2000 рублей. Шахта выделила эти деньги. Дом был выкуплен, и поселились в нем Елена Ивановна со снохой Анастасией Фоминичной и внучкой Галей.

Наступил страшный 1938 год. 5 февраля были арестованы два сына Елены Ивановны: Лыжин Павел Данилович и Лыжин Евгений Данилович. Жена Евгения Даниловича, Екатерина Григорьевна, вспоминает: «Милиционеры зашли к соседу Скутину, его хотели арестовать. Он – человек уже немолодой, больной, был в это время в бане. Намылся, напарился, зашел в дом, а там ждут его милиционеры. Он все понял. Ему стало плохо. Он лег вдоль лавки и, как говорят, стал с душой расставаться. И расстался. Умер. Милиционеры от соседа зашли к нам. Евгений Данилович собирался на работу на шахту «Бурсунка» во вторую смену. Милиционеры сказали: «Бери паспорт, фотографии, пойдешь с нами».

– Мне на работу надо идти.

– Сходишь с нами. Отпустим на работу.

Но не отпустили. Держали Евгения и Павла несколько дней в Егоршино, в бараке, двор которого был обнесен штакетником и колючей проволокой.

Галина Никандровна, их племянница, помнит, что она, восьмилетняя девочка, ходила со своей мамой и бабушкой к тюремному бараку. Павел Данилович в это время пилил дрова во дворе, увидел их и показал жестами: «Когда вы будете спать, нас повезут». Женщин удивило, что за те несколько дней, что провел в этой тюрьме Павел Данилович, он поседел как лунь. Ночью жены Павла и Евгения бегали к поезду, но мужей не видели. Затем от них не было никаких вестей. У Павла Даниловича осталась жена Мария Саввична и две дочки: трехлетняя Нина и малютка Тамара, которой не было и годика. Чтобы существовать, надо было работать. Уходя на работу, Мария

Саввична оставляла девочек одних. Кончилось тем, что Тамара заболела и умерла, а Нина чудом выжила.

У Евгения Даниловича осталась жена Екатерина Григорьевна и двое детей: дочери Тамаре полтора года, сыну Ване полторы недели. Как жить дальше? Екатерина Григорьевна уходила на работу, детей оставляла одних. Ваню привязывала к зыбке, чтоб не выпал. И он весь день лежал. Сумел дожить до следующего лета. Скосила дизентерия. Умер полутора лет. Тамара выжила.

Осталось у трех братьев по молодой жене и по маленькой дочке-сиротке. От мужей никаких вестей не бывало.

И только в 1957 году получили извещения:

Лыжин Павел Данилович умер 2 апреля 1942 г. от рака печени. Обвинялся необоснованно. В его действиях состава преступления нет. По постановлению президиума Свердловского областного суда от 11 июля 1957 г. Лыжин Павел Данилович полностью реабилитирован посмертно.

Лыжин Евгений Данилович умер 21 ноября 1944 г. от скоротечного туберкулеза. Его дело прекращено, так как обвинялся необоснованно, в его действиях состава преступления нет. По постановлению президиума Свердловского областного суда от 11 июня 1957 г. Лыжин Евгений Данилович полностью реабилитирован посмертно.

Мельникова Тамара Евгеньевна, когда узнала, что прокуратура Свердловской области после 1989 г. стала сообщать настоящие причины гибели пострадавших от репрессий в тридцатые годы, решила сделать запрос, чтобы узнать настоящую причину смерти своего отца, Лыжина Евгения Даниловича, и получила ответ:

«Лыжин Евгений Данилович, 17 ноября 1912 г. рождения, уроженец села Егоршино Егоршинского района Свердловской области... Был арестован НКВД 5 февраля 1938 г. и необоснованно обвинен в том, что являлся участником диверсионно-повстанческой организации, ставившей своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания... Был расстрелян в Свердловске 10 марта 1938 г. Индивидуальных мест захоронения в то время не фиксировали... Лыжин Павел Данилович необоснованно обвинен в том, что являлся руководителем контрреволюционной повстанческой организации, вербовал контрреволюционно-повстанческие кадры и совместно с ними проводил диверсионные акты на шахте им. Кирова. По постановлению Тройки был расстрелян 10 марта 1938 г. в Свердловске.

По постановлению президиума Свердловского областного суда от 11 июля 1957 г. оба брата полностью реабилитированы посмертно.

Понимая всю глубину трагедии, постигшей вас и ваших близких в связи с необоснованными репрессиями отца и дяди, просим принять искренние соболезнования».

Тот, кто не пережил подобной трагедии, не может представить всей ее глубины. Ведь в этой когда-то крепкой и дружной семье не только расстреляны два брата, неизвестно, при каких обстоятельствах погиб в шахте их третий брат Никандр Данилович, в застенках Свердловской тюрьмы погиб их отец Данил Саввич, сидела их шестнадцатилетняя сестра Ольга, а потом отбывала срок на Колыме, погибли не в застенках, а дома их дети, Тамара и Ваня, остались три молодые вдовы и три сироты с раннего детства – Галя, Нина, Тамара.

Меня в этой истории больше всего взволновало, как переносила гибель родных, ее кровинок, Елена Ивановна, видя, как Советская власть под корень рубит ее семью. Елена Ивановна была первой утешительницей молодых вдов, не по одному разу обходила их дома, наводила порядок, топила печки, кормила детей. Поистине, «есть женщины в русских селеньях», мужеству, стойкости которых приходится завидовать.

Лоза Франц Иванович

Ф. И. Лоза родился в 1891 г. в Австрии. Во время первой мировой войны попал в плен к русским вместе с братом. Но в плену их разделили, и больше они не виделись.

После Октября 1917 г. у Советской власти кормить пленных было нечем. Им разрешили пробираться на родину через Дальний Восток, но не организованно, а кто как сможет. Из-за разразившейся гражданской войны пробираться на Дальний Восток стало сложно, одни пленные вступили в Красную Армию и воевали, а другие нанимались на работу в крестьянские хозяйства и этим кормились. Как оказался красивый, статный, замечательный столяр

Франц в селе Б-Трифоново, никто не знает. Женился. Только жена вскоре умерла, остался маленький сынок. Разрешили возвращаться на родину.

Решил ехать домой и Франц. Но как быть с малышом? Как взять маленького ребенка в дальний путь, когда сам не знаешь, что тебя ждет и доберешься ли до родного дома? Решил Франц оставить ма-

лыша у родственников жены, а когда у самого станет жизнь более определенной, приехать и забрать сына.

Собрался в дальнюю дорогу, попрощался с малышом, сел в поезд, но... уехать не смог, не смог оставить свою кровиночку на сиротскую долю. Так и остался Франц в селе, снова женился, построил дом, благо, руки золотые, а Ульяна Алексеевна родила ему двух дочек.

Началась коллективизация, вступили в колхоз, и стал работать Франц Иванович в колхозе им. Сталина столяром. Шумно встретили новый 1938 г. Возле новогодней елки веселились дети, пели и танцевали взрослые. Не предполагали, что 1938 г. будет для семьи Франца Ивановича трагическим.

Уже 3 января пришли в дом два милиционера с ружьем, спросили документы, порылись в тумбочке и изрекли: «Одевайтесь, пойдете с нами, возьмите поесть». Жена подала булку хлеба и кусок мяса, и Франца Ивановича увели. Ульяна Алексеевна ночью не сомкнула глаз. А рано утром зашел председатель сельсовета сам лично и приказал: «Уберите елку!» Этим было сказано все. Радости в этом доме закончились.

Ульяна взяла детей и пошла к тюремному бараку. Свидание не разрешили. Дети стали ходить вокруг барака, заглядывать в окна. Маленькая Севастьяна увидела на окне свою эмалированную кружку, стала стучать в это окно, подошел отец и сказал: «Уля, меня обвиняют в том, что я будто писал письма за границу». Сказать к слову, Франц был неграмотным. Ульяна Алексеевна была тоже неграмотной женщиной, но в РО НКВД Егоршино обращалась неоднократно с просьбой разрешить свидание с мужем. Ей ответили, что мужа отправили в Нижний Тагил. Поехала туда, но свидания не добилась и там. На самом деле Франц был отправлен в Свердловск. Обращалась Ульяна Алексеевна и в прокуратуру Свердловской области, хотела толком разузнать, за что арестован муж и где отбывает срок. Получила ответ: осужден по статье 58, пункты 6, 9, 1. Приговор: десять лет исправительно-трудовых лагерей. От людей узнала, что ее муж – шпион и диверсант; ясно же написано на казенной бумаге: десять лет ИТЛ. И стала надеяться, рассуждая: «Франц – мастер на все руки, найдется ему работа, оценят его люди, помогут выжить». И все надеялась, ждала...

Осталось у нее трое детей: Севастьяна – 13 лет, Тамара – 11 лет, и сын от первой жены Франца. Учить их Ульяне Алексеевне стало не на что. Одной столько ртов не прокормить. Старшие пошли работать в колхоз. Севастьяна Францевна вспоминает: «Я ко всей работе было ловка. Научили меня косить, так я уже тринадцатилетней коси-

ла наравне с мужиками. А в 1941 году вышла замуж. Сама молодая, и муж еще в армии не служил, ему еще только предстояло идти в Красную Армию. Тут ему в военкомате и объявили: «Ты женился на дочери шпиона, таких в Красную Армию не берем». Даже когда началась Отечественная война, и то его не взяли на фронт, всю войну служил в рудармии».

После XX съезда КПСС родственникам многих арестованных по политическим мотивам приходили извещения о их реабилитации. Ульяне Алексеевне такое извещение не пришло, да и спрашивать она не смела, рассуждая: коли не объявился, не написал до сих пор, в живых, значит, его нет, а раз нет в живых, что старое ворошить, только лишнее расстройство, и детям боль от людского презрения. Так и жила, так и умерла женой шпиона и диверсанта.

И только в 1989 г. дочь Севастьяна Францевна отважилась узнать правду. И получила ответ: Франц Иванович Лоза расстрелян 14 июня 1938 г. и реабилитирован посмертно.

Усов Николай Андреевич

Н. А. Усов родился в с. Горки теперь Ирбитского района Свердловской области, в крестьянской семье. Во время коллективизации со своей семьей вступил в колхоз. Работал кузнецом. Кормил свою семью не только заработанным в колхозе, но и держал корову, овец, кур и охотился на птицу. Было у него два охотничьих ружья. Дочь Нина Николаевна вспоминает: «Утром, еще темненько, соскочит с постели и до работы сбегает на озеро, подстрелит одну, а то и две утки, так что особенно родители не горевали, как прокормить детей. В деревне его уважали за трудолюбие и ум».

15 октября 1937 г. рано утром, когда Татьяна Афанасьевна, жена, затопила печь, пришли два милиционера, все перерыли в доме и во дворе. Что искали, неизвестно, но известно, что ничего не нашли. Конфисковали оба охотничьих ружья и принадлежности к ним. Николай Андреевича увели. На прощание он сказал жене: «Не плачь. Я ни в чем не виноват. Все выяснят – отпустят».

Но не отпустили. Увезли в Егоршино, в тюремный барак, где находился Николай Андреевич две недели. Жена приезжала два раза. Свидания не давали, только видела его, когда выводили на прогулку. Не он жене сообщил, в чем его обвиняют, а ее же просил узнать в сельсовете, за что его арестовали, так как тут, где его держат, никто не знает, за что он арестован. Но, видимо, решили, что «дыма без огня не бывает», раз арестован, надо «дело шить». И «сшили». Отправили Николая Андреевича в Свердловскую тюрьму. В сельсовете

Татьяне Афанасьевне тоже ответили, что не знают причины ареста ее мужа. Так с неизвестностью, в чем виновен ее муж, и жила Татьяна Афанасьевна.

Осталась она с четырьмя детьми в маленькой избушке да тут и вырастила их. Дочь Александра Николаевна вспоминает: «В нашей избе стояла одна кровать, спали на полу летом, зимой – на полатах. Осталось от отца нас четверо, мал мала меньше. Старшему Дмитрию исполнилось двенадцать лет, мне – пять лет, Нине – два года, а Володе – два месяца. Я думаю, если наш отец действительно в чем-то был виноват, и то забрать у стольких маленьких детей кормильца – кощунство. А тогда без причины взяли и осиротили таких малышей и, наверное, радовались, что своего добились. Но ребенок без отца – еще не сирота, только полсироты. У нас была мама, любящая нас, заботливая. Как ей было трудно с нами, мы знаем: у нее на глазах были всегда слезы – это мы запомнили хорошо. Двенадцатилетний Митя сразу бросил учебу и пошел работать в колхоз. А в семнадцать лет его взяли на Отечественную. Его на фронте даже в комсомол приняли, чего нельзя было в родном селе. Успел получить он два ранения, получил и награды, только здоровье там оставил и рано умер. А младший брат Володя сразу рос большим, прожил немногим больше сорока лет и тоже умер».

Судила Николая Андреевича Усова 5 ноября 1937 г. Тройка УНКВД по Свердловской области. Приговор: десять лет ИТЛ. Угнали далеко. Отбывал наказание в БАМлаге, строил железную дорогу. Да так в тех суровых местах и остался навсегда.

Прокуратура Иркутской области ответила на запрос дочерей Николая Андреевича, что Усов Н. А. умер в 1939 г. от острой сердечной-сосудистой недостаточности. А прокуратура Свердловской области сообщила, что в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. постановление особой Тройки УНКВД по Свердловской области от 5 января 1937 г. в отношении Усова Николая Андреевича отменено, производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Усов Николай Андреевич реабилитирован полностью (посмертно).

Уваров Александр Аркадьевич

А. А. Уваров родился в 1908 г. в с. Егоршино. Первая его жена умерла, осталось двое детей: Леканида пяти лет и только что родившийся Володя. Володю выходила бабушка. Александр Аркадьевич женился второй раз. От второй жены было двое детей: сын Толя и дочка Люда.

Работал А. А. Уваров электрослесарем шахты «Бурсунка». Дочь Леканида Александровна вспоминает: «Отец мой и бабушка жили в разных домах, но на одном дворе. Я жила с бабушкой, но была своим человеком в доме отца. Однажды увидела, что в дом отца пришли милиционеры, я сразу побежала к ним. Отца с работы еще не было. А когда пришел, милиционеры сказали: «Ты арестован. Быстрее ешь и пойдем». А у них не оказалось хлеба, чтобы поужинать. Я побежала к бабушке, говорю: «Дай кусочек хлеба папку покормить. Он пришел с шахты, а ужинать нечем. Его забирают». Хлеб я принесла. Отец сходил на кухню, поел не поел, не знаю. Вышел, оделся и ушел с милиционерами. Больше мы его не видели. И осталось нас четыре сироты. Володю семи лет неродная мать отдала в пастухи. Пас коз. Мальчик потерялся. Будто кто-то видел, что его посадили в машину и увезли в лес. Не знаю, действительно кто-то увез его в лес и оставил или он сам заблудился, только впоследствии нашли его тело, изъеденное мошками и комарами. А я окончила пять классов, ремесленное училище и всю жизнь проработала на радиозаводе».

Уваров Александр Аркадьевич арестован 5 февраля 1938 г. Расстрелян 10 марта 1938 г. Реабилитирован 11 июня 1956 г.

Якимец

Павел Федорович

П. Ф. Якимец родился в 1915г. в г. Бердянске. Окончил художественное училище. В 1936 г. был призван в Красную Армию, но прослужил всего восемь месяцев и двадцать девять дней.

3 августа 1937 г. был арестован. Приговор: восемь лет ИТЛ. Наказание отбывал в Магадане. Было невозможно, особенно мучительно было переживать голод. Ежедневно умирало много человек. Тела их складывали в штабеля. Летом, когда земля немного оттаивала, вырезали пласт мха, тела складывали и мхом закрывали.

Однажды Павел Федорович простыл, заболело горло. Ангина. От недоедания и болезни потерял силы. На утренней проверке в строю упал. А когда повели на работу, отстал от строя, за это был наказан:

раздели по пояс и посадили «кормить» комаров. Будешь отмахиваться – убьют.

Выжил благодаря тому, что приехал новый начальник лагеря, надо стало ремонтировать и оформлять со вкусом его квартиру. На ремонте работал три месяца без охраны. Повар начальника тоже из заключенных, тоже украинец, кормил Павла Федоровича тем же, что ел сам. П. Ф. Якимец обрел силы. Вскоре перевели в другой лагерь. Там тоже надо было ремонтировать квартиры начальству. После этого дали работу – художником в клубе лагеря. Благодаря тому, что физически стал работать меньше, выжил.

3 августа 1945 г. был освобожден, но больным – заболевание кровеносных сосудов. Дали денег на билет до Бердянска и сухой паек. Сидят Павел Федорович с другом в Москве на вокзале, а денег нет ни поесть, ни билет закомпостировать. Рассказали о своей беде соседке по скамейке. Женщина сказала: «Я вам одолжу, а приедете домой – пришлете мне». Указала адрес и добавила: «Плохо примут дома – приезжайте на Урал, у нас всем работа найдется».

Прожил П. Якимец в Бердянке четыре месяца, на работу не мог устроиться: врагов народа не принимают. Да голодно на Украине после Отечественной войны. И махнул Павел Федорович на Урал, в Егоршино, и заявился к Любви Павловне, что одолжила ему денег в Москве, да и остался у нее жить.

Устроился работать учителем рисования и черчения в школу № 56, но по указанию КГБ вскоре был уволен. Поработал в другом месте, но учить детей рисованию и черчению было некому, вернули в школу. Но... коллеги некоторые сторонились его, боялись общаться или презирали, возмущались: «Как долго будут работать в коллективе враги народа?»

Так продолжалось до реабилитации. Отношение сразу изменилось. Павел Федорович был принят в члены КПСС. Но здоровье уже было подорвано.

Павел Федорович Якимец был хорошим педагогом. Он дал путевку в жизнь многим своим ученикам. Среди них есть и заслуженные художники РСФСР, например, Зырянов Александр Петрович, Степанов Иван Григорьевич.

Он был прекрасным оформителем, им оформлялись, кроме школы, где он работал, здания ГК КПСС, Егоршинского отделения железной дороги, клуб им. Кирова и многие другие здания.

Умер П. Ф. Якимец в 1984 г. от разрыва аорты, болезни, полученной на Колыме в исправительно-трудовом лагере.

Пузанова

Анастасия Степановна

А. С. Пузанова родилась в 1910 году в пос. Ирбитский Завод. После окончания Ирбитскозаводской школы поступила на рабфак в Перми, а затем – в Свердловский медицинский институт. Работала терапевтом в Курганской области.

Муж, Барышников Иван Семенович, окончил институт Красной профессуры, работал заведующим культпросветотдела Челябинского обкома ВКП(б). В 1937 г. был арестован и расстрелян.

7 апреля 1938 г. была арестована Анастасия Степановна как жена врага народа, осуждена на пять лет исправительно-трудового лагеря. После отбывания срока оставлена на поселение, т. е. жить за пределами лагеря, а работать тут же, в лагере.

В 1943 г. Анастасии Степановне было разрешено выехать на родину, в поселок Красногвардейский, ввиду болезни с диагнозом: туберкулез легких в открытой форме. Вернулась Анастасия Степановна в родной поселок, где у родственников жила ее дочь Аля. Когда здоровье немножко поправилось, Анастасия Степановна стала работать врачом в поселковой больнице.

Умерла 4 февраля 1952 г. Реабилитирована 28 марта 1958 г.

Лисивненко

Василий Федорович

В. Ф. Лисивненко родился 31 декабря 1914 г. в селе Литвяки Полтавской области в крестьянской семье. В 1930 г. семью раскулачили. Отца арестовали и увезли, он домой не вернулся. Мать с семерыми детишками вывели из дома зимой на снег. На квартиру никто не пускал. Дети скитались в буквальном смысле слова. Мать на работу устроиться не смогла. На Украине в первой половине тридцатых годов был страшный голод. Люди пухли с голода и умирали. Василию удалось, наконец,

устроиться ремонтным рабочим на железную дорогу. Он видел, как каждое утро с вокзала увозили по десять-двенадцать человек мертвыми, бросали в ямы. Над станцией стоял смрад.

Но вскоре Василия уволители за соцпроисхождение как сына кулака. Написал жалобу, восстановили. Закончил курсы бригадиров и стал работать бригадиром.

8 октября 1937 г. был арестован, 19 ноября повезли на Дальний Восток в двухосном вагоне без рам и стекол. В вагоне человек сорок друг на дружке, так как всем места на полу не хватало. Одеты легко, в чем были арестованы. А через Сибирь ехали уже в декабре. Стояли сильные морозы. На остановках давали поесть. Никто не знал, за что он арестован, куда и зачем везут. Мужчины плакали, как дети, у многих остались семьи на произвол страшной судьбы.

Высадили в районе города Свободный прямо в глубокий снег, одетых почти по-летнему. Держали в бараке еще десять дней, тогда объявили приговор. В. Ф. Лисивненко осужден Тройкой УНКВД Полтавской области по статье 54-10 ч. 1 УК УССР на десять лет. После объявления приговора вновь погрузили в вагоны и повезли обратно. В Коми АССР работал два года и шесть месяцев на лесоповале по двенадцать часов ежедневно, без выходных. Часто по ночам выгоняли грузить вагоны. Жили в бараке, где крыша была, а потолка не было. Нетрудно представить, каково было в зимние морозы в таком бараке. Вольнонаемных в зоне не было, только политические и уголовники. Потом перевели на строительство железной дороги на Воркуту. Здесь Василий Федорович работал мастером, в подчинении было триста человек. Все строительство велось вручную, никакой техники: кайло, тачка, лопата, носилки, ведро. А комаров, мошки – ужас: видимо-невидимо. Что помогло выжить, так это ягоды. Их в тайге столько, что за час-полтора можно собрать ведро. Ели летом до отвала, запасались витаминами в организме на зиму.

30 октября 1942 г. за высокие показатели в труде и отличное поведение в быту Василий Федорович условно-досрочно из-под стражи освобожден, но не стал свободен жить как хочешь и где хочешь. Многих мобилизовали на фронт, а Василия Федоровича отправили в угольную промышленность на строительство буланашских шахт, куда и увез его представитель треста «Егоршинуголь». Паспорт не выдали, а только справку, что В. Ф. Лисивненко освобожден для работы по найму в тресте «Егоршинуголь». По справке сразу видно, что приписан к Егоршинскому району – новый гулаг. Без разрешения коменданта из поселка – никуда.

И только в 1955 г. Василий Федорович получил справку в том, что определением транспортной коллегии Верховного суда РСФСР от 7 мая 1955 г. постановление Особой Тройки УНКВД Полтавской области от 19 ноября 1937 г. в отношении его отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Да, не прибавить, не убавить, как говорят. Всего двадцать пять лет, с 1930 по 1955 г., Василий Федорович страдал ни за что, оказывается.

Умный, трудолюбивый, благожелательный человек, Василий Федорович так и остался жить в поселке Буланаш. Создал семью, построил дом, вырастил хороших детей, все дети известны в городе, пользуются авторитетом – это ли не радость для родителей, компенсация за все муки и унижения.

Стриганов Федор Игнатьевич

Ф. И. Стриганов родился в 1893 г. в с. Покровском Егоршинского района Свердловской области. Покровчане его помнят как балтийского матроса и участника Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г., как одного из организаторов первой партийной ячейки в их селе, первого Покровского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ветераны гражданской войны на Урале знали его как председателя партийного комитета знаменитого полка «Красных орлов»; рабочие завода «Уралмаш» – как своего первого парторга; жители Ирбита, Нижнего Тагила – как активного деятеля Советской власти, а коммунисты Свердловской области – как стойкого большевика, члена партии коммунистов с 1917 г., не раз избираемого в члены Уральского обкома и кандидатом в члены бюро обкома партии, в тридцатые годы работавшего заместителем председателя Свердловского облизполкома. Материалы о деятельности Ф. И. Стриганова экспонируются во многих музеях Свердловской, Пермской, Курганской областей.

Ф. И. Стриганов – прототип уралмашевского комиссара в кинокартине о заводе, подготовленной к 50-летию «Уралмаша». На пилонах мемориала «Коммунар» имя Стриганова занесено одним из первых. Ряд очерков о его деятельности публиковался в газете «Уральский рабочий», в заводской многотиражке «Уралмаша», в городской газете

те г. Ирбита «Восход», в газете «Артемовский рабочий», а также в книгах по истории Урала.

В полном расцвете сил в октябре 1936 г. в возрасте сорока трех лет Ф. И. Стриганов был арестован. После его ареста был собран партийный актив, где предлагалось обсудить его вражескую и партийную деятельность. Коммунисты: Бауленко, Воронин, Вшивцев, Дмитриев и Чирков – выступили в защиту Стриганова, назвав его твердым ленинцем, мужественным защитником дела партии. Сейчас нам понятно, что эти люди рисковали всем, даже своими жизнями, но не могли молчать, когда совершалась несправедливость. Актив не принял никакого решения. И позднее не состоялось партийного осуждения и исключения Стриганова из партии.

22 марта 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ф. И. Стриганова к высшей мере наказания. Он был расстрелян.

В 1956 г. неправый приговор 1936 г. Военной коллегией был отменен за отсутствием состава преступления. И Ф. И. Стриганов был реабилитирован посмертно.

Жена его разделила участь многих жен «врагов народа» и погибла в лагерях.

Свалов Николай Архипович, Свалов Василий Архипович, Свалов Иван Архипович

В ночь с 5 на 6 февраля 1938 г. были арестованы три брата Сваловых: Николай, Василий, Иван – сыны Свалова Архипа Ивановича, который вырастил и воспитал десять детей: шесть сыновей и четыре дочери.

Сам Архип Иванович работал тридцать лет в шахте, пока растил детей, а как сыны подросли и стали сами работать, занялся только сельским хозяйством. А так как после Октябрьской революции получили землю по едокам, а едоков в семье Архипа Ивановича было много, значит, получил он земли порядочно. Семья стала производить много хлеба, хватало с государством рассчитаться, семью прокормить и оставалось продать. И построил Архип Иванович для своей большой семьи большой новый дом.

Сноха Архипа Ивановича, жена его младшего сына Ивана, Мария Сивирьяновна, вспоминает: «Я вошла в эту семью пятнадцатой, в хозяйстве было четыре лошади, четыре коровы. Самый старший брат мужа Ануфрий погиб в мировую войну. Другие братья создавали

семьи, их отделяли, им тоже строили дома, конечно, не такие большие, как отцовский. Всем давали по лошади, по корове. Дочери выходили замуж, им в приданое давали телят, овец и другую живность. Мой муж как младший сын остался жить с родителями в доме отца. Дом был большой, но ничего не было ни в доме, ни на его хозяевах. Когда я начинала стирать белье, просила дать для стирки белье свекра и свекрови. У свекра, кроме курташа (воротника) и нахлесточки, на рубашке ничего не было. Тело он прикрывал худеньким пиджачишком и холстяными штанами. У свекрови переменки тоже не было, она надевала чей-нибудь пиджачишко, пока я стирала и сушила белье.

Но в 1930 г. наша семья была раскулачена. Хлеб выгребли, забрали скотину, из дома нас вывели. У свекрови забрали пальтушку-приданницу (т. е. из приданого еще), она уже стала ветхой, а у свекра – шубу, крытую синим холстом, и ягу. Иван Семенович Поздин сказал: «Хватит, Архип Иванович, поносил ты ягу, теперь мы будем носить».

Я в день раскулачивания с утра ходила в больницу, захожу во двор, а тут уже выгребают хлеб из ларя под крышей. Зашла в дом и увидела, что мое все забрали, даже детские пеленки, оставили в зыбке маленькую подушечку и одеяльце. В общем, что было на нас, в том и вышли из дома. Куда идти? Пошли к моей матери, жили у нее три года, потом на квартире у Федора Яковлевича в малухе, потом в бане.

В момент раскулачивания мой муж работал на ЕГРЭС разнорабочим. Братьев его тоже раскулачили, у двоих дома отобрали, а другие два отстояли... Все братья после раскулачивания поехали работать на СУГРЭС. Поехал и мой Иван. Но специальности нет, значит, квартиры не получить. Вернулся домой, устроился в Зауральскую геологоразведочную партию на бурение. Стал неплохо зарабатывать, появилась надежда купить какой-нибудь домишко, а пока дали комнату в бараке.

Вечером 5 февраля 1938 г. пришел домой с работы, а тут уже все вверх дном перевернуто – обыск. Нашли только благодарности и похвальные грамоты за стахановскую работу. Ему объявили: «Арестован». Он возмутился: «За что? Я хорошо работаю. Вот стахановские документы». Хотел с досады их бросить в печку. А Шастов Михаил

Иванович выхватил документы и сказал: «Нам стахановцев и надо. Мы их и арестовываем».

И осталась я без мужа. На руках свекор, свекровь и трое детей: Галя – первоклассница, Володя – трех лет, Маргарита – 5 месяцев и пяти дней. Из барака сразу выселили. Сначала четыре года жили в доме брата мужа, семья которого жила на СУГРЕСе, а как вернулась в Егоршино, пошли по квартирам, если можно углы, в которых ютились, называть квартирами. Свекор со свекровью жили со мной до смерти. Я за ними доходила, сама схоронила.

После ареста Ивана я еле-еле устроилась на работу уборщицей на электростанцию, да там 28 лет и проработала. Три медали получила за свой труд. Ну, а избушку-развалюшку купила только через девять лет после мужа. Володе уж шел двенадцатый год, мы с ним ее и подлаживали, чтобы хоть как-то можно было жить в ней». А Иван Архипович Свалов, ее дорогой муж, с которым нажила троих детей, но нормальной жизнью не удалось пожить, 10 марта 1938 г. был расстрелян в Свердловске, и, как все артемовцы, расстрелянные в тот же день, 6 апреля 1956 г. реабилитирован посмертно. Марию Сивирьяновну уведомили, что вины за ним нет, но написали еще неправду, от чего он умер. Истинную правду о гибели мужа она узнала только в 1992 г.

Свалов Николай Архипович родился в 1897 г. в семье Архипа Ивановича. С малых лет работал в хозяйстве отца, а подрос – поступил грузчиком вагонов на шахту «Ключи» вместе с братом Степаном Архиповичем. В конце двадцатых годов братья перешли на Егоршинскую ГРЭС, влились в бригаду такелажников. Вскоре Николай Архипович за трудолюбие и смекаливость был назначен бригадиром этой бригады.

Брат Павел Архипович вспоминает: «Первое здание электростанции было маленьким, одноэтажным, но с высокой кирпичной трубой (43 метра высотой), чтобы построить эту трубу, хозяева электростанции, наследники Демидова, выписали специалиста – немца с переводчиком. Под руководством немца и шло строительство трубы. А разбирать эту трубу пришлось бригаде брата – Свалова Николая Архиповича. Начальник строительства третьей очереди Егоршинской ГРЭС пригласил Николая в кабинет и сказал: «Подбери себе бригаду из лучших рабочих, посоветуй-

ся с ними, сколько они захотят получить за то, чтобы разобрать трубу». Бригада решила просить тысячу пятьсот рублей. Николай подумал: «Мало». Начальнику сказал: «Две тысячи рублей». Начальник подал ему 2500 рублей со словами: «На, и иди убирай!»

Или: Пасха. Все празднуют. Плотину электростанции прорвало, вода из пруда ушла, электростанция прекратила работу. Опять администрация ГРЭС обратилась к Николаю: «Выручай, Николай Архипович!» И выручил: собрал бригаду, и в считанные часы брешь в плотине была закрыта».

Шел 1937 год. «Репрессивная машина» в Егоршино исправно работала. Арестованных помещали в один из барачков на берегу реки Бобровка между электростанцией и геологоразведкой. Жена Николая Архиповича, Мария Алексеевна, носила мужу обед на ЕГРЭС. Возвращаясь, увидела у этого барака женщин, пришедших с передачей к мужьям. Она не знала, что тут держат арестованных, и спросила: «За чем очередь?» Получила ответ: «Занимай – узнаешь».

И узнала!

5 февраля впервые отправила на работу семнадцатилетнего старшего сына и сразу во вторую смену. Сердце было беспокойно весь день, волновалась: получится ли у сына с работой, молод еще. Видимо, было предчувствие: что-то плохое должно случиться. И случилось... Да то, что никак не могла ожидать.

Был последний день рабочей недели. К приходу мужа с работы Мария Алексеевна истопила баньку, Николай Архипович не стал есть, пошел мыться. Намылся, напарился, настроение повысилось в предвкушении отдыха. Открывает двери в дом, а там двое из НКВД, один, между прочим, дальний родственник. Не сразу понял Николай Архипович, зачем пожаловали «гости». Подумал: что-то, видимо, сын натворил. Но натворил-то, оказалось, он сам что-то. Делать нечего – пришлось собираться в дальний путь навсегда из дома, который строил своими руками, в котором остается жена с четырьмя детьми: Василий – 17 лет, сегодня впервые ушел на работу, не дождался его отец, не узнал, как поработалось сыну; дочке Шуре – 13 лет, Ане – 9, младшенькому Толе – 8.

Мария Алексеевна уложила детей спать. Сама села думать думать. Старалась меньше плакать, чтобы не расстроить старшего в его первый рабочий день. Да и не верила, чтобы мужа могли в тюрьму посадить – не за что: разберутся – вернется. А что же сказать сыну, когда вернется, почему отца дома нет? Сын зашел, спросила: «У соседа есть ли огонь? Что-то долго отца нет, у них, поди, выпивают». Василий сразу почувствовал беду: «Что-то случилось? Говори уж правду».

Пришлось сказать. Всю ночь с сыном гадали, в чем отец провинился, и обдумывали свою жизнь.

Шестого февраля, на второй день после ареста мужа, к Марии Алексеевне пожаловал милиционер – родственничек и увел телку, а через десять дней пришел за курами. Мария Алексеевна вспоминает: «Телке сама веревочку на шею накинула и поводок подала в руки Михаилу Шастову; а кур десять штук сама поймала и в мешок посадила. Мешок с курами подала Михаилу Ивановичу. Ни слова не произнесла. Слышала, что и жен арестовывают, думала: «Пусть все возьмут, только бы с детьми не разлучили».

Баракы, где держали арестованных, были недалеко от их дома, и Мария Алексеевна с детьми ходили поглядеть на мужа и отца, когда арестованных выводят на прогулку. Анатолий Николаевич вспоминает: «Последний раз видел отца, когда он колот дрова во дворе НКВД. Мы наблюдали в щель забора. Мама плакала». Мария Алексеевна, можно сказать, дневала и ночевала у этого забора и видела, как мужа в колонне повели на вокзал. Успела крикнуть ему прощальные слова, он махнул рукой в знак того, что слышал. Тут и поняла Мария Алексеевна, что надеяться на возвращение мужа нечего, он не вернется. Надо думать, как дальше жить.

Пошла искать работу. Приняли в Зауральскую геологоразведочную партию конюхом, где и работала до пенсионного возраста.

10 марта 1938 г. Николай Архипович был расстрелян.

6 апреля 1956 г. был реабилитирован. Из НКВД пришло извещение, что никакой вины за мужем нет. Он полностью реабилитирован. Мария Алексеевна может получить деньги – двухмесячный оклад мужа по месту его работы.

Не пошла эта женщина за подачкой. Она понимала так: взять деньги – простить Советскую власть, которая принесла ей столько бед: в 1930-м раскулачила, в 1938-м забрала мужа, сгубила его, сделала ее вдовой, а ее детей – сиротами. Простить и забыть это гордая женщина не могла.

И только в 1992 г. Мария Алексеевна узнала правду о гибели мужа, что он был расстрелян в Свердловске.

Свалов Василий Архипович был арестован в ту же ночь, с 6 на 7 февраля 1938 г. Он был третьим сыном Архипа Ивановича, работал до ареста на ЕГРЭС. Осталась жена Капитолина Аркадьевна и сын Коля пяти лет. В живых уже нет ни жены, ни сына.

Свалов Василий Архипович расстрелян 10 марта 1938 г. в Свердловске.

Реабилитирован 6 апреля 1956 г. посмертно.

Малых Максим Степанович

М. С. Малых родился в 1889 г. в д. Паршино Егоршинской волости Ирбитского уезда, в крестьянской семье. Во время гражданской войны партизанил. Однажды, когда ночью пришел домой, его арестовали белые, били плетью в пожарной. Работал на строительстве ЕГРЭС. Когда ЕГРЭС вошла в строй действующих, остался работать сначала рабочим, а в 1934-1935 гг. уже работал теплотехником. В 1935 г. был исключен из рядов ВКП(б), переведен на работу в поселок Малая Иовка Тавдинского района. Но вскоре был и там освобожден от работы. Вынужден был уехать с семьей в Каменск-Уральский, где работал монтером Синарского трубного завода.

24 марта 1938 г. был арестован, а 24 ноября 1938 г. расстрелян в Челябинске. Жена осталась с пятью детьми. Старшей дочери Екатерине – 18 лет, Коле – 16, Боре – 14, Геннадью – 12, Сереже – 10.

Дочери Екатерине сразу после ареста посоветовали уехать с Урала подальше, чтобы не арестовали и ее, что она и сделала. Николай был уже на фронте, когда умерла мать, жена Максима Степановича. Вскоре на фронт ушел и Борис. На фронте ни Николая, ни Бориса в партию не принимали: сыны врага народа. Николай погиб. Борис вернулся, но вскоре от ран умер. Младшего Сережу тетя отдала будто бы кому-то для усыновления или сдала в детдом, но больше его не видели ни братья, Борис и Геннадий, ни сестра Екатерина. Реабилитирован Малых Максим Степанович в 1957 г.

Бодя Иван Петрович

И. П. Бодя родился в 1896 г. в Венгрии. Венгр по национальности. Рано начал работать, еще мальчиком пас свиней. Во время мировой войны попал к русским в плен. В 1918 г. пленные по решению правительства были расконвоированы, им было разрешено ехать домой через Дальний Восток. Многие вступали в Красную Армию. Вступил и Бодя, служил в Третьем Интернациональном полку. Принимал участие в освобождении от белых Самары, Симбирска, верховья Волги, дошел с боями до города Каракульно в Удмуртии. Там познакомился со своей будущей женой.

Женился. Но голодно было в Удмуртии в начале двадцатых годов. Решили ехать на Урал, в хлебные районы, так оказались в Егоршино. Стал зваться русским именем, Иваном Петровичем, устроился работать в стройцах шахты «Филипп», на пилораму. Жена, Улеева Евдокия Ивановна, работала медицинской сестрой в медпункте этой же шахты. Квартиру получили на улице Ленина. Купили корову. Детей рождалось четверо, но выжила только одна дочь Надежда, 1925 г. рождения.

28 февраля 1938 г. пришли в квартиру два человека в штатском, провели обыск. Ничего не взяли, Ивана Петровича увели. Евдокии Ивановны в этот момент дома не было, Надя осталась одна. Знакомые посоветовали Евдокии срочно уехать из Егоршино, не исключено, что могут арестовать и ее. Забралась Евдокия Ивановна с дочкой в самую глубь Якутии, куда отправляли ссыльных, а они приехали добровольно, скрываясь от НКВД. И только в 1949 году переехали из Якутии в Ульяновск.

1 ноября 1938 г. Ивана Петровича Бодя судила Тройка УНКВД Свердловской области и приговорила к восьми годам ИТЛ с правом переписки. Отбывать наказание Иван Петрович был отправлен в 10-й особый лагерь политзаключенных. 10-й ОЛП находился в поселке Лесном Верхне-Камского района Кировской области. Пришло от Ивана Петровича несколько писем, и Евдокия Ивановна в конце 30-х годов решила съездить к мужу. Но ее в зону не пустили. Доехала до станции Яр Кировской области, и железная дорога оборвалась – тупик. Дальше надо было ехать по узкоколейке, но разрешения везти

в зону посторонних нет, и она вынуждена была вернуться, так и не повидав мужа. Вскоре письма не стали приходить.

В 1959 г. получила документ, в котором говорилось, что Бодя И. П. реабилитирован Военным трибуналом Свердловской области 30 апреля 1959 г.

В 1992 г., уже после смерти матери, дочь Надежда Ивановна решила вновь посетить те места, где погиб отец, поклониться его могиле. Теперь ей разрешили въезд в поселок Лесной, и она увидела зону своими глазами: в лесу сохранились землянки, бараки, заборы, колючая проволока и подгнившие вышки. А кругом тайга, вековые ели, болота и комары. До сих пор поселок Лесной не благоустроен: бараки и маленькие деревянные домики, кирпичный только магазин. Теперь в Лесном зона для особо опасных преступников. Надежда Ивановна просила показать, где находится кладбище погибших политзаключенных, на что получила ответ: «Сообщаем, что Бодя И. П., 1896 года рождения, умер 27 июня 1943 г. в 10-м ОЛП Верхне-Камского района Кировской области. Смерть последовала от пеллагры и энтероколита. Захоронен на кладбище 10-го ОЛП. В настоящее время данный ОЛП расформирован, и место захоронения найти невозможно».

Иванова Зинаида Дмитриевна

Зинаида Дмитриевна Иванова родилась в 1925 году в Челябинске. На двенадцатом году от роду Советская власть сделала ее сиротой: 17 октября 1937 года отца, дежурного по сортировочной горке железнодорожной станции Челябинск, арестовали, а уже 31 декабря расстреляли как врага народа. Несколько раз вызывали мать на допрос, что знает о контрреволюционной деятельности мужа, но так как сказать было нечего, часто из НКВД возвращалась она в синяках. Из квартиры сразу выселили, пришлось перебираться из Челябинска в Копейск, на первое время к тете. А потом скиталась по чужим углам. Везде держали квартирантов только несколько месяцев и отказывали. Вновь приходилось искать крышу над головой, это ужасно удручало. Да и людское презрение пережить было нелегко. Например, ни в одну семью подруг и соучениц Зине зайти не разрешалось, так и говорили: «Ты не заходи, пожалуйста, к нам, у тебя папа – враг народа».

А вот когда началась Отечественная война, в Копейск эвакуировался Азово-Черноморский завод № 258 и стал работать на оборону, шестнадцатилетнюю Зину взяли сразу, не поинтересовались, где отец, можно ли дочь врага народа допустить к изготовлению военной продукции. И стала Зина токарем.

Зинаида Дмитриевна вспоминает: «Работали по 12 часов. Месяц работаешь в день, месяц – в ночь. Без выходных. На ходу у сменыцы принимаешь станок, сразу запускаешь и точишь снаряд. Выточил – станок выключаешь, снаряд еще вращается по инерции. По технике безопасности снимать его нельзя, но дорога каждая секунда – надо норму выполнять. Хватаешь еще вращающийся снаряд, снимаешь его со станка, от этого руки все время в стальных занозах от стружки. От боли невозможно сжать кисти рук. Часто точили снаряды из чугуна, в воздухе чугунная пыль, всю смену ею дышишь, лицо от пыли становится черным, блестят только зубы и белки глаз. На третий день моей работы на заводе маму мобилизовали на восстановление железнодорожного пути на территории, освобожденной от врага. Работала в прифронтовой полосе, часто попадала под бомбежку, а 10 месяцев находилась в окружении. Вернулась в 1944 году, и вскоре я ее схоронила. После 12-часового рабочего дня, после изнурительного труда придешь домой, надо печку истопить, отстоять в очереди, чтобы выкупить хлеб. Стоя в очереди, заснешь. Иногда на ходу заснешь. Два раза теряла карточки. От голода опухли руки и ноги, в таком состоянии работала еще три дня. Когда в третий день со смены шла домой, еле добралась до железной дороги, решила: «Брошусь теперь под поезд». Но поезда долго не было, а стоять в ожидании сил не было, я поплелась домой. На мое счастье вернулся в этот день домой брат, он и помог мне пережить эту беду.

Цех не отапливался, мучили сквозняки. Заболели почки, упала прямо в цехе без сознания. Увезли в больницу, лечилась полтора месяца и получила заключение врачей: «Годна к легкому труду». Тогда перевели в ПРБ.

Но самым ужасным для меня было время, когда стали заставлять вступать в комсомол. Мучил страх: как скажу, что мой отец – враг народа. Настаивают, чтобы бригада была комсомольской. Немало было мучительных переживаний, пока дала согласие и готовилась к приему. Но никто не поинтересовался, кто мой отец, где он. Безотцовщина – обычное явление того времени. Страх не проходил, теперь уже от того, что «пролезла» в комсомол. Зайдет, бывало, кто-нибудь в военной форме в цех, например, военпред, я задрожу, как осиновый лист: «Узнали. Это за мной».

Как стала комсомолкой, избрали меня сначала группоргом, а потом и комсоргом цеха. Было более 200 членов, а я – комсорг неосвобожденный. Тут про отдых совсем позабыла, крутилась, сколько сил хватало. Но проснулась ночью, вспомню, что могут меня разоблачить – покроюсь вся холодным потом, сердце в страхе зайдется».

Так и жила Зинаида Дмитриевна со страхом в душе, пока отца не реабилитировали.

Онкин Алексей Филиппович

А. Ф. Онкин родился в 1907 г. в деревне Афанаска Артинского района Свердловской области, в крестьянской семье. В 1927 г. создал свою семью, в 1929 г. вступил в колхоз.

Арестован 22 августа 1932 г. Суда не было. Приговор вынесла чрезвычайная Тройка ОГПУ. Сообщили приговор: ст. 58 пункт 10, десять лет с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях на Соловках. (Соловецкий лагерь особого назначения). Путь на Соловки лежал через ленинградскую пересыльную тюрьму «Кресты», где питание состояло из жиденькой балан-

ды без хлеба и второго блюда. Началась цинга.

На Соловки прибыл только в июле 1933 г. Здесь ссыльных встречали мастера, начальники предприятий и отбирали специалистов, нужных их предприятию. Алексей Филиппович знал сельскохозяйственный труд и мог выполнять плотницкие работы. В таких специалистах нужды не было. Прослышал, что есть на Соловках завод ручной формовки кирпича, расположенный в лесу. Рабочих завода после работы отпускают в лес, в котором много черники. Когда прибыл начальник с этого завода отбирать рабочих, Онкин назвался опытным формовщиком кирпича.

Первый рабочий день. К столу подвезли глину, и Онкин начал формовать кирпич. Получился не кирпич, а кулебяка, так как у Алексея не было ни опыта, ни силы: десны кровоточили, зубы шатались, ноги опухли. Начальнику кирпичного завода мастера доложили о его «художествах». Василий Васильевич, москвич, начальник завода, тоже был из отбывающих наказание, подошел к нему и четко объяснил,

как выполнять работу, сам сформовал несколько кирпичей и сказал: «Да вы уж очень плохо выглядите. Я вам буду выписывать выполнение на 120%, чтобы вы могли получать пайку 1 кг. 100 г. и усиленный котел. А когда вы поправитесь и научитесь формовать кирпич, вы мне рассчитаетесь. Через несколько дней у вас кирпич будет получаться хорошо».

В первый день А. Онкин не наформовал кирпича даже на 50%. И что за кирпич... А на 120% надо состряпать 1200 штук. Стал Алексей получать 1100 г хлеба, а после работы есть чернику не менее чем полведра в день. Уже на четвертый день выполнил норму, скоро появилась сила, и десны перестали кровоточить. Начальнику сказал: «Я теперь могу рассчитаться с долгом, буду после рабочего дня оставаться». И услышал ответ: «Я уже все списал. Мне главное было – спасти вас от неминуемой смерти, а теперь я верю, что вы выживете». Вся жизнь благодарен Алексей Филиппович тому начальнику – Василию Васильевичу.

Раньше Онкин думал: «Домой писать не буду. Все равно сдохну, пусть не знают, где». А уже через десять дней пребывания на Соловках, когда понял, что жив останется, написал домой письмо, попросил посылку.

Когда закончился формовочный сезон, перевели работать плотником на строительство скотного двора. В сентябре подхватил дизентерию. Больницы без лекарств, все лечение – рисовый отвар. Люди дохли, как мухи. К весне из сорока тысяч заключенных в лагере осталось меньше десяти. Потом работал печником, трубчистом, в пожарной команде. Но пожарная команда военизированная, осужденному по политической статье в ней работать нельзя. Работы всем заключенным не хватало, стал «ненаряженным», т.е. безработным. Питание – 500 г хлеба и баланда.

Стали набирать команду на добычу йода из морской лопушки. Ее надо было сушить, сжигать, складывать в мешки и отправлять на большой остров. Проработал 2 недели на маленьком острове Зайчик. Арест. Следственный изолятор, а через четыре дня – в Кремль с запретом выхода. Опять «ненаряженный».

Начальником четвертой трудколони, в которой теперь находился Онкин, был свердловчанин, как-никак земляк. И говорит Алексею: «Ты сможешь работать каптером? Наш каптер – нарком с Украины, работает медленно, экак долго приходится стоять в очереди за пайкой и талоном на завтрак и обед». – «Конечно, смогу». Так с июля 1936 г. по апрель 1937 г. Алексей имел «непыльную» работу, но крутился, чтобы удержаться.

На Соловках зимой были разные курсы. Алексей окончил курсы электриков, радистов. Заочно окончил курсы водителей малых судов. По окончании курсов выдавали дипломы. Перешел в матросы, а потом три навигации работал старшим на катере.

В феврале 1939 г. на Соловках расстреляли 320 политзаключенных. Ждали расстрела второй партии, все очень волновались. Но врагом народа объявили самого Николая Ежова, расстрелов больше не было. Когда открылась очередная навигация, на Соловки прибыли заключенные из лагерей Дальнего Востока, Сибири, Карелии, «Бутырки», «Крестов». Они рассказали, что выборочные расстрелы прошли везде. На Медной горе расстреляли 1200 человек.

В феврале 1939 г. у высокого начальника заболел ребенок. За врачом полетел на материк самолет «У-2». О вылете с Большой земли Соловки получили радиограмму. На полпути самолет был вынужден из-за пурги сделать посадку. Сильный ветер угнал самолет в полыню. Самолет ушел на дно. Врач замерз и на второй день умер. А летчик на пятый день дополз до Соловков. Ему ампутировали обе отмороженные ноги по колено. Ночью же начали собирать экспедицию на поиски врача из восьми человек. Экспедицию возглавил капитан парохода «Ударник».

В эту экспедицию попал и А. Ф. Онкин. Продуктов получили на пять дней. Лодку тащили волоком по льду, только спускали в две полыни. В первый же день добрались до острова. Врача нашли за камнями мертвым, положили в лодку. На ночлег остались на льдине. Началась страшная пурга, она длилась две недели. Лодку все время толкали в сторону Соловков, но ветром и течением ее все время относило в море. Наконец пурга стихла. Не могли определить, где находятся. Четыре дня хорошей погоды – и опять пурга. Галеты делили, каждый получал по две в день. Рубили весла на мелкие щепки, разжигали в ведре, которое приспособили под печку. Таяли снег и пили. На тридцать второй день их лодку прибило к острову Жуэнмун, на котором был маяк и жило семь семей. Их обогрели, но кормить боялись, кормили чуть-чуть. Их экспедицию искали самолеты, но обнаружить не смогли и объявили погибшими. Вдруг позывные. На двухмоторном самолете привезли на Соловки.

Летом 1939 г. их лагерь готовили к закрытию. Заключенных стали партиями отправлять на Большую землю. Онкин попал в последнюю партию. В последний день он получил распоряжение начальника санчасти: «Выкопай могилу в лесу на 15 человек, в трех километрах от Кремля». Весь день копал Алексей Филиппович, задание выполнил. А в двенадцать часов ночи будят, вызывают – и новый приказ:

отвезти мертвецов к той могиле и схоронить. Грузить мертвецов помогли две девушки. Девушки брали их за руки, а он – за ноги. В банку вошло девять, а остальных пятерых положили на телегу рядом с банкой. Начальник санчасти сказал: «Поезжай, тебя догонит верховой и поможет схоронить». Но никто не догнал. Пришлось ночью хоронить одному.

Зажег фонарь, повесил его на березу. Лошадь подвел таким образом, чтобы мертвецы падали прямо в яму. Но упал только один. Тогда вырубил крюк, им стал подтаскивать тела к краю телеги и стягивать в яму. Чтобы достать тела из банки, срубил два кола, ими орудовал. Но сил и смекалки хватило столкнуть только троих, что лежали в банке справа. Трех слева столкнул на землю, тогда навалил банку и остальных столкнул на землю. Падали они как попало, крест накрест, ломались сухожилия, вываливались внутренности. Очевидно, эти люди не были расстреляны. Животы их были разрезаны и схвачены в трех местах. Тех, что лежали на земле, стал толкать к яме. Первый был здоровенный мужчина, последний – молодой красивый парень. Он упал неудачно: головой – в угол, пятками – вверх. Алексей не стал его поправлять, чтобы не испортить красивого лица. Его закрыла земля всего на двадцать сантиметров. Зарыл Алексей могилу, над головой этого юноши сделал бугорок. Могильный холм вышел невысокий, хотя схоронил четырнадцать человек. Воткнул в холм два кола, перерубил крюк, тоже воткнул в холм две его половинки, подумал: «Никогда ваши родные не узнают, где вы схоронены, какой смертью умерли».

Когда Онкин вернулся в Кремль, доложил, что задание выполнил. Дали ему полстакана спирта, граммов полтора колбасы и приказали подписать документ, что никогда никому не расскажет, какое задание выполнял этой ночью. А на словах сказали, что, если расскажет кому-нибудь, получит то же, что и эти люди. А люди эти, по словам А. Ф. Онкина, были завезены на Соловки после убийства Кирова, делегаты XVII съезда ВКП(б), содержались в политизоляторе, а сейчас, когда лагерь готовили к закрытию, их уничтожили.

Стародаев Федор Ефремович

Ф. Е. Стародаев родился в 1892 г. в Белоруссии, в деревне Рухань. Дороги мировой и гражданской войны привели его в Егоршино, где он вместе с другими бойцами Красной Армии был оставлен для охраны и восстановления железнодорожного пути. Затем перешел на шахту им. Артема, где работал начальником горноспасательной станции.

В 1926 г. вступил в партию большевиков, и вскоре был назначен главным инженером, а потом и начальником шахты им. Кирова. Работать было трудно, здоровье ухудшалось, и он вынужден был уйти с работы по состоянию здоровья. Но надо жить, содержать семью, и Федор Ефремович в 1928 г. едет в Свердловск на курсы мастеров алмазного бурения. Работал главным мастером в городе Асбесте, поселке Малышево, затем – в Юго-Канево.

Но сердце стало о себе напоминать чаще и чаще, и Федор Ефремович рассчитался. Было решено вернуться в Егоршино, ведь там свой дом и хорошие

друзья. Друзей у него всегда было много, потому что он был человеком открытым, добрым, старался всем помочь. Работа нашлась быстро – заведующим овощехранилища, а последние два года работал заведующим хлебопекарни.

Шел 1937 год. Придя с работы, Федор Ефремович почти каждый раз спрашивал: «У нас никто не был?». Видя, что людей хватают (уже и друзья многие в застенках НКВД), Федор Ефремович был уверен: арестовывают ни за что. Понимал, что ему вряд ли удастся избежать этой участи, хотя вины за собой никакой не чувствовал.

И этот злополучный день настал. 2 октября 1937 г. явились в дом сотрудники НКВД, сделали обыск, конфисковали охотничье ружье тульского производства и все боеприпасы к нему, а Федора Ефремовича увели. Прощаясь с женой, Федор Ефремович сказал: «Завтра принеси мне одеяло, подушку, полотенце». Надежды на то, что разберутся и отпустят, не лелеял.

Суд проходил в Свердловске 15 октября 1937 г. Судила Тройка УНКВД по Свердловской области по ст. 58 пункт 10 – контрреволюционная агитация. Приговор – 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Был у Федора Ефремовича закадычный друг Куксов – юрист, заядлый охотник, как и сам Федор Ефремович. На охоту друг без друга не ходили, дружили семьями. В момент ареста Федора Ефремовича

Куксов жил уже в Свердловске. Евдокия Михайловна, жена Стародаева, решила к нему обратиться за помощью как к другу мужа, как к юристу. С дочкой Тamarой поехала в Свердловск. Пришла к нему на квартиру и «выложила», что случилось и зачем приехала. Куксов перепугался и говорит: «Хлопотать бесполезно. Идите, миленькие, отсюда быстрее: вы меня не знаете. Идите! Идите! Не хочу сидеть вместе с ним». С тем и ушли.

Поняла Евдокия Михайловна, что плетью обуха не перешибешь, что их беда – это их беда, надеяться не на кого. А как жить?

Евдокия Михайловна, которую муж очень любил, лелеял, как ребенка, привыкла жить беспечно, «за каменной стеной», очень потерялась в этой ситуации. Она была малограмотной, на приличную работу с хорошим заработком устроиться не могла. Да и не очень-то хотели брать на работу ее – жену врага народа. Так что семья испытывала большие материальные трудности. Сын Саша остался от отца шестнадцати лет, хорошо учился, успешно окончил школу, но заболел и в институт не поступил. В 1939 г. был призван в Красную Армию, а пока служил срок – Отечественная. Саша погиб. Дочь Тамара осталась от отца 14 лет, пока окончила школу – война. Стала участницей Великой Отечественной. Детям врагов народа защищать Отечество доверялось.

От Федора Ефремовича было одно письмо со станции Богдагочи. Он писал: «Попал без вины – оболгал товарищ, сказал, что я рассказывал анекдоты на политические темы. Не знаю, что ему надо было от меня. Не волнуйтесь, я скоро вернусь».

Больше писем не было. Семья очень ждала его возвращения или хотя бы письма, но как в воду канул.

И только в 1958 г. пришло извещение: «Стародаев Ф. Е. умер 9 мая 1942 г. от острой дистрофии печени. Вины за ним нет. Полностью реабилитирован посмертно».

В девяностые годы, когда прокуратура Свердловской области родственникам жертв политических репрессий стала сообщать правду о гибели невинно пострадавших, дочь Тамара Федоровна Романова тоже захотела узнать правду о гибели отца. После долгой переписки получила из управления внутренних дел Амурского областного Совета Народных Депутатов сообщение: «Стародаев Федор Ефремович, отбывая наказание в БАМ-лагере, был вторично осужден 26 марта за участие в контрреволюционной троцкистско-бухаринской группировке и приговорен к ВМН. (ВМН – высшая мера наказания – расстрел). Приговор приведен в исполнение 8 июня 1938 г.». Вот и вся правда.

Усыченко

Михаил Федосович

М. Ф. Усыченко родился в селе Антоновка Кагарлыкского района Киевской области. Мать умерла, когда ему исполнился один год. Осталось четверо детей, он был самым младшим. Отец женился, взял женщину с двумя детьми. Хозяйство было крепкое: восемь десятин земли, коровы, лошади, пара волов. Шести лет Михаил уже пас коров, все дети работали в своем хозяйстве. В 1930 г. семью раскулачили. Отца с двумя последними детьми отправили в ссылку г. Чусовая. Отец работал на строитель-

стве бараков для раскулаченных спецпереселенцев. Михаил учился в пятом классе. Условий для учебы не было, писали на бересте.

В 1931 г. отец умер. Брат уехал на родину. Михаил остался один. Жил у старушки, но вскоре она умерла. Он продал две ее юбки, сел в поезд и поехал на Украину. Проедет один-два пролета – высадят; он пособирает милостыню и опять садится в поезд, опять вскоре «зайчика» высаживают. В одном селе его прибрала семья. У них сынишка пяти лет. Вот они и просили Михаила пожить у них, за мальчиком приглядеть да корову отправить в стадо и встретить. Пожил он две недели и стал плакать: надо домой ехать. Хозяйка сшила костюмчик, с учительницей обратились в ОГПУ, мол, мальчик едет из ссылки. Дали денег на билет до Киева. Хозяйка сухарей в дорогу положила.

Доехал Михаил до родного села, стал жить с братом, но на Украине был страшный голод, мор. Михаилу удалось устроиться на работу пастухом. Два года пастушил и сторожил коров ночью, спал с коровами в хлеву.

Исполнилось 17 лет – взяли работать на сахарный завод. Подвозил уголь. Дали кровать в общежитии. Работал около трех лет. Заболела рука, получил больничный лист, решил съездить к брату в родное село.

И вот однажды утром в 1937 г. двоюродный же брат и сообщил: «Ты арестован». Повезли на лошади в родной район, посадили в каталажку, где сидело уже человек сорок, в том числе родной брат Михаила. Держали 72 дня. Допросы проводил председатель сельсовета и милиционер:

– Когда был в деревне, говорил колхозникам: «Не ходите на работу».

– Ты слышал?

– От товарищей слышал.

– Почему товарищи не пришли? Пусть придут и подтвердят. Но подтверждающих не приводили. Брата обвиняли в том, что, когда мотыжил свеклу, подрезал ее с вредительской целью.

Этапом угнали в Котлас, Коми АССР. Там всех выстроили в очередь. Дошла очередь, подошел к столу, услышал: «Обвиняешься по статье 58 пункт 10 – десять лет ИТЛ. Распишись, что с приговором ознакомлен».

И началась лагерная жизнь: лесоповал, распиловка леса. По норме надо было в день напилить семь кубометров леса, в течение дня сжечь все сучья и хвою. Выполнишь норму – 900 граммов хлеба, баланда и ложка каши, не выполнишь – 300 граммов хлеба. Посуды не было. Баланду наливали в шапку, тут же скорей выпьешь. Частые вспышки дизентерии. Люди умирали, как мухи. Вместо погибших привозили новых осужденных.

Брат работал пять лет, заболел воспалением легких и умер. Остался Михаил Федосович один. Старался выжить. Чтобы не ослабеть, больше работал, перевыполнял норму. Значительно перевыполняющим норму стали давать котлетку. Не курил, табак давали всем, его он променивал на кусочек хлеба. Сам Михаил Федосович вспоминает: «В лагере были одни политические, уголовников не было, значит, не было безобразий. В 1943 году привезли пополнение – только московскую интеллигенцию. Работать не умели, пилу в руках никогда не держали – все умерли. Бывало, в разговоре им скажешь, что в лагере уже шесть лет, они не могли поверить, что в этих условиях можно столько прожить. Я думаю: выжил с божьей помощью».

Отбывал наказание я не полностью: не десять лет, а только девять с половиной. Скинули шесть месяцев за пилку леса для авиационной промышленности. Освободился 6 января 1947 г. Дали справку вместо паспорта и разрешили выехать в Молотовскую (Пермскую) область. Работать «таких» принимали только в колхоз. Определился в колхоз «Мериново», первые дни жил в правлении колхоза, а потом отправили на лесозаготовки. Свезли в лес, где стоял один домик. Ходили работать за 5-10 километров. Вечером приходили мокрые до последней нитки, печь не топлена, валились спать, мокрые вещи клали под себя, чтобы чуть-чуть подсохли. Словом, тот же ГУЛАГ. Еще пять лет всю зиму пилил лес, а летом – на полевых работах...»

Михаил Федосович Усыченко реабилитирован 8 января 1965 года. Теперь живет в нашем городе.

Буторин Иван Федорович

И. Ф. Буторин родился в 1903 г. в с. Госьково, в крестьянской семье. Был старшим ребенком. Рос серьезным, пользовался авторитетом среди младших четырех братьев и сестры. Все его очень любили в семье.

Работал составителем поездов на ст. Егоршино. Имел семью: жена Фомаида Александровна и сын Валерий.

«Арестован и осужден Иван Федорович постановлением Тройки при УНКВД по Свердловской области 14 марта 1938 г. за совершение преступ-

ления, предусмотренного ст. 58 пункт 7 ч. 2 УК РСФСР («участие в контрреволюционной организации, ставившей своей задачей совершение вредительских актов на железной дороге»), был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 29 марта 1938 г.

Постановлением президиума Свердловского областного суда от 17 октября 1957 года постановление Тройки было отменено как необоснованное, и дело в отношении Буторина Ивана Федоровича прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Он полностью реабилитирован», – вот такой документ в 1993 г. получил единственный оставшийся в живых его брат Буторин Захар Федорович, который живет в г. Кушве.

Все просто: арестован, расстрелян, реабилитирован, но семьи не стало в 1938 году: Ивана Федоровича расстреляли, шестилетний сын, страстно любивший отца, сразу после его ареста заболел и умер. Жена Фомаида Александровна, потеряв родных, еще 20 лет жила с клеймом «жена врага народа». Да и стало ли ей легче, когда узнала, что муж – не враг народа и пострадал ни за что, да и она ни за что носила это страшное клеймо, переживала людское презрение?

Сосновских Михаил Матвеевич

М. М. Сосновских родился 12 июня 1895 г. в селе Покровском, Егоршинского района Свердловской области, в крестьянской семье.

Работал в Режевском леспромхозе конюхом, в Реже имел квартиру и жил с семьей.

Вечером 23 сентября 1937 г. пришли люди из НКВД, произвели в его квартире обыск и одновременно в нежилом доме в с. Покровском. Ни компрометирующих материалов, ни оружия не нашли, но Михаила Матвеевича увели. Осталось на руках жены, Софьи Николаевны, трое детей: Шуре – 6 лет, Насте – 9, Николаю – 16. Старший Вениамин уже работал учителем в Крутихинской школе. А еще – больная свекровь Анна Моисеевна – 77 лет.

Софья Николаевна еще не успела осмыслить, что произошло, что искали, за что забрали мужа, виноват он в чем-то или разберутся – отпустят его. Всю ночь женщина не спала, думала и решила, что произошло какое-то недоразумение. Утро вечера мудренее, она несколько успокоилась и начала управляться со скотиной. Подоила корову, пришла в квартиру, а там уже новые жильцы прибыли. А ей приказ: освободить квартиру. Побежала к брату за советом, что делать, куда выселяться. А он посадил Софью Николаевну с детьми, свекровью и кошелями в телегу и отправил в Покровское, в их пустующий дом.

Но самое интересное в этой истории то, что Михаил Матвеевич – житель города Режа, а арестовал его РО НКВД Егоршино и привезли его арестованного в Егоршино. Дочь Анастасия Михайловна вспоминает: «Мама часто ходила к барaku, где держали арестованных. Свидания не давали. Но выводили арестованных во двор гулять на 15 минут. Они ходят по кругу, руки держат за спиной. В то время на них жены и посмотрят. Однажды мама водила нас, дочек. Арестованных вывели гулять, а мы стоим за оградой и смотрим. Я увидела отца и закричала: «Папка! Папка!». Его сразу увели в барак. Мама меня поругала: «Отец не подышал свежим воздухом, а мы мало на него посмотрели».

Вскоре отца увезли в Свердловск. И стала жить семья в полной изоляции: не заходили не только соседи, но и братья Михаила Матве-

евича. Знали братья, что семья бедствует, ведь Режевской леспромхоз даже зарплату последнюю М. М. Сосновских не выдал, мол, не отчитался. Ни один из пяти его братьев не позвал к себе жить свою мать Анну Моисеевну. Так и жила она еще два года с невесткой, делила горькую долю ее семьи.

У Софьи Николаевны другой дороги не было, кроме как в колхоз. Работала сама и дочек с собой брала. Где труднее, туда и посылали жену врага народа, отказываться нельзя: как бы самой не «загреть» вслед за мужем. Дочь Анастасия Михайловна вспоминает: «Не пришлось нам с сестрой получить образование, остались неучами. Надо было кусочек хлеба зарабатывать самим. Отца забрали, а тут и война скоро. В школу ходить не в чем было. А отец мечтал всем нам дать образование, как старшему сыну».

Когда Михаила Матвеевича арестовали, его сына Вениамина Михайловича с работы сразу уволили: нельзя сыну врага народа доверять воспитание будущего поколения. Вениамин решил обратиться к председателю ВЦИК Калинину, сказать, что учительскую работу очень любит, с отцом давно вместе не живет и не знает, в чем его обвиняют. Пришел ответ: «Сын за отца не отвечает. Разрешить Сосновских Вениамину Михайловичу работать учителем».

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Далеко не сразу, но получил Сосновских работу в школе, только не в Крутихинской, хотя его там ждали и сотрудники, и ученики, а в Мостовской, видимо, поближе к районному отделу НКВД. А потом война, фронт, контузия, ранение, инвалидность, а вскоре и смерть.

Михаила Матвеевича Сосновских судили по ст. 58 пункт 10 за пропаганду контрреволюционных идей. Определили десять лет исправительно-трудовых лагерей. За десять лет Михаил Матвеевич сменил три лагеря: Саратов, БАМ, Воркута. Хрен редьки не слаще: во всех – изнурительная работа, недоедание, голые нары, плохая одежда и обувь, издевательства охраны и уголовников и болезни, болезни...

Вокруг умирали люди, но Михаил Матвеевич старался работать так, чтобы норму перевыполнять, получать побольше пайку – этим только можно было продержаться, выжить. Помогали закалка трудом, умение работать. Во всех лагерях работал на строительстве железной дороги и железнодорожных мостов. Ужасные условия труда и быта доконали его. Дочери помнят его последнее письмо из Воркуты: «Строили железнодорожный мост через широкую реку. Работать приходилось высоко, а зима, холод, пронизывающие ветры. Очень простудился, подхватил радикулит, лежу в больнице, «прикован к постели». 23 сентября заканчивается мой срок. Не знаю, отпустят ли

домой или оставят на поселение. Так как я очень серьезно заболел, может, и отпустят, ведь работать я уже не могу. Но мне не доехать».

И вдруг неожиданно 29 сентября 1947 г. прибыл домой. Только не сам, а привезла медицинская сестра. Довезла до станции Красные орлы и стала искать, кому бы его сдать, кто бы взялся довезти до села Покровского, чтобы самой со встречным поездом уехать обратно. На ее счастье, привезли к поезду почту, их-то и упросила медсестра увезти М. М. Сосновских до села. Связисты уверили, что довезут не только до села, но и до дома. Среди ночи стук в двери – и под руки вводят Михаила Матвеевича в родной дом и сразу кладут на лавочку. Стоять и ходить он уже не мог – туберкулез позвоночника, не только радикулит, как писал в письме.

Жил в родном селе Михаил Матвеевич еще полтора года, но это назвать жизнью трудно – сплошные муки. А он все равно радовался, что вернулся и умрет дома, где схоронят по-человечески, не то что в лагере. А в лагере на основании приказа начальника ГУЛАГа НКВД ст. майора госбезопасности Наседкина, разосланного зимой 1943 г., всем начальникам ИТЛ НКВД указывалось: «Настоящим устанавливается нижеследующий порядок погребения заключенных:

1. Наряду с захоронением каждого трупа в отдельности разрешить погребение в общих могилах по несколько трупов вместе.

2. Допустить захоронение трупов без гробов и без белья». (НТФ ГАСО ф. 229. Оп. 1. Д – 349. Л. – 21)

Михаил Матвеевич не знал, конечно, чей это приказ и есть ли он вообще, а что трупы хоронили без гробов и белья, видел сам. Так что было чему порадоваться, хотя и понимал, что жить оставалось недолго.

Лоскутов Павел Петрович

П. П. Лоскутов родился в 1914 г. в большой, но дружной семье главного механика шахты «Бурсунка» Петра Лаврентьевича Лоскутова. Павел был старшим из детей. Отличался исключительной аккуратностью во всем, особенно в одежде: рубашка – ослепительной белизны, галстук в тон костюма, туфли начищены до блеска – таким запомнился Павел сверстникам. Рос он очень серьезным, много читал, занимался спортом. Младшие братья: Георгий и Николай – его очень любили, старались во всем ему подражать.

Павел окончил Свердловский индустриальный техникум, работал в должности старшего инженера технического отдела Егоршинской ГРЭС. Активно участвовал в общественной жизни электростанции и поселка им. Артема. На работе пользовался авторитетом.

Отец его был «схвачен» раньше его. Павел остался главой семьи. На его иждивении были мать, сестра и два брата. Как инженерно-технический работник получил по тем временам хорошую квартиру на ул. Ленина, в доме для ИТР, куда и перевез всю семью.

Но радость была короткой. В ночь с 5 на 6 февраля 1938 г. Павел Петрович Лоскутов был арестован. Как ни пытались родственники узнать причину ареста, так все и оставалось тайной. Семью сразу выселили из квартиры, стало понятно: враг народа.

Дело по обвинению Лоскутова Павла Петровича было пересмотрено 6 апреля 1956 г. Военным трибуналом Уральского военного округа. Постановление от 26 февраля 1938 г. в отношении его отменено, и делопроизводство прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Павел Петрович Лоскутов реабилитирован полностью посмертно. В свидетельстве о смерти значилось, что умер он 26 марта 1943 г. от тромбоза коронарных сосудов сердца.

В 1991 году его сестра Роза Петровна Боровкова вновь обратилась к прокурору Свердловской области с просьбой узнать правду о его гибели. И узнала: Павел Петрович Лоскутов, арестованный 5 февраля 1938 г., осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области как участник контрреволюционной организации, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 10 марта 1938 г. в Свердловске. Точное место захоронения не известно. Место массовых захоронений в 12 км от Свердловска по Московскому тракту.

Павел Петрович Лоскутов погиб в 24 года. Свою семью создать не успел.

Капустин Николай Николаевич

Н. Н. Капустин родился в 1901 г. в городе Выксе, в семье служащего канцелярии металлургического завода. В 1925 г. окончил Ленинградский горный институт. Два года работал в Выксе преподавателем техникума, но заскучал на этой работе. Съездил в Москву, в наркомат, и взял направление на практическую работу в Сибирь. В 1936 г. приглашен на работу в комбинат «Свердловскуголь». По приглашению приехал, но решил, что рано «протирать портки» в кабинете, и взял направление в Егоршино, где работал главным инженером Егоршинского шахтоуправления.

Это был веселый, остроумный, жизнерадостный человек, мог сказать правду в глаза, умел найти общий язык с рабочими, за что его любили и уважали.

5 мая 1937 г. Николай Николаевич был арестован и отправлен в Свердловск. Жена с четырнадцатилетней дочкой Зоей сразу после ареста мужа уехала в Выксу к родителям. Оттуда приезжала в Свердловск, выстаивала огромные очереди, чтобы передать мужу передачу. Один раз дали свидание в присутствии следователя. Конечно, Николай Николаевич ничего сказать не мог, но подал жене золотую коронку со своего зуба и добавил: «Здесь лежат зубы...» Очень просил беречь дочь.

Осенью 1937 года, когда жена приехала в очередной раз, ей сказали: «Его здесь нет. Он осужден и сослан в исправительно-трудовой лагерь без права переписки». Судила его Тройка УНКВД по Свердловской области.

Жене его, учительнице, долго не давали в Выксе работу; потом принимали на работу, но вскоре, видимо, по чьему-то приказу уволили как жену врага народа, не доверяя обучать и воспитывать детей. И только через несколько лет разрешили работать в сельской школе, и она восемь лет ежедневно ходила в дождь, слякоть, снег и пургу в село за шесть километров от города пешком туда и обратно.

Дочь, Зоя Николаевна, в 1940 г. окончила среднюю школу с отличием, получила право поступить в институт без экзаменов. Решила поступить в Ленинградский медицинский. Долго решался вопрос, принимать ли дочь врага народа. В списке принятых ее фамилии не было до начала учебного года. И только перед началом занятий она была приписана последней.

10 мая 1958 г. Н. Н. Капустин был реабилитирован. Семью известили, что никакой вины за ним не было. В свидетельстве о смерти написано: «Умер в Выксе в возрасте 53 лет». Это означало, что умер Николай Николаевич на родине в середине шестидесятых годов. Дочь и жена в это время жили в Запорожье.

Можно предположить, сколько душевных мук вновь пришлось пережить его родным, горько сожалевшим о том, что не было их в Выксе в то время, когда Николая Николаевича, больного и немощного, отпустили домой умирать, и он там не смог их найти или не искал, не желая быть обузой.

Но все было совсем не так.

7 мая 1937 г. Николаю Николаевичу был первый допрос:

– Следствие располагает данными о том, что вы являетесь участником контрреволюционной организации, в интересах которой проводили подрывную деятельность в угольной промышленности. Что вы скажете по существу?

– Ни в какой контрреволюционной организации я не участвовал. Виновным себя в этом не признаю.

Затем четыре дня его, видимо, основательно «готовили» к следующему допросу. Не просто так сказал жене о «лечении зубов» Николай Николаевич, отдавая ей коронку. Уже на допросе 11 мая на вопрос о том, когда и кем он был привлечен для вредительской деятельности в угольной промышленности, Капустин будто бы ответил (в протоколе допроса так написано): «Это относится к 1930 году, когда я работал на Анжеро-Судженских коях треста «Кузбассуголь». Привлек главный инженер треста совместно с бывшим управляющим».

На этом же допросе Николай Николаевич показал, что вместе с этими и другими инженерами вел подрывную деятельность. Как то: на шахте № 5 сокращали фронт подготовительных работ на 25-30%, проводили подготовку к подрывке поселка, в котором должны обрушиться 12 вновь построенных домов, и т. п. На следующих допросах: «На шахте им. Володарского в Кизеле выполнял задание главного инженера, вел работу по разрушению электровозного хозяйства, не подготавливал водоотлив, умышленно недодавал количество потребного воздуха. Знал, что на Егоршинских коях ведут вредительско-диверсионную работу главный механик и начальник снабжения шахтоуправления, поощрял и помогал вредителям».

В итоге следствие установило: Н. Н. Капустин в 1930 г. вовлечен в контрреволюционную деятельность и является участником группы, осуществившей в 1934 г. злодейское убийство Кирова и подготовившей в последующие годы террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Протокол подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1937 г. гласил: осудить Н. Н. Капустина по ст. 58 (8, 9, 11) УК РСФСР. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, с применением постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.

Приговор от 1 августа 1937 г.:

«Капустин Николай Николаевич приговаривается к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего имущества,

лично ему принадлежащего. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению».

Приговор приведен в исполнение в этот же день:

1 августа 1937 г. Николай Николаевич Капустин был расстрелян в Свердловске. Об этом не узнали ни жена, ни дочь. Когда прокуратура стала говорить правду, их в живых уже не было.

Пузанов Николай Петрович

Пузанов Н. П. родился в 1898 г. в поселке Ирбитский Завод. Работал заместителем председателя дорпрофсожа Егоршинского отделения Свердловской железной дороги. Арестован 30 августа 1937 г. Осужден по ст. 58 пункт 10 – контрреволюционная пропаганда и агитация. Прошел исправительно-трудовые лагеря Хабаровска, затем Колымские шахты. Его товарищи, кто выжил и освобожден, рассказали жене и дочери Галине Николаевне, что Николай Петрович не поступился своим честным именем и на Колыме, перенося пытки, не принял на себя ложных обвинений, не оговорил товарищей. Очень стойко переносил все превратности судьбы. В 1939 г. погиб. Реабилитирован 21 октября 1958 г.

Галине Николаевне, будущей поэтессе, было 8 лет, но она хорошо запомнила эту страшную ночь, когда отца увели из дома. И не была, какие трудности и унижения пришлось пережить ей с братьями, оставшись с чужой женщиной, которую незадолго до ареста отца пришлось по воле злой судьбы назвать матерью.

Памяти безвинно павших Галина Николаевна Вегова посвятила поэму «Звезды» и несколько стихотворений своему отцу Николаю Петровичу Пузанову.

Звезды (Венок сонетов)

(в сокращении)

Война внутри. Извне – Священная война.

И дети испытали все сполна.

И вечный мой удел – борьба, борьба.

* * *

А волю ведь подспудно изымали.

Не всех, не сразу бесовски пытали,

На веру приучали принимать –

«Единоголосно» мыслить и молчать.

* * *

*Десятки лет мы молча боль носили,
И если в жизни праведники были,
Детей изгоев можно так назвать.
Росли они, работники, солдаты,
Без злобы на Отечество свое.
Был Сталинград, были и Карпаты –
Твое святое место и мое.
Нет нужды нас по книгам обучать,
Как клевету от правды отличать.
И честь отцов всей жизнью утверждать.
Нести над лезвием ножа, как нитку,
Судьбу семьи и ждать, неизвестно ждать,
Всю жизнь прожив без права на ошибку.
Менялись правящие лица «наверху»,
Но только мало в жизни что менялось.
Лишь то же по иному называлось,
По сути нечто от моделей хунт.
И кто не возглашал: «Идем по-ленински!»,
А в той земле из косточек пленницы
Теперь уже у мира на виду...*

Заблудившееся эхо

*Много лет зову я без успеха
Где-то заблудившееся эхо.
Уходя, шепнул отец мне:
«Дочка, не коснется пусть тебя и грусть...
Увела меня слепая ночка,
Рассветает, ты покличь – вернись.
Что б ни говорил я, где б ни ехал,
Повторит тебе мой голос эхо...»
Знать, в такую глушь отец заехал –
Там, где убивают даже эхо.*

Над письмами

Н. П. П

*Когда касаюсь прошлого дыханьем,
Боясь рассыпать желтые листы,
Слух замирает цепко в ожиданье:
Отец, вернись, не сожжены мосты!*

*Пусть жизнь взойдет, Пусть тлен отпустит –
Сквозь культы верой превозмочь...
Встань! В ломком хворосте предчувствий
Рассветом вздрагивает ночь.*

1957 г

Елин

Михаил Филиппович

М. Ф. Елин родился в 1890 г. – сын купца пос. Ирбитский Завод Егоршинского района и служанки дома этого купца Клавдии. Когда хозяйка дома Екатерина Николаевна заподозрила, что Клавдия беременна, выгнала ее. Но Клавдия, родив ребенка, оставила его на крыльце дома купца Елина. Своих детей в семье не было, и ребенка оставили жить и нарекли Михаилом. Понятно, что властная, жестокая, грубая хозяйка дома не могла простить мужу измену и, хотя своих детей у нее не было, принять сердцем ребенка не могла. Так и рос он изгоем. Всю злость Екатерина Николаевна вымещала на ребенке. А глава семьи был занят своими торговыми делами, дома находился очень мало. Михаил в доме не был чужим, но и не своим. Рано стали заставлять его выполнять работу по дому, а потом и в лавке, словом, бесплатный батрак. Понятно, как трудно было мальчику. Он всей душой возненавидел свой дом, свою семью. И если появлялось хоть немного свободного времени, он старался провести его вне дома. А когда узнал, что есть в поселке люди, которые хотят изменить жизнь простых людей к лучшему, решил к ним примкнуть. Но как?

Слухи ходили, что собираются они вечерами, читают какие-то книжки. Но где, кто они и поверят ли они ему, сыну купца, примут ли в свой круг? Мало-помалу услышал имена нескольких людей, причастных к революционному кружку, среди которых имя Кропотухина Григория Ивановича. Стал свободными вечерами «крутиться» возле дома Кропотухина. Однажды заметил, что под покровом ночи в дом Кропотухина пришло несколько человек, кто с одной стороны, кто с другой, а кто и огородом. Забились сердце у Михаила: значит, правду говорят. Но как с ними познакомиться? Пока раздумывал, видит: в

конце улицы появились люди. Оказалось, что это полицейские. Смекнул, что за теми людьми, что к Кропотухину шли. Он подбежал к полицейским и стал быстро рассказывать, сочиняя на ходу: «Я пока гулял, видел людей, которые прошли по одному в сад управляющего заводом. Подсмотрел, что в густых кустах акации они читали какую-то книжку, а потом стали тихо-тихо разговаривать. Я не понял, что они говорили. Но они, наверное, сейчас там».

Полицейские повернули к берегу реки, ушли искать революционеров в саду управляющего Ирбитским заводом. А Михаил той порой предупредил кружковцев. Так и познакомился с членами подпольного кружка Григория Герасимовича Ветлугина, а вскоре стал связным и охранял во время встреч, ведь на него, сына купца, подозрения не падали.

Во время гражданской войны Михаил Филиппович Елин воевал на стороне красных, где и вступил в партию большевиков. Но членом ВКП(б) пробыл недолго, всего до 1922 г. Случилось непоправимое.

В 1922 г. Михаил Филиппович женился. А невеста потребовала венчания в церкви. Сколько ни убеждал ее жених, что он – член партии коммунистов и ему нельзя венчаться, она и ее родители были непреклонны. Молодые решили уехать в Ирбит и там обвенчаться. Сказано – сделано. Но вести не лежат на месте, и в Ирбитском Заводе очень скоро узнали, что член ВКП(б) М. Елин обвенчался в церкви. Результат: за антипартийное поведение он был осужден и из партии исключен.

Вскоре Елин со своей женой Дуней уехали жить в поселок Артема. Евдокия Тимофеевна от своей бабушки, повитухи, научилась принимать роды, в поселке поступила работать в больницу, где показала свое мастерство, да так и осталась работать в акушерстве. А впоследствии стала акушеркой, известной во всей округе, за труд была награждена орденом Ленина.

Михаил Филиппович в магазине отца «поднахватался», как сводить кредит с дебетом, поучился на курсах бухгалтеров и работал бухгалтером рабкоопа станции Егоршино. Сначала жили на частной квартире, потом построили дом на ул. Технической. Живут-поживают, добра наживают...

28 февраля 1938 г. глубокой ночью приехала милиция, разбудила хозяев, обыскала весь дом, признала компрометирующим материалом фотоаппарат и арестовала Михаила Филипповича. Когда уходил, успел бросить бумажку, на которой было написано: «Помни 1905 год». Евдокия Тимофеевна это расшифровала так: если будут допрашивать ее или она будет ходатайствовать об его освобождении, то

пусть скажет, что еще до Октябрьской революции занимался революционной работой и до конца дней своих душой был коммунистом.

Евдокия Тимофеевна была не из тех женщин, что сдаются без боя. Она ежедневно ходила в милицию, добилась встречи с начальником милиции, объяснила ему, что мужа ее оклеветал кто-то, никакой вины за ним нет, революционной деятельностью он начал заниматься еще подростком, в гражданскую войну сражался за Советскую власть, а душой – коммунист-ленинец. Но это не возымело действия. Разрешение на свидание она тоже не получила, а когда узнала, что его увезли в Свердловск, несколько раз ездила туда – опять безрезультатно. Когда приехала в очередной раз в тюрьму, ей объявили, что муж отправлен в дальние ИТ лагеря без права переписки. Евдокия Тимофеевна дождалась отпуска и летом 1938 г. поехала в Москву искать управу на районное и областное УВД, которые ни за что могут «упечь» человека в тюрьму. В кабинетах какого высокого начальства ей удалось побывать – не известно, но что достоверно известно: добилась она приема Берии. Берия выслушал ее, куда-то позвонил и приказал выяснить судьбу ее мужа. Когда получил ответ, объяснил Евдокии Тимофеевне, что муж ее жив, здоров, скоро будет дома. «На крыльях летела» Евдокия Тимофеевна домой: все, что могла, сделала, вот-вот вернется домой ее муж.

Но радовалась Евдокия Тимофеевна напрасно: не мог ее муж вернуться, потому что уже не было его в живых. Обманул ее Берия.

И только в 1956 г. Е. Т. Елина получила постановление президиума Свердловского областного суда от 27 июня 1956 г., из которого узнала, что ее муж был осужден 13 мая 1938 г. Теперь постановление от 13 мая отменено, дело производством в отношении М. Ф. Елина прекращено за отсутствием состава преступления в его действиях. Он полностью реабилитирован. Посмертно.

В 1991 г., когда в живых уже не было ни Евдокии Тимофеевны, ни их сына Георгия Михайловича Елина, жена Георгия, Екатерина Александровна, сделала запрос в прокуратуру Свердловской области и получила ответ: «Постановлением Тройки УНКВД по Свердловской области от 13 мая 1938 г. Елин Михаил Филиппович подвергнут высшей мере наказания – расстрелу, который приведен в исполнение 14 мая 1938 г. в Свердловске».

Елин обвинялся в том, что «являлся участником контрреволюционной меньшевистской террористической диверсионно-повстанческой организации, ставившей своей целью свержение Советской власти».

«Проведенной в 1956 г. проверкой установлено, что репрессирован он необоснованно, по сфабрикованному делу. Бывшие работни-

ки УНКВД Воскресенский, Варшавский и др. за незаконные массовые аресты граждан, фальсификацию следственных материалов в 1938-1942 гг. привлечены к судебной ответственности.

Постановлением президиума Свердловского областного суда от 27 июля 1956 г. постановление Тройки отменено, дело производством в отношении Елина и других прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Он полностью реабилитирован. Посмертно».

Воинков Михаил Ефимович

М. Е. Воинков родился в 1884 г. в пос. Ирбитский Завод. Отец его, Ефим Карпович, приехал в этот поселок по спецнабору из деревни Воинковой Ирбитского уезда в возрасте 16 лет. Начал работать подручным в литейном цехе Ирбитского железопрокатного завода. Оказался способным, работающим парнем, в совершенстве освоил литейное производство, выбился в мастера. В 1896 г. простудился и умер, оставив жене шестерых детей. Михаил был средним. Нужда заставила его рано идти работать. В 1897 г., когда исполнилось ему тринадцать лет, его взяли на Ирбитский железолитейный завод рассыльным.

Почему рассыльным, а не на погрузку и подвозку угля, например, как других мальчиков? Во-первых, он окончил трехклассное церковно-приходское училище – это уже образование в то время, ведь огромному большинству его сверстников в руках книгу подержать не удалось, не только поучиться. Во-вторых, не просто окончил, а с похвальной грамотой. В-третьих, имел значение авторитет его отца, который из неграмотного крестьянина выбился в мастера литейного производства. Надеялось заводское начальство: будет толк из мальчишки.

И не ошиблось. Сначала Михаила из рассыльных перевели в учетчики, затем в счетоводы. А в 1911 г. он был переведен в главное управление завода и стал выполнять работу бухгалтера. С 1933 по 1938 г. Михаил Ефимович Воинков – главный бухгалтер завода (теперь Красногвардейского кранового).

Но прежде чем стал главным бухгалтером, много воды утекло в речке Ирбитке, на которой стоит завод. Женится только в 27 лет, когда сумел более прочно встать на ноги. Скопил денег на приобретение дома и хозяйства, зато выбрал первую красавицу во всем поселке. Агния Николаевна была на девять лет его моложе, отличалась не только красотой, но и интеллектом. И были они очень счастливы, хотя, конечно, трудностей пережито много. Тогда все заводские рабочие вели личное хозяйство. Пахал и Михаил землю, сеял хлеб, косил сено, держал лошадь, корову и другую живность, а Агния Николаевна исправно наградила его сыновьями: в 1912 г. – Павлом, в 1913 г. – Александром, а потом и дочек подарила: в 1915 г. – Александру, в 1918 г. – Лидию. Все шло нормально, но гражданская война принесла много бед. 20 июля 1918 г. Михаил Ефимович вступил в Камышловский полк и ушел воевать за Советскую власть, за светлое будущее своих детей. Агния Николаевна осталась одна с малыми детьми на руках. И прокормить-то их трудно, а когда колчаковцы заняли поселок, началось притеснение тех, чьи мужья в Красной Армии воюют за Советы. Не однажды в дом Воинковых приходили солдаты, что-то искали, как-то распоролы подушки и перину. А Агнию Николаевну белогвардейский офицер бил плеткой.

Долго пришлось ждать Агнии возвращения мужа с войны: когда Урал освобождали от белых, М. Воинкова из Красной Армии откомандировали как специалиста-бухгалтера на восстановление Высокогорских заводов Нижне-Тагильского округа. И сумел он вернуться домой только в 1923 г.

Жизнь наладилась. Подросли дети – новые заботы. Михаил Ефимович страстно хотел, чтобы они стали людьми образованными, получили хорошие специальности, по жизни шли уверенно, не так трудно торили себе дорогу, как он, их отец, или дед, Ефим Карпович. Дети подрастали дружно и почти одновременно «выпорхнули» из родного гнезда.

Павел Михайлович окончил Пермское военное училище – офицер. Александр Михайлович – Уральский политехнический институт – инженер, Лидия Михайловна и Александра Михайловна после окончания педучилища учительствовали. Осталась подрастать младшая Оленька, Леля, как чаще ее называли старшие братья и сестры.

Семья отмечала день рождения Михаила Ефимовича. Приехали дети, собрались гости. В разгар гулянья появился участковый милиционер Антонов с понятиями – арестовать Михаила Ефимовича. Но... «великодушно» изволили удалиться, чтобы дать возможность допраздновать. Только понятно, какой уж тут праздник?! Гости заспе-

шили домой, семья – в слезы: понятно, за чем приходили сотрудники НКВД в начале 1938 г. – самый пик репрессий.

Этой ночью, 24 февраля 1938 г., Михаил Ефимович Воинков, член ВКП(б), был арестован. Сидел следственно в свердловской тюрьме. Даже сумел переслать жене письмо из тюрьмы:

«Добрый день, Агнюша, шлю привет тебе и маленькой дочке Леле. Прошу привезти мне передачу: фуражку старую, пальто черное старое, одну пару нижнего белья, портянки, обмотки для ботинок. Купи носки шерстяные, теплые, из шерсти, футляр для очков, купи котелок или туесок, в него масла кило 2, яиц, луку, чесноку, колбасы и прочее. Возьми заплат для починки брюк, колен. Я почию сам. Привези сама. Посылки не принимают. Получи деньги, зарплату и командировочные. Денег переводом 50 рублей. Приедешь – попроси свидание через следователя Богаева. Мой адрес: Свердловск, Декабристов, 30-а».

Жить собирался Михаил Ефимович. Судя по письму, готовился отбывать наказание в исправительно-трудовых лагерях. Откуда такая уверенность, что не расстреляют, будет жить? Приходится только догадываться, хотя история должна основываться на фактах, а не на предположениях.

Сын, Павел Михайлович, позднее знакомился с «делом» отца и понял, что отца периодически «готовили», а потом предлагали подписать, что он являлся организатором меньшевистской группы на Ирбитском железопрокатном заводе. Михаил Ефимович упорно отказывался. Но потом вдруг подписал. С чего бы это? Сильно мучили – решил уступить, чтобы отстали? Но тогда бы понимал, что подписал себе приговор, скорее всего, смертный, надежда выжить была бы минимальной. Вот тут и возникает догадка: возможно, следователь, видя, что Воинкова не сломать, пошел на хитрость. «Не подпишешь – расстрел, потому что следствию уже все известно, подпишешь – учтут чистосердечное признание, будет суд и дадут несколько лет ИТЛ». Возможно, Михаил Ефимович поверил следователю, все обдумал, подписал и стал готовиться отбывать срок в лагерях. Работать умеет, жена привезет все необходимое на первое время. Перемучается как-нибудь. Есть надежда выжить.

А следователю только подпись его и нужна была. Небось, награду получил за раскрытие меньшевистской группировки на Ирбитском железопрокатном заводе и за выявление ее организатора М. Воинкова.

28 мая 1938 г. М. Е. Воинков был расстрелян.

В 1956 г. семья получила извещение из прокуратуры Свердловской области, из которого узнала, что Воинков Михаил Ефимович был

репрессирован по политическим мотивам по статье 58-8 УК РСФСР незаконно, и дело его по обвинению прекращено за отсутствием состава преступления. М. Е. Воинков 27 июля 1956 г. реабилитирован посмертно.

И только в 1989 г. дети узнали, что их отец расстрелян. Безвинно.

Бабкин Андрей Иванович

А. И. Бабкин родился в 1898 г. в Егоршино, в зажиточной крестьянской семье. Окончил начальную школу и стал помогать отцу по хозяйству. Когда подрос, поступил работать на Егоршинскую ГРЭС. Умный, трудолюбивый, ответственный, Андрей прошел путь от рабочего до теплотехника. Высокий, статный, красивый юноша был страстным любителем лошадей. В его хозяйстве всегда была выездная лошадь, богатая упряжь к ней. Как промчится, бывало, этот первый парень в округе вдоль деревни на своей выездной лошади с дружками, с гармошкой –

все девушки покорены. Сохли они по Андрею; липли, как мухи на мед. При таком внимании к себе с их стороны разве можно наладить жизнь с одной женщиной? Нет, конечно, нет. Успел он жениться четыре раза, конечно, не официально, пока «попал в руки» Ане, Анне Захаровне, которая сумела его «обуздать» и «натянуть вожжи» крепко. Каждый год преподносила ему по ребеночку, и понял Андрей Иванович, что Аня – судьба и шутить с жизнью хватит. Дети выживали не все, осталось четыре дочки.

6 февраля 1938 г. ночью пришли в их дом люди, подняли семью, стали делать обыск. Бойкая Анна Захаровна пыталась возмутиться их бесцеремонностью, но на нее так прикрикнули, что она поняла: лучше молчать. Дочки с печи наблюдали эту ужасную картину, пережитое в эту ночь запечатлелось в их памяти на всю жизнь. Андрея Ивановича увели, и осталась Анна Захаровна одна растить дочерей и двух ее младших братьев. Лизе было 12 лет, Вале – 9, Тамаре – 6, Люде – 5, когда они лишились отца.

В этой истории меня удивило вот что: в ночь, когда был арестован Андрей Иванович (только что я сумела найти), было арестовано 52 человека, из них 49 человек 10 марта 1938 г. расстреляны. Избежа-

ли этой участи 3 человека, в том числе Андрей Иванович. Ему было определено Тройкой УНКВД по Свердловской области 10 лет ИТЛ. Отбывал он их на Колыме, а потом был оставлен на поселение. Так бы и сложили его косточки под слой мха в вечную мерзлоту, если бы туберкулез, полученный в лагере, не перешел в открытую форму. Получил А. И. Бабкин разрешение выехать домой. Но некогда бравному мужчине, которому в былые годы многие завидовали, не хотелось предстать перед односельчанами больным, немощным,

стать обузой жене и дочерям, и он решил: пусть здесь, на Колыме, и схоронят его косточки. А больше всего его мучило, как объяснить людям, что сидел ни за что.

И только на убедительные, настойчивые просьбы дочерей приехать домой сдался Андрей Иванович. В 1949 г. вернулся домой. Жена принялась восстанавливать его здоровье. Даже два года еще работал кочегаром в геологоразведочной партии, хотя и состояние здоровья не позволяло. А что делать? Надо было существовать на что-то. Но болезнь прогрессировала, и вскоре Андрей Иванович ушел из жизни. На основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. А. И. Бабкин реабилитирован полностью.

Демиденко Василий Емельянович

В. Е. Демиденко родился в 1916 г. в с. Петровка, ныне Первомайского района Одесской области, в зажиточной крестьянской семье. В 1930 г. семью раскулачили и выслали за пределы Украины, в Вологду. Везли Ваню и его отца Емельяна Даниловича в одном вагоне, рабочем, видимо, подкармливали в пути, чтобы не ослабли перед заготовкой леса. Ване исполнилось к тому времени семнадцать лет. А мать, Александру Харитоновну, с младшими сынами, Васей и Гришей, в другом вагоне везли, их кормить необязательно: умрут – не беда, туда им и дорога. Поселили в монастырский барак, в котором приготовлены шестиярусные нары. Хлеб и даже воду получали по талонам. Мать, получив паек, отрезала каждому кусочек хлеба в ширину ножа. От недоедания, грязи (нет воды помыться) началась массовая смертность: свирепствовали дизентерия и тиф, разносчиками

которого были вши, а их столько гуляло по нарам, что мать не успевала с детей обобирать.

Один из родственников стал возвращаться домой, в родную Петровку, видимо, его восстановили в правах. Мать умоляла его забрать с собой Васю с Гришей. Он сначала сопротивлялся, но мольбы были настолько страстными, что он сдался, забрал мальчиков, довез и тайно передал бабушке. Первое время у бабушки они прятались на чердаке, но, поняв, что ими никто не интересуется, бабушка стала брать их с собой на колхозную работу: надо было зарабатывать кусочек хлеба.

Однажды бабушка получила тайно весть: ее дочь с мужем и старшим сыном бежали из ссылки, живут вблизи города Кривой Рог и хотят, чтобы в семью вернулись Вася с Гришей. Бабушка собрала немного съестного и затемно вывела внуков за деревню, чтобы, не дай Бог, не увидел кто.

Добрались дети до станции Вечерний Кут, где встретил их брат Ваня. Он объяснил мальчикам, что здесь они живут и работают: отец – в руднике взрывником, сам Ваня – слесарем; что родители купили документы на фамилию Гайдукевич и теперь должны забыть старую фамилию Демиденко и жить под новой, потому что из ссылки сбежали, если бы не сбежали – умерли, там начался такой мор людей, что трупы не успевали убирать. Наказал строго-настрого: ошибаться нельзя, мы – Гайдукевичи.

Жить стали в бараке, где в одной комнате несколько семей, отгораживались простынями, половиками. Мать стала работать в колхозе, брала с собой и младших сынов. Следующей зимой Вася с Гришей стали учиться. Семья слепила себе саманную избушку, вроде жить стало можно, голод не душил. В 1937 г. Василий окончил среднюю школу и поступил в институт – филиал Днепропетровского горного института.

Но на смену тайному приходит явное. В 1937 г. в этом поселке появился земляк. Трудно сказать, появился он случайно или с заданием. Он узнал Емельяна Даниловича и сообщил куда следует о настоящем месте проживания семьи Демиденко, тем более что они уже не Демиденко, а Гайдукевич.

В октябре 1937 г. был арестован и судим Тройкой УНКВД по Днепропетровской области глава семьи Емельян Данилович, а в декабре – его жена Александра Харитоновна и средний сын Василий.

Для Василия Емельяновича на этом закончилась учеба в институте, и получил он пять лет лишения свободы в дальних лагерях и лишение прав после отбытия наказания, видимо, бессрочно, так как в приговоре срок не указан.

За что же его судили? «Оказывал сопротивление коллективизации, бежал из ссылки, скрывал свое социальное происхождение». Самое удивительное в этой истории, что непонятно, какое сопротивление коллективизации мог оказать четырнадцатилетний мальчик, когда шла коллективизация в 1930 г. ? Да разве он сам решал, оставаться ему в ссылке или поехать к бабушке?

И начались для Василия Емельяновича новые мытарства: тюрьма в Кривом Роге, тюрьма в Днепропетровске, Житомирская трудовая колония, наконец, этапом на Дальний Восток, станция Карымская. В пути тридцать одни сутки, поесть давали один раз в день. Здесь работал на строительстве электростанции, насосной станции, электросетей. Вдруг в 1940 г. снимают с этого объекта и опять дальний этап – Азербайджан, Бакинская трудовая колония. Работал на отрезке железной дороги Сальяны – Астара, последняя станция перед Турцией. Шло строительство подстанции, насосной станции, где работал уже прорабом. Словом, за годы лагерной жизни Василий Емельянович в совершенстве научился работать с электричеством, здесь и окончил свой «университет» и получил профессию на всю жизнь.

В 1942 г., искупив свою вину перед Советской властью, освобожден и получил справку на картонной бумаге: «Освобожден по ст. 68 ч. 2 УК УССР», перебрался по Каспию в Красноводск, попытался устроиться на работу, но из-за судимости по политической статье его нигде не брали. Потерял уже всякую надежду и вдруг наткнулся на объявление: идет вербовка на военные заводы Урала. Вербовщик без разговоров записал, выдал продовольственные карточки.

Так Василий Емельянович Демиденко в январе 1943 года появился на Красногвардейском металлопрокатном заводе. И проработал на этом заводе сорок лет, семь из них уже в пенсионном возрасте. Сначала электриком, потом инженером-электриком, начальником электроцеха, старшим мастером энергоремонтного участка.

«Умение работать с людьми, участие в сложных и аварийных производственных ситуациях сделали его практически незаменимым руководителем службы энергоподразделения на заводе. Постоянно в поиске нового по внедрению энергосберегающей технологии, что обеспечивало устойчивую работу завода. Специалист своего дела. Учитель и наставник молодежи», – так характеризует его администрация Красногвардейского кранового завода.

Василий Емельянович женился, вырастил сына и двух дочерей. Но боль и обида за муки и мытарства свои и своих родных: отца, матери, братьев, – за бессмысленно растроченные молодые годы не дают покоя Василию Емельяновичу. А «виноват» в муках всей семьи

отец. «Вина» его: крепко трудился, умело вел хозяйство, в результате чего все члены семьи получили сначала клеймо «кулак» и «лишнее», а потом и «враг народа».

Анохин Иван Кузьмич

И. К. Анохин, 1897 года рождения, уроженец села Анохино, ныне Ирбитского района Свердловской области, работал заведующим хлебопекарни рабкоопа пос. Ирбитский Завод, когда сотрудник милиции Устинов с понятыми 5 сентября 1937 г. пришли его арестовывать.

Единственный одиннадцатилетний сын Сережа, слывший лучшим футболистом команды юниоров поселка, играл в этот день вяло. В конце игры тренер сказал с укором: «Ты сегодня ни одного мяча не забил». Видимо, сердце подсказывало мальчугану: что-то должно произойти плохое.

И произошло. Пришел он домой, а там все, как говорят, «вверх дном», обыск. Сереже приказали: «Садись! И ни с места!» Компрометирующего ничего не нашли, но отца увели. И навсегда. Наказ жене, неграмотной женщине, Иван Кузьмич дал такой: «Держись сына!» Не зря сказал Иван Кузьмич эти слова, чувствовал, что сын растетмышленным, трудолюбивым.

Вскоре Устинов вновь появился в доме Анохиных. При обыске подглядел, что есть чем поживиться. А неграмотную женщину с пацаном припугнуть – рот не откроют. И забрал корову, полушубок отца и куртку – «москвичку». И поселилось в этом доме горе.

26 июня 1941 г. четырнадцатилетним Сережа пришел на Ирбитский металлопрокатный завод, в цех ширпотреба, поработать три дня, чтобы заменить ушедшего на фронт. И остался. И проработал 45 лет. Ученик жестянщика, жестянщик, мастер. Уже в семнадцать лет – помощник начальника цеха. В трудовой книжке Сергея Ивановича Анохина 48 поощрений: медали, министерский знак «Отличник соцсоревнования РСФСР», грамоты и аттестаты Министерства тяжелого машиностроения. Не ошибся Иван Кузьмич, наказав жене: «Держись сына».

А Иван Кузьмич Анохин был расстрелян по решению Тройки при УНКВД по Свердловской области от 10 октября 1937 г. Сфабриковать «дело» на него было нетрудно, так как в гражданскую войну был мо-

билизован белыми и служил у них с марта по июль 1919 г. Служба у белых осталась пятном на его биографии, помогла слепить следователям «дело» так: «Признан виновным в том, что участвовал в репрессиях против красноармейцев в 1918 г. Работая в хлебопекарне, занимался вредительством: испортил 1079 кг хлеба, предназначенного для рабочего снабжения».

В документе Управления КГБ Свердловской области от 31 марта 1992 г. № 16/А-517 сообщается: «Дело на Анохина Ивана Кузьмича было сфабриковано бывшими работниками НКВД, которые были осуждены за незаконные аресты граждан и ведение следствия преступными методами. Дмитриев (Плоткин), бывший начальник УНКВД, председатель Тройки, расстрелян».

Президиумом Свердловского областного суда 7 августа 1958 г. Анохин Иван Кузьмич реабилитирован посмертно.

Шматович Ева Адамовна

Е. А. Шматович родилась в 1899 г. в Эстонии. Ей рано пришлось оставить родное гнездо: нужда угнала девушку в Ленинград, чтобы работать то нянькой, то домработницей. Вышла замуж и уехала с мужем в Смоленск. Муж, инвалид гражданской войны, рано умер, оставив молодую жену с тремя дочерьми.

В 1931 г. Ева Адамовна приехала в Егоршино, стала работать перекидчицей каменного угля на шахте № 1. Красивая женщина, прожившая много лет в Ленинграде, Смоленске среди культурных людей, умела одеться, «ступить и молвить», вызывала зависть у некоторых шахтерских жен. Да и не только зависть, но и боязнь за свою судьбу: не увела бы мужа эта городская.

6 февраля 1938 г. Еву Адамовну среди рабочего дня вызвали из шахты на поверхность. Оказалось: ждет милиционер. Тот не дал возможности помыться, зайти домой переодеться, так в рабочей одежде и увел в милицию. Домой не отпустили ни в этот день, ни в следующие дни. Вскоре увезли в Свердловскую тюрьму.

А дома остались дочери. Старшей, шестнадцатилетней, предложил отречься от матери. Ядвига дала подписку, что о контрреволюционной деятельности своей матери ничего не знает и от нее, как от врага народа, отказывается. Ей разрешили остаться в Егоршино,

устроиться на работу. Работала Ядвига в библиотеке, но жила на частной квартире, так как комнаты, в которой жили они с матерью, ее лишили. Младших дочек Евы Адамовны, одиннадцатилетнюю Юзефу и десятилетнюю Надю, отправили в детдом.

Обычно детей родителей, осужденных по политическим мотивам, переводили из детдома в детдом, чтобы следы их потерялись, и ни родственники, ни родители их бы никогда не нашли. Юзефа и Надя за год сменили четыре детдома: в Свердловске, Харькове, Гневке, в г. Сумы. Юзефа Алексеевна Вотякова вспоминает: «В каждом детском доме группы детей врагов народа содержались отдельно от других детей».

Через шесть месяцев Еву Адамовну освободили из Свердловской тюрьмы. Она стала искать дочек. Еще через полгода они встретились.

Что пережила эта женщина в тюрьме и после тюрьмы, осталось тайной, которую она унесла с собой в могилу, так как, конечно же, при освобождении дала подписку молчать. Но очевидцы говорят, что после тюрьмы прежней уверенности в жизни у этой женщины уже не было.

Скомороховский Николай Андреевич

Н. А. Скомороховский родился в 1904 г. в г. Скопине Рязанской губернии, в многодетной семье. Хотя отец его был хлебопеком, в 1921 г. от голода умерли сестра и два брата Николая Андреевича.

В 1916 г. Николай окончил начальную школу и поступил учиться в Скопинское ремесленное училище, которое успешно окончил в 1920 г., получил специальность мастера по холодной обработке металлов.

В июле этого же года по призыву российско-го комсомола выехал в Екатеринбургскую губернию на строительство узкоколейной железной дороги ст. Баженово – Асбест, где работал землекопом по отсыпке железнодорожного полотна, на заготовке шпал и дров, выполнял слесарные работы. В ноябре 1922 г. строительство узкоколейки было закончено, а Скомороховский направлен в Егоршинское лесничество, работал на Клещовских печах, где выжигал уголь и заготавливал деготь. После ликвидации этого участка был направлен в Ирбитскозаводское лесничество, но заболел тифом, попал в больницу и остался в с. Егоршино.

С 1 февраля 1923 г. по 1924 г. ведет делопроизводство военного стола Егоршинского райисполкома. Ведет большую общественную работу среди молодежи села Егоршино, создает комсомольскую ячейку. Вступает в партию РКП(б). В 1924 г. все комсомольские ячейки были объединены в Егоршинскую районную комсомольскую организацию и избран райком комсомола. Н. А. Скомороховский вошел в его состав как делегат от ячейки села Егоршино.

В 1924-1926 годах Николай – председатель профсоюза служащих советской торговли Егоршинского района. В 1926 г. его призывают на службу в ряды Красной Армии. Отслужив три года, он возвращается в Егоршино.

Теперь он – начальник спецотдела Егоршинского шахтоуправления. 17 октября 1930 года вышел первый номер районной газеты «Егоршинский рабочий». Н. А. Скомороховский – первый ее редактор. В 1934 г. Николай Андреевич переходит в Егоршинский районный узел связи на должность начальника.

4 ноября 1937 г. он был арестован и осужден Тройкой УНКВД по Свердловской области по статье 58 за контрреволюционную пропаганду и вредительскую деятельность к десяти годам исправительно-трудового лагеря. Осталась семья: жена Олесова Ольга Васильевна, заведующая начальной школой, дети: Евгений – 16 лет, Владимир – 13 лет, Октябрина – 8 лет, Юрий – 5 лет, Рудольф – 3 года. Ольге Васильевне было предложено выбрать, следовать ли в ИТЛ как жене врага народа, оставив детей, или остаться с детьми и на работе, но отречься от мужа. Ольга Васильевна отреклась. Как она с детьми бедствовала, трудно описать: на нищенскую учительскую зарплату во время войны прокормить столько «ртом», одеть, обусть, не имея подсобного хозяйства, конечно, невозможно. Полуголодные дети от холода в нетопленной квартире зимой спасались часто в подполье.

Н. А. Скомороховский отбывал наказание на севере нашей области в Северо-Уральсклаге, работал лесорубом, позднее десятником. Разрешили переписку, но жена не ответила ни на одно письмо – не имела права, раз дала подписку. После отбытия срока Николай Андреевич был оставлен на поселении, работал в этом же исправительно-трудовом лагере уже по найму мастером лесозаготовок, техруком лесоучастка, мастером рациональной разделки древесины.

На поселении Николай Андреевич создал вторую семью. Реабилитирован 30 марта 1955 года. После освобождения уехал в Украину, в город Фастов. Там и дожил остаток своей жизни.

Доможиров Александр Пигасиевич, Доможирова Таисия Ивановна

3 февраля 1929 года была свадьба Александра Пигасиевича и Таисии Ивановны Доможировых. Жених с невестой под стать друг другу: высокие, стройные, красивые. Саша – удалой гармонист, работающий, хозяйство крепкое. Многие из девушек Больше-Трифоново, из соседних деревень мечтали понравиться ему, но по душе пришлось Тася.

Счастье продолжалось недолго. В ночь на старый новый год, то есть с 13 на 14 января 1930 года, семью пришли раскулачивать. Все вещи увезли, а Тасины опечатали, учитывая, что прожила она замужем мало. Вернулась с маленькой дочкой к своим родителям. Мужа не сразу увезли из села, встречаться с ним приходилось тайком.

В день, когда Александра Пигасиевича повезли, на улице собралось много народа. Прибежала Тася, вопреки всем запретам. Тяжелым было расставание. Тася плачет, а муж шепчет: «Иди домой, мне легче будет уезжать».

Осталась она горе горевать девятнадцатилетней вдовой при живом муже. В родной семье с ребенком тоже стала лишней, так как хозяйничала там уже сноха.

Отправили Александра Пигасиевича с семьей на Мугай валить лес. Проработали там до весны, а весной всю семью восстановили в гражданских правах, вернули дом, скот, все вещи. Оказалось, раскулачили зря. Тася уже успела схоронить дочку. Взялись за работу: посеяли хлеб, накосили много сена.

Осенью семью обложили налогом таким большим, что себе почти ничего не осталось – весь хлеб сдали государству. Александр Пигасиевич решил «завязать» с крестьянством, подался на производство. На Красном Ключе их приняла на квартиру сестра Таиси. Жизнь стала налаживаться. Родился сын. Радовались родители, а через две недели после рождения сына опять горе: загорелся дом, Таисия Ивановна выскочила в окно, в чем была. Побежала к соседям, положила ребенка на кровать, вернулась на пожар. Соседка прибежала сюда же, спрашивает: «А ребенок-то где у тебя?» Услышав в ответ, что мальчик положен к ним на кровать, она ахнула: «Я ведь перину-то завернула и в огород вынесла». Таисия Ивановна обомлела. К сча-

стью, все обошлось благополучно: малыш не замерз, не задохнулся. После пожара ничего у них не осталось, все сгорело. Сняли квартиру.

Весной мужа снова арестовали, отправили валить лес на Азанку. Приговор суда: 5 лет ИТЛ. Там было много таких, как он, и не только с Урала – со всей страны. Жили в лесу, в огромном земляном балагане все вместе, семейные и одиночки. Таисию Ивановну с ребенком перевез к себе на станцию муж сестры. «Однажды ночью слышу, – вспоминает она, – сестра с зятем разговаривают, что надо мне отказывать, а то могут раскулачить и их. Что делать? Куда деваться? К отцу нельзя, так как брак не расторгнут, кулачка, в колхоз не принимают. Брак расторгать не хочется: венчана в церкви, перед Богом дала обязательство быть верной. От мужа отречься – люблю его, хороший он человек. Может быть, отпустят, как в прошлый раз».

Взяв ребенка, поехала к мужу: кто лучше его скажет, как ей жить. Осталась жить вместе с ним в балагане. Там родился второй сын. В 1936 г. Александра Пигасиевича, как отбывшего срок 5 лет, оставили на поселение, перевели на Азанку, дали небольшую квартиру в бараке. Казалось, радости не будет конца. Он – лучший рабочий, начальство относится к нему хорошо. Есть квартира, купили корову. Вскоре родилась дочь, привезли сюда и бабушку.

Лето 1937 года. Пора сенокоса. Подкосили много травы, стали ставить сено. Но не успели: ночью Александра Пигасиевича арестовали. Одновременно взяли еще двадцать человек. Судила Тройка, приговор – десять лет ИТЛ. Повели их строем по поселку к вокзалу. Жен не подпустили проститься. Таисия Ивановна бежала стороной и на ходу кричала: «Что теперь мне делать?» – «Греби сено, тебе будет нужно. Мне уже ничего не нужно».

Увезли его в Горьковскую область, в Томско-Осинские лагеря. Опять валил лес. Вши заедали, а способ борьбы с ними один: рубашку на пенек положишь, обухом топора поколотишь по ней, а потом над костром потрясешь и дальше работаешь. Как выжил, сам не знает.

А Таисии Ивановне после ареста мужа сразу было объявлено: уезжать с Азанки нельзя, так как всех гражданских прав она лишается как жена врага народа. Обязана работать в лесу. Было Таисии Ивановне в то время 26 лет, на руках трое детей и бабушка. Таисия Ивановна вспоминает: «Сколько слез пролито! Детей положу поперек кровати, сама рядом лягу и реву, реву, слезы сами льются».

Пошла сразу работать. Шкурила шахтную крепь. Пока не было войны, держала корову. Войну страшно вспомнить, беды одна за другой. Невмоготу стало держать корову, купила козу. Козу украли.

Осталась в хозяйстве одна курица, и ту украли. Дети голодные, пайки маленькие, хлеб черный, тяжелый и сырой, а больше – ничего. Бывало, кто выбросит картофельные очистки на помойку, дети соберут, вымоют, испекут на печке. Рабочий день длинный, от темна до темна. Придет домой Таисия Ивановна до горла обледеневшая, голодная, дети тоже голодные. Пришлось обменять на картошку единственную юбку, которую берегла. От такого сытного обеда в семье был праздник. Раз в месяц ходила отмечаться к коменданту, чаще вызывал сам, хотя и месяц не пройдет.

Таисия Ивановна вспоминает: «Помолюсь и пойду, а дети становятся к окну и с замиранием сердца ждут, вернусь ли я домой: вдруг маму тоже заберут. Каждый раз комендант допрашивал, за что посажен муж. Отвечала, что не знает, хорошо работал, был стахановцем. Тогда комендант говорил: «Это он специально хорошо работал, чтобы не было подозрений». По нескольку часов стояла я перед комендантом».

А тут новая беда. Председатель сельсовета решил выгнать ее с ребятишками из квартиры. Стал приходиться ежедневно и кричать: «Долго я буду ходить за тобой?!» Дело было зимой. До весны дотянули, и снова забегал председатель, грядки копать не давал, говорил: «Жить все равно не будешь, убирайся со своими ценками из квартиры!»

Добрые люди посоветовали обратиться к районному коменданту. Однажды встала утром рано, надела тапочки, которые сшил сын из тряпок, написала детям записку: «Получите хлеб, поделите поровну и поешьте». Сама голодная отправилась за тридцать километров в Тавду по железной дороге. Тапки вскоре изорвались. Сняла, бросила в кювет, пошла босиком. А был конец апреля. Комендант, хотя и не сразу, но выслушал и сказал: «Из квартиры не выходи, я на неделе приеду».

Заторопилась в обратный путь, чтобы засветло добраться домой, детей обрадовать. Наступили сумерки. Идет она по шпалам – вдруг кто-то навстречу. Страшно стало, подумала, что это кто-то из заключенных их зоны. Вдруг слышит: «Мама, нас выселят?» Тут силы ее и покинули. Это младший сын шел ей навстречу: не хватило у малыша душевных сил ждать.

Назавтра стали копать грядки. Прибежал председатель, стал вырывать лопаты, угрожать: «Не копайте, жить тут не будете!»

Вскоре приехал комендант из Тавды. Не выселили. Были и в то время добрые люди. Поглядел, как живет Таисия Ивановна, и колыхнулось сердце. Из всех запасов – только соль в туюсочке. Помог

устроиться грузчиком на лагерную базу, сказав при этом: «Будут другие такие же горемыки, вместе будете мешки поднимать. Где, может быть, гнилая селедка перепадет, где морковина». Ничего не перепало. И без Таисии Ивановны было кому с базы кормиться.

Настал 1947 год. Истекли десять лет. Муж отбыл наказание, его должны были отпустить. Вызывает комендант и сообщает: «Доможирова, ты свободна, можешь ехать домой». Таисия Ивановна испугалась: куда ехать, где он, дом, сама – в чем душа держится, все разутые, раздетые. Как показаться родным? Слезы хлынули от страха перед будущим. Приехала с ребятишками к свекру в Егоршино на улицу Станционную. Не обрадовались. Вскоре сняли избушку в Больше-Трифоново. С помощью соседей, родственников посадили картошку. Старший сын устроился на работу на Артемовский машзавод. А тут и муж вернулся. Ради встречи устроили сыновья концерт. Вышли на поляночку, один с гитарой, другой с мандолиной. Полдеревни собралось слушать. Муж плакал: не думал, что сумеет семья и он выжить.

Прокурор, выдавая Александру Пигасиевичу документы после освобождения, сказал: «Ты, парень, ни за что страдал». В ответ: «Сам знаю, что ни за что. Обвинили в покушении на Кирова, а я и не знаю, кто он такой, не то что убивать. Когда арестовали, заставляли в этом сознаться, мучили ужасно».

Устроился работать на Егоршинский радиозавод плотником. Купили конюшню, из нее стали строить себе жилье. Начали с нуля.

1949 год. Однажды ночью пришли сотрудники милиции, перерыли все немудрящие пожитки, мужа увели. На сей раз отправили на север Красноярского края, опять валить лес. Пришло от него письмо: «Приезжай».

И опять Таисия Ивановна поехала к мужу. Дочку оставила у сестры, сыновей взяла с собой. Думала: «Хуже того, как жила на Азанке, быть не может». Но было. На квартиру никто не пустил. Один хозяин пустил в конюшню, где раньше была корова, за то, что Александр Пигасиевич помогал ему строить дом. В таких условиях и жили до зимы. К зиме дали комнату. Весной купили сарайку, летом стали строить себе жилье. Прожили в Красноярском крае пять лет. После реабилитации вернулись домой. Стали опять налаживать жизнь. Сыны отслужили в армии, женились, радоваться бы да внуков нянчить, но подорванное здоровье Александра Пигасиевича стало совсем сдавать: 21 год лагерей...

После смерти мужа Таисия Ивановна еще двадцать лет жила одна. Все прошлое она омывала слезами. Так мало светлого было

в жизни, а больше горя, обид, несправедливости. Только и радости, что дети ее не оставили в старости, заботились о ней.

**Евдокимова
Анна Дмитриевна**

Идет улицей Красногвардейского ничем не приметная внешне старушка. Идет и каждого встречного дарит улыбкой. Одного подбодрит, другого успокоит, с третьим порадует. И мало кто знает о ее прошлом. Да она и сама старалась о нем забыть, но забыть невозможно: сердце болит и болит. Родной дочери только недавно обо всем поведала, ведь когда-то давала подписку молчать. Молчать о том, что еще шестнадцатилетней девочкой она была объявлена врагом народа. Почти шестьдесят лет прошло

с тех пор, а ей все еще часто снится Ирбитское педагогическое училище: то поднимается она на второй этаж в библиотеку, то спешит в кабинет физики или биологии. Именно здесь, в этом учебном заведении, начались дни ее юности.

1937 год. Анна Евдокимова – студентка второго курса педучилища. Прочитала роман Этель Лилиан Войнич «Овод» и, обдумав положение в стране, дала себе клятву бороться за справедливость. Вскоре вступила в комсомол и получила первое поручение – политинформатор. Начала регулярно читать газеты. А в них все чаще: надо быть бдительным – враг не дремлет; раскрыт очередной параллельный центр, обнаружена новая контрреволюционная террористическая группа.

Когда стали арестовывать знакомых, очень хороших людей, в душе Ани возникли сомнения. А после ареста преподавателей педучилища, во время политинформации, прочитав очередное сообщение о раскрытии контрреволюционной группировки, о расстреле ее членов, Аня позволила себе вслух усомниться в справедливости сурового приговора, призвала студентов вмешаться и потребовать освобождения этих людей. Что тут началось! Кто-то поддержал, кто-то запротестовал, а большинство просто онемели от страха и изумления.

Устным выступлением Аня не ограничилась. Она написала призыв и повесила его на доске объявлений училища.

Пишу и думаю, как же могла эта маленькая, хрупкая девочка в свои шестнадцать тогда, в страшные тридцатые, выступить с таким заявлением, когда взрослые люди с партийными билетами, ясно понимая, что творится в стране, боялись рот раскрыть. Все просто: она не могла поверить, что в стране, «где так вольно дышит человек», где «человек проходит, как хозяин необъятной Родины своей», невозможно найти правду и справедливость. Она же читала об этом в книгах, слышала по радио, впитала это с молоком матери, ибо мама стремилась научить ее душевной добротой и верить в чистое и светлое.

Жили они в Яксино. В воскресенье с мамой ходили в церковь в Шаково. Там было красиво, многолюдно, празднично, и впечатлительной душе становилось легко. Девочка слушала проповеди батюшки и впитывала их как губка. А вечером шла к соседке, бабушке Евгенью, у нее были старинные книги. Аня читала их взрослым. Ее тянуло к этим книгам, они учили добру. Мама только в 1928 окончила ликбез, но знала много стихов и песен. Отец работал библиотекарем. Дом был полон хороших книг, и Аня рано приобщилась к чтению. В семье царил доброжелательность, хотя все много трудились, но шутки и песни украшали быт. Однажды в журнале «Нива» она прочитала рассказ «Варька», сделала по нему пьесу, которая была поставлена в домашнем театре. Потом часто в их дворе под руководством Ани ставились театрализованные представления, концерты, на которые собирались взрослые соседи. Обычно такой вечер заканчивался коллективным пением народных песен.

В большой семье из девяти человек зимой всегда были гостьюшки (гостьюшками называли родственниц из других деревень, которые со своей работой приезжали зимой погостить: пряли, вязали, вышивали), всем хватало места, удобств и еды. Зимними вечерами сумерничали. В эти часы в доме Евдокимовых то рассказывали сказки, загадывали загадки, то пели песни.

Аня рано начала трудиться: боронила, жала, возила снопы, копны сена, зимой скала цевки, подавала ниченки, пряла. Но жизнь в атмосфере любви, доброжелательности, в общении с природой и книгами сделала ее душу доброй, чуткой к чужой беде.

Через два дня после заявления, сделанного ею на последней политической информации, состоялось комсомольское собрание. Ей сказали: «Ты можешь не присутствовать. Тебя ждут в общежитии. Иди». Аня подумала, что отец приехал, и заспешила в общежитие. А на комсомольском собрании обсуждалось ее выступление, ее клеймили позором как члена контрреволюционной организации и исключили из комсомола. Кто же ждал ее в общежитии? Конечно, сотрудники НКВД. Они уже проводили обыск, пересмотрели по листочку все ее

тетради, попросили ее одеться и следовать за ними. Всю ночь длился допрос: «Кто научил? С кем из контрреволюционеров имела связь? Где ваша явка? Какую цель ты преследовала, выступив так открыто на политинформации?»

Когда начало светать, следователь Казанцев, притомившись, решил покимарить: пусть девчонка подольше постоит, помучается, глядишь, «расколется». Следователь уснул крепко. Аня взяла паспорт с его стола, вышла в коридор, решив уйти из этого страшного дома, но выходных дверей не нашла. В какие бы ни заглянула, везде шли допросы. Вышла во двор, обошла его – стены высокие, обнесены колючей проволокой. Поняла, что уйти не удастся. Вернулась в кабинет, положила на стол паспорт.

Следователь, проснувшись, сказал: «Иди в общежитие, а в три часа придешь сюда». Аня прибежала в общежитие, взяла кусок хлеба, побежала на вокзал, думая, что уедет с товарным поездом до Красногвардейска, но поездов не было. Тогда побежала пешком до Яшкино – это примерно километров 65. Домой прибежала поздно ночью. Залезла на крышу дома, послушала в печную трубу, нет ли чужих людей. Услышала голос соседа, дождалась, пока сосед ушел, зашла в дом, рассказала, что с ней случилось. Утром отец на лошади свез ее к родственникам в дальнюю деревню, где Аня жила две недели. Приходил участковый справляться об Ане, приезжали работники НКВД из Ирбита, но Аня как в воду канула. В последний приезд они повели такой разговор: «Зря девчонка скрывается, ведь нечего ей бояться. Только бы вернулась, допросили бы мы ее, посадили на лошадь, отвезли в педучилище, пусть учится, ведь о ней же заботимся: погибнет где-нибудь». Отец поддался на их обман и стал убеждать Аню вернуться, попросил в колхозе лошадь, посадил Аню и свез в Ирбит, в НКВД.

Так 7 февраля 1937 года Анна Евдокимова была арестована и отправлена в Ирбитскую тюрьму. Посажена по ее просьбе в одиночную камеру, так как страшно боялась общей, считая, что там сидят только воры и бандиты. Позднее она напишет:

*Страшно было встретиться с ворами,
Видеть лишь преступников в тюрьме.
Камеры заполнены «врагами»,
Лишь позднее стало ясно мне...*

Было предъявлено обвинение по статье 58. Шло следствие, ежедневные допросы, которые почти всегда проводились ночью. А утром в шесть часов подъем. Всем быть на ногах – переключка. Потом при-

носили баланду, кусочек хлеба. Этим же кормили в обед и ужин. К ужину добавляли еще стакан мутного чая. Спальных мест не хватало, спали на полу, только бы заснуть, забыться. Не успеешь уснуть – снова вызывают на допрос. Доведенная до отчаяния, Аня поняла, что доказать ничего нельзя, и в знак протеста объявила голодовку.

*Объявив голодовку в тюрьме,
Добивалась я правды святой,
Чтобы в нашей любимой стране
Предоставлен был людям покой.*

Вызвали отца, он сказал Ане: «Если ты умрешь от голода, мать не переживет». Аня стала принимать пищу, постепенно смирившись с положением политзаключенной. Днем выводили на прогулку. Сочиняла стишки:

*Мартовская капелька, капелька-капель,
Подожди-ка, милая, слез своих не лей.
Как пригреет солнышко землю среди дня,
Так во двор гулять выпустят меня.*

Так хотелось за стены тюремного двора, ну хотя бы выглянуть, хотя бы один день побыть среди родных.

Однажды ночью этапом повели на вокзал, чтобы отправить в Свердловскую областную тюрьму. Майская ночь была тепла и светла. Дул легкий свежий ветер. Заключенные буквально пьянели от этого вольного ветра. Но наслаждаться было некогда: охраны с собаками нагнали больше, чем арестованных. Четыре раза садили на землю, вели перекличку: все боялись, что кто-нибудь сумеет убежать. В Свердловске прямо из вагона на «черном вороне» отвезли в тюрьму. Поместили в камеру, до того тесную, что присесть негде. Новеньких оглядывали, Аня попала в поле зрения писательницы Галины Серебряковой. Та даже в камере вела себя независимо, получала посылки из дома. Увидев почти девочку в тюремных застенках, Серебрякова сразу взяла ее под свою защиту: попросила женщин потесниться, дать место на нарах, иногда подкармливала. А когда Аню вызвали в областной суд, Галина напутствовала: «Проси, чтобы освободили совсем, а если нельзя, то – вольную ссылку».

Приговор вынесли такой: три года ссылки в Кировскую область без применения исправительно-трудовых работ. Политзаключенная была на седьмом небе от счастья. Галина Серебрякова, узнав о при-

говоре, сказала: «Это счастье. Ты будешь свидетелем больших перемен, когда обвинять будут тех, кто обвиняет сейчас».

Через два дня камера прощалась с осужденной. Серебрякова по этому поводу сварила манную кашу с маслом.

И вот Аня Евдокимова отправилась в ссылку. Одна, без конвоя. В рваных ботиночках, с деревянным желтым чемоданчиком в руках. Прибыла на вокзал, купила билет до города Кирова и села писать письма родным и знакомым. Да так увлеклась, что чуть не отстала от поезда, еле успела запрыгнуть на подножку вагона. Всю дорогу не могла оторвать взор от картин за окном. Как красива природа! Как по ней истосковалась душа!

Киров, областной НКВД. Документы подала в окошечко, сама села в уголок на чемоданчик и крепко заснула. Перед закрытием разбудил дежурный:

– Тебе что, девчонка, здесь крепче спится? Марш домой! Аня подняла голову и сказала:

– Я документы подала в это окошечко, а меня не вызывают.

– Как не вызывают? Много раз вызывали, никто не подходил. На тебя и не подумали, не ожидали увидеть такую маленькую ссыльную.

Пошли к начальнику. Начальнику дежурный объяснил:

– Мы думали: девчонка сбежала от родителей, она весь день сегодня проспала в дежурке.

Начальник не знал, что делать с Аней. Нужно было определить, где жить и какую работу выполнять, чтоб кормиться могла. Аня заявила:

– Всякую работу буду исполнять с честью и достоинством, чтобы искупить свою вину перед государством, да еще книгу напишу «Под солнцем Сталинской Конституции».

– Все может быть. Поскольку в шестнадцать лет наделала столько шума, значит, книги писать будешь, а пока надо зарабатывать на хлеб.

Определили место жительства – Зуевский район, где начальник приложил много сил, чтобы пристроить ее на работу. Брать никто не хотел. Спала в эти дни в Доме колхозника на стульях или на вокзале. Наконец отправили на конезавод, а председателю рабочего коллектива предписали обеспечить работой. Опять пришлось просить и клясться, что будет много и добросовестно работать. Определили фронт работ: подручная пекаря, уборщица магазина и конторы одновременно, а ночью – сторож. На первую получку купила книгу по счетоводству. Длинными зимними ночами штудировала ее. Через год сдала техминимум и начала работать бухгалтером на самостоятельном балансе. Потом в восемнадцать лет, не окончив никаких

курсов, стала старшим бухгалтером рабкоопа. Написала письмо в Верховный Совет с просьбой о помиловании, приложила хорошую характеристику с места работы, но ответ был таким: «Ваша просьба о помиловании отклонена».

Срок ссылки истек. С Ани взяли подписку о неразглашении того, что с ней произошло, выдали паспорт. Вернувшись домой, она поступила в Артемовский райпотребсоюз на счетную работу. Потом перешла в Красногвардейский райлеспродторг. Затем работала страховым агентом в Артемовской инспекции госстраха.

Артемовцы могут ее знать по стихам, которые иногда печатались в газете «Артемовский рабочий». Но никто, даже дочь не знала, как круто изменилась в шестнадцать лет ее жизнь, как рано повзрослела эта маленькая женщина, сколько горя, обид и унижений перенесла она в юношеские годы.

Что ей помогло выстоять? Думаю, прежде всего, хорошие люди, с которыми свела судьба, а еще – любовь к поэзии. Всю жизнь среди бед и труда создавались ею новые стихи, понравившиеся она записывала, многие тут же забывала. Есть у нее рукописный сборник, в нем в стихах вся ее биография.

Пятьдесят четыре года в архивах КГБ хранился «компромат» на Анну Евдокимову: блокнот с записями о политинформациях, ведомость успеваемости за первый курс педучилища, справка с места жительства и фотография Ани – что являлось, видимо, несомненным доказательством ее ужасной вины перед Советской властью.

На 72-м году жизни Анна Дмитриевна была реабилитирована.

Демин Сергей Степанович, Демина

Екатерина Федоровна

С. С. Демин родился в 1900 г. в селе Белослудском Ирбитского района, в крестьянской семье. В 1919 г. восемнадцатилетнего Сергея мобилизовали в свою армию белые, проходившие по селу. Прослужил он у них немногим больше месяца и перебежал к красным, где в течение двух лет работал санитаром в госпиталях № 135 и № 945.

В 1921 году демобилизовался и вернулся в родное село. Отец уже получил землю, и Сергей с удовольствием впрягся в крестьянскую работу. На статного, работающего парня многие девушки «положили глаз», но выбрал он Катеньку, русскую красави-

цу, в руках которой всякое дело спорилось. Сыграли свадьбу. Молодая семья стала жить у родителей Кати, поскольку она была одна дочь, ее родители не хотели отдавать в большую семью. Работали, можно сказать, денно и ночью, так как хозяин семьи не даст долго понежиться молодым, поднимет до петухов, если горячая пора. А она сменяла одна другую: заготовка дров, посевная, сенокос, уборочная. Да и зимой не полежишь: много дел в своем хозяйстве, да еще старался Сергей съездить в город, заработать лишнюю копейку, чтобы налоги заплатить и семье обновки купить. В 1930 году семью раскулачили. Отобрали дом, двух лошадей, корову и все пожитки. Семью выселили.

А пока хлопотали да получили разрешение вернуться в село, сельские власти успели дом продать, так что возвращаться стало некуда. Остановились жить в Зайково, а когда получили паспорта, перебрались в Егоршино, где Сергей Степанович устроился работать слесарем вагонного депо станции Егоршино. Квартировала семья в селе Б. Трифоново.

28 апреля 1937 года в квартиру Сергея Степановича явились сотрудники шестого отдела УНКВД по Свердловской области, провели обыск, его арестовали. Обвинялся он как член контрреволюционной троцкистской организации в проведении диверсионно-вредительской работы по статье 58 п. 2 УК РСФСР.

31 июля 1937 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Демина Сергея Степановича к высшей мере наказания. В этот же день, 31 июля 1937 года, приговор приведен в исполнение, Сергей Степанович был расстрелян.

Осталась Екатерина Федоровна с четырьмя детьми: Петр – 13 лет, Анна – 10 лет, Андрей – 3 года, Павел – 3 месяца. Семью сразу же выселили из квартиры. Перебралась Екатерина Федоровна с ребяташками в нежилую развалюшку в М. Трифоново. Стала она искать работу.

Приняли только в Егоршинский совхоз. Уходила на целый день. Мать ее, Татьяна Никоновна, узнав о беде дочери, продала дом, корову и приехала к ней, на эти деньги купили домишко в М. Трифоново.

В октябре 1937 года Екатерина Федоровна была арестована вместе с детьми. Дома их было только трое, старший Петя находился в больнице. Вот с тремя и привели ее в милицию. Младшему Павлу было только восемь месяцев. Каждый день допросы: что знала о контрреволюционной деятельности мужа, почему, зная о его диверсионно-вредительской работе, не сообщила органам Советской власти. Вскоре Е. Демина была отправлена в Свердловск, а детей, Андрея и Павла, определили в детские ясли на Ключи, Анну – в школу № 1, где та жила со сторожихой. Бабушке Татьяне Никоновне детей не оставили, она их навещала: сначала заходила за Аней, брала ее, и вместе шли на Ключи повидать малышей. Потом Андрея и Павла отправили в Ирбитский детдом, а Анну – в детприемник под Свердловск. Там ее спросили:

– У тебя есть брат?

– У меня три брата: Петя, Андрюша, Паша.

– Ну, про Андрюшу и Пашу мы ничего не знаем, а вот Петя у нас. Аня обрадовалась:

– Я хочу к Пете.

Жили братик и сестричка в разных группах, но все-таки виделись. Вскоре обоих перевели в детприемник города Свердловска, где Аня заболела свинкой, ее поместили в изолятор. Когда выписалась, Петю уже увезли в детдом города Уральска. Аню отправили в детдом села Полтавка на станции Бинеткор Северо-Казахстанской области.

Екатерину Федоровну обвинили в том, что, зная о контрреволюционной деятельности мужа, не сообщила органам Советской власти, и по статье № 58 п. 7. 11, 12, 17 УК РСФСР Особое совещание НКВД СССР 9 декабря 1937 года приговорило ее к заключению в исправительно-трудовом лагере на восемь лет. Отбывала наказание в Карагандинском ИТЛ на рытье канала. Впоследствии Екатерина Федоровна вспоминала: «Сколько хороших людей там погибло, а я как-то выжила, наверное, потому, что всю жизнь занималась тяжелой работой, привычная к труду».

Вернулась она домой в 1946 году и стала разыскивать детей. И только через Москву нашла.

Первой вернулась Анна девятнадцатилетней девушкой, но совершенно не знавшей жизни. Она жила в детдоме до 1941 года. Началась война, детей из детдома стали распределять по колхозам. На лошади привезли ее в колхоз «Победа» на станцию Киелы. Стал председателем колхоза вызывать малосемейных колхозниц, предлагал взять Анну,

обещая давать ей муку, картошку и молоко. Но все отказывались. Сжалась Настасья – у нее такая же беда: муж «загремел» по статье 58. Жила она со старой больной свекровью. Хорошие люди, но бедные. Варили жиденький суп, а очистки с картошки сушили, толкли, из них и отрубей стряпали лепешки. Анна училась в пятом классе, бабушка помогала ей в учебе, учила носить воду, топить кизяком печку.

Однажды в их дом пришла женщина и попросила Анну на тыждень, то есть пожить у нее три дня. Бабушка сказала: «Иди, мила дочь, работать, конечно, будешь много, но будешь сыта: эта женщина живет хорошо». В первый же день Анна била масло в бочонке, носила воду, а хозяйка промывала масло на продажу. Были у хозяйки две коровы, куры, гуси, так что работница ей нужна, и она оставила Анну жить. Хозяйка работала на ферме, Анна дома управлялась и на ферме ей помогала. Учиться бросила сразу же – так приказала хозяйка. Какую работу только не приходилось ей выполнять: *яму копала, полову в ней месила ногами для замазки стен дома и двора, кизяки изготавляла, ракатник рубила, полынь жала (ракатника и полыни заготовляли на зиму по сто вязок), ходила в соседний поселок менять продукты на зерно. Вся работа – за еду.* Люди жалели Анну, говорили: «Ты у нее рабыня». Но выхода у Анны не было. Когда узнала, что мать вернулась домой, покоя не стало: «Домой, к маме!» Добиралась до дома, где на третьей полке сидя, где – в ящике для угля. А дома голод: мать работала в колхозе за палочки в колхозной книжке. Своего – ничего, хозяйства – никакого. В колхоз пошла и Анна, так как документов у нее не было.

В 1947 году вернулись в семью Андрей и Павел, одному 12 лет, другому – 9. Голодно. В детдоме хоть как-то кормили, а дома порой и перекусить нечего. Матери не помнят, ведут себя с ней нагло, ругаются: «Ты нам не мать, наверное, а мачеха. Почему есть не даешь?» Устроила их мать пасти скот, стали что-то зарабатывать. Петр вернулся в семью только после службы в армии.

Так и доживала век Екатерина Федоровна в М. Трифоново, работая в колхозе. Одних растила, других женила, даже Петра схоронить успела. Когда дети спрашивали, за что сидела, отвечала: «Вам лучше не знать, а то и вы попадете».

Когда началась реабилитация жертв политических репрессий, дети боялись и справки навести, думали, не может быть, что родители политикой занимались. И только в 1996 году внук, выполняя ремонтные работы в городском архиве, несмело спросил, нет ли документов на Деминых. Л. Н. Ложкина навела справки в областном архиве, и выяснилось следующее: «Демин С. С. обвинялся в контрреволюционной деятельности безвинно, в его действиях состава преступления нет... На основании

ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 31 июля 1937 года в отношении Демина С. С. отменен. Демин Сергей Степанович полностью реабилитирован посмертно.

«Постановлением Особого Соевещания при НКВД СССР от 9 декабря 1937 года Демина Екатерина Федоровна была приговорена к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет... Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года Демина Е. Ф. по данному делу полностью реабилитирована за отсутствием в ее действиях состава преступления».

Так и не узнали Сергей Степанович и Екатерина Федоровна Демины, что Советская власть признала, хотя с большим опозданием, свою вину перед ними и их детьми и выдала детям справки, что они являются пострадавшими от политических репрессий.

Садоматников Николай Иванович

Идет улицей Победы поселка Буланаш невысокий коренастый мужчина. Шагает неспешной походкой интеллигентного человека. Зимой его можно увидеть огребающим снег со двора, а летом – в саду, огороде, где все цветет, растет, благоухает и зреет. Везде порядок у Николая Ивановича Садоматникова: в доме, во дворе, в огороде, – хотя ему девятый десяток и живет он один. Сознается: порой не хочется утром вставать: все болит, но надо. И вот это «надо» приказывает ему целый день быть в движении, в делах, надо топить печку, надо готовить завтрак себе и пушистому коту Кузьке, пользующемуся большим вниманием у «дам» своего рода-племени.

И так целый день: надо, надо, надо... Дочь и зять давно настаивают, чтобы перебрался Николай Иванович в Екатеринбург, и отдельная квартира найдется, если захочет жить один, как привык. А дети и внучка будут часто навещать. Но не может Николай Иванович оставить место, которое стало ему родным: хозяйство и дом, где все сделано своими руками от маленькой узорчатой аптечки до различных шкафов. Профессиональный подход к делу чувствуется во всем. Всяческие рамы и рамочки, шкафчики и полочки выполнены по эскизам, взятым из древних, буквально столетней давности, приложений к журналу «Нива». А в шкафчиках и на полочках множество

всевозможных словарей и справочников, которыми он пользуется почти ежедневно. А еще Николай Иванович увлекался раньше фотографией, и в доме его хранится огромный систематизированный фотоархив, плотно уложенный в специальные ящики, так как никаких фотоальбомов не хватило бы.

Но все это – сущие мелочи по сравнению с тем, что приходилось ему буквально из «ничего» собирать телевизоры и радиоприемники, принимавшие в свое время заглушаемый «Голос Америки».

Пятьдесят лет из своей трудной жизни прожил Н. И. Садоматников на Буланаше, а ведь он – коренной москвич. Родился и вырос в нашей первопрестольной. Помнит, как бегал к двоюродным братьям по Тверской, через Красную площадь. Отец его был железнодорожником невысокого ранга, но содержал приличную квартиру и сытно кормил семью. Пошел Николай Иванович, что называется, по стопам отца – решил тоже стать железнодорожником. Окончил четырехгодичное профтехучилище. Стал работать механиком участка железной дороги: хутор Михайловский – г. Навля.

В 1934 г. вернулся в Москву, обзавелся семьей, нашел интересную работу на авиационном заводе № 22 «Фили». Завод этот представлял собой как бы маленький город внутри большого. Жизнь там «била ключом». Здесь Николаю Ивановичу нравилась не только работа, но и активная общественная жизнь, особенно жизнь молодежи: спорт, кружки по интересам, литературное объединение и т. п. Он сразу включился в общественную работу, занялся серьезно спортом, принимал активное участие в работе литературного кружка «Вперед», где занятия вел писатель А. С. Серафимович (Попов). Николай Иванович писал лирические стихи.

Когда Сталин и его окружение решили избавиться от старой гвардии коммунистов, пошла по стране волна репрессий. Был арестован и расстрелян отец Н. И. Садоматникова, член общества старых большевиков-ленинцев. Но до Николая Ивановича добрались только в 1937 году, когда на ГУЛАГ пошли люди с образованием, положением, самая идейная интеллигенция. Арестовали 27 сентября – и в Бутырку. Вызывали на допрос и предлагали (это предлагалось почти всем арестованным): «Признайся, что настроен против Советской власти и совершал вредительские действия – будет суд, а там оправдаешься. Не признаешься – по особому распоряжению НКВД – срок».

Садоматников же ни в чем себя виновным не признавал, и в декабре 1937-го ему объявили срок: пять лет исправительно-трудовых лагерей на строительстве Беломоро-Балтийского канала в Карелии. И там до исступления ежедневно бил камень в карьере Николай Ива-

нович с одной мыслью в голове: выполнить бы норму, чтобы получить пайку хлеба, иначе не выживешь. О лирических стихах думать было некогда, да и за все время не видел ни одного обрывка бумаги или огрызка карандаша. Чтобы чего подобного не завелось у заключенных, устраивалась время от времени сухая баня: раздевали донага, а одежду, осмотрев, отправляли в прожарку.

В первые дни Отечественной войны отправили на строительство военных укреплений, а в ноябре 1941 года погнали в тыл пешком вдоль северной железнодорожной линии по маршруту: Угловка, Боровичи, Пестово. Когда прошли 300 километров, стали нагонять немцы. Тогда гулаговцев посадили в вагоны и повезли в глубь страны. Если немецкие стервятники нагоняли и начинали бомбить, следовала команда: «Быстро покинуть вагоны!» Но только покинуть и лежать рядом с ними, а отбежать и прятаться нельзя. Если отбежишь дальше, чем на сто метров, тут уж по тебе стреляет твоя охрана. После бомбежки восстанавливали железную дорогу и двигались дальше. От Ярославля до Княжпогоста ехали больше месяца: дорога забита поездами, везущими на фронт защитников Родины, боевую технику и боеприпасы, а их состав больше стоял в тупиках. Север. Декабрь. Дров не давали. На сутки в вагон кидали одну булку хлеба на всех. Когда привезли в Ухтинско-Печерский лагерь (Ухтпечлаг), в их вагоне остались живыми восемь недвигающихся скелетов, а во всем составе – около 120. Поглядели на них и отправили на разъезд Тракт, где были старые гулаговские бараки. Еще треть приехавших почти сразу умерли, а остальные лежали два месяца, прежде чем начали вставать на ноги. И эти выжили только благодаря тому, что им ежедневно давали по поллитра оленьей крови. С глубокой болью Николай Иванович вспоминает: «В наш эшелон грузили только прекрасных специалистов: инженеров и техников, – и почти все погибли.

В Ухтпечлаге Садоматников сначала работал на лесоповале, а затем на строительстве мостов через Печору и Чикшу. Здесь тоже «хорошего» видел много, ведь строительство велось почти без техники. Гулаговцы вспоминали лозунг «отца народов», запомнившийся еще с догулаговских времен: «Техника решает все». И вкальвали с утра до ночи за пайку хлеба и миску баланды.

Прошли пять лет срока. Освободили. Но выехать никуда нельзя. Дали отдыха два месяца, очевидно, с расчетом: восстановят немного силы – и на фронт. Так считали все освободившиеся. А на деле все обернулось иначе. Однажды появился уполномоченный треста «Егоршинуголь» и стал освободившимся предлагать поехать в Арте-

мовский строить угольные шахты. А главное, обещал райскую жизнь и работу по найму. Но вместо паспорта дали справку: «Н. И. Садоматников освобожден для работы по найму в тресте «Егоршинуголь». Так Николай Иванович оказался в наших краях. Сначала работал на восстановлении шахты «Ключи», а потом на строительстве шахт «Буланаш-3» и «Буланаш-4».

На деле Буланаш оказался тем же ГУЛАГом: нельзя было без разрешения коменданта сходить в Артемовский, например, в аптеку. Часто наезжали сотрудники КГБ и проверяли, тут ли, не сбежал ли. О возвращении в Москву нечего было и думать. Разрешили переписку с женой. Но жена Николая Ивановича, пережившая в 1937 году увольнение с завода, выселение из квартиры и людское презрение к жене врага народа, ехать на Буланаш отказалась. Пришлось создавать новую семью и строить жилье.

Реабилитирован был Николай Иванович только в 1991 году.

Писать – потребность души Николая Ивановича – вытравить ГУЛАГ не смог. Сначала решил записать то, что видел и пережил там. Писал и прятал: боялся получить новый срок. Сжег. Но не писать уже не мог. И после некоторого перерыва появились первые рассказы. А тут открылся литературный кружок при газете «Артемовский рабочий», который вел эрудированный журналист А. Иванов, которого, к слову сказать, писательская братия до сих пор вспоминает добрым словом. Садоматников стал посещать кружок. Очень сожалеет, что Иванов уехал и кружок работу прекратил.

В новой семье Николая Ивановича выросло двое детей: сын жены и общая дочь. Она окончила Уральский политехнический институт и аспирантуру в Москве – кандидат технических наук. В Москве же и создала семью, родила дочь. Затем переехала в Свердловск. Для внучки, которая воспитывалась дедом, и стал Николай Иванович писать сказки.

Так что теперь у него три машинописных томика сказок и рассказов, интересных по содержанию, глубоко идейных, чувствуется знание истории, понимание автором жизни. Много рассказов юмористического характера.

Н. И. Садоматников печатался в журналах «Семья и школа», «Сельская молодежь», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в газете «Егоршинский рабочий» и в сборнике «Ручейки Артемовского родника».

От общения с такими людьми, как Николай Иванович Садоматников, испытываешь огромное удовольствие, сам становишься чище, черпаешь силы жить.

Олейник Яков Антонович

Яков Антонович Олейник родился в 1891 г. в городе Луцке. В какой семье он вырос, осталось тайной. Известно, что окончил железнодорожное училище. В двадцатые годы жил в Сибири. Это был умный, обаятельный мужчина, хорошо рисовал, пел, особенно украинские песни, прекрасно говорил по-русски, писал исключительно грамотно, был страстным охотником. Эти и другие положительные качества давали возможность иметь много друзей, вращаться в сравнительно высоких кругах общества. Все в его жизни складывалось удачно, кроме одного: жена

ему не рожала детей, а он не мыслил без них семейной жизни. Когда он убедился, что детей в его семье не будет, обратил внимание на женщину, у которой в жизни все было наоборот: есть три сына, но нет мужа. Этой женщиной была Зиновия Владимировна Мартемьянова – единственная дочь казака Владимира Федоровича Зверева. Она с отличием окончила гимназию, а получать специальность поехала в столицу. Поступила учиться в С-Петербургский императорский Клинический повивально-гинекологический институт ведомства учреждений Императрицы Марии. А окончив курс наук в 1911 г., показала при выпускных экзаменах хорошие знания по всем преподаваемым предметам. Приняв установленное число новорожденных младенцев, она обнаружила и хороший уход как за роженицами, так и за новорожденными, и потому совет института признал Мартемьянову З. В. достойной получения звания повивальной бабки и постановил, согласно параграфу 65, Высочайше утвердить достойною звания Повивальная бабка выпускницу Императорского Клинического повивально-гинекологического института. И мнение Государственного совета – выдать Мартемьяновой З. В. диплом, дающий право работать по данной специальности во всех родовспомогательных больничных учреждениях С-Петербурга и всей Российской империи. А еще повивальная бабка Зиновия Мартемьянова прослушала теоретические курсы по оспопрививанию и занималась практически прививанием вакцины на людях, получила соответствующее свидетельство. С такими документами вернулась Зиновия Владимировна в Иркутскую область, к месту жительства ее родителей и мужа – единственного

сына купца, торгующего мануфактурой. Он учился одновременно с ней в С-Петербурге, но курс наук не окончил, так как отец присылал денег столько, что появилась возможность сыну заняться более «достойными» делами, чем учеба. Вернулся с женой на родину, но заскучал по С-Петербургу, стал часто выпивать, а со временем и вообще запил. Зиновия Владимировна старалась наставить его на путь истинный, но держался он недолго, вновь запивал. А однажды поехал на золотые прииски и сгинул. Так молодая женщина, красивая, умная, пользующаяся огромным уважением всех, знающих ее, стала молодой вдовой с тремя сынами на руках.

Яков Антонович принимает решение: разводится с женой и делает предложение Зиновии Владимировне. Все произошло не сразу и не вдруг, но, когда женитьба все-таки состоялась, было решено сменить место жительства, тем более что время началось беспокойное – конец 20-х годов.

Куда двинуться? После многих раздумий едут к другу Олейника в Егоршино. Яков Антонович устраивается на шахту «Бурсунка» штейгером горных работ.

Семья получила жилье в двухквартирном доме, построенном для ИТР. Дом на пригорке, перед окнами озерко, в него Яков Антонович запустил карасей. В лесу много зверя, на окрестных болотах – диких уток, словом, охотник семью кормил сытно. Неудобство одно – Зиновия Владимировна работала в больнице на копиях Артема – далеко ходить на работу.

Или начальство заметило хозяйственную жилку Якова Антоновича, сам ли решил найти работу на копиях Артема, чтобы перебраться с семьей поближе к месту работы жены. В семье к тому времени уже росли три дочери. А тут еще приехали жить сюда родители Зиновии Владимировны. В квартире стало тесно. Яков Антонович получает работу – начальник снабжения шахтоуправления «Егоршинское». Работу получил, а квартир свободных нет. Стал подыскивать частную квартиру и нашел нежилой дом, хозяева которого были раскулачены, и дом перешел в собственность колхоза. Что можно, все было из дома утащено или испорчено. Было решено дом купить. Олейник взял в шахтоуправлении ссуду 2800 рублей, и с тестем принялись приводить дом в порядок. Подполье увеличили, превратили его в кухню и столовую. Еще раньше приобрели корову, мелкую живность, а теперь и жеребенка купили. Тесть, казак, страстный любитель лошадей. Тесть с тещей стали вести хозяйство, Яков Антонович с Зиновией Владимировной работали, дочери подрастали, а сыновья, окончив семилетку, один за другим потянулись в Свердловск для приобретения специальности.

Юра уже учительствовал, Олег учился в горно-металлургическом техникуме, Володя – в школе связи.

Людмила Яковлевна вспоминает: «Папа очень любил нас. Когда возвращался с работы, начинал нас искать со словами: «Где мои доченьки? Куда же они убежали? Как мне их найти?» Мы прижимались в уголке и сидели, затаив дыхание, чтобы подольше нас поискал. А потом повисали на его широких плечах, и он с нами играл. Когда заболела Тамара, сам лежал с ней в больнице, сам ухаживал за ней. Она все же умерла, он очень сокрушался, плакал.

Сынов приучал к работе по дому. Каждый имел какую-нибудь обязанность. А кроме этого, заставлял делать табуретки. Простая вещь – табуретка, а чтобы изготовить, нужно материал разметить, пилить, строгать, потом собрать ее. Работу проверит, объяснит, в чем ошибки, за хорошую работу похвалит. Мальчики порой обижались, мол, табуреток уже много сделали, а все заставляет продолжать работу, погулять мало времени остается. Папа специально старался их занять, чтобы меньше времени на баловство оставалось, на пустое проведение времени, чтобы больше находились дома, во дворе и учились все делать сами. Когда братья стали взрослыми, были очень благодарны отцу: умение работать пригодилось в жизни.

В семье все папу очень любили. Он был внимателен ко всем. Речь мягкая, напевная, улыбка лучезарная. Семья жила дружно. Приходили гости, пели, танцевали. Папа пел украинские народные песни. Хорошо пела бабушка Прасковья Александровна. Выезжали семьей на лошади в лес за ягодами, за грибами, иногда с ночевкой. Папа хорошо рисовал. Сохранились две его картины, а еще два чучела: головы оленя и сибирского козла, которые он тоже сам сделал.

В последних числах октября 1937 года приехал гость из Свердловска, заядлый охотник, со своим волкодавом. Они ушли на охоту. Свою собаку Яков Антонович оставил дома. Она всю ночь выла. Сверчок за печкой трещал. Теща заволновалась: «Быть беде», Зиновия Владимировна сказала: «Не говори так. Накличешь беду».

Беда пришла в тот же день в виде сотрудника УНКВД Фадеева с двумя понятыми Кожевиным и Сединкиным. Стали они производить обыск, конфисковали вещи Я. А. Олейника.

паспорт № 51 92 31 серии ДО, профбилет, кинжал, полевой бинокль, дробь охотничьей 10 кг, патронных гильз 16-го калибра -184 шт., заряженных патронов – 20 шт., закрутки патронные – 2 шт.

З. В. Мартемьяновой (жены Олейника):

кулон золотой с драгоценными камнями.

В. Ф. Зверева (тестя Олейника):

часы золотые, кольцо золотое с буквами «Ф. З.» – подарок отца, Федора Зверева.

П. А. Зверевой (тещи Олейника):

кольцо золотое, серьги золотые, серебряные ложки с гравировкой «П. К.» (Прасковьи Кожиной – приданое).

Все книги библиотеки сбросали в дрожки и увезли.

Это произошло 28 октября, а 30 октября вернулся с охоты свердловский гость и рассказал, как развивались события в лесу: «Остановились в избушке лесника. Охотимся третий день. Вдруг к избушке подъезжают на дрожках милиционеры, спрашивают Олейника, велели звать его из леса. Яков Антонович заволновался, подумал, что в семье что-то произошло, спрашивает: «Что случилось?» В ответ: «Вы арестованы».

Так 30 октября в лесу на охоте был арестован Я. А. Олейник.

Видимо, хотели арестовать еще 28 октября. Двое суток прождали, испугались, что «ускользнет» из их рук, и отправились в лес искать охотника.

Держали в тюремном бараке, вели допрос, уверяли, что все уже знают о его вредительской деятельности из показаний работников шахтоуправления, арестованных раньше. А были уже арестованы главный инженер Капустин, главный механик Галанин, главный маркшейдер Ставрович и др. Вина, мол, Олейника доказана, запирайтесь бессмысленно. Многие вменялось ему в вину, в частности: при составлении плана завоза оборудования, материалов и запчастей составлял явно вредительские титульные списки, благодаря чему завозилось такое оборудование, которое нашим шахтам не нужно, оно лежало на складах мертвым грузом, а необходимых материалов и запчастей не было. По его вине затянулся пуск новой подстанции, так как сознательно не предусмотрел в плане завоза трансформатор и измерительные приборы. А старая подстанция находится в предаварийном состоянии, есть опасность взрыва опорных изоляторов и вывода станции из строя. А. А. Ипатов совершил три крупные аварии, т. к. Олейник выдал ему смазочное масло с металлическими стружками, и т. д., и т. п.

Я. А. Олейнику, мол, остается только сознаться в этих преступлениях и подписать, что он действительно участник контрреволюционной группировки, действующей на Егоршинских угольных коях.

Якова Антоновича долго держали в Егоршино, не отправляя в Свердловск, видимо, еще на месте хотели добиться признания. Он сумел передать жене пять писем, которые до сих пор хранились у дочери, Людмилы Яковлевны Коверда.

Первым письмом он известил жену: «Пока ясности нет, но, надо полагать, 58 статья – до 5 лет. Меня привлекают по делу Капустина как участника вредительской группы. В числе вопросов фигурирует ссуда 2800 рублей. Органы НКВД ставят это: якобы я получил денежное вознаграждение от Упорова (управляющий шахтоуправлением) за вредительскую работу на постройку дома. Надо полагать, дом ставится под угрозу реквизиции. ...Держи ориентацию на поддержку сыновей. Не падай духом! Береги себя, и ребят, и стариков. У меня уверенность в том, что не в далеком будущем будем опять вместе. Полагаю, что и ты согласна с этим. Целую крепко, крепко. Твой Яша».

Письмо второе:

«Здравствуй, Зиночка! ...На себя клеветать и придумывать себе обвинительный материал – такова постановка дела, таково положение, и от судьбы не уйдешь. Запираться, как это решил Н. М., вероятно, бесполезно, больше терзания, бесконечное сидение в отвратительных, нечеловеческих условиях репрессий к ближним. Я и многие здесь сидящие избрали путь ускорения процесса путем признания себя виноватыми... Ты, моя ласточка, крепись, не падай духом...»

Письмо третье:

«Зиночка! Будь добра, подготовь мне две пары добрых портянок, одну пару теплых носков и шей мне мешок среднего размера из полотна. Я верну тебе чехол. Мешок в этапах и тюрьмах удобнее, в него можно скласть всю одежду и мелочь. Также шей мешочек под сухари примерно кг на восемь, таковые и подготовьте к передаче, когда я скажу. Одну деревянную ложку и чашку...»

Письмо четвертое:

«Получил передачу...»

Письмо пятое:

«Зиночка! Сегодня был решительный допрос. Во имя спасения семьи и прочее подписал заявление о вредительской деятельности. Беру на себя долю вины – надо кончать эту волюнку. Дадут, вероятно, лет 3-5. Это неизбежно...»

...Смирюсь с мыслью, что данное испытание неизбежно. Не я первый, не я последний. Ожидается большая амнистия, которая, несомненно, внесет большие улучшения в нашу жизнь.

Береги детей. Живите со стариками вкупе. ...Я уверен, что в будущем году будем все вместе.

Целую крепко ребят и стариков крепко, крепко».

Эти письма наводят на размышления. Но главный вывод ясен: если что-то предьявляло следствие, доказать обратное невозможно. Уговаривали подписывать обвинение, уверяя, мол, сможете оправ-

даться на суде. Люди понимали обман, но их не покидала надежда, что удастся перенести все трудности, выжить и вернуться к своим родным и любимым. Но вся беда была в том, что они смутно представляли себе, что ждет их в лагерях, а тем более не знали, что в 1937 году осужденных по 58 статье часто расстреливали.

Меня восхищает в этих письмах сила воли, которой обладал этот человек. Никакой, паники, нервозности, обиды или клеветы на кого-то, будто сообщает о самом обычном, словно от семьи отлучился всего неделки на две. Нельзя без волнения читать слова: «Зиночка, во имя спасения семьи и прочее подписал заявление о вредительской деятельности».

Его письма дышали уверенностью, что все будет хорошо, чтобы жена не волновалась, ждала, надеялась, привыкала к своей беде его Ласточка постепенно.

После ареста Олейника сотрудник УНКВД Фадеев с этими же понятиями еще несколько раз приходили с обыском к его жене. Фадеева больше интересовал бабушкин сундук. Все перетрясет, выбросит. Бабушка спросит: «Что ищите?» «Не ваше дело», – отвечает. Наконец не выдержал: «Где драповое пальто с каракулевым воротником?» Вот что, оказывается, интересовало Фадеева. Но пальто Яков Антонович уже давно подарил старшему сыну.

17 декабря пришли последний раз и описали следующее:

«1. Дом деревянный с надворными постройками	4000 руб.
2. Кладовая кирпичная, крытая тесом	2000 руб.
3. Конюшня деревянная 4 стены	300 руб.
4. Баня белая с прачечным отделением	500 руб.
5. Баня старая черная	30 руб.
6. Рояль черная фабрики «Шредер» (куплен был Зиновии Владимировне, когда ей исполнилось 10 лет. – О. М.)	2000 руб.
7. Кровать варшавская	1500 руб.
8. Скатерть ковровая	50 руб.
9. Часы стенные	30 руб.
10. Машина швейная «Зингер» ручная	125 руб.
11. Шкаф бурый	50 руб.
12. Стулья простые – 4 шт.	24 руб.
13. Материал полушерстяной коричневый узкий – 2 кус.	32 руб. 25 руб.
14. Шапка мужская. Лисий околыш	22руб.
15. Рубашек мужских полосатых – 2 шт.	20 руб.
16. Костюм белый	25 руб.
17. Костюм мужской черный	70 руб.

18. Ковер шерстяной желтый с коричневыми цветами	25 руб.
19. Хомут	15 руб.
20. Седло	25 руб.
21. Чехол ружейный	70 руб.
22. Ковер войлочный шерстяной зеленый	15 руб.
23. Хомут кожаный	50 руб.
24. Ворота с забором	250 руб.
25. Сарай и пригон	
26. Нетель полуторых лет белобрюхая, черная, задние ноги ниже колен белые	
27. Корова черная, рога маленькие ухватчиком	1000 руб.
28. Дроги железный ход с колесами	100 руб.
29. Одеяло серое суконное 1,5 метра	50 руб.
30. Одеяло байковое, клетчатое – 2 шт.	30 руб.
31. Постель перовая	50 руб.

Имущество сдано на хранение Звереву Владимиру Федоровичу – тестю. Все описанное имущество, принадлежащее Я. А. Олейнику, обязуюсь хранить. Ответственность за утрату по ст. 168 УК мне объявлена.

К сему роспись В. Зверев».

Имущество было описано, но не конфисковано, видимо, Тройка УНКВД по Свердловской области, когда выносила приговор, забыла подписать слова «с конфискацией имущества», и Фадеев на самоуправство не решился. Другое дело – золотые вещи, их положи в карман – никто и не увидит, а Зиновия Владимировна не пикнет, лишь бы и ее не «замели», как жен некоторых врагов народа.

Зиновия Владимировна тоже не знала, что судимых по 58 статье расстреливают, и ждала мужа, считала, что в самом худшем случае ему могут дать 10 лет Колымы или Соловков. Если узнавала, что кто-то где-то вернулся, бежала или ехала выяснить, не видели ли ее мужа. Но никто никакой вести так и не принес. «Как в воду канул», – думала она.

И только через 20 лет, в августе 1957 года, получила она справку из прокуратуры Свердловской области: «Дело Олейника Я. А. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 12 июня 1957 г. пересмотрено. Приговор Военной Коллегии от 17 января 1938 г. в отношении Олейника Я. А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Олейник Я. А. реабилитирован посмертно».

Получила Зиновия Владимировна и свидетельство о смерти мужа, в котором значилось, что муж умер 28 августа 1940 года.

И только в январе 1991 г. дочери, Людмила Яковлевна и Нина Яковлевна, узнали правду: «Олейник Я. А. умер 17 января 1938 г. в возрасте 47 лет. Причина смерти – расстрел».

Следует обратить внимание на тот факт, что приговор вынесен был 17 января и в тот же день приведен был в исполнение.

Людмила Яковлевна продолжает вспоминать: «Когда папу арестовали, в нашем доме поселились горе и нужда. Маму сразу уволили с работы. Она почернела от горя. Почти в это же время были арестованы два ее сына, мои братья: Юра и Олег Мартемьяновы. Мартемьянов Олег Евгеньевич был тогда еще студентом. Отбывал наказание в Сучанских шахтах. Мартемьянов Юрий Евгеньевич учительствовал. Ему пришлось отбывать наказание в Княж-Погосте. В Отечественную войну оба воевали – пригодились защищать Родину.

Мы всю жизнь благодарны Ю. М. Тамбовскому. Он маму взял на работу. Она работала очень много акушером, медсестрой и на скорой помощи, замещала врача, иногда все одновременно. В любое время суток, если нужно было, ехала на лошади в любой конец района. Не отказывалась ни от какой работы, даже рисовала ляписом на шторах узоры. Видели мы ее дома очень редко. Работа помогала ей переживать беды, отвлекала от своих горьких дум. Юлиан Митрофанович помогал нам и другим: давал с подсобного хозяйства лошадь съездить за дровами или давал соломы для коровы. А когда мама узнала, что Юра в госпитале в Свердловске в безнадежном состоянии, это уже в войну было, привезла его, и Тамбовский помог вылечить, вернуть к жизни.

Бабушка раньше хорошо пела. Больше мы ее песен не слышали, только вздохи и слезы. Жеребенка продали. Дед сник совсем и вскоре умер».

Так красное колесо истории прокатилось по семье Якова Антоновича Олейника и Зиновии Владимировны Мартемьяновой.

Бригада плотников

В колхозе им. ОГПУ с. Мироново в тридцатые годы была хорошая плотницкая бригада. Состояла она из 6 человек. Мне удалось узнать имена пяти членов этой бригады:

Кочнев Василий Ефимович,
Никифоров Александр Никифорович,
Степанов Василий Степанович,
Согрин Матвей Егорович,
Миронов Иван Игнатьевич.

Бригада строила скотные дворы, склады, полевые станы – все, что было необходимо колхозу. Например, мост через реку Реж эти мужики соорудили такой, что никакое половодье ему было не страшно: мост был высокий, надежный, с ледоколами. А полевой стан «Культурный», построенный ими, известен был как примерный не только в нашей области, но и далеко за ее пределами. Областное начальство привозило сюда делегации посмотреть, каким должен быть полевой стан, перенять опыт. На его территории были расположены два просторных дома, в них стояли кровати, заправленные чистым постельным бельем; светлая столовая, баня, парикмахерская, красный уголок, где были радио, граммофон, музыкальные инструменты, настольные игры, всегда свежие газеты. Сюда приезжали с концертами взрослые и школьники, даже заезжие артисты и, конечно, кинопередвижка.

24 октября 1937 г. все члены этой бригады плотников были арестованы, и ни один из них не только никогда не вернулся, даже весточки не послал своим семьям.

За что были арестованы плотники? Да ни за что. Но в то время никто не мог представить, что могут арестовать ни за что. Казалось: такое быть не может. Односельчане строили догадки, связывали их арест с событиями, происходящими в селе. Например, близко от полевого стана «Культурный» паслось стадо колхозных коров. Одна корова заболела и пала (погибла). Когда ее анатомировали, в ее желудке нашли гвозди, сережку. Что гвозди попали в ее желудок, виноваты, конечно, плотники, ведь гвозди только у них. Ясно: халатность или вредительство.

Другая версия. Построили эти плотники курятник за деревней, на высоком, открытом всем ветрам месте. Курятник длинный, но неширокий, чтоб большие окна были с обеих сторон. В курятнике много света и солнца. Хорошо несушкам в нем жилось: тепло, светло, сухо и просторно. Но, по воспоминанию односельчан, было это летним пристанищем несушек, к зиме их оставляли значительно меньше и переселяли в теплые конюшни.

Однажды над селом пронесся сильнейший ураган, деревья были вырваны с корнем, много бед натворил он и в Мироново, и в окрестных селах. А с курятника сорвал крышу, и многие несушки пострадали. За

колхозную собственность в то время строго отвечать приходилось. Так кто же виновен, что несутки пострадали? Ясно: плотники, это они строили курятник с вредительской целью, чтоб колхозу не пользу принести, а ущерб.

А отправили плотников в застенки НКВД, а глухой телефон разнес по деревне весть: председатель сельсовета предложил председателю колхоза Кузьме Егоровичу Забелину взвалить ответственность за несутки на плотников и сдать их в милицию. Кузьма Егорович возразил: «Пусть они сначала мне дом построят, тогда сдадим». На это предсельсовета сказал: «Пока они тебе дом построят, нас с тобой посадят». Может быть, чтоб оградить себя от ответственности, плотников сдали в Егоршинское районное отделение НКВД. А там «шить дела» в то время умели. Попал туда – оправдаться трудно.

Была и третья версия: однажды во время перекура высказали плотники недовольство политической партии и правительства, а скорей всего, местного начальства. Один из них «настукал» куда следовало, вот и «загремели» мужики. И осталось в их семьях по 3–5 сирот. И эта версия подходит, так как арестовали всех, кроме одного. Несколько позднее и «этот» туда же попал, но факт, что позднее других, говорит за себя.

Читаю документ, полученный Анатолием Васильевичем Кочневым, сыном Василия Ефимовича Кочнева, из прокуратуры Свердловской области:

«Кочнев Василий Ефимович, 1886 года рождения, уроженец с. Мирново, плотник колхоза «ОГПУ», арестован 24 октября 1937 г. без санкции прокурора по необоснованному обвинению в участии в повстанческой организации и ведении антисоветской агитации». Постановление Тройки УНКВД по Свердловской области от 5 декабря 1937 г. было таким: Кочнев В. Е. лишить свободы на 10 лет. Отбывал наказание в Свирьлагге Ленинградской области, где и умер от крупозного воспаления легких (по одному документу 15 мая 1938 г., по другому – 16 июня 1938 г.).

11 июля 1957 г. Президиум Свердловского областного суда пересмотрел Постановление Тройки от 5 декабря 1937 г. в отношении Кочнева В. Е. и вынес решение: «Уголовное дело прекратить за отсутствием состава преступления, Кочнев В. Е. полностью реабилитировать (посмертно)».

А. В. Кочнев помнит: «В тот год был в колхозе очень богатый урожай. Отец получил на трудодни 50 центнеров хлеба. Привез хлеб до-

мой и привел телку племенной породы – премию стахановцу. Очень радовался. А через несколько дней ушел на работу и не вернулся – был арестован. Больше мы его не видели».

А Нина Александровна Малых, дочь Никифорова Александра Никифоровича, вспоминает: «Жили мы в избушке на три окошка. Отец был хорошим плотником, но строил колхозу за трудодни, а себе хороший дом построить было не за что. Мама – прекрасная портниха. Шила день и ночь фуфайки, шубы, перешивала старое – всю деревню обшивала за трудодни, ведь в магазинах ничего не продавалось в то время. Хоть и бедно мы жили, но родители мои в деревне были людьми уважаемыми. Когда отца арестовали, осталась мама с нами с пятью: Семену – 12 лет, Грише – 10, Нине (мне) – 8, Аркадию – 6, а Саше – несколько месяцев. Забрали корову, полуторагодовалого быка, овец, весь плотницкий инструмент отца. Отцу на трудодни полагалось получить 50 центнеров хлеба – не дали. Когда мама у Забелина, председателя колхоза, попросила дать хоть немного хлеба, мол, дети голодают, ответил: «Картошки накопила – не умрут». Жили очень плохо. Аркадий ходил по домам, зайдет в чей-нибудь дом и скажет: «Я есть хочу». Ему дадут калач или булку, он сам поест и нам принесет. Дров не было. Бывало, мужики, жалея нас, привезут прямо из леса дерево с сучьями и ветками, сбросят около нашей избушки. Сеня с Гришей ширкают пилой. Дрова сырые, не горят. Хотя мама и была портнихой, другим шила, а мы бегали раздетыми и босыми с весны, как снег стает, и до зимы. А зиму дома сидели.

В общем, намучились мы, пока выросли. А вот во время Великой Отечественной войны Семен с Гришей семнадцатилетними ушли защищать Родину. Семен воевал на Малой Земле. Последнее письмо от него получили 28 апреля 1945 г. И как в воду канул – пропал без вести. Думаю: может, так же, как отец, был арестован, а может, за отца держать ответ заставили. И такое, говорят, было».

Документ из прокуратуры Свердловской области от 21 июня 1996 г. гласит: «Никифоров Александр Никифорович был в 1937 г. незаконно репрессирован по политическим мотивам по статье 58 пункт 10 УК РСФСР. Расстрелян. В настоящее время Никифоров Александр Никифорович полностью реабилитирован (посмертно)».

Вот такова судьба двух плотников из колхоза «ОГПУ»: В. Е. Кочнев умер в концентрационном лагере, а А. Н. Никифоров расстрелян. Судьба остальных мне не известна, так как их родственников я пока не сумела найти, но бесспорно одно: их судьба такая же.

Наймушина Галина Филипповна и ее родные

Галина Филипповна Наймушина – дочь Филиппа Куприяновича Галагана, украинца, который родился в селе Лозоватка Криворожского района Днепропетровской области, в большой трудолюбивой семье. Как прошло детство Филиппа? Известно, как раньше проходило детство мальчиков в трудолюбивых семьях. Мальчиков рано приучали к сельскохозяйственному труду. Весна – мальчик боронит поле. Лето – полет траву на поле, засеянном зерновыми, или на покосе ворошит сено и возит копны к зароду. Осень – помогает взрослым в уборке урожая, даже жать хлеб серпом детей приучали рано. Да крестьянский ребенок и сам не усидит дома, если вся семья трудится.

А вот как прошла юность Филиппа Куприяновича – тут в семье остался один документ – фотография, на которой Филипп молодой вместе с другими такими же молодыми юношами работает на большом поле в колодках на ногах. Вот это уже стало интересно подросшим девочкам. Они знали уже, что колодки надевали на ноги человека, когда боялись, чтобы он не сбежал откуда-то. На их вопрос мать ответила: «Отец был в армии, воевал, попал в плен, а пленных заставляли работать на большом помещичьем поле. Вот хозяин их сфотографировал и фотографии им отдал, мол, дома покажете, как воевали. На вопрос дочерей, в какой войне отец участвовал, в мировой или гражданской, мать не ответила, замолчала. И дочки с вопросами приставать к ней больше не стали: они знали, что живут в такое время, что маме лучше помолчать, если разговор заходит о чем-то серьезном. Знали, что живут в общем бараке, кто-то может подслушать их разговор и каждое слово потом может быть использовано по-своему. Хорошо бы об этом расспросить отца, но его уже нет.

А что знали дочки об отце? Филипп Куприянович Галаган родился в 1888 году, женился в 1911 году. В 1912 году родился первый сын – Григорий. Значит, настало время семье Филиппа отделиться от родителей. Всей семьей отца стали строить Филиппу дом. Дело спорилось. Дом был готов быстро, но с земляным полом и черепичной крышей, в общем-то, как почти у всех крестьян в их селе, ведь лес-то дорогой. Кроме дома от отца Филипп получил лошадь и упряжь к ней, корову, пару подсвинок, пару овец и сколько-то гусей с курами. Ну и, конечно, небольшой клин земли. Да только много хлеба с такого клина не получишь!

Но положение спасла жена, Вера Куприяновна. Она начала каждые два года дарить мужу по сыну. Так появились Иван, Семен, Василий и опять Иван. А у отца-то сколько радости – какая помощь растет! К тому же на каждого новорожденного мальчика семье дают дополнительно землю! Соседи да и родственники даже завидовали Филиппу Куприяновичу: рождаются все мальчишки – свои пахари, свои борноволоки и пастухи свои. А земли-то сколько! А если все выйдут на заготовку сена или жать хлеб – любо посмотреть! Сельчане восхищаются: «Какие трудолюбивые женихи подрастают у Галаганов!»

А тут и Октябрьская революция свершилась. Хотя после 1922 года в семье стали рождаться девочки: Екатерина, Галина, Мария, Татьяна, но Филипп Куприянович опять не горевал – Советская власть землю и на новорожденных девочек стала давать, так что клин земли все увеличивался, а работать есть кому. Стали хлеба производить столько, что хватало налог заплатить, семью и скотину прокормить. Даже оставалось хлеба и на рынке продать – денежку выручить. А скота-то во дворе сколько развелось! Живые деньги! В первые годы Советской власти государство давало крестьянам ссуду на приобретение сельскохозяйственных машин. Филипп Куприянович тоже взял небольшую ссуду, только приобрел не сельскохозяйственную машину, а мельницу, которая давала прибыль побольше некоторых машин. Филипп Куприянович, пожалуй, раньше всех из сельчан с государством за ссуду рассчитался. Во дворе скот тоже хорошо плодился: лошадей четыре, коров тоже четыре, есть свиньи, десяток овец, гуси и куры не подводят – живи да радуйся!

И задумал Филипп Куприянович строить большой дом, да не с земляным полом и черепичной крышей, а из дерева все! Да и строить-то новый дом решил не в своей деревне, а в соседнем большом богатом селе Новоукраинка. Конечно, лес дорогой, дела шли не так прытко, как хотелось бы, но все же год от года дело двигалось вперед и вперед. Порой казалось уже: еще немного, еще чуть-чуть – завершение строительства приблизится!

Россия всегда была страной аграрной, лапотной, на ее просторах производилось огромное количество хлеба, которым кормилась не только Россия, но и вся Европа. Сталин понимал, что России нельзя оставаться страной только аграрной, надо срочно превращаться в страну индустриальную, значит, надо строить металлургические комбинаты, машиностроительные заводы, открывать новые шахты и т.п. Был составлен грандиозный план работы на пять лет, т.е. план первой пятилетки, для выполнения которого понадобилось много денег и хлеба.

С началом выполнения политики ускоренной индустриализации непосильное налоговое бремя легло на крестьян. Уже в 1927 году власти

ввели новый сельхозналог и финансовые кары за его невыполнение. В 1928 году сельхозналог увеличился еще в два раза. И было введено дополнительное самообложение в размере 25% от основной суммы налога. За сопротивление властям во время хлебозаготовок по статье 61 УК предусматривался срок – два года лишения свободы с конфискацией имущества. Штраф за невыполнение государственных платежей в срок к 1930 году самый минимальный составлял 300 рублей, максимальный – 1600 рублей, что при переводе на сельскохозяйственные продукты означало 32 тонны хлеба или 6,5 тонн мяса. Крестьянской семье платить такие налоги и штрафы стало нечем – ясно, что это обрекало наказуемых на осуждение: конфискацию имущества и выселение.

Семья Ф.К.Галагана в 1929 году еще кое-как рассчиталась с государственными налогами, а в 1930 году уже не смогла заплатить полностью все налоги. Описано было все: оба дома (недостроенный и тот, в котором жили), мельница, весь хлеб, весь скот и земля. Описано, еще не конфисковано, но пользоваться тебе этим уже нельзя – оно уже не твое. Семья вынуждена была голодать. Старшие сыны Филиппа Куприяновича ушли из дома на заработки на производство, где давали рабочим паек – сколько-то хлеба. Один из сынов даже уехал работать в Белоруссию. А сын Семен, слабый здоровьем, умер. В 1931 году все было конфисковано, и Филипп Куприянович с женой, младшим сыном Иваном и четырьмя дочерьми были высланы из села.

Рассказывает дочь Галаганова, Галина Филипповна Наймушина, о том, что стало с семьей дальше: «Настал страшный день. Моим родителям было приказано собрать всех детей и быть готовыми к отъезду. В это же время одни в амбаре выгребают описанный хлеб, другие во дворе ловят скот и куда-то увозят или уводят. Ловят скот не хозяева, а чужие люди. Поступают безжалостно, животные это чувствуют, не даются, во дворе собаки лают, кони ржут, коровы мычат, как бы прощаются с домом и хозяевами, овцы блеют, свиньи визжат, петухи, испуганные, дико кукарекают. Младшие девочки, наблюдая такую картину во дворе и в доме, плачут, уливаются слезами.

Скот еще весь не увели, подошли к дому машины. Поступил приказ: «Матери с девочками садиться в крытую машину, а отцу с сыновьями – в открытую». Машины пошли – собаки побежали за машинами. Людей повезли на железнодорожный вокзал. Там грузили (иначе не скажешь) в товарные вагоны опять же отдельно. Женщин с дочками в один вагон, а мужиков с сыновьями в другой. Крики и плач на весь вокзал, так как женщины поняли, будто их навсегда разъединили с мужьями и увезут теперь в разные стороны. Некоторые женщины рыдали до потери сознания.

В вагонах, вместо туалетов, дырки в полу. У детей, да и у взрослых не всегда получалось аккуратно пользоваться дыркой. Вонь в вагоне захватывала дыхание. Пищи нет, только по куску хлеба, воды одно ведро на всех. Так везли 12 дней. Поезд остановился на станции Половинка Кизеловского угольного бассейна. Кругом лес, жилья никакого. Люди бросились делать шалаши, чтобы хоть было куда собрать детей да спать не под открытым небом.

Начали строить бараки, очень длинные, а потом в еще недостроенные вселялись жить. У барака только стены, сложенные из дерева, нет разделения ни на квартиры, ни на комнаты, нет даже оконных рам, не то чтобы стекол в окнах. Площадь в бараке отделяли по количеству детей. Заметки делали на полу и на стенах, чтобы никто, например, не улегся спать на чужую площадь, ведь все спали прямо на полу.

«Обзавелись» жильем, мама и папа пошли на работу в шахту №4. Папа грузил уголь в вагонетки, а мама катала вагонетки с углем к подъему из шахты. Работали полугодными, так как пайки маленькие, а на детей вообще мизерные. Сестра Мария вскоре умерла. Осталось нас три сестры: Екатерина, Галина и Татьяна. Записали нас в детский сад, но путевку дали одну, так мы ходили в детский сад по очереди. Сегодня – Катя, завтра я, послезавтра – Таня – хоть через два дня на третий поест ребенок по-человечески, досыта. От родителей получили строгий наказ: если от обеда у тебя останется пусть только маленький кусочек хлеба, носи домой – ведь дома сестрички хотят есть, ждут тебя.

Отец очень усталым возвращался домой с работы, но сразу шел корчевать деревья, освобождал землю под огород, чтобы на будущий год посадить овощи. Мало того, что полугодными жили, раз в месяц ходили в комендатуру отмечаться, что не сбежали, не умерли. Да и ночью спокойно не спали, со страхом ожидали стука в дверь, потому что часто вызывали и ночью в комендатуру то папу, то маму, требовали сказать, где старшие сыны, которых родители будто бы спрятали, сюда не привезли: «Говорите же, не скажете – будет наказание!» Были случаи, что вызывали нас, девочек, но мы действительно не знали о братьях ничего. Мама часто плакала, особенно после очередного вызова. Если ночью кто-то из семьи был вызван в комендатуру, мы все не спали, переживали, вернется ли домой.

Брат Иван восемнадцатилетним был определен работать в шахту №2, жил в другом поселке, в общежитии. Он был добрым, жизнерадостным, общительным юношей, очень музыкальным. Нашел друзей, сделали возле подъезда к общежитию турник, занимались физкультурой, спортом. Он часто приходил к нам, всех нас очень любил. На первую получку он купил нам, сестричкам, всем по белой сорочке с ляпочками. Мы были очень рады, ведь на нас тряпки уже стали ветхими. Бывало, посадит нас, сестричек, перед со-

бой и просит петь песни. Мы поем, а мама смотрит на нас и плачет. А Ваня поцелует маму и успокаивает: «Мама, не плачь, все переживем. Здесь тоже люди живут. Жизнь будет лучше, надо верить. Братья найдутся».

Но лучше не стало. Однажды, уже в 1937 году, ночью отца вызвали в комендатуру, и он не вернулся ни ночью, ни на следующий день, да и никогда. Мама поплакала два дня и пошла в поселок шахты №2 в общежитие, где жил Ваня, рассказать ему о нашей беде. А там сказали: «Ивана нет, его арестовали и увели». Как мама дошла домой, трудно представить. Заболела, слегла. Работать в семье стало некому. Работать пошли мы. Старшей Кате было 14 лет, мне – 9, младшей Тане – 7. Нанялись пасти коз. И так жили дальше. Летом пасем коз, зимой учимся. Люди нас очень жалели, кто молочка даст, кто тряпку какую-нибудь.

Когда Катя окончила 7 классов, снялась с учета в комендатуре и поехала учиться в медицинское училище на фельдшера. Я, окончив 7 классов, поехала учиться в педучилище на учительницу начальных классов, тогда и меня сняли с учета в комендатуре.

Я вышла замуж за военного человека. Вскоре мужа перевели работать в город Артемовский. Вскоре мама и младшая сестра снялись с учета и приехали жить ко мне в Артемовский. Сейчас в живых одна моя сестра Татьяна.

А три старших брата, что остались на Украине, когда нас отправляли на Северный Урал на спецпоселение, тоже немало пережили. Григорий жил в Белоруссии, в Отечественную войну воевал на Западном фронте, а Ивана увезли воевать с Японией. Через шесть лет после Отечественной войны мы их разыскали. Третьего брата, Василия, разыскать так никогда и не смогли. Скорее всего, его судьба такая же, как у отца и самого младшего брата Ивана. С ними после того, как их в 1937 году арестовали, мы так никогда и не встретились, и даже весточку ни от того, ни от другого не получили. Виделись ли они в тюрьме после их ареста, мы не знаем. О их судьбе мы узнали только, прочитав на плитах Мемориала в память о жертвах политического террора Свердловской, Пермской и других областей, что на двенадцатом километре Московского шоссе от Екатеринбурга:

«Галаган Иван Филиппович, 1919 г.р.»,

«Галаган Филипп Куприянович, 1888 г.р.».

Узнать это только тут, что отец наш и любимый брат Ваня, арестованные в 1937 году, были расстреляны, было очень больно. Спрашивается, за что расстреляны? Конечно, за то, что были очень хорошими людьми, умными, трудолюбивыми. А людей хороших в то время нашему государству не надо было, их уничтожали».

Так Советская власть расправилась с большой, дружной крестьянской семьей, одной из миллионов семей, оказавшихся в океане горя, и океану этому не видно было ни конца ни края...

Кочетова
Виктория Владиславовна
1900 г. р. Врач ИТЛ – бухта
Золотой Рог – 10 лет.

Кайгородов Максим Лукич,
1879 г. р.
Фельдшер-фармацевт.
Заведующий аптекой
п. Ирбитский Завод
(п. Красногвардейский).
Расстрелян 14 мая 1938 г.

Кривых
Зиновий Артемьевич
(отец), 1888 г. р.
Грузчик шахты им. Кирова.
Расстрелян 10 марта 1938 г.

Кривых Андрей Зиновьевич
(сын). Кочегар Егоршинской
ГРЭС. Расстрелян 10 марта
1938 г.

Малых Константин Прокопьевич
(отец), 1882 г. р.
Колхозник (с. Мостовское).
Расстрелян 10 марта 1938 г.

Малых
Владимир Константинович
(сын), 1911 г. р.
Слесарь Егоршинской ГРЭС.
Расстрелян 10 марта 1938 г.

Голомолзин
Дмитрий Федорович, 1899 г. р.
Слесарь шахты им. Кирова.
Расстрелян 10 марта 1938 г.

Скутин Василий Федорович,
1902 г. р. Машинист турбины
Егоршинской ГРЭС.
ИТЛ-Хабаровск. Погиб.

Бабкин Василий Ефимович,
1895 г. р. Машинист турбины
Егоршинской ГРЭС.
ИТЛ. Погиб.

Савицкий Евгений
Александрович, 1907 г. р.
Начальник теплоэнергетическо-
го цеха Егоршинской ГРЭС.
Тюрьма: Ирбит, Н. Тагил,
Свердловск. Освобожден
15 января 1940 г.

Смирнягин
Василий Савельевич, 1896 г. р.
Коновозчик материального
склада ст. Егоршино.
Расстрелян 10 ноября 1937 г.

Корелин Степан Григорьевич,
1896 г. р. Кочегар локомотивного
депо ст. Егоршино. Сев. –
УралЛag (1937-1942 гг.)
В 1942 г. – фронт, штрафная
рота. Возвратился домой.

Смирнягин Алексей Фирсович,
1892 г. р. Плотник ст. Егоршино.
ИТЛ – 10 лет. Вернулся домой.

Сосновских Федот Павлович,
1896 г. р. Молотобоец
8 вагонного участка
ст. Егоршино.
Расстрелян 21 марта 1938 г.

Пономарев Иван Дмитриевич,
1904 г. р. Председатель колхоза
им. Крупской (Брагино).
Расстрелян в 1937 г.

Фадеев
Александр Афанасьевич,
1887 г. р. Токарь. ИТЛ – 10 лет.
Погиб.

Гусев Антон Андриянович,
1891 г. р. Бригадир
полеводческой бригады
колхоза им. Калинина
(с. Покровское). БАМЛАГ –
10 лет. Погиб.

Сырчин Илья Игнатьевич,
1897 г. р. Начальник
22 дистанции пути железной
дороги им. Кагановича.
Освобожден 19 февраля 1939 г.

Кузнецов Иван Федорович,
1895 г. р. Мастер по ремонту
сельскохозяйственной техники
в с. Писанец.
ИТЛ – 10 лет. Погиб.

Синюхин Федор Ефимович,
1901 г. р. Плотник Покровского
сельпо. ИТЛ – 10 лет.
Возвратился домой.

Жганьяр Артур Иванович,
1903 г. р. Старший экономист
локомотивного депо
ст. Егоршино. ИТЛ – 10 лет.
Погиб.

Жганьяр Валентин Иванович,
1890 г. р.
Бригадир цеха обработки руд.
Расстрелян.

Жганьяр Франц Иванович.
Железнодорожник. Погиб.

Скутин Василий Григорьевич,
1900 г. р. Сварщик котлов
высокого давления.
Расстрелян в 1938 г.

ЧАСТЬ IV

Жертвы политических репрессий (1936-1948 гг.)

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
АБАКУМОВ Николай Иванович	1899	Егоршинское отделение железной дороги. Бухгалтер.
АНОХИН Иван Кузьмич	1897	Хлебопекарня рабкоопы п. Ирбитский Завод. Заведующий.
АНАНЬИН Михаил Тимофеевич	1918	д. Лаптево, колхоз «Новый путь». Шофер.
АНАНЬИН Тимофей Михайлович	1887	с. Стриганка. Счетовод сельпо.
АНИКИН Семен Григорьевич	1908	п. Ирбитский Завод, мехлесопункт. Слесарь.
АНТУСЕВИЧ Иосиф Поликарпович	1913	
БАБКИН Василий Ефимович	1905	Егоршинская ГРЭС. Машинист турбины.
БАБКИН Андрей Иванович	1898	Егоршинская ГРЭС. Теплотехник.
БАБКИН Митрофан Андреевич	1881	Егоршинский межрайторг. Сторож.
БЕРЕЗИН Василий Тимофеевич	1916	Покровская средняя школа. Пионервожатый.
БОДЯ Иван Петрович	1896	Шахта «Филипп». Пилорамщик.
БОЛОБКОВ Иван Иванович	1920	Белоруссия. Колхоз. Агроном.
БРЫЛИН Александр Сергеевич	1908	Шахта им. Кирова. Электромонтер.
БУТОРИН Иван Федорович	1908	Ст. Егоршино. Составитель поездов.

репрессий в 1936-1948 гг.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
29 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся.	16 января 1989 г.
5 сентября 1937 г.	58	10 октября 1937 г. расстрелян.	7 августа 1958 г.
октябрь 1937 г.	58	Расстрелян в ноябре 1937 г.	Январь 1989 г.
март 1938 г.	58	Расстрелян в мае 1938 г.	1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	1956 г.
1937 г.	58	ИТЛ на Колыме – 14 лет. Вернулся.	1960 г.
8 августа 1937 г.	58	ИТЛ. Погиб.	5 мая 1960 г.
6 февраля 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Колыма. Вернулся.	1956 г.
май 1937 г.	58	Погиб в Тайшетлаге. ИТЛ – 10 лет.	1958 г.
3 июля 1937 г.	58	АмурЛАГ – 10 лет. Погиб.	19 апреля 1989 г.
28 февраля 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	30 апреля 1959 г.
19 августа 1948 г.	58	ИТЛ. ВоркутаЛАГ – 25 лет. 5 лет поражения в правах.	1961 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
14 марта 1938 г.	58	Расстрелян 29 марта 1938 г.	17 октября 1957 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
БОГАЧЕВ Семен Андреевич	1900	Шахта им. Артема. Молотобоец.
БЕСПАМЯТНЫХ Петр Иванович	1899	с. Сарафаново. Колхоз им. Куйбышева. Колхозник.
БРЫЛИН Иван Николаевич	1899	Егоршинская ГРЭС. Золокат.
ВАСЬКОВ Василий Игнатьевич	1901	Егоршинская ГРЭС, ремонтно-механические мастерские. Слесарь.
ВОИНКОВ Михаил Ефимович	1884	Ирбитский железопрокатный завод. Бухгалтер.
ГАЛАНИН Никандр Павлович	1888	Шахтоуправление «Егоршинское». Главный механик.
ГАЛАНИНА Анна Евдокимовна	1892	Копи Артема. Клуб ИТР. Заведующая клубом.
ГАСНИКОВ Федор Иванович	1895	Ирбитский Завод. Заготзерно. Механик.
ГЛАДКИХ Иван Федорович	1895	Егоршинская МТС.
ГОЛОМОЛЗИН Дмитрий Федорович	1899	Шахта им. Кирова. Слесарь.
ГОРОХОВ		Егоршинская ГРЭС. Котельный цех. Мастер.
ГОРДЕЕВ Семен Алексеевич	1900	Шахта «Бурсунка». Главный инженер.
ГОРДЕЕВА Галина Моисеевна	1903	Домохозяйка.
ГУСЕВ Антон Андриянович	1891	с. Покровское. Колхоз им. Калинина. Бригадир.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
13 сентября 1937 г.	58	Расстрелян 20 ноября 1937 г.	16 августа 1958 г.
23 сентября 1937 г.	58	Расстрелян 20 ноября 1937 г.	2 апреля 1958 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
24 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 28 мая 1938 г.	27 июля 1956 г.
18 июня 1937 г.	58	Расстрелян 13 августа 1937 г.	15 января 1957 г.
6 октября 1937 г.	58	Темниковский ИТЛ – 8 лет.	31 декабря 1957 г.
2 марта 1938 г.	58	Расстрелян 14 мая 1938 г.	27 июня 1958 г.
1937 г.	58	Расстрелян.	1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	17 июля 1963 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
20 июня 1937 г.	58	Расстрелян 13 августа 1937 г.	1957 г.
22 декабря 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет.	28 июня 1957 г.
10 ноября 1937 г.	58	ИТЛ. БамЛАГ – 10 лет. Погиб.	10 июля 1963 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ДЕМИН Сергей Степанович	1900	Ст. Егоршино. Вагонное депо. Слесарь.
ДЕМИНА Екатерина Федоровна	1902	Домохозяйка.
ДОМОЖИРОВ Александр Пигасьевич	1908	Плотник.
ДОМОЖИРОВА Таисья Ивановна	1911	Домохозяйка.
ЕВДОКИМОВА Анна Дмитриевна	1920	Ирбитское педагогическое училище. Студентка 2 курса.
ЕЛИН Михаил Филиппович	1890	Жилрабкооператив. Бухгалтер.
ЕМЕЛИН Иван Александрович	1899	Шахтоуправление «Егоршинское». Техник-сметчик.
ЕПАНЧИНЦЕВА Юлия Францевна	1898	Барак № 37. Уборщица.
ЕРЕМИНА Ульяна Львовна	1898	Шахта «Бурсунка». Чернорабочая.
ЖГАНЬЯР Артур Иванович	1903	Ст. Егоршино. Локомотивное депо. Старший экономист.
ЖГАНЬЯР Валентин Иванович	1890	Цех обработки руд. Бригадир.
ЖГАНЬЯР Франц Иванович		Железнодорожник.
ЖУКОВ Никита Иванович	1890	Егоршинская ГРЭС. Техник-строитель.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
28 апреля 1937 г.	58	Расстрелян 31 июля 1937 г.	По закону от 19 октября 1991 г.
октябрь 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет	По Указу от 16 января 1989 г.
1931 г., 1937 г., 1949 г.	58	ИТЛ – 21 год. Азанка, Горький, Красноярск.	24 апреля 1958 г.
1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Азанка.	
7 февраля 1937 г.	58	Ссылка в Кировскую область – 3 года.	20 августа 1991 г.
28 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 14 мая 1938 г.	20 сентября 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	18 февраля 1958 г.
7 февраля 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет.	2 апреля 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстреляна 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
8 июня 1938 г.	58 (10)	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	18 октября 1958 г.
31 мая 1938 г.	58	Расстрелян.	30 апреля 1959 г.
		Погиб.	
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ЗАГВОЗДКИН Георгий Матвеевич	1908	Бухгалтер.
ЗЕЛЕНКО Сигизмунд Вячеславович	1889	ст. Егоршино. НГЧ. Инженер по гражданским сооружениям.
ЗОНТАК Виктория Ивановна	1910	Егоршинская ГРЭС. Начальник химлаборатории.
ЗУЕВ Анатолий Никитич	1926	Германия. Заведующий складом оружия войск группы оккупации.
ЗЫРЯНОВ Михаил Пименович	1910	Егоршинская ГРЭС. Электрообходчик электросети.
ЗЫРЯНОВ Павел Пименович	1912	
ИЗОТОВ Семен Константинович	1896	Шахта «Бурсунка». Перфораторщик.
ИСАКОВ Николай Павлович	1889	Шахта «Бурсунка». Забойщик.
ИПАТОВ Афанасий Автономович	1891	Шахта им. Кирова. Электрослесарь.
ИСАКОВ Илья Максимович	1902	Райсовет ОСОАВИАХИМ(а). Председатель.
ИВАНОВ Леонид Васильевич	1904	Шахтоуправление «Егоршинское». Механическая мастерская. Токарь.
КАПУСТИН Николай Николаевич	1901	Шахтоуправление «Егоршинское». Главный инженер.
КАЛАМАЙКО Николай Макарович	1907	Шахта «Бурсунка». Главный инженер.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ЗАГВОЗДКИН Георгий Матвеевич	1908	Бухгалтер.
ЗЕЛЕНКО Сигизмунд Вячеславович	1889	ст. Егоршино. НГЧ. Инженер по гражданским сооружениям.
ЗОНТАК Виктория Ивановна	1910	Егоршинская ГРЭС. Начальник химлаборатории.
ЗУЕВ Анатолий Никитич	1926	Германия. Заведующий складом оружия войск группы оккупации.
ЗЫРЯНОВ Михаил Пименович	1910	Егоршинская ГРЭС. Электрообходчик электросети.
ЗЫРЯНОВ Павел Пименович	1912	
ИЗОТОВ Семен Константинович	1896	Шахта «Бурсунка». Перфораторщик.
ИСАКОВ Николай Павлович	1889	Шахта «Бурсунка». Забойщик.
ИПАТОВ Афанасий Автономович	1891	Шахта им. Кирова. Электрослесарь.
ИСАКОВ Илья Максимович	1902	Райсовет ОСОАВИАХИМ(а). Председатель.
ИВАНОВ Леонид Васильевич	1904	Шахтоуправление «Егоршинское». Механическая мастерская. Токарь.
КАПУСТИН Николай Николаевич	1901	Шахтоуправление «Егоршинское». Главный инженер.
КАЛАМАЙКО Николай Макарович	1907	Шахта «Бурсунка». Главный инженер.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
7 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 14 июля 1938 г.	16 сентября 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	13 августа 1938 г. Освобождена.	
21 августа 1947 г.	58	ИЛТ – 20 лет. Освобожден в 1954 г.	
19 июля 1937 г.	58 182 ч.1	Расстрелян 1 октября 1937 г.	22 января 1957 г.
19 июля 1937 г.	58	Расстрелян 1 октября 1937 г.	22 января 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
21 сентября 1937 г.	58	ИТЛ – 15 лет. Поражение в правах 5 лет.	19 июля 1957 г.
1937 г.	58	Расстрелян 29 октября 1937 г.	26 января 1957 г.
9 сентября 1937 г.	58	Расстрелян.	26 апреля 1956 г.
5 мая 1937 г.	58	Расстрелян 1 августа 1937 г.	10 мая 1958 г.
1937 г.	58	В 1939 г. освобожден.	19 ноября 1939 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
КАЙГОРОДОВ Максим Лукич	1879	п. Ирбитский Завод. Фельдшер-фармацевт.
КОЧНЕВ Яков Иванович	1899	Шахта им. Кирова. Кузнец.
КОЖЕВИН Иван Саввич	1888	Шахта им. Артема. Электрослесарь.
КОЖЕВИН Варлам Андреевич	1895	Шахта им. Кирова. Запальщик.
КОЛЕПОВ Александр Прокопьевич	1915	Артемовский торг. Товаровед.
КОНДРАТЬЕВ Потап Иванович	1898	
КОСТРОМИНА Елизавета Николаевна	1914	Шахта «Ключи». Перекидчица угля.
КОРНЕВ Филипп Арсентьевич	1900	Шахта «Бурсунка». Участок по эксплуатации. Мастер.
КОРЕЛИН Степан Григорьевич	1896	Ст. Егоршино. Локомотивное депо. Кочегар.
КОСТЫЛЕВ Григорий Савватеевич	1898	Егоршинская ГРЭС. Коммунальный отдел. Начальник.
КОРЖАВИН Виктор Петрович	1906	Егоршинский РК ВКП(б). Второй секретарь.
КОЧЕТОВА Виктория Владиславовна	1900	Городская больница. Врач-гинеколог.
КОЧНЕВ Василий Ефимович	1876	Мироновский сельсовет, колхоз «ОГПУ». Колхозник.
КРАСИЛЬНИКОВ Александр Иванович	1913	Егоршинская ГРЭС. Теплотехник.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
2 марта 1938 г.	58	Расстрелян 14 мая 1938 г.	27 июля 1956 г.
1938 г.	58	ИТЛ. Беломоро-балтийский канал – 8 лет. Вернулся.	1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
1937 г.	58	ИЛТ – 10 лет. Вернулся.	1957 г.
1 сентября 1938 г.	58	Расстрелян 8 декабря 1938 г.	
11 сентября 1943 г.	58	Жена врага народа. ИЛТ – 5 лет.	16 января 1989 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957г.
октябрь 1937 г.	58	ИТЛ. Северлаг. 1942 г. – фронт Отечественной войны.	1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
22 августа 1937 г.	58	Расстрелян.	29 сентября 1958 г.
4 ноября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Бухта «Золотой рог». Вернулась.	23 октября 1957 г.
24 октября 1937 г.	58	ИТЛ. Погиб 16 июня 1938 г.	1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
КРИВЫХ Зиновий Артемьевич	1888	Шахта им. Кирова. Грузчик.
КРИВЫХ Андрей Зиновьевич	1912	Егоршинская ГРЭС. Кочегар.
КРАСАВИНА Ольга Андреевна	1914	Шахтоуправление «Егоршинское». Статистик.
ЛАЗУКОВ Никанор Николаевич	1916	Ст. Смычка. Молотобоец.
ЛАМБЕРТ (КИРИМОВ) Ян Хасанович	1913	Шахта им. Кирова. Вентиляция. Начальник.
ЛИСИВНЕНКО Василий Федорович	1914	Полтавская обл., с. Литвяки. Бригадир по ремонту железнодорожных путей.
ЛОВКОВ Александр Николаевич	1886	Ст. Егоршино. 9-е отделение службы движения. Диспетчер.
ЛОЗА Франц Иванович	1891	с. Б. Трифоново. Колхоз им. Сталина. Столяр.
ЛОСИНСКИЙ Иван Петрович	1895	Цементный завод. Бригадир.
ЛОСКУТОВ Павел Петрович	1914	Егоршинская ГРЭС. Техотдел. Старший инженер.
ЛЫЖИН Евгений Данилович	1912	Шахта «Бурсунка». Электрослесарь.
ЛЫЖИН Павел Данилович	1899	Шахта им. Кирова. Слесарь.
МАЛЫХ Владимир Константинович	1911	Егоршинская ГРЭС. Слесарь.
МАЛЫХ Константин Прокопьевич	1882	с. Мостовское. Колхоз им. Декабристов. Машинист молотильной машины.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
24 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 5 лет. Акмолинский лагерь жен изменников Родины. 26 точка.	7 мая 1964 г.
18 октября 1937 г.	58	ИТЛ – Тайшетлаг, Кузнецк-Караганда. Фронт.	7 мая 1952 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
8 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Освобожден 30 сентября 1942 г.	21 мая 1955 г.
13 августа 1938 г.	58	Расстрелян.	23 ноября 1957 г.
4 января 1938 г.	58	Расстрелян 14 июля 1938 г.	16 января 1989 г.
13 октября 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	19 октября 1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	15 мая 1958 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
МАЛЫХ Максим Степанович	1899	Синарский трубный завод. Электромонтер.
МАКАРОВ Филипп Леонтьевич	1890	14-я дистанция службы пути. Путьобходчик.
МИРОНОВ Иван Игнатьевич		Плотник колхоза «ОГПУ» (с. Мироново).
МИХАЙЛОВ Степан Андреевич	1914	Офицер Советской Армии.
МУЛЕРОНОК Виктор Антонович	1902	Шахта «Пролетарская диктатура». Крепильщик.
НАРТОВ Виталий Николаевич	1917	Егоршинская ГРЭС. Теплотехник.
НИКОНОВ Григорий Васильевич	1892	Инвалид II группы.
НИКИФОРОВ Александр Никифорович		Плотник колхоза «ОГПУ» (с. Мироново).
ОЛЕЙНИК Яков Антонович	1891	Шахтоуправление «Егоршинское». Начальник снабжения.
ОЛЬКОВ Василий Степанович	1903	
ОНКИН Алексей Филиппович	1907	Артинский район, д.Афанасово. Колхозник.
ОЛЬКОВ Никита Львович	1873	Артель «Вагранка». Экспедитор.
ПАНОВ Михаил Петрович	1888	Ирбитский металлопрокатный завод. Счетовод.
ПАНОВ Николай Петрович	1892	п. Ирбитский Завод. Пенсионер.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
28 марта 1938 г.	58	Расстрелян 24 ноября 1938 г.	23 августа 1957 г.
18 декабря 1942 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Поражение в правах 5 лет. Погиб.	25 марта 1965 г.
1937 г.	58 (10)	Погиб.	1956 г.
24 февраля 1943 г.	58 1-б	Расстрелян 3 марта 1943 г.	По закону от 18 октября 1991 г.
23 марта 1938 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Нижняя Тура. Вернулся.	1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
20 декабря 1936 г.	58	Расстрелян 8 марта 1938 г.	30 ноября 1958 г.
24 октября 1937 г.	58 (10)	Расстрелян в 1938 г.	1956 г.
30 октября 1937 г.	58	Расстрелян 17 января 1938 г.	12 июля 1958 г.
1937 г.	58	ИТЛ – (КРА) – 8 лет. Вернулся в 1945 г.	1957 г.
22 августа 1932 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Соловецкий лагерь особого назначения.	
13 ноября 1937 г.	58	Расстрелян 23 августа 1938 г.	10 ноября 1958 г.
10 сентября 1936 г.	58	ИТЛ – 5 лет. Погиб.	16 января 1989 г.
8 августа 1938 г.	58	Расстрелян.	26 декабря 1957 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ПЕСТОВА Анна Дмитриевна	1901	Финотдел Егоршинского райисполкома. Инспектор.
ПЕСТОВ Петр Иванович	1912	Егоршинский совхоз. Счетовод.
ПЕШЕК Ян (Иван) Францевич	1888	Ст. Егоршино. Локомотивное депо.
ПЕРЕЗОЛОВ Василий Иванович	1911	Ст. Егоршино. Локомотивное депо. Токарь.
ПИСКАРЕВ Николай Дмитриевич	1904	Ст. Егоршино. Локомотивное депо. Партком. Зам. секретаря.
ПИСЧИКОВ Ефим Иванович	1867	с. Покровское. Единоличник.
ПИСЧИКОВ Степан Иванович	1870	с. Покровское. Колхоз им. Калинина. Сторож свинарника.
ПЛИШКИН Василий Степанович	1879	Ирбитский металлопрокатный завод. Кузнец.
ПЛИШКИН Модест Иванович	1902	Ирбитский металлопрокатный завод. Главный механик.
ПОНОМАРЕВ Иван Дмитриевич	1904	д. Брагино. Колхоз им. Крупской. Председатель.
ПОНОМАРЕВ Яков Иванович		Райпотребкооперация.
ПЕЧЕНКИН Сергей Фадеевич	1910	Шахта им. Кирова. Слесарь.
ПУЗАНОВ Николай Петрович	1898	Егоршинское отделение железной дороги. Дорпрофсоюз. Заместитель председателя.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
2 января 1938 г.	58	Свердловская тюрьма. Освобождена 5 июня 1938 г.	По Указу от 16 января 1989 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	10 марта 1956 г.
4 декабря 1937 г.	58	Сев.ВостокЛag – 10 лет. г. Владивосток. Погиб.	6 декабря 1957 г.
1937 г.	58	Магадан. ИТЛ – 10 лет.	
18 июня 1938 г.	58	Тюрьма. Освобожден 16 ноября 1938 г.	16 ноября 1938 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	3 ноября 1959 г.
27 января 1938 г.	58	Расстрелян 9 марта 1938 г.	18 июля 1956 г.
3 марта 1938 г.	58	Расстрелян 14 мая 1938 г.	27 июля 1956 г.
4 ноября 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Освобожден 30 июня 1945 г.	11 июля 1957 г.
17 сентября 1937 г.	58	Расстрелян.	27 ноября 1958 г.
1934 г.	58	ИвдельЛag, г. Мары, Канал Москва-Волга. В. О. война. Погиб в 1942 г.	1942 г.
4 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
30 августа 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Хабаровск. Колыма. Погиб.	21 октября 1958 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ПУЗАНОВА Анастасия Степановна	1910	Курганская область. Горбольница. Врач.
ПУШКАРЕВ Степан Леонидович	1891	г. Свердловск. Инспектор НКВД.
ПУШКАРЕВА Елена Михайловна	1899	Редакция газеты «Уральский рабочий».
РЕДЬКИН Тарас Лаврентьевич	1904	Ст. Егоршино. Локомотивное депо. Цех № 8. Бригадир.
САВИН Александр Иванович	1895	Шахта им. Кирова. Главный механик.
САВИН Иван Иванович	1897	Егоршинская ГРЭС. Ремонтно-механический цех. Начальник.
САВИЦКИЙ Евгений Александрович	1907	Егоршинская ГРЭС. Теплоэнергетический цех. Начальник.
СВАЛОВ Василий Архипович	1909	Шахта им. Кирова. Электрослесарь.
СВАЛОВ Иван Архипович	1907	Зауральская геологоразведочная партия. Буровой мастер.
СВАЛОВ Николай Архипович	1897	Егоршинская ГРЭС. Стройцех. Плотник.
СВАЛОВ Никифор Сергеевич	1886	Шахта «Бурсунка». Машинист насоса.
СВАЛОВ Василий Павлович	1895	Шахта им. Кирова. Кузнец.
СВАЛОВ Александр Филиппович	1909	Егоршинская ГРЭС. Электромонтер, обходчик сетей.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
7 апреля 1938 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Вернулась.	28 марта 1958 г.
8 января 1937 г.	58	Расстрелян 31 мая 1937 г.	13 августа 1990 г.
6 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Магадан.	15 мая 1958 г.
5 августа 1937 г.	58	ИТЛ – 3 года. Погиб.	5 ноября 1958 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Тюрьма г. Ирбит, Н. Тагил, Свердловск. Освобожден 15 января 1940 г.	15 января 1940 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 мая 1938 г.	6 апреля 1956 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 мая 1938 г.	11 июля 1957 г.
21 апреля 1938 г.	58	ИТЛ – 5 лет.	17 сентября 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
СЕНЬКИН Игорь Михайлович	1924	г. Ленинград. Ученик 5 класса.
СИВКОВ Иван Устинович	1911	Шахта им. Артема. Десятник.
СИНЮХИН Федор Ефимович	1901	с. Покровское. Сельпо. Плотник.
СИНЮХИН Алексей Ефимович	1903	Ст. Егоршино. Подавальщик каменного угля.
СИДОРОВИЧ Сигизмунд Иванович	1904	Ст. Егоршино. Служба движения. Диспетчер.
СКОМОРОХОВСКИЙ Николай Андреевич	1904	Егоршинский узел связи. Начальник.
СКУТИН Василий Григорьевич	1900	Уральский алюминиевый завод. Сборщик котлов высокого давления.
СКУТИН Василий Федорович	1902	Егоршинская ГРЭС. Машинист турбины.
СКУТИН Петр Игнатьевич	1902	Шахта «Бурсунка». Начальник участка.
СКУТИН Елисей Андреевич	1881	Шахта «Бурсунка». Горнорабочий.
СКУТИН Алексей Павлович	1903	Шахта «Бурсунка». Десятник.
СКУТИН Яков Андреевич	1900	УАЗ.
СМЕТАНИН Евгений Семенович	1901	Ст. Егоршино. Осмотрщик вагонов.
СМИРНЯГИН Василий Савельевич	1896	Ст. Егоршино. Материальный склад. Коневозчик.
СМИРНЯГИН Кузьма Игнатьевич	1904	Колхоз им. Калинина, с. Покровск. Колхозник.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
	58	Ссылка в г. Каргаполь.	
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
20 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся.	22 августа 1957 г.
17 января 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся.	16 апреля 1958 г.
15 января 1938 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Вернулся.	март 1956 г.
4 ноября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся.	30 марта 1955 г.
28 марта 1938 г.	58	Расстрелян.	1957 г.
16 ноября 1937 г.	58	ИТЛ – Хабаровск. Погиб.	16 июня 1956 г.
9 января 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
2 апреля 1938 г.	58	Погиб 23 августа 1938 г.	10 января 1956 г.
21 октября 1937 г.	58	ИТЛ. Погиб.	2 июля 1958 г.
23 октября 1937 г.	58	Расстрелян 20 ноября 1937 г.	2 апреля 1958 г.
1937 г.	58	ИТЛ. Погиб.	1957 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
СМИРНЯГИН Павел Романович	1904	Ст. Егоршино. Служба движения. Диспетчер.
СМИРНЯГИН Алексей Фирсович	1892	Ст. Егоршино. Плотник.
СОСНОВСКИХ Федот Павлович	1896	Ст. Егоршино. Вагонный участок № 8. Молотобоец.
СПЕРАНСКИЙ Вадим Владимирович	1918	Ст. Егоршино.
СТАВРОВИЧ Владимир Владимирович	1899	Шахтоуправление «Егоршинское». Главный маркшейдер.
СОСНОВСКИХ Михаил Матвеевич	1895	Режевской райлесхоз. Конюх.
СТАРКОВ Федор Григорьевич	1914	Егоршинское шахтоуправление. Стройцех. Счетовод.
СТАРОДАЕВ Федор Ефремович	1892	Хлебопекарня. Заведующий.
СТРИГАНОВ Федор Игнатьевич	1893	г. Свердловск. Начальник управления местной промышленности.
СТРИГАНОВ Петр Филиппович	1888	Артель «Вагранка». Главный бухгалтер.
СТЕПАНОВ Василий Степанович		Плотник колхоза «ОПТУ» (с. Мироново).
СОГРИН Матвей Егорович		Плотник колхоза «ОПТУ» (с. Мироново).
СУДАРИКОВ Алексей Михайлович	1909	Шахта им. Кирова. Крепильщик.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
27 сентября 1937 г.	58	Расстрелян.	22 января 1957 г.
Суд 23 января 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся.	11 февраля 1958 г.
15 января 1938 г.	58	Расстрелян 21 марта 1938 г.	19 июля 1958 г.
Январь 1937 г.	58	Освободился в августе 1939 г.	Транспорт. прокуратура
4 февраля 1937 г.	58	19 ноября 1939 г. Освободился.	19 ноября 1939 г.
23 сентября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Саратов, БАМ, Воркута.	23 сентября 1947 г.
7 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
2 октября 1937 г.	58	ИТЛ. ДВЖД. Расстрелян 8 июня 1938 г.	1956 г.
Октябрь 1936 г.	58	Расстрелян 22 марта 1937 г.	19 июля 1957 г.
11 сентября 1937 г.	58	Расстрелян 13 сентября 1937 г.	28 октября 1955 г.
24 октября 1937 г.	58 (10)	Погиб в 1938 г.	1956 г.
24 октября 1937 г.	58 (10)	Погиб в 1938 г.	1956 г.
25 января 1938 г.	58	Освобожден 16 июля 1938 г.	15 июля 1938 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
СУХОВА Геновефа Болеславовна	1899	Ст. Егоршино. Узел железнодорожной связи. Телефонистка.
СЫРЧИН Илья Игнатьевич	1897	Ст. Егоршино. 22 дистанция пути. Начальник.
ТАРАСОВ Николай Никифорович	1919	Егоршинская ГРЭС. Дежурный электромонтер.
ТЕБЕНЬКОВ Алексей Михайлович	1906	Шахта им. Артема. Маркшейдер.
УВАРОВ Александр Аркадьевич	1908	Шахта «Бурсунка». Электрослесарь.
УСЫПКО Николай Михайлович	1895	Ст. Егоршино. Школа № 56 Директор.
УСТИНОВ Семен Александрович	1912	Шахта им. Артема. Электросварщик.
УСОВ Николай Андреевич	1898	с. Горки. Колхоз «Память Ленина». Кузнец.
УСОВ Василий Тимофеевич	1895	п. Ирбитский Завод. Колхоз им. Анчутина. Счетовод.
УСЫЧЕНКО Михаил Федосович	1916	Киевская обл. с. Антоновка. Сахарный завод. Разнорабочий.
ФАДЕЕВ Александр Афанасьевич	1887	Тавдинский деревообрабатывающий завод. Токарь.
ФАДЕЕВ Андриян Афанасьевич	1886	Егоршинская МТС. Токарь.
ФЕДЧЕНКО Николай Васильевич	1905	Егоршинский РК ВКП(б). Первый секретарь.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
19 мая 1938 г.	58	ИТЛ – 8 лет.	5 сентября 1957 г.
Ноябрь 1937 г.	58	Освобожден 19 февраля 1939 г.	19 февраля 1939 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	6 апреля 1956 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
1938 г.	58	ИТЛ – 7 лет. Бухта Тихая.	9 октября 1957 г.
7 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
15 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Тайшетлаг, 6 апреля 1938 г. Погиб.	По Указу 16 января 1989 г.
	58	Расстрелян 14 октября 1937 г.	10 октября 1957 г.
1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Освобожден 6 января 1947 г.	8 января 1965 г.
13 марта 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	17 февраля 1956 г.
20 октября 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	16 января 1989 г.
3 июля 1937 г.	58	Расстрелян 31 июля 1937 г.	5 ноября 1957 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ХЛЮПИН Сергей Артемьевич	1916	Красная Армия. Старший сержант.
ХМЕЛЕВ Михаил Иванович	1917	г. Свердловск. УЗТМ. Рабочий.
ЦВЕТКОВ Ананий Сергеевич	1903	Егоршинская ГРЭС. Цех теплоподачи. Начальник цеха.
ЧЕБАКОВ Степан Иванович	1888	Ст. Егоршино. Вагоноремонтный пункт. Мастер инструментального цеха.
ЧЕБАКОВ Иван Иванович	1887	Егоршинский совхоз. Директор.
ЧЕРЕМНЫХ Иван Емельянович	1895	с. Покровское. Артель «Вагранка». Зам. главного бухгалтера.
ЧИСТОВ Иван Андреевич	1903	Егоршинское отделение железной дороги. Инженер ТБ.
ШАТУНОВ Петр Дмитриевич	1905	Ст. Егоршино. Служба движения. Диспетчер.
ШАСТОВ Трофим Архипович	1889	Шахта им. Кирова. Кочегар.
ШМИДТ Людвиг Карлович	1910	Ст. Егоршино. Средняя школа № 56. Преподаватель немецкого языка.
ШОМИН Гаврил Семенович	1880	с. Б. Аникино. Счетовод колхоза.
ЮДАКОВ Андрей Яковлевич	1911	Ст. Егоршино. Паровозное депо. Мастер колесных пар.

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
9 сентября 1939 г.	58	ИТЛ – 5 лет, поражение в правах – 2 года. Колыма.	24 сентября 1958 г.
20 мая 1937 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Вернулся	1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
23 декабря 1937 г.	58	Расстрелян 5 мая 1938 г.	2 июля 1957 г.
16 сентября 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Освобожден 30 июня 1945 г.	11 июля 1957 г.
5 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	3 ноября 1959 г.
10 июля 1938 г.	58	Освобожден 12 декабря 1938 г.	12 декабря 1938 г.
13 октября 1938 г.	58	ИТЛ. Освобожден 2 июня 1939 г.	2 июня 1939 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	11 июля 1957 г.
8 июня 1938 г.	58	ИТЛ – 10 лет. Погиб.	7 мая 1957 г.
6 февраля 1938 г.	58	Расстрелян 10 марта 1938 г.	10 марта 1956 г.
8 декабря 1936 г.	58	Расстрелян 25 марта 1937 г.	1960 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы. Должность
ЯКИМЕЦ Павел Яковлевич	1915	Красная Армия. Военнослужащий.
ЯРОСЛАВЦЕВ Дмитрий Алексеевич	1900	Егоршинский райисполком. Председатель.
ПЕТРОВА Валентина Степановна	1940	Ребенок.
<p style="text-align: center;">(«Книга памяти жертв политических репрессий в 30-е годы» составлена мною по документам из прокуратуры Свердловской</p>		

Дата ареста	Статья, по которой судили	Сведения о дальнейшей судьбе	Время реабилитации
3 августа 1937 г.	58	ИТЛ – 8 лет. Магадан. Освобожден 3 августа 1945 года.	1956 г.
22 августа 1937 г.	58	Расстрелян.	29 сентября 1958 г.
11 сентября 1943 г.	58	5 лет ссылки. Омская область, Кормиловский район.	По закону от 18 октября 1991 г
находится в Артемовском городском историческом музее, области или управления КГБ Свердловской области).			

Лица, чьих родственников я найти не сумела, но, по сообщениям их современников, они якобы подвергались арестам. Печатаю их имена с тем, чтобы тот, кто продолжит мои исследования, когда архивы КГБ будут открыты, смог проверить, действительно ли эти лица подвергались репрессиям в 1936-1939 годах

Фамилия, имя отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
АБРАМОВ		Локомотивное депо	Машинист паровоза	
АГРОНОМОВ		Шахтоуправление «Егоршинское» Главный инженер		
АГАФОНОВ Павел Матвеевич		Шахта «Бурсунка»	Пом. главного инженера	
БАЖЕНОВ Михаил Романович				22 февраля 1937 г.
БАРАНОВ		Ст. Егоршино	ОКС Начальник	
БОНДАРЕВ		Шахтоуправление «Егоршинское»	или шахта	
ВАСИЛЬЕВ Василий Сергеевич	1903	Шахта им. Кирова	Горный мастер походчик	1937 г.
ВОЛГАРЕВ Василий Иванович	1920			5 октября 1939 г.
ВАСЬКОВ		Егоршинская ГРЭС	Стояк Прораб	1938 г.

Фамилия имя отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
ВАЛЮЖЕНИЧ				
ВЛАСОВ		ПРЬ	главный бухгалтер	
ГОГОЛАДЗЕ Владимир Андреевич	1911	Шахта им Артема	Главный механик	2 августа 1937 г
ПРАК Вудил-ф	1887	Шахта им Артема	Забойщик	19 июня 1938 г
ГЛАДКИХ Григорий Алексеевич				2 августа 1938 г
ГОРЯЕВ Михаил Александрович	1920			26 октября 1939 г
ГАРАЩЕНКО В И		Шахта им Артема	Начальник шахты	
ГИЛЕВ		ИТП	/ лет бухга Магаа	
ГЛАДКИХ Василий Тимофеевич		Ст Егоршино	Локомотивное депо Машинист паровоза	
ГОРЬЯН Фриц И		Шахта им Кисова	Инженер	
ГИНЗБУРГ Б Я		Шахта им Кисова	/ главный инженер	
ГЛАДКИХ Илья		с Покровское	Председатель совхоза	
ЕРМОЛОВ Юрий Константинович		с Егоршино	Средняя школа № 56 Заведующий учебной частью	

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
ЕГОРОВ Федор Васильевич	1907	Шахта им Кирова	Крепильщик	29 декабря 1938 г.
ЖУРБИН		Локомотивное депо	Машинист паровоза	
ЗОДИОРА Иван Степанович		Егоршинская ГРЭС	Электродех Начальник цеха	
ЗИМИН Степан Потапович	1904	Шахта им Астема	Крепильщик	10 апреля 1938 г.
ЗАРАФУДИНОВ Галеж	1910			май 1939 г.
ЗАГВОЗДКИН Степан Александрович	1914	Ст Егорошино	Вагонное депо Токарь	
ИСАКОВ Иван Андреевич	1909	Шахта им Кирова		25 декабря 1938 г.
ИОВЛЕВ Федор Павлович	1899			1 февраля 1940 г.
КОЧНЕВ Николай Иванович	1909	Шахта им Кирова	Стройцех Плотник	15 августа 1937 г.
КОРЕЛИН Спиридон Артемьевич	1915	Кучер		23 августа 1939 г.
КАЗАНЦЕВА Ираида Яковлевна	1917	Разнорабочая		8 мая 1939 г.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
КУРОЧКИН Иван Геннадьевич	1917	Кочегар		15 мая 1939 г.
КОНДРАШОВ Яков Петрович	1902	Егоршинский райисполком	Заместитель председателя	май 1939 г.
КОРЖАЕВ		Ст Егоршино	Локомотивное дело Механический цех Мастер	
КРЫЛОВ		Ст Егоршино	Средняя школа № 56 Директор	
КОГАНСКИЙ		Ст Егоршино	Служба движения	
КЕССЕР		Ст Егоршино	Диспетчер	
КРАСОВСКИЙ				
КОРЕЛИН Федор Андреевич	1909	Ст Егоршино	Стрелочник	
КУЛУШЕВ Николай Михайлович		Трест «Егоршинуголь»	Зам управляющего Шахта им Кирова Начальник шахты.	1938 г
КОСТЮКОВ Иван Алексеевич		Шахта им Артёма	шахта им Кирова Главный инженер.	
ЛЕБЕДКИН Павел Иванович	1921			26 октября 1939

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
ПУКАШЕВСКИЙ		Егоршинская ГРЭС.	Турбинный цех	Инженер
ЛОПАТИН		Ст. Егоршино	Дежурный по станции	Секретарь парторганизации
МАСЛОВ Александр Федорович		Ст. Егоршино	Паровозное дело	Машинист паровоза
МАШАЛОВ Александр		Ст. Егоршино	Локомотивное дело	Машинист паровоза
МЕЗЕНЦЕВ Иван Вильевич		Ст. Егоршино	Дорожные	мастер
МАТЮЧКИН Александр Иванович	1920	Шахта им. Кирова	Рассыльный	26 февраля 1937 г.
МАТОХИНА Ольга Петровна	1900	Шахтоуправление «Егоршинское»	Технолог	октябрь 1937 г.
МАПЫГИН Григорий Алексеевич	1918	Шахта Разнорабочий		1 декабря 1938 г.
МОЛОКОВ Григорий Евграфович	1899	Слесарь тракторист	шофер	12 марта 1938г.
МЫШКИН Иван Николаевич		Егоршинское отделение железной дороги	Партком	
МАКАРОВ Г. Г.		Егоршинская ГРЭС	РМП	Начальник

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
МАСЛОВА Фекла Феня				
МАКАРОВ Дмитрий	1915	с Покловское		
МАРТЕМЬЯНОВ Олег Евгеньевич		ИТЛ. Сучанские шахты		
МУРАВЛЕВ				
МИХАЙЛОВ		Трест «Шахтострой» Начальник планового отдела		
НЕПОЧАТЫХ Александр Иванович	1908	Шахта им Артёма Катап		26 марта 1938 г
НЕУСТРОЕВ Василий Герасимович	1922	Ученик столяра		1 декабря 1938 г
НИКОНОВ Григорий Васильевич	1892			
НАЛИМОВ Стелан Васильевич		д. Налимово	Колхозник	
НАЛИМОВ Захар Иванович		д. Налимово	Колхозник	
ОХИЧЕВ		Шахтоуправление «Егоршинское» Главный инженер		

Фамилия имя отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
ПОНОМАРЕВ Михаил Иванович	1908	ЦЭММ	Электрообмотчик	20 апреля 1938 г.
ПЬЯНОВ Владимир Иванович		Шахтоуправление «Егоршинское» Главный инженер		
ПОТОСКУЕВ Ефим Семенович		Ст Егоршино	Локомотивное дело Смазчи-	1937 г.
ПАНОВ Александр Амвельевич				
РОДИОНОВ Прокопий Климович	1916	Шахта «Буланаш 1/2»	Горный мастер	4 января 1938 г.
РУКОМОЙКИНА Ольга Васильевна	1908	Горнорабочая		27 декабря 1938 г.
РУКОПЕЕВ		Дорожный мастер	жел.-дорожного пути	
СВЯТОПОЛК-МИРСКОЙ Анатолий Николаевич	1908	Шахта им. Кирова Заведующий красным угольком		28 апреля 1937 г.
СКАКУНОВ Леонтий Александрович	1910	Колхоз		
СИГНИКОВ Василий Федорович	1888	Стройцех шахты	Разнорабочий	28 октября 1938 г.
СТРИГАНОВ Григорий Васильевич	1919			2 декабря 1938 г.

Фамилия имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
СЕЙФУЛЛИН Тимерхан	1908	Строицех шахты	Разнорабочий	1 мая 1938 г
СТЕПАНОВ Дмитрий Зиновьевич	1918			17 июня 1938 г
САМОХВАЛОВ Федор Алексеевич	1901			23 июня 1938 г
СТРИГАНОВ Игнати Михайлович	1919			17 июня 1938 г
САФИК Хаким				10 мая 1939 г
СЕНОВОЙ		Егоршинская	ГРЭС	
СЕНОВАЯ		Егоршинская	ГРЭС	
СОСНСВСКИХ Иван Николаевич	1908			5 сентября 1939 г.
СВАЛОВ Василий Тимофеевич				26 октября 1939 г.
СМЕТАНИН Семен Яковлевич	1921			26 октября 1939 г
САМОЧЕРНОЕ Егор Иванович	1904			Май 1939 г.
СКУТИН Владимир Иванович	1921			Май 1939 г

Фамилия имя отчество	Год рождения	Место работы. Должность	Время ареста
СКУТИН Петр Иванович	1918	Шахта им Кирова Слесарь	2 сентября 1938 г
СПЕРАНСКАЯ	1918	Ст Егоршино Железнодорожная больница Медсестра	
СЕРГЕЕВ Иван Павлович		Егоршинская ГРЭС Начальник турбинного цеха	
СОКОЛОВ Алексей Леонтьевич		Шахта им Кирова Главный инженер	
ТУМАНОВ Михаил Дмитриевич		Стройцех	19 июня 1938 г
ТРИФОНОВ		Егоршинское отделение железной дороги Начальник	1936 г.
ТЕБЕНЬКОВА Анна		Жена «врага народа»	
ТКАЧУК Анатолий		Шахта «Буланаш 1/2»	
ТОЛМАЧЕВ Николай Иванович	1921	Шахта «Буланаш 1/2»	
ТИМОШКИН Д И		Шахта им Артема Главный инженер	
УЙМИН Дмитрий Григорьевич	1901	Шахта «Буланаш-1/2»	1 июля 1939 г

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
УСТЬЯНЦЕВ Петр Кондратьевич	1910			
ФРИБУС Ян Карлович		Школа № 56 ст. Боршино	Учитель немецкого языка	
ФОМИНЫХ Серафим Ефимович	1912	Шахта им. Автома		11 января 1938 г.
ФОМИНЫХ Василий Павлович	1914	Шахта Горнорабочий		17 июня 1938 г.
ФРАНЦЕВ Валерьян Сергеевич	1915	Госнорабочий		17 июня 1938 г.
ФЕДОТОВ Роман	1916			21 ноября 1938 г.
ФАДЕЕВ Василий Петрович	1904			
ФЕДОСЕЕВ Григорий Трифонович	1904	Бригадир путейцев железной дороги		17 июня 1938 г.
ФЕДОТОВ		РК ВКП(б) Секретный (слес) отдел Заведующий		
ФИЛЕВСКИЙ Александр Антонович		ПРБ Начальник		

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место работы	Должность	Время ареста
ЧЕРЕМНЫХ Николай Абрамович	1916			3 июля 1938 г.
ЧЕРЕПАНОВ Михаил Поликарпович	1916			3 июля 1938 г.
ЧЕРЕМНЫХ Павел Иванович				
ЧЕРНЫХ (ЧЕРЕМНЫХ) Яков Егорович	1909			25 октября 1939 г.
ШАРОВ Трофим Архипович	1890	Кочегар	стволовой шахты	19 февраля 1938 г.
ШМАДТУДИНОВ Галеи Шмадтудинович	1908	Шахта «Бузулуга»	Катазь	9 мая 1938 г.
ШМАКОВ Михаил Васильевич	1912			17 июля 1938 г.
ШРАЙБЕР Карл Карлович				
ШЕСТАКОВ Павел Александрович		Шахта им Артема	Начальник вентиляции	
ЯГОДКИН Георгий Владимирович	1912	Шахта им Артема	Электрослесарь	30 марта 1938 г.
ЯГОДКИН Никита		Ст Егоршино.	Локомотивное дело Машинист паровоза	

ЧАСТЬ V

Репрессии во время Отечественной войны и после нее (1941-1948 гг.)

Третий поток репрессий начался с переселения целых народностей с Кавказа, Крыма, Молдавии, Украины, Белоруссии. Но раньше всех произошло переселение советских немцев.

28 августа 1941 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья, обвинявший весь народ в предательстве. Операция по выселению немцев Поволжья началась 3 сентября 1941 г. К зиме 1941 г. в местах ссылки оказались 1 200 000 человек – 80% от числа немецкого населения СССР 1939 г. Большинство из остальных 20% находились на службе в Красной Армии, их отозвали с фронта в самый разгар боев и в эшелонах перевозили за Урал, хотя многие самоотверженно сражались, заслужили правительственные награды и даже звание Героя Советского Союза.

Переселение немцев проводилось хаотично, их права на имущество, трудоустройство и поселение, изложенные в инструкции по переселению, не соблюдались. Например, по инструкции каждая семья могла взять с собой имущество весом в одну тонну. Большинство же были «сорваны» с мест без вещей, в летней одежде и втиснуты в переполненные вагоны, до зимы двигавшиеся к месту назначения. Почти 150 тысяч человек погибли в дороге во время депортации, в основном дети и старики.

В период отступления фашистов 350 тысяч немцев были вывезены из СССР. 208 388 человек вернулись в СССР, по возвращении подверглись суду и попали в лагеря.

13 января 1942 г. Государственный комитет обороны обязал НКВД СССР создать из переселенных немцев «рабочие колонны и отряды, установить в них дисциплину, обеспечить производительность труда, высокие производственные нормы». Жертвами этой акции стали не менее 500 тысяч мужчин, а с лета 1942 г. – 250 тысяч женщин. В лагерях для немцев устанавливались режим и нормы ГУЛАГа, быстро доведшие людей до полного истощения и смерти. Свидетельство А. Боуэра: «В Тагиле я работал на песчаном карьере грузчиком... За сутки приходилось мне грузить... около 66 тонн песка. А на весь день давали 300 г хлеба и миску гороха».⁶³

В 1946 г. последовал указ о вечном поселении советских немцев в районах высылки, за нарушение которого грозило наказание – 26 лет каторжных работ. Лагерь для трудмобилизованных распустили, а бывших узников ГУЛАГа поставили на спецучет, превратив в спецпереселенцев.

В декабре 1955 г. режим спецпереселения был отменен. А в 1974 г. немцам разрешили возвратиться в те места, откуда они были выселены.⁶⁴

⁶³ Строитель (газета). 1991. 29 мая.

⁶⁴ Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1994. С. 87-95.

Примерно по такому же сценарию были переселены и другие народности: приходили в село машины, работники НКВД читали список и приказывали собраться. Иногда так быстро, что люди не успевали осмыслить ситуацию, не соображали, что с собой взять. Все имущество, нажитое за жизнь, оставалось, главное – дом и скот; и люди отправлялись в неизвестность. Увозили их на машинах на вокзал, грузили в товарные вагоны или в вагоны для перевозки скота и месяцами везли на новое место жительства. А так как железная дорога была занята (везли на фронт солдат, военную технику, боеприпасы), поезда переселенцев больше стояли в тупиках. Без элементарных условий гигиены, на сухом пайке и без него, в мороз и в жару ехали долго. Люди болели, часто умирали в пути. На новом месте часто сами строили себе бараки. Их прикрепляли к поселкам, заставляли выполнять тяжелую работу. Ходили отмечаться к коменданту, что не сбежали и не умерли. Имели право выезжать только до районного центра. И становились эти люди спецпоселенцами.

Перед Отечественной войной из репродукторов почти ежедневно слышались успокаивающие речи, лились песни, как бальзам на душу, что войны мы не хотим, но к войне готовы, «мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», «любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны», потому что «несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед», защитит нас всегда, и «в край, на веки любимый, не пройти никогда никакому врагу». Мы пели эти песни, писали в школе сочинения и верили, что наша Красная Армия сильна, мощна и никакому врагу не позволит топтать нашу советскую землю.

Но, когда 22 июня 1941 года Германия напала на нашу Родину, наша «несокрушимая» не смогла дать отпор, вынуждена была отступить. С первых дней войны враг начал стремительно занимать нашу территорию и устанавливать свою власть. А в начале 1942 года немцы стали угонять с этой территории юношей, девушек и молодых женщин на работу в Германию и в страны, ею оккупированные. Там они вынуждены были работать на полях, фабриках, заводах, шахтах. Так до 1945 года, т. е. до конца войны.

Когда Отечественная война закончилась, им было объявлено, что Родина их ждет. Хотя были агитаторы, которые уговаривали поехать на жительство в США, Канаду, Австралию, Италию, Францию и другие страны, даже в Германию, но слово «домой» действовало магически. Конечно, домой, к родному очагу, где ждут мать, сестры, братья, с которыми не виделись годы, не получая ни одной весточки от них.

Однако, Советское правительство, которое в 1941 году не сумело организовать отпор врагу, значит, защитить своих граждан от немецкой неволи, теперь решило так: за годы войны девушки и юноши возмужали, могут выполнять самые тяжелые работы, а страна, ослабленная войной, нуждается в рабочей силе. Но им следует напомнить, что во время войны они работали на врага, помогали немцам, значит, виноваты перед Родиной, пусть искупят свою вину. Им вменили статью 58-1 (а) и отправили на самые тяжелые работы в Казахстан, на Урал, в Сибирь, на север страны, «привязали» к поселкам, поставили на спецучет. Дальше своего райцентра они выехать не могли, и то по разрешению спецкоменданта.

В октябре 1945 года и в наш Артемовский привезли партию в несколько сот человек таких рабочих. Из них 241 человек (по утверждению Ивана Ефимовича Сероштана, прибывшего в этой партии) только на Буланаш. Все спустились в шахты и стали шахтерами. Остальных распределили на шахты им. Кирова, им. Артема, «Ключи» и «Бурсунка», а также в строительско-проходческую контору треста «Егоршинуголь».

Чтобы дать делу «законный вид и толк», им объявили: «Война закончилась. Кто воевал, тех отпускаем домой, а вас оставляем на работе: нужно восстанавливать промышленность Урала». Поместили в бараки с трехъярусными нарами и поставили на спецучет. Как долго придется восстанавливать промышленность Урала, никто не объяснил, так что побывать на родине, встретиться с родными и близкими никому не удалось раньше, чем через десять лет с той поры, как покинули родной дом.

Живым – живое. Стали жениться, обросли семьями. Когда получили право выехать на жительство на родину, многим уже шел четвертый десяток лет, а специальности, кроме той, что получили в шахте, никакой. Да и семьи надо кормить. Так и остались здесь многие на всю оставшуюся жизнь.

Это еще один вид репрессий, пример того, как правительство за свои ошибки заставляло расплачиваться безвинных граждан своей страны. А у людей терялась окончательно вера в справедливость.

Так же советское правительство расправилось с солдатами и офицерами, прошедшими плен. Не умер в плену, не убили – доверия тебе нет. Скорее всего, немцы сохранили тебе жизнь, потому что обещал служить им, вернулся, чтобы стать их разведчиком. После Отечественной войны людей, прошедших плен, отправляли не домой, а на лесоповал, на стройки, в шахты, на тяжелейшие работы на 10 лет с целью наказания и проверки их верности Родине. Без суда им вме-

нялась ст. 58-1 (б).⁶⁵ Большая партия таких солдат и офицеров была привезена на Буланаш, и стали они шахтерами.

Заводские рабочие были закреплены за предприятиями, так как продолжал действовать указ 1940 г. о закреплении рабочих кадров. За самовольный уход с работы судили. Только за прогул приговаривали к четырем месяцам тюрьмы. Семен Евграфович Костромин жил в поселке шахты «Бурсунка», а работал начальником участка шахты им. Кирова. Однажды в 1940 г. он опоздал на работу на 15 минут. Был примерно наказан: с должности начальника участка шахты снят, переведен рабочим в одну из Алтынайских шахт (Сухоложский район), а его семья выселена из двухэтажного дома в полусгнивший барак. Наказание Семену Евграфовичу показалось жестким, несправедливым; он обиделся и решил сменить место жительства, в других местах испытать судьбу. Не тут-то было: не уволили, документы не дали. Уехать без документов – тюрьму получишь. И вынужден был Семен Евграфович, смилив гордыню, оставив семью в полусгнившем бараке на «Бурсунке», отбывать наказание в Алтынайской шахте, которая в то время, видимо, относилась еще к Егоршинскому шахтоуправлению. Рабочий человек не мог отстоять свое мнение, свою честь. Моральную усталость люди снимали водкой.

Сельский труженик в это время тоже был несвободен, так как навечно был закреплен за колхозом, не мог никуда уехать из этого колхоза, не имел паспорта. «Крепостная зависимость» не оставляла колхознику средств к существованию. То, что производил колхозник в колхозе, забиралось государством почти даром. К концу года трудодень колхозника оставался пустым. Что выращивал колхозник на своем приусадебном участке, тоже сдавалось государству. Подворье облагалось налогом: молоко, мясо, яйца, шерсть, картофель, овощи. Колхозникам часто оставалась только трава.

Вырваться из голодной бесправной деревни удавалось только тем, кто уезжал учиться в техникум, институт или вербовался в ФЗО. Некоторые парни после войны или службы в Советской Армии оставались в городе. Девушки в деревне оставались без женихов, многие опускались, спивались.⁶⁶

2 июня 1948 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни».

Судя по материалам госархива Артемовского района, сначала в колхозе проходило совещание партийно-колхозного актива, на нем

⁶⁵ Урал (журнал). 1991 г. № 12.

⁶⁶ Урал (журнал). 1991. № 12. С. 123.

«подрабатывались» кандидатуры для выселения в отдаленные районы. Потом на колхозном собрании обсуждался каждый член колхоза, предложенный партийно-колхозным активом для выселения, и выносился общественный приговор.

Общие собрания колхозников колхозов Егоршинского района с этой повесткой дня прошли 8 августа 1948 г. А вот в колхозе им. Свердлова д. Брагино Писанского сельсовета или партийно-колхозный актив самостоятельно не мог провести собрание колхозников, или решили, что у них некого выселять, а, возможно, до них еще высокое начальство не успело добраться до 8 августа, только в этом колхозе все проходило не 8, а 9 августа 1948 г.

«Протокол
совещания партийно-хозяйственного актива,
состоявшегося 9 августа 1948 г.

Присутствовало 13 человек. В присутствии руководящих работников района:

Кузьминых – от обкома ВКП(б),
Дудин – РК ВКП(б),
Пирогов – предрайсовета,
Тронов – нач. МВД,
Неволина-РКВКП(б),
Кривых – зав. райсельхозотделом райисполкома.

Повестка дня:

О состоянии трудовой дисциплины в колхозе и о мерах борьбы с лицами, злостно уклоняющимися от трудовой деятельности и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни.

Слушали Пирогова М. Н. о разъяснении Указа Президиума Верховного Совета от 2 июня 1948 г. о выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни.

Постановили: рекомендовать общеколхозному собранию подвергнуть под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. следующих колхозников:

Дудину Ульяну Васильевну,
Дудину Александру Васильевну,
Дудину Прасковью Васильевну,
Антропова Александра Петровича».

Думаю, партийно-колхозный актив понимал, что будет нелегко убедить колхозников дать согласие на чье-то выселение, и до начала колхозного собрания запасся справочками на всех четырех членов колхоза.

Решение колхозного собрания было таким: «С сестер Дудиных, Александры Васильевны и Прасковьи Васильевны, с Антропова Александра Петровича взять обещание и дать месяц на исправление. А к Ульяне Васильевне применить этот указ и выселить в отдаленный район на 8 лет».

В Егоршинский райисполком на У. В. Дудину были доставлены характеристика и справки.

«Характеристика

Дудиной Ульяны Васильевны, колхозницы колхоза им. Свердлова Писанского сельсовета.

Дудина У. В., 1916 года рождения, в с/х артели с 1939 г. Своим нерадивым отношением к труду приносит значительный ущерб сельхозартели.

В 1946 г. выработала 196 трудодней,

в 1947 г. – 135 т.,

в 1948 г. – 43 т.

За невыработку трудодней дважды подвергалась суду. Посевную кампанию сорвала из-за оставления снабжения машин МТС водой и горючим – работу пяти тракторов. Антиколхозное поведение и вредная агитация в период выборов в местные Советы депутатов трудящихся сильно отражается на трудовую дисциплину среди честно работающих колхозников. Тов. Дудина все время стоит против мероприятий партии и правительства в селе, склоняет колхозников на сторону невыполнения их. Сама Дудина все время своевременно не рассчитывается с госплатежами и их выполняет только по решению суда. ...Не заслуживает быть в рядах членов сельхозартели».

Безусловно, если у У. В. Дудиной в колхозе выработано за 7 месяцев 1948 г. только 43 трудодня без уважительной причины, то этого, возможно, мало, ибо по уставу сельхозартели она была обязана выработать минимум трудодней. Но я не уверена, что у У. В. Дудиной выработано именно столько трудодней, так как невооруженным глазом видно, что характеристика и справки составлены предвзято, так, чтобы райисполком утвердил Дудину У. В. на выселение. В характеристике сказано: «За невыработку трудодней дважды подвергалась суду», «все время своевременно не рассчитывается с госплатежами и их выполняет только по решению народного суда».

В ее деле есть справка из прокуратуры Егоршинского района от 9 августа 1948 г., в которой сказано, что на У. В. Дудину компрометирующих материалов и уголовных дел нет ни в прокуратуре, ни в суде. Так где же, каким таким народным судом ее судили?

«Справка

Егоршинского райфинотдела от 9 августа 1948 г.

За 1947 г. обложена сельхозналогом по доходам от сельского хозяйства в сумме 349 руб. 04 коп. Уплата произведена после истечения срока свыше одного месяца, за что взыскано пени 80 рублей. По налогу с бездетных и малосемейных за 1947 год предъявлено 50 руб. Уплаты не состоялось, а состоялось сложение 16 мая 1947 г. как безнадежная ко взысканию на основании инструкции 264 параграф 114».

Во-первых, какие могут быть доходы от сельского хозяйства, если она одна, мужа у нее нет. Оплата на трудодень – ноль. Государству она обязана сдать от коровы 46 кг мяса и 292 литра молока при хорошей жирности. Если жирность ниже нормы, сдает молоко дополнительно.

Во-вторых, женщина как-то изворачивалась, платила с/х налог, хотя и на месяц позднее срока, так за то, что опоздала заплатить на месяц, плати пени 80 рублей, т. е. почти четвертую часть налога за год. Это разве справедливо?

В-третьих, женщину, не получающую на свои трудодни ничего, платившую сельхозналог, сдающую государству почти без гроша мясо и молоко, без мужа растившую ребенка, государство еще облагает налогом как малосемейную. За то, что без мужа не сумела родить второго ребенка. Имеющих двух детей налогом как малосемейных не облагали.

«Справка, выданная агентом Егоршинского райминзага по Писанскому сельсовету Дудиным Иваном Дмитриевичем, что действительно гражданка с. Брагино Дудина У. В. к госпоставкам крайне нечестна. За 1948 г. она не уплатила мяса 25 кг.

9 августа 1948 г.»

За год У. В. Дудина обязана сдать государству 46 кг мяса. На 9 августа у нее уже сдано 21 кг. Но ведь до конца года еще пять месяцев, есть время, чтобы подрастить скотинку, ведь летом она нагуливает мясо, колют поздней осенью или зимой, тогда и расплатится Дудина с государством. Ведь нет же у нее долгов за прошлые годы. Я сама в эти годы жила в деревне, платила государству мясо и молоко и знаю, что сроки в течение года устанавливали формально, только нужно было рассчитаться с государством по всем платежам до конца года.

Нет, надо «капнуть дегтя», т. е. внести свою лепту, сказав: «нечестна к поставкам». Подумали бы, где возьмет женщина мясо, чтобы сдать раньше: не отрежешь же ногу у коровы. Родит зимой корова теленочка, вот его и растят до осени, чтобы сдать государству. А что ее ребенок во сне только видит мясо, так это никого не волнует. Да еще заплати налог государству за ребенка, которого не родила, так как нет мужа.

И заведующая школой на радостях, что есть возможность избавиться от девочки, которая учится слабо, тоже «подлила масла в огонь».

Ее справка:

«Дудина У. В. является матерью Щуповой Клавды. Девочка больна, мать не проявляла должного внимания к воспитанию, мер для лечения со стороны матери не принимается. Девочка оставлена на 2-й год.

9.8.1947 г. Зав. школой Прядеина».

Интересно, с чьей стороны принимались меры для лечения Клавды Щуповой? Уж не со стороны ли государства, отбирающего у матери Клавды последние молоко и мясо, заставляющего платить налог за нерожденного ребенка одинокую женщину, живущую в глубинке и не имеющую возможности продать лишний литр молока или ведро картошки, да и лишнее ли оно, ведро картошки, если есть вообще?

А что сделала зав. школой, чтобы больная девочка осилила школьную программу? Оставила на второй год. Себя она не осудила, а вот мать, которая, может быть, сил не имела работать, у которой не было средств лечить ребенка – осудила.

«Решение исполнительного комитета Егоршинского районного совета депутатов трудящихся от 12 августа 1948 г. :

Общественный приговор общего собрания колхозников колхоза им. Сталина д. Брагиной Писанского сельсовета от 9 августа 1948 г. о выселении гражданки Дудиной Ульяны Васильевны в отдаленные районы СССР утвердить.

Председатель Пирогов

За секретаря Антропов».

Не дрогнула рука ни у Пирогова, ни у Антропова подписать это решение: выполнили Указ Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г., выявили человека, который «приносит значительный ущерб колхозу», избавили колхоз от такого человека. И отправилась Ульяна Васильевна со своей больной дочкой в отдаленные районы на 8 лет работать на стройке, в шахте или на лесоповале под надзором спецкомендатуры или охраны НКВД. Только с дочкой ли? Скорее всего, с дочкой ее разлучили, определив девочку в детдом. И встретились ли они когда-нибудь?

Общее собрание колхоза им. Калинина Покровского сельсовета Егоршинского района Свердловской области, состоявшееся 8 августа 1948 г. (присутствовало 182 человека), вынесло общественный приговор: «Выселить Важенину Анастасию (Таисью) Ивановну из колхоза в отдаленное место на 8 лет». Тот, кто выносил этот «общественный приговор», даже точно не знал имени!

«Характеристика
на Важенину Таисью (Анастасию) Ивановну,
члена колхоза им. Калинина,
рождения 1915 г., образование низшее,
соцпроисхождение – из крестьян, б/партийная.

Во время пребывания в колхозе с плохой стороны. За последние 2-3 года никакого участия в колхозе не принимала, не занималась трудовым делом. Живет за счет труда честных колхозников, имеет приусадебный участок до 20 сотых га. Пользы колхозу никакой не приносит. Пользуется благами устава сельхозартели. Занимается расхищением социалистической собственности: воровала колоски с колхозного поля. Во время Великой Отечественной войны занималась спекуляцией. Свой скот пасет на колхозной земле. Занимается разлагательством трудовой дисциплины. За последнее время нигде не работает».

Справка по госпоставкам сельхозпродуктов по Покровскому сельсовету:

«Освобождена от всех государственных поставок по с/хозпродуктам, так как хозяйство числится на ее матери Стригановой Федосии Васильевне».

Объяснение Важениной Т. И. райисполкому:

«Я работала в артели им. Свердлова, теперь уволилась по болезни: большая голова, не могу работать в жару и холод. Лечилась, поэтому на работу не поступила.

Я не колхозница, никогда не вступала в колхоз, поэтому непонятно, почему обсуждает колхозное собрание и решает выселить на 8 лет. Я не слышала решения колхозного собрания, так как не слышу. Моя мать старая – 60 лет. У ней нет ни сына, ни дочери. Кто ее будет кормить? Пойдет по дворам. Прошу оставить в районе. Никогда преступлений не делала. Наживала копейку своим трудом. Я – честный человек».

К «объяснению» прилагаются еще две справки:

1. Справка из прокуратуры Егоршинского района от 9 августа 1948 г. о том, что компрометирующих материалов и уголовных дел на Важенину Т. И. нет ни в прокуратуре, ни в народном суде.

2. Справка ВТЭК от 12 августа 1948 г. : здорова.

Когда я ознакомилась с этим материалом в государственном архиве Артемовского района, для меня осталось многое неясным и многое удивило:

Важенина Т. И. – не колхозница и никогда в колхоз не вступала, а работала в артели им. Свердлова. В характеристике же написано:

«Во время пребывания в колхозе с плохой стороны», «за последние 2-3 года никакого участия в колхозе не принимала», «свой скот пасет на колхозной земле», «имеет приусадебный участок до 20 сотых га, «воровала колоски с колхозного поля».

Во-первых, все-таки 2 или 3 года Важенина Т. А. «не принимала участия»? Видимо, никогда, если она – неколхозница.

Во-вторых, знало ли правление колхоза своих колхозников?

В-третьих, почему неколхозница обязана «принимать участие» в колхозе?

В-четвертых, какой скот пасла Важенина на колхозной земле, если в справке из сельсовета по госпоставкам сказано: скота у нее нет?

В-пятых, приусадебного участка за ней не числится.

В-шестых, если Важенина воровала колоски с колхозного поля, занималась спекуляцией, почему на нее нет уголовных дел в прокуратуре и народном суде, ведь за такое преступление в то время она должна была получить минимум 10 лет?

А вот в-седьмых, совсем интересно: Т. И. Важенину пригласили на колхозное собрание, она пришла, просидела и ушла домой, так и не узнав, что собрание решило выселить ее на 8 лет. Почему не узнала? Потому, что эта женщина глуха, не слышала, что на собрании решалась ее судьба.

В-восьмых, комиссия ВТЭК дает заключение «здорова», хотя эта женщина глуха, и ей предстоит поехать не в санаторий, а на 8 лет тяжелейших работ. К тому же дата на заключении ВТЭК позволяет предположить, что сделано заключение под влиянием решения общеколхозного собрания.

В-девятых, остается нетрудоспособная шестидесятилетняя мать. Других детей у нее нет. Кто должен будет за ней присмотреть, поддерживать ее в старости физически и морально, помочь ей?

Вывод один: документы перед выселением составлялись формально, в них писалось все, что взбредет в голову, с полной уверенностью в безнаказанность за все это.

В подтверждение этих слов приведу еще несколько характеристик.

«Характеристика

Яговитиной Людмилы Афанасьевны, колхозницы колхоза им. Калининна Покровского сельсовета, Егоршинского района Свердловской области.

За 1-е полугодие – 48 трудодней. Ранее судима. Имеет нарушение колхозной дисциплины, неоднократную судимость, живущую на средства, приобретенные нетрудовым путем, занимающуюся спекуляцией, кражей, разлагающую трудовую дисциплину среди колхозников».

Справка

из прокуратуры от 9 августа 1948 г.

«Компрометирующих материалов и уголовных дел на Яговитину Людмилу Афанасьевну в прокуратуре и суде Егоршинского района нет».

Думаю, что судя по характеристике, должны были бы быть, а их нет, значит, характеристика не соответствует реальности.

«Характеристика

Исакова Дмитрия Алексеевича, колхозника колхоза им. 1 Мая Егоршинского сельсовета Егоршинского района Свердловской области.

Работал в колхозе заведующим пунктом искусственного осеменения, ежедневно нарушал трудовую дисциплину, за что был правлением колхоза снят и переведен на рядовые работы. Исаков отказался, и с 4 июня с. г., несмотря на горячую пору в колхозе (сеноуборка) и на неоднократное предупреждение, он не желает поднять колхоз на должную высоту, не работает полтора месяца, живет не для интереса колхоза, а для своей частной жизни за счет колхоза. Первый в колхозе разгильдяй, авторитета не имеет, самолюбив, своим отношением мешает к развитию сельского хозяйства в данном колхозе».

«Характеристика

Малых Анастасии Яковлевны, колхозницы колхоза им. 1 Мая Егоршинского сельсовета Егоршинского района Свердловской области.

Малых против колхозного строя, ведет пропаганду среди колхозников и рабочих, чтоб не работали в колхозе: «Хлеба нет, бесплатно будете работать», живет за счет колхоза.

Шкурница, обывательница, разлагает колхозную массу, имеет дочь, умышленно не обучает ее в школе. Не выработала ни единого трудодня. Своим поведением мешает восстановлению мощности колхоза».

Ни в одной характеристике не сказано, что колхозник выпивает, опустился. Понятно, что, выработав минимум трудодней, а он был невелик, колхозники, видя, что трудодень будет пустым (Малых: «В колхозе хлеба нет, бесплатно будете работать»), не шли на работу, а трудились на личном подворье, которое дает надежду выжить и расплатиться с госпоставками. Но правительству надо было, чтобы колхозники добросовестнейшим образом бесплатно работали, «восстанавливали мощностъ колхозов».

Тех, кто не хочет работать бесплатно, надо отлучить от родного дома, от родных и близких, для острастки остальных, чтобы не подумали отлынивать от работы в колхозе.

А выселенным работа найдется. Где? Еще не полностью восстановлено то, что подверглось разрушению во время Отечественной войны. Да у правительства возникали новые замыслы. Например,

проложить железную дорогу от Воркуты до Берингова пролива, параллельно Северному морскому пути. «В 1949 г. были спешно созданы новые лагеря по трассе будущей магистрали. В открытой всем ветрам тундре, по вечной мерзлоте, с помощью тачки и лопаты закипела грандиознейшая стройка коммунизма, которая представляла собой идеальнейший полигон для массового уничтожения людей. Буквально по костям и трупам прокладывалась дорога в никуда, на строительство которой было истрачено 43 миллиарда рублей – это два государственных займа, на которые заставляли всех без исключения от школьников до пенсионеров, «добровольно» подписываться, отрывая от крох зарплаты и рабских трудодней в крепостных деревнях.

Десятки тысяч заключенных погибли в болотах на этом «стратегическом» объекте. Сколько еще миллионов бессмысленных жертв потребовала бы эта сталинская бойня, если бы не смерть вождя в 1953 г. !⁶⁷

«В 1951 г. Игнатъев, заменивший Абакумова на посту министра государственной безопасности, представил Сталину отчет:

12 миллионов содержатся в лагерях.

20 миллионов – члены семей врагов народа.

42 миллиона сельских жителей лишены паспортов, прикреплены к земле, выехать никуда не могут (колхозники).

В список не вошли высланные в Сибирь, Казахстан, на Северный Урал и тому подобные спецпереселенцы, репатрианты, а также немцы Поволжья, крымские татары, ингуши, балкарцы, калмыки и другие народы ликвидированных республик. Их счет шел на многие миллионы».⁶⁸

Только наша Свердловская область представляла собой сеть исправительно-трудовых лагерей. Центральных лагерей было шесть, в каждом из них было несколько лагерных подразделений, по сути тоже лагерей, администрация которых подчинялась администрации центрального лагеря.

1. Средураллаг. Центр – г. Свердловск. В него входили: Свердловск – 2 лагеря, Верхняя Пышма, Березовский, Черданцево, Каменск-Уральский, Кунара, Сарапулка, Рефтинский, Билимбей, Асбест, Сысерть, Сухой Лог, Монастырское, Лосинский – (15 лагерных подразделений).

2. Тагиллаг (центр – Нижний Тагил): Нижний Тагил, Виновка, Висим, Сан-Дonato, Верхняя Салда, Синечиха, Нейво-Шайтанское, Алапаевск, Дегтярка, Нейво-Рудянск, Таватуй, Ясва, Копушиха, Красный камень, Черноисточинск, Левиха, Акинфиево, Асбестовский,

⁶⁷ Урал (журнал). 1991 г. №12.0.115-116.

⁶⁸ Урал (журнал). 1991 г. № 12. С. 115-116.

Мурзинка, Каменка, Верх-Нейвинск, Кедровое, Кировград, Невьянск, Кушва – 25 лагподразделений.

3. Северо-Уральсклаг (центр – Северо-Уральск): Северо-Уральск, Волчанск, Веселовка, Коквинские печи, Маслово, Шайтанка, Сосновка, Воронцовка, Новая Еловка, Новая Ляля, Лысьва, Ис, Калья, Лобва, Кыштым, Рудничный -17 лагподразделений.

4. Ивдельлаг (центр – город Ивдель): Ивдель, Палкино, Полуночное, Арья, Таежный, Сама, Центральный, Пелым, Вижий, Пионерский, Советский – 11 лагподразделений.

5. Востураллаг (центр – Тавда): Тавда – 4 лагеря, Белоярка, Туринская Слобода, Сарагулка, Коркинское, Каменка, Верхотурье, Байкалово, Азанка, Увал, Таборы, Городище, Туринск, Гари, Тугулым – 18 лагподразделений.

6. Южураллаг (центр – Челябинск): Красноуфимск, Нижние Серги, Вогулка, Шамары, Средний Бояк, Нижняя Ирга, Новый Златоуст, Ачит, Дружинино, Шаля, Илым, Юва, Сарана – 14 лагподразделений.⁶⁹

В этом списке не значится г. Артемовский. У нас лагерей не было. Сюда были высланы на спецпоселение болгары, греки, крымские татары; солдаты и офицеры, вызволенные из плена, а также многие из тех, кого немцы угнали в неволю. А еще привозили сюда строить новые шахты тех, кто освобожден из лагерей. Все они жили без паспортов, были на учете в спецкомендатуре, не имели права выехать никуда ни на один день без разрешения комендатуры до 1956 года.

Масштабы репрессий послевоенной пятилетки приблизились к масштабам периода 1935-1938 гг.

Мельзер Богдан Яковлевич

Б. Я. Мельзер родился в 1923 г. на хуторе Рудиковка Николаевского района Сталинградской области в крестьянской семье. В 1930 г. семья была раскулачена. Богдан с матерью были выведены из дома, но не выселены, а отец арестован и отбывал в лагерях четыре года.

В 1935 г. семье вернули дом и приехал отец. Жизнь стала налаживаться. Родители хотели, чтобы их единственный сын получил образование, и после окончания хуторской начальной школы отправили его учиться в семилетку в соседнее село. В 1937 г. отца арестовали снова, отбывал он 10 лет в исправительных лагерях. В год окончания Богданом семилетки открылась межрегиональная средняя школа на станции Паласовка. Хотя у него появилось еще два братика-близнеца, мать отправила его продолжать образование, где еще год он

⁶⁹ Материал взят в Музее истории комсомольских организаций. Научный консультант движения "Коммунары" Вадим Винер.

учился на немецком языке, а в 9-10 классах уже на русском.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. был большим праздником, посвященный первому выпуску школы. Выпускников было немного, всего 20 человек. На вечере каждый делился своими планами, чего намерен добиться, кем видит себя в будущем. В планах на ближайшее будущее у Богдана был Саратовский университет, физико-математический факультет.

Но... Успели несколько часов отдохнуть, и 22 июня все встретились у райвоенкомата по зову сердца: патриоты. Всех, кроме двоих, сразу забрали в армию, а Богдану и другому юноше было сказано: «Вы чуть позже пойдете в военное училище».

Но Советское правительство в патриотизме советских немцев сомневалось: вдруг найдут «общий язык» с фашистами. И 28 августа 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев Поволжья в глубь страны. Колхозники хутора Рудиковка спешно начали убирать урожай. Все прибрали: и колхозное, и свое личное. Сдали государству хлеб, скот, птицу. 25 сентября 1941 года отправились на новое место жительства.

Путь был длинным и трудным: на лошадях до райцентра, на барже по Волге до Астрахани, а от Гурьева до Семипалатинска через весь Казахстан «пилили» поездом, так как больше стояли, чем ехали: путь все время был занят.

Определили жить в селе Некрасовка Урджарского района. Работать в колхозе. Мужики смирились, успокоились: на хорошие земли переселили, плодородные, вон в колхозе какой богатый урожай. И приступили к уборке урожая уже казахстанского. Все бы ладно, но приходит Богдану повестка: прибыть в райвоенкомат. Он и рад: молодой, здоровый, его место на фронте.

Но узнаёт, что мобилизуют его в трудовую армию, а не в действующую. И 25 января 1942 г. в числе других мужчин немецкой национальности увезли его в Соликамский район Молотовской (Пермской) области, где передали в распоряжение НКВД. Спецодежда: хлопчатобумажные красные штаны и чуни с унтами, простеженными ватой. Работали на строительных объектах вне лагеря, на работу и с работы ходили строем через проходную, где, конечно, тщательно проверялось наличие трудармейцев. Быт был организован: столовая, баня,

больница с высококвалифицированными врачами. Выполняющим норму – 800 граммов хлеба, тем, кто не выполняет, – 500. Люди умирали и от недоедания, и от холода: зимы были морозные. Работая на улице полный день, переохлаждались, болели и гибли.

В 1945 г. Богдан Яковлевич был переведен в Верецагино на строительство трикотажной фабрики. Здесь, будучи трудармейцем, в 1947 г. женился. А в 1948 г. по указу о вечном поселении советских немцев в районах высылки лагерь НКВД трудармейцев был закрыт, а Богдана Яковлевича с женой Лидией Яковлевной, как людей немецкой национальности, поставили на спецучет, и стали они спецпоселенцами. Самостоятельно выехать никуда не могли.

Строительство трикотажной фабрики закончилось, и Богдан Яковлевич уже самостоятельно перешел на строительство Верецагинского шлакоблочного завода треста «Дорстрой». К этому времени он уже приобрел знания по учебникам, опыт – на практике и работал мастером. Но страстно хотелось в совершенстве овладеть профессией, и в 1949 г. он поступает на заочное отделение Пермского института промышленности и стройматериалов, филиала Пермского госуниверситета. Но... проучился только два семестра. Как спецпоселенец он должен был в определенное число каждого месяца отмечаться в спецкомендатуре. Однажды он не явился. Почему? Был на сессии в институте. Когда вернулся домой, был оштрафован на 50 рублей. Квитанция об уплате штрафа хранится в городском музее как документ, свидетельствующий об унижении, о несвободе личности. Было больно и обидно: в чем же он провинился перед Советской властью, за что лишен возможности чувствовать себя гражданином своей страны! Противно было ходить в спецкомендатуру и просить разрешения на поездку в институт. Решено: учебу в институте прекратить, тем более, что хорошие учителя были рядом. Например, главный инженер строительства Казимир Адамович – грамотный, толковый инженер, прекрасный организатор. Он очень помог на практике овладеть профессией строителя. И Богдан Яковлевич работал и нормировщиком, и мастером, и прорабом.

Начальство решило отправить его в командировку на самостоятельную работу. Богдану очень хотелось испытать себя, но вынужден был сказать начальству, что он не свободен, на учете в спецкомендатуре и распорядиться собой не имеет права. Надо было видеть, как возмущен был начальник: «Мы тебе доверяем работу, где ты оперируешь сотнями тысяч и миллионами рублей государственных средств, ты возводишь предприятия, квартиры для людей, а через дорогу находится спецкомендатура, которая

следит за тобой и считает тебя врагом тех, для кого ты трудишься. Это же абсурд!»

Этот абсурд продолжался до 1955 года, пока не был отменен режим спецпоселений. В 1956 г. Б. Я. Мельзер был направлен на строительство объектов Тюмени, а затем – завода железобетонных конструкций на станции Баженово.

На станции Егоршино в это время функционировал прорабский пункт треста «Дорстрой». В 1965 г. прораб заболел, слег в больницу. Богдана Яковлевича попросили на месяц заменить прораба. Прораб через месяц уволился. Богдан Яковлевич остался вместо него и организовал работу так, что прорабский пункт в 1968 году был преобразован в строительно-монтажный поезд № 386 Дорстройтреста Свердловской железной дороги. Под руководством Б. Я. Мельзера построено много объектов в нашем городе: школа-интернат № 7, стадион «Локомотив», дом связи на ул. 8 Марта и городской узел связи, водонапорные башни ст. Егоршино и в пионерском лагере «Зеленый луг», бытовой корпус вагонного депо, пристрой к железнодорожной больнице, детский сад на 140 мест на ст. Егоршино и несколько жилых домов.

За заслуги в области строительства Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 28 апреля 1979 г. присвоил Мельзеру Богдану Яковлевичу почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР», а 1 декабря 1988 г. сессия Артемовского городского Совета народных депутатов присвоила другое почетное звание «Почетный гражданин города Артемовского».

Наш город, где много сделано трудом Б. Я. Мельзера, стал ему родным. Здесь живет сам Богдан Яковлевич, персональный пенсионер, здесь живут его дети и внуки. Появилась и правнучка. Все хорошо, но подводит здоровье. А подорвать здоровье причин у Богдана Яковлевича было много, очень много...

Мельзер Лидия Яковлевна

Л. Я. Мельзер родилась в 1920 г. в селе Фишер в Марксштадском районе Саратовской области, в большой крестьянской семье, состоящей из 14 человек: отец, мать, семеро детей, бабушка, ее внук, племянник отца, и его семья: жена и двое детей.

На такую семью в двадцатые годы от Советской власти получили много земли, но расположена та земля была в сорока километрах от деревни. Там была слеплена глинобитная избушка, куда выезжали весной все трудоспособные члены семьи для обработки земли и жили там до поздней осени, пока не закончатся все полевые ра-

боты. Трудиться приходилось от зари до зари до седьмого пота, так как из-за неплодородия почвы урожаи были низкими, а хлеба нужно было вырастить много, чтобы рассчитаться с госпоставками, прокормить семью и скот: четыре лошади, три коровы, козы, овцы.

В 1929 г. семью раскулачили. отобрали все: землю, скот, вещи, вывели из дома. Сначала такая огромная семья ютилась у соседки-вдовы. Приносили сено или солому, стелили на пол и ложились все вповалку в одной комнате. Потом бабушка с внуком и его семьей ушли жить к дочери. Отец скрылся, боясь, что арестуют и отправят в лагерь. А мать с семьей

детьми переселилась в саманную избушку в поле и стала работать на той бывшей своей земле, но теперь уже колхозной. Старший брат Яков пас колхозных коней. А Лида, окончив два класса, пошла в няньки. В следующую зиму жила в селе у тети и училась в третьем классе. Другие дети не учились.

Но беда одна не приходит. Брат Яков, работая с лошадьми, заболел сибирской язвой и умер. Умерла и маленькая сестричка. Тогда отец приехал ночью, забрал всех и увез на станцию Урбах. Было решено ехать в Закавказье: там жили родственники, работали в коммуне. В коммуну семью Лиды не приняли. Остановились жить в городе Ганжа в Азербайджане. Отец – конюх в тресте, мать – один год кухарка-работница столовой, а потом нанималась убирать квартиры, стирать белье. Потом она вспоминала: «Не было, наверное, в г. Ганже дома, где бы я не работала». Четырнадцатилетний брат вывозил с завода за город мусор в тачках. Лида опять нянчила детей у знакомых. Так кормились. Было решено: Лиду, единственную девочку в семье, учить. Но школ, где обучение на немецком языке, в городе нет. Пошла учиться в русскую школу, опять в третий класс.

В 1940 г. отца арестовали, так и умер в тюрьме или в лагерях. Но Лида успела окончить девять классов, и началась война. В августе 1941 года, когда стояла в очереди за продуктами, подруга ей сообщила, что вышел указ Президиума Верховного Совета: немцев переселять в глубь страны. С этой вестью пришла домой, родные уже слышали. Учиться в десятый класс не пошла, так как жили ожиданием приказа о переселении.

25 октября такой приказ получили. На машинах привезли на вокзал. Ночь просидели. Утром подали состав Кировобад-Баку. В Баку

погрузили на баржи и привезли морем в Красноводск, в Туркменистан. Несколько дней сидели на берегу, потом в телячьих вагонах провезли по всей Средней Азии в Семипалатинск. Теперь, в конце ноября, в открытой барже по Иртышу повезли на север. Ветер, дождь, снег – укрыться негде. Успели до ледостава дотянуть до Павлодара, а дальше на быках в колхоз имени 17-го партсъезда. И поселили в глинобитный барак без печек. Жили по три семьи в комнате, спали на полу все. Холодно. Теплых вещей нет, так как жили до этого в теплой местности. Лиде сшили фуфайку из матраца. На ногах боты и простые чулки. Смастерили сами очажок. Съездили на быках в степь, наломали курая, появилась возможность сварить картошку, которую выменивать на вещи ходили за 20 километров в Павлодар.

Но в Павлодарской области уборка подходила к концу, и Лиду, двух ее братьев, невестку Клару отправили на уборку хлеба в Кустанайскую область. Здесь работали декабрь, январь, половину февраля. Жили в степи в балагане. На Лиде та же фуфайка из матраца и боты с рваными чулками.

Лидия Яковлевна вспоминает: «Работала на комбайне, отгребала и сбрасывала селому. За день наглотаешься пыли, забьет и нос, и глаза. В феврале двух братьев прямо здесь, в Кустанайской области, забрали в трудармию, а мы с невесткой вдвоем добирались к маме, где на попутной машине в кузове, где пешком. В одной деревне два дня стояли на улице, пока попутка не подобрала.

Мама жила уже одна: младшего брата, который с ней оставался, тоже мобилизовали в трудармию.

Весна: началась пахота, потом сенокос. Жили в поле, в шалаше. Весной холодно, летом комары и мошки не давали покоя, донимали так, что костер раскладывали прямо в шалаше, чтобы их выгнать. В дыму и спали. Питание скудное, но целый день на воздухе, даже посвежели немножко. А в декабре и нас с Klarой вызвали в военкомат и мобилизовали в трудармию. Привезли в Краснокамск, поселили в барак из мокрых досок. Холод зверский. Работать на улице на 30-40 градусном морозе и то легче, чем в этом сыром, холодном бараке. Строили жилье нефтяникам: бараки с каркаснозасыпными стенками. Мы копали ямы под столбы. Днем копали ямы заключенные, а мы с семи часов вечера до семи часов утра. Час перерыв среди ночи. В той же фуфайке из матраца, на ногах – плетеные лапти и унты шитые, стеганые ватой. Так с декабря 1942 года по март 1943 года.

Потом нас, группу в 90 человек, отправили работать в овощно-молочный совхоз. Поселили в казарму. Сами смастерили топчаны. В столовой кормили скудно, хлеба по 500 граммов. Научились на кро-

порушке делать из овса крупу и после работы варили овсяный суп или кашу, подкармливались немножко.

Летом построили барак, переехали. Секция на сорок человек. Я работала табельщицей, отчитываться ездила в Краснокамск. Каждый раз на поездку надо было брать разрешение у коменданта.

В 1946 году маме исполнилось 60 лет, в Казахстане жила одна. Ей разрешили переехать к детям. Я получила разрешение съездить за ней. У нас холодно, а там тепло. Я в лаптях и унтах. Чтобы оформить разрешение на мамин отъезд, надо было сходить в районный центр. В унтах жарко, другой обуви нет. Я пошла босая. По песку. Кожу с подошв почти всю сорвала. Как добралась до мамы – вспомнить страшно.

А сколько таких ужасных моментов пережито – не рассказать. За свой труд ничего не получали, жили на правах заключенных, только что не под замком. Но комендатура за нами следила строго. Маме разрешили поселиться от меня в двух пролетах, если ехать по железной дороге. Без разрешения коменданта к ней не съездишь. И так до 1956 года.

Ни детства, ни юности... В чем же моя вина перед Советской властью? Только в том, что родилась в трудолюбивой немецкой семье. За это искупала вину полжизни – все молодые годы».

Каунов Иван Дмитриевич, Каунова Валентина Дмитриевна

И. Д. Каунов родился в 1925 г. в деревне Апак-Джанкой Кировского района Крымской области. Рос без родителей в семье тети, у которой было шестеро своих детей. Подростком начал работать в колхозе. 12 июня 1944 г. в их деревню приехала милиция и военные, в каждый дом зашли по одному человеку и объявили: «Вы подлежите высылке. Выходите на улицу, там машины, одна машина на 5-6 семей. С собой можно взять подушку». Те из солдат, кто подбрее, разрешали взять еще что-нибудь. Торопили: «Быстрее, быстрее!» Люди растерялись, заплакали; женщины, особенно молодые, запричитали: муж воюет за Родину, а ее куда-то отправляют с детьми; закричали ребятишки. В некоторых домах не было в сборе всей семьи, стали искать детей, поднялась суматоха. А солдаты торопят, из домов выгоняют молодых и старых. Так и уехали. У каждого остался родной дом и все в нем, что успели нажить, в хлевах – скот, в огороде – все, что росло, цвело и благоухало: цветы, ягоды, овощи, фрукты.

Довезли на машинах до вокзала, погрузили в вагоны для перевозки скота и повезли на восток. Часто стояли в тупиках, так как дорога была занята поездками, везущими на фронт солдат и оружие.

В Свердловске разделили: одних – в Тавду, других – в Егоршино. Иван Дмитриевич Каунов попал в Егоршино. Работать определили в Егоршинский совхоз. Так с 1944 г. он стал спецпоселенцем, состоял на учете в спецкомендатуре Егоршинского района Свердловской области. Девушку, которая нравилась Ивану, отправили в Тавду. Валентина Дмитриевна тоже стала спецпоселенкой, состояла на учете в спецкомендатуре Тавдинского района Свердловской области. Пятнадцатилетняя спецпоселенка стала работать на Тавдинском фанерном заводе по 12 часов в сутки. Начали Иван и Валя переписываться, благо, это не запрещалось. Став совершеннолетними, решили пожениться.

Но... без спецкоменданта не женишься. У коменданта Иван оформил Вале вызов. И комендант егоршинский поехал в Тавду за невестой. Комендант тавдинской спецкомендатуры явился в семью Вали и объявил: «Пришел вызов. Выходи замуж. Вечером приду и отправлю тебя». Лично сам повел вечером невесту на вокзал и передал под роспись егоршинскому коменданту, который привез Валу в Егоршинский совхоз и «вручил» жениху. Вот такая свадьба была у Ивана Дмитриевича и Валентины Дмитриевны Кауновых.

Стала молодая семья жить в Егоршинском совхозе. Получили комнату в бараке. Сшили на матрасик, набили соломой. Спали на полу, накрывались пальтишком мужа и фуфайкой жены. Так жили до 1951 г. Получили разрешение переехать в поселок Буланаш. Иван Дмитриевич стал работать в шахте, стал больше зарабатывать, начали приобретать самое необходимое.

В 1956 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. с учета спецпоселений Каунов Иван Дмитриевич и Каунова Валентина Дмитриевна сняты, как и все граждане спецпоселений. Больше не нужно стало ходить к коменданту отмечаться, просить разрешения дойти от поселка Буланаш до города Артемовского, чтобы побывать на рынке.

На основании ст. Закона Украины от 17.04.91 г. «О реабилитации жертв политических репрессий Украинской ССР» Иван Дмитриевич и Валентина Дмитриевна Кауновы были реабилитированы. Сведений об изъятии и конфискации имущества в архивном деле не имеется. Не было тогда лично у них имущества, не успели нажить до 1944 г. пятнадцатилетняя Валя и восемнадцатилетний Иван. Видимо успели только навредить Советской власти, иначе за что же она так жестоко с ними обошлась, лишив родины?!

Мавродеева Федора Ивановна

Ф. И. Мавродеева родилась в крестьянской семье болгар Мужьевых, Ивана Савельевича и Катерины Степановны, в деревне Османка Крымской области в 1929 г. Вскоре родители вступили в колхоз, где и добросовестно трудились до страшного 1937 г. Однажды Иван Савельевич, человек, имевший свое мнение на все, пошел на колхозное собрание, а там, говорят, высказал свое мнение по обсуждаемой проблеме и вернулся домой в сопровождении

работника НКВД. Жене сказал: «Собери что-нибудь, мне придется сходить в район». Уж в очень неподходящий момент вернулся муж с собрания: Катерине Степановне нужно было бежать кормить колхозных свиней и загнать на ночь в конюшню. Ей некогда было соображать, что произошло. Наскоро собрала еду, подала мужу и побежала выполнять свои обязанности свинарки. А когда справилась со своими делами на ферме, возвращалась домой, увидела, что вся деревня всполошена: с собрания увели в НКВД десять мужчин и одну женщину. Тут только она поняла, что дело серьезное и муж, по всей вероятности, домой не вернется. Заголосила баба, что даже не простилась с мужем, но поздно.

В 1938 г. Катерина Степановна получила извещение: муж умер в тюрьме. Так осталась она «женой врага народа» с двумя дочками на руках: Доре – 8 лет, а Маше не было и года.

Как говорят, живым – живое. Нашелся хороший человек, председатель одного из колхозов Старо-Крымского района, и вышла Катерина Степановна замуж. У него своих было две дочки, а от совместной жизни и сынок родился. Все было бы ладно, если бы не война. Председателя колхоза на фронт не взяли: нужен в тылу – надо кормить армию.

А когда подошел фронт, было приказано остаться в деревне: кормить партизан, оказывать им всевозможную помощь. Вскоре немцами был взят в заложники, сумел бежать, оказался в партизанах, а затем и в действующей армии. Катерина Степановна жила в деревне с пятью «ртами» кроме нее, из которых старшей, Доре, было 12 лет.

Федора Ивановна вспоминает: «Было трудно при немцах, голодно. Маму гоняли на работу, а я смотрела за младшими сестрами и братиком. Немцы забрали со двора всю живность, кроме коровы. Вот благодаря ей и выжили. Но не стало легче и после освобождения. Теперь я стала работать в колхозе: со сверстницами пололи и окучивали картофель, косили, убирали хлеб. А четырнадцатилетней мобилизовали на восстановление железной дороги, где не только копала землю, таскала песок и камень на носилках, помогала мужчинам таскать рельсы для укладки.

12 июля 1944 г. вернулись с мамой с работы, приготовились лечь спать после тяжелого рабочего дня. Но не успели. Кто-то пришел к нам и объявил: «По решению партии и правительства переселяетесь на новое место жительства. К рассвету быть готовым». Мама – в слезы, но слезами горю не поможешь. Начала сборы. Но что возьмешь с пятью малыми детьми на руках? Ночью постряпала лепешек, на рассвете накопала мешочек картошки. Тут и машина подошла. Забрали всех, кроме русских. В шесть утра были уже на станции Ислам-Терек. Погрузили нас в телячьи вагоны и везли две недели. В нашем вагоне ехало семь семей. Теснота, духота. Остановки были в поле на 5-6 минут, чтобы оправиться. Все выскакивали из вагонов и приседали, опуская глаза в землю. Да некому и разглядывать было – все спешили, чтоб от поезда не отстать. Когда поезд ставили в тупик, бегали за водой на станцию, разжигали костры, чтобы сварить картошку и вскипятить воду. Часто бывало так: только закипит вода, картошка еще не сварилась – сигнал: поезд отправляется. Тушили костер – и на поезд, а картошку сырой глодали.

Везли нас 2 недели. 26 июня 1944 года привезли в Егоршино. Молодых, здоровых брали работать в шахту. А куда маму с малыми детьми? В деревню на сельскохозяйственные работы. Привезли нас на конезавод, центральная усадьба которого – теперь поселок Со-сновый Бор. А нас поселили на участок конезавода – Чистое поле, где был один старый барак и несколько индивидуальных домиков. В бараке и жили. Комары и клопы буквально заедали нас. Спасения от них ни днем, ни ночью. Спали, конечно, на полу. Прежде чем лечь, пол вокруг обливали водой, чтоб клопы не могли подползти, так они с потолка валились.

Я работала как взрослая, хотя до совершеннолетия не хватало трех лет. Заготавливали корм для коров, лошадей, косили траву, убивали хлеб. А поля и покосы были под Лебедкино, Костромой. Нас, молодежь, вывозили на все лето в лес, спали в вагончике. Давали хлеба по 500 граммов, варили какую-нибудь похлебку. Однажды, когда косили вику, а она густая, стебли переплелись, я тыкала косой и так, и этак, но ничего не получалось: норму не выполнила, так мне хлеба дали 250 граммов. Слезы без этого ручьями текли, а тут рекой хлынули: покоси-ка эту вику с двухсот пятидесяти граммов.

Волосы были длинные, густые, стричь не принято было. Жара, пот, грязь, мыла – ни крошки! Накопила за лето в лесу вшей. Сил нет жить – кусают. Говорю подружке: «Полей голову мне керосином». Кожа вздулась под один пузырь. В деревне хоть мама заливала кипятком золу и щелоком мылись. А тут только ржавая болотная вода, от которой ноги были все в струпьях. И пили эту воду: наклонись, кинешь на воду платок с головы и пьешь через него.

Разыскал нас отчим-фронтовик. Стали приходиться от него письма. А мы всей семьей пишем, а ему наши письма не пропускала, видимо, цензура: ни одного не получил. Так и связь потеряли. А потом, после войны уж, пришло извещение, что пропал без вести.

Но то, что муж и отец этих детей – фронтовик, видимо, возымело действие: семью нашу перевели на центральную усадьбу. Мама стала работать свинаркой. Когда свиней кололи, кишки ей отдавали. Она их вымоет, с них сало соберет, хоть картошку сдобрит немножко. Я стала работать в конюшне. Когда жеребят отнимали от кобылиц, передавали мне. Я за ними ухаживала, кормила их, воспитывала.

К коменданту ходили раз в месяц отмечаться, что живы, не сбежали. Мало того, что страдали от голода, холода, клопов, комаров, вшей, так несвобода мучила больше всего. Я в течение семи лет, пока не вышла замуж, кроме конезавода и Чистого поля, нигде не бывала. Нельзя.

Свекра и свекровь моей мамы распределили жить не с нами на конезаводе, а в Егоршинском совхозе. Хотя они уже были старенькие и четыре их сына защищали Отечество на фронте, их выселили из Крыма: предатели. Пенсии им никакой, работали в совхозе на сельскохозяйственных работах. От тяжелой работы и недоедания скоро обессилели. Бабушка умерла. Мама стала просить, чтобы свекру разрешили жить у нее. Разрешили, и мама поехала за ним. Приехала в совхоз, а деда нет. Говорят: «Вчера ушел к тебе. Уж очень радовался, что увидится с тобой и внуками. Он и не думал, что ты приедешь». Мать поспешила домой, забегает, спрашивает: «Где дед?» Нигде деда нет. Через несколько дней его труп нашли в стогу сена.

В 1951 г. я вышла замуж. Стала жить на Буланаше, работать в шахте на выборке породы. Дали комнату в бараке, где жили муж, я, свекровь. Родился сын. Хочется моей маме посмотреть первого своего внука. А моей свекрови хочется познакомиться с моей мамой. Нельзя. Коменданты не разрешают съездить ни маме к нам, ни нам к маме. Пошли на преступление: написали маме, чтобы в такой-то день без разрешения шла к нам навстречу, а мы пойдем тоже без разрешения ей навстречу. Все вышли до рассвета. Мы с мужем несли двухмесячного ребеночка, с нами шла старенькая свекровь. Встретились около Белоярки. Расположились в кустах на берегу Ирбитки. Матери познакомились. Мама понянчила внука, а через три часа разошлись. Нежная кожа малыша на июльском солнце сгорела, принесли ребенка домой больным.

Однажды, уже в 1955 г., мама попросила у коменданта разрешение съездить к нам на Буланаш. Тот разрешил, сам тоже собрался в город. Ехали в одном вагоне. Сразу на перроне в Егоршино к маме подошел милиционер, потребовал документы, а у мамы их не было, ведь жили без документов. Арестовали, держали в милиции до тех пор, пока туда не пришел комендант. К нам мама заскочила буквально на несколько минут, надо еще добраться до вокзала, что тоже было проблемой, и не опоздать на поезд. Спрашиваю маму, почему сразу с поезда не пришла к нам, отвечает: «В милиции сидела».

Так вот и жили до 1956 г. с клеймом: предатели, изменники Родины, не получив ни образования, ни специальности. С детства работали на самых трудных работах, искупая свою вину перед Советской властью, не зная, чем провинились. Мне хоть в 1944 г. было 15 лет, а мои братья и сестры под стол пешком ходили, когда их отец воевал за правое дело, отстаивая честь и независимость страны, а они уже были предателями, их уже наказывало государство «по всей строгости закона».

Чендева Мария Ивановна

М. И. Чендева, болгарка по национальности, родилась в 1927 г. в деревне Софиевка Кировского района Крымской области. В 1941 г. она окончила семилетку и планировала поступить в техникум. Но началась война.

Мария Ивановна вспоминает: «3 октября 1941 г. немцы оккупировали мою родную деревню без боя, просто приехали в село на мотоциклах, начали наводить свой порядок: вместо колхоза – община, и управлять стал староста. Все ходили на полевые работы. Колхозное стадо сразу угнали куда-то. Особенно нахально вели себя румыны:

на частных подворьях забирали всю живность, какую видели, обижали девушек и молодых женщин. После работы часто мы пробирались в дом одинокого пожилого мужчины и у него сидели до позднего вечера, а часто и ночевали, считая, что к одинокому мужчине на поиски женщины для развлечения румыны не пойдут. В общем, намучились.

В 1943 г. нашу деревню освободили советские войска. Радости не было предела. Но пришли новые беды. Сначала отца мобилизовали в трудармию, а затем осудили и сослали в Магадан на 20 лет. А потом советское правительство решило и нас переселить. Прибыли в село солдаты и приказали быстро собраться. Нас у мамы пятеро. Я – самая старшая. Переселяют в июне, но ведь будет и зима, значит, надо взять на всех кой-какие теплые вещи, подушки, чтобы было, что постелить, чем укрыться. Кое-что мы с мамой собрали, положили в мешки. Когда сели в машины, стало тесно, места мало, ведь все что-то взяли с собой. Тогда солдаты на ходу машины стали выбрасывать мешки с вещами, и у нас ничего не осталось.

Привезли нас в Чистое поле Егоршинского района Свердловской области, прикомандировали к конезаводу нашу семью из восьми человек: маму, пятеро детей и ее старых родителей. Мне, шестнадцатилетней, пришлось работать наравне со взрослыми. Летом почти по три месяца то в лесу на заготовке сена, то в поле на уборке урожая. А в остальное время – работа со скотиной: коров пасешь или убираешь навоз из конюшен, а чаще – водовоз. Едешь за водой на речку, наливаешь в бочку двухведерными коваными бадьями, а потом на скотном дворе вычерпываешь из бочки ими же. Вся обольешься, обледенеешь за день, как статуя, точно в панцире, нельзя склониться. И простываешь без конца.

Так жили два года под наблюдением коменданта. Мог вызвать в два часа ночи то маму, то меня. В 1946 г. вернулся из плена мой дядя, его направили в Тавду, к жене. Он вызвал нашу семью в Тавду. Меня определили работать в кочегарку гидролизного завода. Никто моего согласия или желания не спросил. Приказ.

Работа трехсменная. За восемь часов столько угля перелопатишь, к концу смены кажется, что нет сил пошевелить рукой или ногой. А надо еще прошагать три километра до дома с грузом на плече: во время работы тихонько выбросишь полубревенно за изгородь завода, а после работы в сугробе его разыщешь и тащишь на плече домой, чтобы было чем истопить печку. Первый час ночи, темно, страшно. Я одна бреду с ворованным полубревенном по городу. А как голодали! Ночью ходили воровать на поля мороженую капусту, гнилую картошку или колоски. Дай, Господь, чтобы все пережитое не только не поветрилось, но и не снилось в страшном сне!»

Чакова

Парасковья Николаевна

П. Н. Чакова – гречанка, родилась в 1927 г. в деревне Асан-Бай Кировского района Крымской области, в крестьянской семье. В 1929 г. родители вступили в колхоз и добросовестно работали. Младшие дочери учились в школе, а старшая Васелина уже была замужем, имела двоих детей, когда началась война. Мужа ее взяли на фронт. Время стало беспокойное, фронт приближался. Люди старались держаться поближе друг к другу. Прятаться было негде. Собирались по несколько семей в одном доме.

Парасковья Николаевна вспоминает: «Дом наш был большой. У нас ютилось много родственников, соседей. Однажды ночью, когда все спали, в дом попало два снаряда: крышу сорвало, потолок пробило, убило 18 человек, в том числе моего отца, сестру, пятилетнего племянника Ванечку, а маму и сестру Васелину ранило. Из семьи Михаила Пантелеевича Казипиева убило двух сынов, тестя, теще оторвало голову – не могли найти, жена обгорела. Кто остался жив, побежали к соседям. Стреляют. Побежали в следующий дом. Было очень страшно, настолько, что не представить, если не видел своими глазами. Бой стих. Утром пошли рыть одну могилу на всех, и в ней без гробов похоронили двадцать дорогих нам человек. Сколько было горя, слез, причитаний женских – не передать.

Немцы подошли к селу без выстрела. Все побежали встречать, думали, что свои. Услышав чужую речь, помчались обратно в деревню. Фашисты стреляли вслед, многих убили. Погибли дети. Пришли фашисты в село, установили свою власть. Поселились в дома. Были, конечно, такие, кто дружно жил с ними, но таких было немного. Надежда не покидала, что наши придут, освободят. Тех, кто встретил врагов хлебом-солью, спрашивали: «Ты не боишься? Когда наши придут, что ты скажешь им?»

Скоро оккупанты все, что можно было съесть, позабিরали у населения. Особенно усердствовали румыны. Их войска были снабжены продуктами питания плохо. Они жили впроголодь, только тем, что добывали сами. Женщин и подростков стали гонять на работу в поле. Если через село немцы вели пленных, женщины, ребятишки хватили, что есть в доме: хлеб, картошку, – догоняли колонну и пытались пе-

редать пленным. Конвой не подпускал, но женщины, особенно подростки, успевали хоть немного передать.

Наконец дождалась освободителей. Восстановили колхоз, все стали работать. Хотя и голодно было, тяжело, но на душе радостно. Надеяться, что все наладится, опять будем жить нормально.

И вдруг 12 июня 1944 года, в 2 часа ночи, пришли в дом военные и сообщили, что по постановлению Советского правительства мы переселяемся на новое место жительства, 2 часа на сборы. Машина уже ждала за деревней.

Я оделась и стою, жду всех. Думаю: ненадолго куда-нибудь увезут. Еще не поняла, что мы – предатели.

И люди потянулись с детьми и кошельками за деревню. Ночь. Темно. Привезли на станцию, погрузили в телячьи вагоны битком, по 6-8 семей. С двух сторон вагона нары, а мы сидим посередине вагона на полу. Сидя и спали. Поплачем, попоем – все было, молодые были.

26 июня 1944 г. привезли в Артемовский, повели строем под конвоем мыться в баню. Торопят. Вывели в раздевалку мужчин, женщин, девушек и приказали одежду не трогать. Комиссия голых нас разглядывала и отбирала, кто годен для работы в шахте, кто не годен – на сельхозработы.

Привезли на Буланаш, поместили в барак № 10 по две семьи в комнату. Клопы, комары не давали жить. Залезем в матрацы – все равно кусают. В свои семнадцать работала в шахте навальщицей, а потом в душевой шахты.

Семью не создала. К войне исполнилось 14 лет, а потом побежали годы: война, оккупация, буланашская каторга. Работала в шахте, выполняла непосильную работу, какую скажут; без разрешения команданта в Артемовский не сходи. Сколько трагедий за свою жизнь пережила – страшно вспомнить».

Да, много пришлось пережить этой женщине, но она осталась человеком светлой души. Чужое горе ее волнует, старается всем помочь. У нее много друзей.

Бирюкова (Криони) Вера Марковна

В. М. Криони родилась в 1934 г. в д. Сеид-Асан Крымской области в семье колхозников. Сиротой осталась трех лет, когда в 1937 г. в одну ночь арестовали ее деда – Илью Криони, отца – Марка Ильича Криони, двух его братьев – Афанасия Ильича Криони и Константина Ильича Криони. Дед Илья и три его сына были осуждены Тройкой УНКВД по Крымской области к 10 годам исправительно-трудовых лагерей без права переписки и отправлены отбывать наказание в г. Котлас.

Когда Вере исполнилось десять лет, то она, ее мать Степанида Ивановна, бабушка Ольга Ильинична и две ее тети были отправлены на спецпоселение в Артемовский.

Вера Марковна вспоминает: «Приехали в Егоршино днем 26 июня и до вечера ждали на улице, когда и куда нас поведут. А люди подходили, разглядывали и удивлялись: «Такие же люди». Видимо, раз предатели, то должны быть не такими, как все. Вечером пешком повели в город, в баню, а потом, почти ночью, – в Егоршинский совхоз. 27 июня мама уже пошла на работу в овощеводческую бригаду. Я училась в школе. Хлеба давали мало – мне 300 граммов. Через год перевели на Буланаш. Мама стала работать в шахте. А когда вывели из шахты, техничкой в душевой. Я окончила 7 классов и тоже спустилась в шахту на выборку породы. Так что лиха хлебнула сполна. Там и с мужем встретилась. А теперь и два моих сына – шахтеры, династия шахтерская получилась. Пути господни неисповедимы».

Кушечвая (Виниосова) Любовь Николаевна

Л. Н. Кушечвая родилась в 1926 г. в деревне Сеид-Асан Кировского района Крымской области. Ее семья состояла из трех человек: сама Ятоба Виниосова (будущая Кушечвая), ее мама, Катерина Константиновна Виниосова, бабушка, Мария Юрьевна Стомати. Отец арестована 1937 г. как враг народа.

В два часа ночи с 12 на 13 июня 1944 года пришли представители НКВД и объявили: «Вас будем выселять как изменников Родины». Когда хозяйки возмутились, на каком основании их называют изменниками Родины, и заявили, что с места не сдвинутся, им пригрозили пистолетом и добавили: «Если есть золото и швейная машинка – выставляйте!» Машинка швейная, конечно, была, ее забрали.

Делать нечего, вся деревня всполошилась, значит, выселяют всех. Катерина Константиновна накопила в дорогу картошки, сорвала лучку, пошла прощаться со своей любимицей-кормилицей коровушкой. У той из глаз текли слезы. А когда хозяйка пошла со двора, корова билась, пытаясь оторваться от телеги, к которой была привязана. Провожали изменников Родины только собаки. Они с вечера выли всю ночь и бежали за машинами, пока те не скрылись из вида.

В шесть утра уже были на вокзале и вместились в вагон вместе с другими шестью семьями. Везли на восток долгие две недели. Мария Демьяновна Узунова успела даже родить ребеночка в этом вагоне, битком набитом, на виду у всех.

26 июня прибыли в Егоршино – и в баню. А потом вывели всех в раздевалку и голых разглядывала комиссия, нет ли больных, прокаженных. А Ковыршин, начальник шахты, отбирал в это время кадры себе: показывал рукой на тех, кто, по его мнению, гош, и произносил: «В шахту!»

27 июня Люба прошла технику безопасности, а 28 уже работала лесогоном в шахте. Однажды пришла на вторую смену, начальник участка Семен Костромин дает наряд:

– Поидете сегодня с Кисеевой Катериной в забой. Берите топор, молоток, лопату.

Девушки возмутились:

– Мы голодные. Не сможем выполнить эту работу – сил нет.

– Берите и идите. Решение Ковыршина.

– Не пойдем.

– Тогда объясняйтесь с ним сами.

Пошли к начальнику, объяснили, что одной 17 лет, другой – 18. Какие мы забойщики?

– Ничего, справитесь. Вы знаете, кто вы такие? – и многозначительно разъяснил: «Предатели».

Девушки заплакали и пошли в забой. Слезы текли и текли, а Люба с Катей работали и работали: уголь отбили, пропустили и закрепили станок. Парни сказали им: «Больше наряд такой не берите, а то начальство сядет на шею».

На следующий день тот же наряд. Отказались. Сидели часа 3-4 без работы, забастовали. И своего добились: получили другой наряд – лесогонами.

Любовь Ильинична Кушечкина вспоминает: «В 1946 г. вышла замуж. Работала тогда я навальщицей. Забеременела. Живот уж большой стал. Отгрести уголь от забойщика трудно: наклонюсь для работы – живот в желоб опускается, уголь задерживает. А отстраниться некуда: ширина лавы – один метр. Забойщик матерится, что не успеваю отгрести уголь. Я плачу. А больница декрет не дает, наверное, все потому же – предатель. В декретном отпуске до родов была всего 7 дней. На восьмой день родила сына, да после родов – месяц. Но самое интересное, как шахтер получала хлеба 1 кг 200 граммов, а когда находилась месяц в послеродовом отпуске, на то время давали только 800 граммов, так заботилось о роженице родное предприятие, чтобы восстановила силы для работы в шахте.

Оставила месячного сыночка и опять спустилась в забой навальщицей. Работала по 12 часов. Молоко в грудях накопится – подмышкой катыши образуются. Работать невозможно – больно. Уйду за костер и грязными руками сцеживаю. Забойщик опять матерится: «Отгребай!»

Пока работала в шахте, родила двух сыновей. Шахтерам положены были резиновые сапоги – спецодежда. Мы, крымские, новых не получали, а только б/у. Кладовщик пьяный хвастает, бывало: «Новые сапоги свез в деревню, променял на самогон, а крымским и б/у ладно».

Так до 1956 года и оставались мы предателями, которым кроме каторжных работ и не положено ничего».

Архапчева

Мария Дмитриевна

М. Д. Архапчева – гречанка, 1925 года рождения. Выросла в деревне Сеид-Асан Кировского района Крымской области.

Когда я попросила Марию Дмитриевну рассказать о своей жизни, она удивилась: «А что рассказывать? Светлого в жизни ничего почти и не было с той поры, как остались сиротами. Отец рано умер, у мамы осталось нас трое. Я – самая старшая. К войне мне исполнилось шестнадцать. Я закончила восемь классов, соби- ралась поступить в медицинское училище города Феодосии. Но нача- лась война.

Гражданское население мобилизовали на укрепление Перекопского перешейка. Мы, девушки, вместе с солдатами рыли противотанковые рвы. Вырыли, в Крым не могли пройти ни советские, ни немецкие танки. Но фашисты без танков заняли Крым. Перед этим вдруг военное начальство исчезло, а солдаты остались в селе, работа продолжалась. После трех дней безвластия ночью немцы заняли село. Солдат они застали спящими и всех арестовали. Нас заставили продолжать работу, теперь уже под присмотром румын. Начался тиф. Я заболела. Три дня работала с температурой. Остановиться нельзя – прибьют. Фашисты, видимо, испугались эпидемии тифа,

гражданское население отпустили по домам. Мы пошли, но я идти не могла. Девушки тащили меня под руки, только чтобы я шла, не упала, а то фашисты пристрелят.

Родное село уже было занято, и мы скрывались на хуторе. Там прятали и корову, удалось сохранить, ведь румыны уводили со двора всякую живность. Они грабили дома, насиловали девушек и женщин.

Когда советские войска освободили село, мы вернулись домой. Не прошло и месяца, как в четыре часа ночи раздался стук в двери. Объявили, что по распоряжению правительства нас переселяют, приказали собраться за два часа. Повезли нас в телячьих вагонах в глубь страны. В пути кто-то терялся, кто-то умирал, кто-то рожал. Однажды на остановке поезда с подругами пошли на колодец за водой. На путях стоял состав, из открытых дверей солдаты закричали: «Девушки, заходите к нам!» Подошел молодой офицер и сказал: «Вы знаете, кто эти девушки? Это же предатели, в этом составе их везут на Урал». Так я и узнала, что мы – предатели.

Потом – Буланаш и каторжный труд в шахте четырнадцать лет. В 1958 г. вывели из шахты на поверхность, еще тринадцать лет работала рукоятчицей-сигналисткой шахты «Буланаш 2-5». А сколько перенесено унижений, насмешек! Ведь, перед тем, как привезли нас на Буланаш, парторг шахты провел с рабочими беседу: «Привезут предателей Родины, изменников, что помогали фашистам. Больные они, общаться с ними нельзя. Достойны только презрения». А парни сели у шахты и ждут нашего появления, любопытно им, какие предатели. А увидев нас, выдали: «Какие они больные? Нормальные девчата, красивые!» Это парни так рассудили, а девушки и женщины увидели в нас соперниц, ведь мы с их парнями и мужьями работали в шахте. Да как работали! Молодые, красивые, было чего бояться. Вслед нам кричали обидные слова, обзывали предателями. Даже продавцы в магазине вели себя так, что нам продавали только самое плохое, никому не нужное. Бывало, продавец кричит: «Женщины, чулки привезли!» Через наши головы бросает и приговаривает: «Крымским не давайте».

Моя младшая сестра училась в школе, пришлось бросить учебу: ученики обзывали фашисткой и забрасывали камнями. Вместе со мной спустилась в шахту моя шестнадцатилетняя сестра Прасковья Дмитриевна, работали в лаве навалыцицами. Как 12 часов поотгребаешь уголь в ночь, идешь домой – шатает. А какой отдых? Маленькая комната в бараке на четверых. Кровати всем поставить некуда. А в коридоре то женщины свару затевают, кричат на весь коридор, то ребяташки бегают, играют, дерутся. С большой головой идешь на

работу опять на 12 часов. Шахты водяные, резиновые сапоги давали бывшие в употреблении, ноги мерзли, а в низкой лаве отгрести уголь приходилось на коленях. Сестра, проработав 7 лет в лаве, получила ревматизм ног. Если уходила на больничный, начальник участка приказывал врачу: «Спиши ее с больничного листа, работать некому». А когда до выработки подземного стажа осталось полгода, так он сказал: «Больных на участок не нужно». Потеряв здоровье в шахте, Прасковья Дмитриевна рано ушла из жизни, оставив двух дочек сиротками. Мне и пришлось их растить.

Так вот и прошла жизнь в труде, бедах и переживаниях. А теперь вот болезни мучают, все, что пережито, сказалось, особенно шахта о себе не дает забыть».

В заключение разговора я спросила: «Какие же награды, Мария Дмитриевна, за ваш нелегкий каторжный труд?» «Обо мне начальство говорило: «Самый безотказный человек». Сколько надо, столько и работала. Не вышла сменщица – две смены работаю. А куда бы ни выдвинули – нельзя, предатель. В депутаты – нельзя, в делегацию – нельзя, на награды – нельзя. Только уж после 1956 г. стало можно меня депутатом избрать. Работала три созыва депутатом Буланашского поссовета».

Марии Дмитриевне присвоено звание «Ветеран труда шахты «Буланаш-2/5», «Отличник угольной промышленности СССР», награждена медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд», «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Макаров Петр Петрович

Живет в поселке Буланаш Петр Петрович Макаров, внук Макаровых Егора и Пелагеи, которые жили в Крымской области, вырастили пятерых сыновей. В селе у них был дом, в котором жил их сын Петр Егорович с молодой женой Марией Васильевной. Когда началась Отечественная, Петру и Маше было по двадцать пять лет, а их единственному сыночку, Петру Петровичу, – два года. Все сыновья Егора Макарова, кроме Ефима, жили в своем селе, работали в колхозе. Ефим служил во флоте, со своей семьей жил в Севастополе.

Сам Егор Макаров с женой Пелагеей больше жили в лесу, в служебном доме, так как работал Егор лесником. Лес охранял исправно, в округе его уважали. С началом Отечественной войны Егор с Пелагеей не переехали в село, хотя в лесу жить становилось опасно. Остались на боевом посту: быть в курсе передвижения немецких войск – эти сведения были необходимы районному подполью и партизанскому отряду. Лесник и его жена стали связными между партизанским отрядом и подпольем.

Четыре сына Егора: Петр, Иван, Григорий, Константин – ушли в партизаны. Они выросли в лесу, знали отлично в нем все тропки и дороги. Поэтому чаще других их посылали в разведку, да и за продовольствием в село чаще других ездили они. Приходили в дом отца, в котором во время оккупации села немцами жили только Мария Васильевна с сыночком Петей. Хоронились на чердаке или в конюшне, пока Мария Васильевна ходила к старосте Григорию Радченко узнать, когда можно будет партизанам Макаровым приехать за хлебом и другим продовольствием. Все это стоило Марии Васильевне нервов и здоровья: ведь, если немцы узнают, что в доме хоронятся партизаны, конец будет и ей, и ее сыночку. Но эта беда обошла. Муж и его братья попали в руки немцев вне ее дома.

История партизанской семьи Макаровых закончилась тем, что глава семьи Макаров Егор и его жена Пелагея были расстреляны немцами в партизанской балке. Еще раньше здесь же были расстреляны их сыны Григорий и Константин. Петра и Ивана немцы подстерegli, когда те повезли из села хлеб партизанам. Их схватили и сначала держали в тюрьме, потом погнали в Германию. По дороге Петр и Иван сумели сбежать. Пробирались через всю Белоруссию, Украину в родной Крым. Но вновь были схвачены и посажены в симферопольскую тюрьму. Когда советские войска стали освобождать Крым, немцы решили всех арестованных расстрелять. Первую партию увели за город и расстреляли, в ней был Петр Егорович Макаров. С остальными расправиться не успели: в тюрьму ворвались советские войска. Только один из четырех братьев, партизан Иван Егорович Макаров, остался жив.

Марию Васильевну Макарову с пятилетним сыночком Петей в 1944 году выселили из Крыма на Буланаш, отлучили от родины. Марию Васильевну загнали на каторжную работу в шахту, и до 1956 г. она обязана была регулярно отмечаться у спецкоменданта в городе, что жива и не сбежала. За что же такое наказание? Ответ прост: болгарка по национальности. Никто не поинтересовался, как пережила эта женщина расстрел немцами мужа, двух его братьев, свекра со свекровью, сколько страха натерпелась во время оккупации села немцами, которые знали, что все родственники ее мужа в партизанах, спала ли она хоть одну ночь спокойно, когда на чердаке ее дома находились ее муж или кто-то из его братьев или друзей, пришедших в село по делам. Болгарка – доверия нет.

Так Петр Петрович, которого немцы осиротили, расстреляв отца, деда, бабушку, двух дядей, пятилетним был репрессирован. И хотя родина его – лучезарный Крым, вырос он в поселке Буланаш, и буланашская шахта стала его судьбой.

Майстренко Василий Григорьевич

В. г. Майстренко родился в 1924 году в селе Вертеевка Богодуховского района Харьковской области, в семье крестьянина. После окончания неполной средней школы, в 1939 году, поступил в Харьковский энергомеханический техникум. Со второго курса ушел работать на завод, где застала его Отечественная война. Вернулся в село и вместе с родственниками решил эвакуироваться. Шли колонной на восток, но двигались медленно, так как дороги забиты войсками и грузами, двигающимися в сторону фронта,

и эвакуирующимися. На седьмой день путь преградили немецкие войска. Все, кто мог, разбежались и укрылись. Василий вернулся в родное село.

18 июня 1942 года в числе других юношей и девушек был вывезен в Германию. Пытался бежать, но был пойман. Привезли в город Штутгарт, определили работать на завод «Мерседес». В июле бежал, но был задержан и отправлен в гестапо, где жестоко был избит и направлен в концлагерь Дахау. И второй побег оказался тоже неудачным, был задержан в городе Эслинген. Опять гестапо, опять Дахау, где испытал все жестокости и муки с 1942 по 1945 год.

В конце апреля 1945 года всех заключенных по распоряжению Гитлера погнали в Альпы на расстрел, и только немногим удалось остаться в живых. Василий сумел вновь бежать. Первого мая 1945 года освободили американцы. В июне переправили в зону, оккупированную советскими войсками. Вскоре мобилизован полевым военкоматом в городе Бреслау и зачислен в 173 запасной полк, а в составе рабочего батальона этого полка двадцатого октября 1945 года прибыл в Артемовский восстанавливать промышленность Урала. Работал в стройконторе треста «Егоршинуголь». После окончания Харьковского техникума промышленного транспорта в качестве техника шахтного подземного транспорта вернулся в поселок Буланаш и работал на шахтах треста «Егоршинуголь».

Пузенко Демьян Никитич

Д. Н. Пузенко родился в 1922 г. в небольшой белорусской деревне Може-сетки Могилевской области. Отец его, человек грамотный, до Октябрьской революции уезжал на заработки в Америку, так что жизнь повидал, в колхоз вступить отказался. Арестовать его пришел наряд ОГПУ, но он, хороший охотник, знаток укромных мест, схоронился в лесу на первое время, а потом и работу нашел, да восемь лет домой и не возвращался.

Осенью 1930 года семью раскулачили, увели со двора лошадь корову, унесли кур, разобрали надворные постройки. Все это настолько потрясло мать, что она попала в психиатрическую больницу. Дети (младшему четыре года) остались одни. И не гуманное государство оказывало им внимание, а родственники и соседи помогли выжить. Хотя время было трудное, голодное, им тоже было нелегко, но детей не оставили в беде.

В это самое время Демьян начал учиться в школе, путь до которой был несколько метров. Можно было добежать и босым, и раздетым, и полуголодным, а порой и голодным. Особенно голодно было в 1933 г. Подошли даже охотничьи собаки отца. Летом питались травой, ягодами, грибами. Зимой делали метлы и возили их на санках продавать в Могилев, за 17 километров. Раскупали метлы плохо, выручка была мала.

Братья решили, что Демьян при всех трудностях должен учиться – пусть хоть один грамотный человек будет в семье. В селе была только начальная школа, семилетка – за пять километров, а средняя – за десять. Сколько трудностей пришлось перенести, но учиться не бросил и в 1940 году закончил учебу. Молодому человеку получать аттестат за среднюю школу было не в чем идти. В лохмотьях, в которых учился, не пойдешь же на торжественный вечер. И педсовет выделил деньги на покупку брюк и рубашки, как бы наградил за хорошую учебу. В то время юноша, окончив среднюю школу, обязан был идти на воинскую службу. Собрался в Красную Армию и Д. Пузенко, но из-за слабого здоровья призывная комиссия дала отсрочку на один год, т. е. до 1941 года. Стал думать, как использовать это время, чтобы суметь получить специальность. И Демьян поступает на шестимесячные учительские курсы в Могилевский пединститут. Только

окончил их – война. Уже в первые дни войны немцы начали бомбить их областной центр, город Могилев. Вскоре через деревню пошли на восток наши войска, не сумевшие оказать сопротивление врагу. Население было в растерянности.

Первым на деревенскую улицу въехал немецкий бронетранспортер. Немцы ехали открыто, смеялись, целясь в людей, но не стреляли. Солдаты были молодыми, сытыми, в гимнастерках с засученными рукавами, каски привязаны у пояса. Видно, что сопротивления не ожидали – завоеватели.

Следом начала прибывать другая техника. Так началась оккупация. Колхоз оккупанты не разогнали, так как получать продовольствие выгоднее оптом, чем собирать с каждого двора. Сельчане начали заготавливать корма для колхозного стада, работали на фермах. Пришла пора и урожай собирать. Зимой стали колхозников посылать и на другие работы, например, переделывать железнодорожное полотно под европейскую колею. Назначили старосту вместо председателя колхоза, появились полицаи. Стали наведываться в деревню каратели, выискивая коммунистов, активистов, партизан и евреев.

Люди стали приобретать оружие. Если у кого-то его обнаруживали, их увозили в могилевскую тюрьму и расстреливали. Демьян с двоюродным братом тоже приобрели револьверы. Полицаи дознались, пришли домой к Пузенко, стали требовать оружие. Демьян отпирался. Выкрутился он из этой истории благодаря счастливой случайности. Но, когда в апреле 1942 года немцы стали отправлять молодежь на работу в Германию, Демьян был отправлен в первой же пятерке из деревни.

Привезли в Западную Чехию, в лагерь Комотау. Мужчин, что покрепче, разослали на заводы и шахты, остальных – к бауэрам, крепким фермерам. Д. Пузенко попал к фермеру, у которого было две лошади, шестнадцать коров, много свиней и птицы, около тридцати гектаров земли. Жили по-прежнему в лагере. Подъем в шесть утра и до вечера работа. Кормили плохо, мало. Все думы были о родном доме. В мае 1944 г. решили бежать. Нашли карту. Но о заговоре узнали немцы. И ребят в наручниках доставили в гестапо Карлсбада. Били. Не кормили. После двух месяцев следствия Демьян весил 45 кг. Но фермерам нужна была рабочая сила, лето – горячая пора. И юношей вновь отправили к ним. Те, то ли с радости, что вернулись нужные работники, то ли из боязни, что опять убегут, даже кормить стали лучше.

В мае 1945 г. освободили их американцы. Недели три откармливали, предлагали поехать в Америку, но желающих было мало. Все

хотели вернуться к родным очагам, тем более что советское командование заявило: «Родина ждет вас!» Началась фильтрация. Потом стали обучать военному делу. Но недолго. Пеший марш через всю Польшу по 40-60 км в день, – и 8 августа уже в СССР, станция Голобы, под городом Ковелем. Здесь опять обучали, но не обмундировали. Повезли в глубь страны. Куда – никто не знал. Думали, что везут на войну с Японией, тут и война закончилась с японцами, а их все везут не торопясь. Так и оказались на станции Егоршино. Здесь им объяснили, что нужно восстанавливать промышленность Урала после Великой Отечественной войны. Как долго восстанавливать придется уральскую промышленность, никто ответа не давал.

Д. Н. Пузенко определили работать в строительно-проходческую контору при тресте «Егоршинуголь». Пригнали на Ключи, поместили в барак, дали ватные брюки, фуфайку, шапку, валенки, хлебные карточки, но к работе не приступили: опять фильтрация. Сотрудники КГБ вызывали каждого, допрашивали, как и где жил до сегодняшнего дня, делали соответственно запросы, проверяли, верно ли сказал. Когда все о человеке узнают, дают вместо паспорта временное удостоверение. Каждый получает инструкцию: быть бдительным, слушать, о чем разговаривают окружающие в бараке и на работе, не разговаривают ли о политике, не рассказывают ли анекдоты на политические темы и о Сталине, не высказывают ли недовольство жизнью, работой. Если за кем-либо что-то подобное заметишь, сообщать о каждом, независимо от должности. Часто вызывали потом с такими «докладами».

Восстанавливать промышленность Урала Демьян Никитич начал со строительства клуба в поселке Ключи. Для фундамента клуба копал канавы, долбил камень. Орудия труда – кайло, ломик. День начинался с посещения столовой. Сразу сдавали талоны на завтрак, обед и ужин, все съедали и шли на весь день долбить камень. Уставали невероятно, к вечеру руки и ноги дрожали. Но есть было уже нечего. Позднее тем, кто выполнял норму, стали давать д/з – т.е. после работы можно было еще чуть перекусить. Не выполнишь норму – спать ложишься голодным. Получилось так, что с одной каторги попали они на другую.

К весне Д. Пузенко совсем потерял силы, пошел к начальнику и заявил: «Устал, больше не могу работать, переведите на другую работу, а то сбегу». Были и такие, которые сбегали. Их ловили и давали восемь лет тюрьмы. Пузенко пришел как раз вовремя: начальнику нужен был табельщик, сюда и перевели грамотного парня. Перевели, может быть, и на время, чтобы отдохнул немного, но парень оказался способным и ответственным, да и специалистов после войны было мало, по-

том перевели его в бухгалтерию. Дали направление на заочную учебу в Московский горный техникум на планово-экономическое отделение. После его окончания стал работать экономистом, а потом и начальником планового отдела АСУ-3. В общем, судьба отнеслась к нему благосклонно, но старое, пережитое в молодые годы, не забывается.

Сам он вспоминает: «На родину я получил возможность съездить только в 1951 г., т. е. почти через десять лет смог встретиться с родными. Втайне лелеял мечту – найду работу или устройусь учиться, в Артемовский не вернусь. Но не тут-то было: посмотрят на мое временное удостоверение – и тут же отказ, мягко так, мол, не можем прописать. Пришлось возвращаться обратно. Не имел права никуда выехать до 1956 г. А потом уже и смысла не было: создал семью, приобрел специальность, обжился. Так и остался здесь, привык.

Побережный

Николай Васильевич

Н. В. Побережный родился в 1923 г. в селе Матвиковце Городокского района Хмельницкой области, в крестьянской семье.

До Отечественной войны работал в колхозе. Буквально на третий день войны немцы заняли село. Люди продолжали выполнять ту же работу, что и до войны – не оставлять же урожай на корню.

В феврале 1942 г. Николая и других парней насильно мобилизовали на работу в Германию. В городе Штутгарте они работали на заводе. Николай на специальном станке чистил детали. Жить определили в здание цирка. Кормили три раза в день, но в рацион входили брюква, капуста и другие низкокалорийные продукты. Семнадцать человек возмутились, потребовали улучшенного питания. Когда повар-хорват после этого привез еду, объявил, что этим семнадцати приказано вообще еды не давать. Николай возмутился и стал требовать. Повар ударил его черпаком. Николай «дал сдачи». После этого инцидента эти семнадцать человек были арестованы и отправлены в комендатуру, признаны подпольщиками, работающими против Германии. На заводе объявили, что все 17 будут повешены.

В действительности же их отправили в концлагерь Дахау. Сразу были сняты отпечатки пальцев, сфотографированы. Заведено дело на каждого. Выдали одежду: рубашку, штаны, полосатый матерчатый пиджачок, пантофли – деревянные тапочки, в которых потом ходили круглый год, в холодное время давали носки. И присвоили Николаю Побережному номер 30788. От всей территории лагеря была отделена колючей проволокой часть территории для советских пленных. Все же остальные узники лагеря: коммунисты-немцы, французы, поляки, чехи, сербы, хорваты, венгры и др. – жили на одной общей территории. В центре лагеря стояла виселица, что сделаешь не так, не по их правилам – живо вздернут. Рядом чадили печи крематория. Кормили ужасно плохо, ежедневно гоняли на работы. Работали на заводе, на плантациях, делали уборку территории лагеря и города. Работать нужно было без отдыха, например, на плантации – не расклоняться, иначе охранник с вышки мог застрелить. Особенно тяжело было курящим. Они часто за папироску отдавали свою пайку хлеба, которая была меньше четверти мужской ладонки. Отказывая себе даже в этой скудной еде, узники быстро теряли силы и гибли. Из 17 парней, которые вместе с Николаем были арестованы на немецком заводе, выжили только он и Василий Майстренко. Да и вес их был бараний: Николай весил 43 кг. За малейшую провинность жестоко наказывали. Однажды Николай плохо вымыл свою тарелку, так его привязали к умывальнику, открыли кран, и вода капала ему на голову несколько часов. Голова гудела, казалось, раскалывается от боли, все части тела занемели, ныли от усталости. Но «процедуру» сам не остановишь. На том месте головы, на которое капала вода, волосы никогда больше не выросли. Все время мучил голод.

Иногда были горькие «праздники». Гоняли на плантации полоть или убирать овощи: лук, редиску. Расклоняться нельзя, надо быстро работать, так овощи, не очищенные от земли, успевали затолкнуть в рот и жевать. Иногда удавалось в помоях около кухни найти лушпайки (очистки картофеля), их грызли медленно, чтобы продлить удовольствие.

Узникам лагеря Дахау почти всем, кроме русских, разрешалось писать домой письма. Они периодически получали посылки из дома и от Красного Креста. Иногда кое-чем делились и с русскими, перебросив через колючую проволоку курицу или что-нибудь из съестного. Русским узникам письма домой писать не разрешалось, и советский Красный Крест им ничего не присылал.

К Дахау в 1945 г. начали приближаться советские войска, и в конце апреля всех узников лагеря построили в колонну и погнали

на расстрел в предгорья Альп. Но, видимо, припозднились выйти: успели добраться только до города Вольфрацхаузен. Остановились в лесочке, узникам сказали, что ждут дальнейших указаний. Тут 1 мая 1945 г. прибыли американцы и освободили от немецкой охраны.

Два месяца жили в американской зоне. Кормили досыта: в рацион входило сало, масло и даже вино. Вес некоторых бывших узников увеличился вдвое. Николай стал весить 83 кг, против 43. Американцы предложили поехать на жительство в США. Нашлось не очень много желающих, но были. Остальных передали советской спецкомендатуре. Прошли фильтрацию, и всех стали обучать военному делу. Потом повезли в глубь страны, сказали, что везут на японский фронт, но не обмундировали. Дальше Урала уехать не успели, получили весть, что война с Японией закончилась. 19 октября 1945 г. привезли в Егоршино. 240 человек определили работать на шахты «Буланаш 1/2» и на строительство шахты «Буланаш-3», а других – на шахты «Ключи», «Бурсунка», им. Кирова. Всех поставили на учет в комендатуру, расконвоировали. Так узники Дахау спустились в шахту и стали шахтерами.

Чендев Николай Васильевич

Н. В. Чендев родился в 1924 г. в горном селении Кишлав Крымской области, в большой семье чабана Василия Дмитриевича Чендева, инвалида гражданской войны.

Николай в семье был последним, восьмым ребенком. Отец пас стада овец богатых горцев, а мать нанималась на поденную работу к ним. В двадцатые годы скопили немножко денег, и, когда Николаю исполнилось четыре года, семья переехала в степь. Сначала жили в землянке, потом построили дом.

В начале тридцатых годов семью раскулачили: двух лошадей и двух коров угнали и, устроив торги во дворе дома, продали тряпки и домашнюю утварь. Из дома сразу не вывели. А узнав, очевидно, что отец – участник гражданской войны, вернули одну корову и приняли в колхоз. Родители и старшие дети стали работать в колхозе, а младшие пошли в школу.

Николай учился хорошо, вступил в комсомол, выполнял комсомольское поручение – обучал неграмотных. Окончив семилетку, поступил в педучилище, но, когда ввели плату за обучение, пришлось перейти в железнодорожное ФЗУ. Началась война – ФЗУ сначала эвакуировали в Симферополь, а потом всех учащихся распустили по домам.

Николай стал работать в колхозной кузнице молотобойцем. Некому было лошадь подковать, так как мужчин забрали на фронт. Продолжал работать в кузнице и после оккупации их села немцами.

Николай Васильевич вспоминает: «При немцах слово «колхоз» заменили словом «община», во главе которой стоял староста Григорий Радченко. Это был умный человек. Делал вид, что служит немцам, выполнял их определенные требования. В селе навел порядок: организовал КПЗ, издал приказ, чтобы после шести часов вечера никто на улице не появлялся. Мы, молодые парни, патрулировали. Всех, оказавшихся на улице после шести часов вечера, отправляли в КПЗ, главным образом для того, чтобы никто не видел, как приезжают ночью в село партизаны, нагружают подводы хлебом и увозят его.

В нашей деревне жило несколько национальностей: русские, болгары, греки, татары, цыгане – все жили дружно, никого не предавали, доносы немцам не строчили. Стремилась друг другу в беде помочь – не то что в соседних селах, где встречались люди такие, которые стремились выслужиться перед немцами.

Со мной был такой случай: немцы проезжали селом, им нужно стало перековать лошадь. Подъехали к кузнице. А у меня рашпиль был уже старый, стерся. Я работаю, но дело движется медленно. Немец достает новенький рашпиль и подает мне. Я отказался взять, сказав, что мой хороший, лучше, чем его. Что тут было! Немец «взбеленился», понимая, что это оскорбление ему: я не беру лучший рашпиль только потому, что дает мне его враг, которого я презираю. Тут же он меня к стенке и приготовился дать автоматную очередь. Не было бы тут Радченко – конец бы мне.

В январе 1942 г. нас, двенадцать парней, из деревни увезли в Вену, где работали на некрупном заводе «Сович». Только советские войска освободили Вену, мы через три дня пошли на восток. В Венгрии собралась уже большая группа, нас взяли в армию, в запасной полк, обучали военному делу шесть месяцев. 20 мая 1945 г. вдруг всех болгар из армии без формы и документов отправили в фильтрационные лагеря и «фильтровали» три месяца в концлагере «Новая Вена», потом пешком в Чехословакию, два месяца – в замке Братислава и до декабря 1945 г. – г. Хиров в Белоруссии. Каждое утро проверка, потом допросы, наводят справки, опять допросы, встречи со свидетелями. Наконец дали справку, сухой паек и билет до станции Егоршино. Здесь – на учет в комендатуру и работать в шахту. Отмечаться у коменданта раз в месяц. Иногда комендант сам приезжал из Артемовского на Буланаш, нужно было успеть отметить у него. Если же не приезжал, после работы в шахте мужчины и женщины

шпионажем. Все 241 человек стали горнорабочими. Жили в бараке с трехъярусными кроватями, сваренными из железа. Было трудно первое время, потому что парторг П. С. Устинов постарался настроить против нас всех рабочих шахты, что мы – враги, общаться с нами нельзя. Все, с кем мы вынуждены были общаться, смотрели на нас «волком», презирали. Но постепенно это прошло. Девушки не только стали с нами общаться, но и выходить замуж за наших парней».

Первое время Иван Ефимович работал горнорабочим в лаве, но заметили, что он опытный шахтер, умеет помочь другим, научить их, выдвинули в горные мастера. Неволя, работа в шахте, очень плохое питание в течение трех лет лагерной жизни сделали свое дело, и Иван Ефимович заболел. Врачи предложили сменить работу. А как сменить? Никакой же другой специальности нет. В 1951 году администрация шахты решила направить его учиться в техникум. Опыт огромный, а диплома нет, пусть получит диплом, что даст возможность сменить физическую работу на умственную. Но «забастовал» парторг шахты: репрессированный, об учебе не может быть и речи. Учиться хотелось страстно, тем более что уже была семья, двое детей, надобно семью содержать, а здоровья нет. У Ивана Ефимовича в бессонные ночи созрело желание написать письмо Сталину, рассказать, как успешно работает их предприятие, какой вклад в выполнение и перевыполнение государственного плана вносят репатрированные. Все создали семьи, всё хорошо, но парторг не разрешает выехать на учебу или лечение. Письмо отправил с товарищем, который поехал в отпуск через Москву. Дошло ли письмо до Сталина, Ивану Ефимовичу неизвестно, но разбираться по письму с Иваном Ефимовичем прибыл первый секретарь Егоршинского РК КПСС В. П. Захаров. Допрашивал дотошно, кто научил писать письмо Сталину, что заставило. Ответил: нужда заставила.

Все закончилось тем, что разрешили ехать учиться, но характеристику секретарь парторганизации П. С. Устинов так и не подписал, чтобы не «подмочить» свою репутацию на всякий случай.

Техникум И. Е. Сероштан окончил с отличием, вернулся на Буланаш и работал начальником участка шахты еще 21 год. Всего шахтерский стаж Ивана Ефимовича 30 лет, а общий – 43 года. В трудовой книжке 32 поощрения, награжден орденом Трудового Красного Знамени, юбилейной медалью «За доблестный труд в честь столетия со дня рождения Ленина», знак «Шахтерская слава» второй степени.

Долгих три года, пока рубил уголь в немецких шахтах, кормил вшей в гнилых бараках, мерз, голодал, Ивана Ефимовича согревала мысль, что кончится этот ад, надо только выдержать, и вернется он

домой, в родную семью, где его, конечно, ждут мама, отец, три сестренки. Представлял, как он внезапно заявится, как они удивятся и обрадуются, ведь, поди, и живым не считают: три года весточки нельзя было послать. Но... дорога домой была заказана. Другая дорога привела Ивана Ефимовича Сероштана к нам на Буланаш на всю оставшуюся жизнь.

Никитин

Георгий Александрович

Г. А. Никитин родился в 1917 г. в Московской области, в крестьянской семье, в которой росло одиннадцать детей. После окончания сельской школы поступил в ФЗУ в городе Зарайске, где готовили рабочих высшей квалификации для кожевенно-обувной фабрики! Два года работал на фабрике рабочим седьмого разряда, получил направление на учебу в кожевенно-обувной техникум, окончить который не успел – в 1939 г. был призван в армию. Окончив школу младших командиров, в декабре 1939 г. прибыл на финский фронт. Воевал в тяжелой артиллерии резерва главного командования.

14 марта 1940 года война с Финляндией закончилась, их часть перевели в Молдавию, на границу с Румынией, в город Перемышль. Здесь Никитина застала Отечественная война. Георгий Александрович вспоминает: «Сумели немцам «дать по зубам» всего два раза. И вынуждены были отступить, так как противник оказался сильнее и количеством и качеством. Наши пушки были хороши во всех отношениях: дальновидность, меткость, сила. Они могли стрелять и на 100 метров, и на 10 километров. Мы их лелеяли и любили, как женщин. Но... нет снарядов, и мы опять отступаем. Одесса, Ростов, Харьков... В Харькове наш батальон попал в окружение, мы вынуждены были сдаться в плен. Нас более ста человек погнали в город Эссен.

Работал на погрузке и разгрузке вагонов, на подсыпке грунта. Условия жизни – как во всех лагерях: триста граммов хлеба на сутки, литр баланды из измельченной свеклы или брюквы, сваренной в воде, как свиньям. Бегали воровать, чтобы не подохнуть. Например, нужно разгрузить вагон на брата. Я дружил с Сергеем Морякиным из города Шахты. Работаем быстро, разгрузили два вагона и у надсмотрщика просим разрешение сбежать до хлебного магазина,

украсть хлеба. Он отпускает: «И мне принесите». Бегали, как собаки, быстро, все делали молниеносно, как жонглеры или каскадеры. Я был ловок, находчив, но были парни буквально сверхлюди: из любой ситуации выйдут победителями.

Однажды во время разгрузки вагонов поляк нам шепнул: «Скоро придет лес из Норвегии, погонят его на восток. Хотите бежать – готовьтесь». Мы с Иваном Занудой приготовили еду и воду. Поезд шел очень медленно, воды оказалось мало, стала мучить жажда. На одном из полустанков, уже в Польше, Иван решил выйти на поиски воды. Сразу: «Рус!» Словом, попались. Привели в полицию, где мы увидели такие приспособления для пыток, что представить невозможно. Предупредили: «Будете врать – будем пытаться». Сказали мы правду, и нас отправили в лагерь, только в другой, опять в Германию.

Скоро этот лагерь разбомбили американцы. Паника в городе, а мы воспользовались и побежали искать продовольствие. Теперь отправили в лагерь за город. Здесь зажили более свободно. Боевые, ловкие ребята выходили в город не только за продуктами, но и за шмотками. Сами «прибарахлились» и наделили товарищей. Немцы стали нас бояться.

Апрель 1945 г. Понимали, что немцам «капют» приходит. Стали думать: немцы могут с нами расправиться. Как избежать смерти? Сговорились вчетвером и ушли в лес. Затаились, прожили там неделю. Узнали, что американцы заняли город, вернулись в лагерь. Через 10 дней приехали в лагерь офицеры Советской Армии, выяснили, кто в каких войсках служил, и, согласно родам войск, создали из нас батальоны. Через месяц вывезли нас на машинах на территорию, занятую нашими войсками. Провели «фильтрацию» и отправили пешком в Западную Украину. Отмахали километров шестьсот, сопровождая различные грузы, стада коров и т. п.

Остановили нас в местечке Нужин. Прибыл полковник. Нас всех построили, и он сказал: «Уполномочен объявить, что вы – граждане СССР. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР, приказа министра обороны демобилизуетесь. Но по домам вас отпустить не можем, так как в стране очень тяжелое положение: нужно после войны восстанавливать хозяйство. Домой будем отпускать солдат, которые воевали. А вы поступаете в распоряжение распределенных войск и направляетесь в Свердловскую область».

Так оказалось нас человек 700 в Артемовском, здесь распределили одних на машзавод, других – в стройконтору, а остальных – по шахтам. Добыча угля сразу повысилась в три раза. Вскоре некоторых из нас стали выдвигать в мастера. В. И. Сызранцев, партор шахты,

запрещает: «Нельзя, им нет доверия, пусть работают на рабочих местах». Тогда я сказал главному инженеру шахты Сидоренко А. Р., что нам было объявлено: мы – граждане СССР и считаемся демобилизованными. Было написано письмо в ЦК партии с просьбой разъяснить, можно ли использовать нас на начальствующих должностях. Пришел положительный ответ».

Многие из этих людей получили новые профессии и прожили здесь не по одному десятку лет, большинство остались здесь навсегда. И Георгий Александрович Никитин создал семью на Буланаше. Работал сначала мастером, потом 29 лет – начальником участка. В КГБ не вызывали, но из виду не выпускали. Как выяснилось позднее, давали задания следить друг за другом, результаты наблюдений сообщать в КГБ. Так до 1956 г.

Абакумов

Иван Федорович

И. Ф. Абакумов родился в 1912 г. в с. Б. Трифоново Артемовского района. Жил в этом селе, работал, женился, растил двух сыновей.

И вдруг война. 1 января 1942 г. Иван Федорович был призван в Советскую Армию. Пришлось проститься с дорогой женой и малыши сыновьями. Участвовал в жарких боях за взятие Касторной, на Курской дуге, под станциями Старый и Новый Оскол.

Ночь на 13 апреля 1943 г. стала для Ивана Федоровича роковой. По приказу командования полка минометная рота, в составе которой воевал Иван Федорович, должна была пройти в тыл противника, окопаться, а на рассвете открыть массированный минометный огонь по врагу. Этим маневром намечалось создать замешательство в рядах противника. А советские передовые части должны были, воспользовавшись этой ситуацией, с ходу столкнуть фашистов с укрепленного рубежа и штурмом овладеть городом Сумы.

Но произошло непредвиденное. Немцы, разгадав замысел наших, бросили целый полк на уничтожение роты минометчиков. Иван

Федорович, раненый, полуживой, с группой в семь человек попал в руки врагов.

В вагонах, набитых до отказа, увезли в Германию более трех тысяч военнопленных. Через несколько суток эшелон остановился в немецком городке Дортмунде. В концлагерь «Веселая жизнь» немцы поселили около шестидесяти тысяч человек.

Иван Федорович с первых дней затаил мысль о побеге. Нашелся и единомышленник, Александр Зверев. Побег совершить сумели, но не прошли и двадцати километров, как были схвачены. Зверев не выдержал мучений, которым подвергали их немцы, скончался, а Ивана Федоровича чуть живым бросили в тот же лагерь, но уже в барак особого надзора под номером 326. Дали полосатую одежду и нагрудный знак № 83. С этого дня узник должен был забыть свое имя и фамилию. В этом бараке номера доходили только до ста. Если военнопленных набиралось больше сотни, их расстреливали или уничтожали другим способом. После побега узник был лишен лагерного пайка, и без того скудного, на несколько дней. Но товарищи по бараку, приговоренные к смерти, делились пайкой эрзац-хлеба. Здесь Иван Федорович испытал все, что характерно для концлагеря.

13 апреля 1945 года узников этого лагеря освободили американские войска. Сначала дистрофиков откармливали месяца полтора, потом стали уговаривать поехать на жительство в Америку, пугая тем, что Родина не простит предательства. «Будь что будет», думал И. Ф. Абакумов и решил вернуться домой, к семье. Был передан в числе других узников советским войскам. А дальше – фильтрация, возвращение гражданства СССР, но только тридцатипятилетнего Ивана Федоровича отправили не в Больше-Трифоново, к дорогой жене и детям, а в поселок Таштагал Кемеровской области на стройку, т. е. на принудительные работы. А самым страшным было то, что не известно было, какой срок придется здесь жить: год, два или всегда. Документов на руках – никаких.

На фронте и в концлагере скучал Иван Федорович по своей семье. Бывало, закроет глаза и видит: родное Б-Трифоново, мысленно идет он по улице, вот и его дом, около дома резвятся его сорванцы, увидели отца – бросились к нему наперегонки; а в доме милая жена собирает ужин. И много других картин рисовал мысленно Иван Федорович, чаще других – как встретят его жена и повзрослевшие сыны. Никогда и в мыслях не держал предать жену, сыновей. Но.. обстоятельства иногда бывают сильнее человека, жизнь ставит свои проблемы, и приходится их решать.

Истосковался мужик по женской ласке, да и конец срока неизвестен. А тут замелькала перед глазами Машенька, молодая, стройная. И соблазнился Иван Федорович. Тут и детишки появились. Стал строить свой дом. Но не прижился Иван в Таштагале. Родина тянула, звала. И как только появилась возможность, появился Иван в родное село... с новой семьей: молодой женой и малыши детьми.

Как осуждать его? Кто тут виноват, что Иван Федорович оставил свою первую семью? Думаю: не он и не его жена Мария Ивановна, а обстоятельства... Ведь не по своей вине пришлось И. Ф. Абакумову больше десяти лет отсутствовать дома.

Зуев

Анатолий Никитич

А. Н. Зуев родился в 1926 г. в д. Кондратьево Сухоложского района Свердловской области, в крестьянской семье. Окончил пять классов сельской школы и пошел зарабатывать кусок в родном колхозе «Беднота».

Началась война, вынесет разве сердце отсиживаться в тылу, когда на фронте идут кровопролитные бои, когда в деревню приходят похоронки, стон стоит от горя и слез. Решил Анатолий, что его место на фронте. Но... мал, не взяли. Дождлся. Как только стукнуло 17, в 1943 г. ушел добровольцем на фронт. Воевал на первом Белорусском, участвовал в боях на Висле, брал Варшаву, где получил ранение в ногу. С боями прошел всю Польшу, форсировал Одер, штурмовал Зееловские высоты, участвовал в штурме рейхстага. В один из последних дней войны был тяжело ранен. Полгода провел в госпитале – и дальше воинская служба. Учитывая состояние здоровья и ответственность Анатолия, его назначили заведующим артиллерийскими складами группы оккупационных войск в Германии. Охраняли вверенные ему склады войска НКВД. Молодой, красивый, щеголеватый начальник многих раздражал, вызывал зависть. Они несут службу, дисциплина, с поста не уйдешь, а он вроде бы и не служит, сам себе хозяин. Улучили момент, когда нагадить этому щеголю. Непосредственный начальник Зуева, капитан, лег в госпиталь подлечиться, Зуев остался на складах один.

21 августа 1947 г. его арестовывают. Суд в те времена был короткий. Сразу объявили приговор: за хищение, недостачу артилле-

рийских снарядов 20 лет исправительно-трудового лагеря. Зуев эти снаряды не принимал, не сдавал, никто их не считал, все они, или недостает сколько-то.

А в тюрьме-то... полковники, генералы. В январе 1948 г. всех эшеломом отправили в Карелию на лесоповал. Когда кончилась железная дорога, шли пешком, при температуре минус 27-30 градусов с ветром в хромовых сапогах, кителях, словом, кто в чем был схвачен в свое время. Люди замерзали на ходу, падали, а следом шли повозки, подбирали, увозили, наверное, хоронить. Анатолий Никитич выдержал это испытание, дошел.

Валил и пилил сосну для целлюлозно-бумажного комбината в Карелии. Потом его перевезли в Сибирь на строительство Сталинской железной дороги. С Надыма на Салехард везли в трюме парохода. Зэклов набито было, как сельдей в бочке. Жара, духота, пить не дают. Опять валил лес – вели трассу для железной дороги, той самой, Сталинской.

Зима, сибирские морозы. Обувка: чулки, чуть стеганные ватой, на них сверху чуни с подошвами из автопокрышки. Люди простывали, недоедали, гибли, как мухи. Анатолий Никитич и это выдержал. Научился делать шкатулки из соломки, отдавал их за хлеб, когда и за курево – этим держался. Но понадобилась рабочая сила в другом месте. Недели наручники на всех, побросали, как мешки, в самолет. А в самолете охрана с пулеметами. Выбросили «мешки» в поселке нефтяников Ухта.

Зона на 18 тысяч человек из старых бараков, где вместе и политические, и уголовники всех наций и «сословий». Работа на нефтяных шахтах на глубине 300-400 метров: били штреки, устанавливали буры. Трудился Зуев на погрузке песка -18 тонн в день. Тачки катали вручную. Не выполнишь норму – пайку не получишь. Если сдали силы, «заклюют», не поправиться. Люди умирали группами. Когда силы Анатолия были на пределе, перевели на лебедку. Стало легче. Появились друзья из политических, подкармливали: когда кусок хлеба дадут, когда и кружок колбасы перепадет. Разрешили раз в квартал посылки из дома. А что пришлют? В основном курево да мешочек крупки или сухариков...

Шел по кругу ада Анатолий Никитич все-таки не 20 лет, как по приговору, а только 7. В 1954 г. освободили, сняли судимость и даже награды выдали в КГБ Ухты... И нежданно-негаданно, как ни в чем не бывало, бывший защитник Отечества заявился домой при наградах. Только вот до сих пор просыпается Анатолий Никитич по ночам в холодном поту от кошмаров, врезавшихся навечно в память. С 17 до 28 лет, в самые лучшие годы, – война, ранения, тюрьмы, исправитель-

но-трудовые лагеря, где потерял свое здоровье. Не смог доработать до пенсии – инвалид второй группы.

Болобков Иван Иванович

Болобков И. И. родился в 1920 г. в семье крестьянина-середника в Белоруссии. В 1932 г. окончил начальную школу. В 1937 г. поступил в колхоз и сразу же от колхоза был направлен на учебу в школу РКШ, после окончания которой в 1940 г. получил диплом зоотехника. Через месяц был призван в Красную Армию.

Великая Отечественная война. 19 сентября 1941 года попал в плен во время Пиратинского окружения. В плену был до 1945 г. Освободили французские войска и передали советскому представительству в Дрездене. В Дрездене Иван прошел фильтрацию и вновь был призван в Советскую Армию, где прослужил до 1946 г.

После демобилизации в 1946 г. Иван был направлен горкомом КПСС работать участковым агрономом Закружской МТС.

После Великой Отечественной войны сельское хозяйство Белоруссии было в трагическом положении. Колхозники за свой труд ничего не получали, работать отказывались, особенно на ферме, так как скот падал. На совещании с председателями пяти колхозов и членами правления этих колхозов, что курировал И. И. Болобков, было решено выдать по 16 кг семенного зерна только работающим на фермах. Документально оформили, что выдали 7 центнеров отходов после очистки семенного зерна. Но так как правление колхоза не имело права списать даже 1 кг отходов без подписи участкового агронома, Болобков под решением поставил свою подпись. Кто-то быстро донес куда следует, и Иван Иванович Болобков был арестован и судим. Приговор: 25 лет заключения и пять лет поражения в правах.

Отбывал наказание в Воркуталаге. Работал на добыче каменного угля. Спецдежды никакой: в чем работаешь, в том же гонят в лагерь, в том же и спишь на совершенно голых нарах. Подъем в шесть часов, в семь часов завтрак: черпак каши с китовым жиром, французская булочка. Работали с 8 до 17 часов без обеда. Надо выполнить норму. В характеристике сказано: норму выполнял на 105%. После работы вторая кормежка: опять черпак каши, чай, 600 г хлеба. Это на все сутки хлеб. Люди гибли, как мухи от отравы. Воркута стоит, по словам И. И. Болобова, на человеческих костях.

После смерти Сталина все шахтеры Воркуталага, Кизеллага забастовали. Забастовка длилась месяц. Прилетело начальство во главе с Кругловым. Усмирили бастующих с помощью пулеметов. Жертв было много. Многих увезли в другие лагеря. Результат: запоры с

дверей и решетки с окон сняли, выдали спецодежду и постельные принадлежности: матрацы, подушки, одеяла, простыни. Всем работающим в шахте выдали пропуски, так как ходить на шахту стали без конвоя.

За период заключения Иван Болобков писал 16 просьб о досрочном освобождении. Отказ. В 1956 г. написал просьбу на имя Буганина и послал с освободившимися товарищами. Через 4 месяца выехала комиссия, Ивана Ивановича пригласили в комиссию и объявили: освобождаетесь со снятием судимости.

Реабилитирован в 1961 году. Живет в пос. Красногвардейском.

Михайлов Степан Андреевич, Костромина Елизавета Николаевна, Петрова Валентина Степановна

Почему я их записала вместе? Это одна семья. Когда создали семью Степан Андреевич и Елизавета Николаевна, как долго продолжалась их семейная жизнь, были ли они счастливы, осталось тайной. Можно только догадываться, что счастье в этой семье было недолгим. Когда им доходило по 26, вдруг Степаном заинтересовался военкомат. И предложил ему (вернее всего, приказал) поехать учиться в военное училище на 2 года: у страны нужда в командирах Красной Армии была огромной после большой «чистки» в 1937-1938 гг., а в 1939 г. уже началась II мировая война, значит, в срочном порядке нужно было готовить офицерские кадры.

Итак, в июне 1940 г. Степан Алексеевич Михайлов уезжает учиться в военное училище и оставляет Елизавету Николаевну, перекидчицу угля шахты Ключи», с трехмесячной дочкой на руках – Михайловой Валентиной Степановной. Елизавета Николаевна тяжело переживала отъезд мужа, но успокаивала себя тем, что муж станет командиром, а она – офицерской женой, избавится от тяжелой шахтной работы. Надо только подождать. И она ждала.

Успел Степан поучиться только год. В 1941 г. уже пришлось воевать. А в 1943 г. его судьба круто изменилась... Что произошло – остается пока тайной, только приходится догадываться, т. к. известно сегодня, что Степан Андреевич Михайлов, уроженец г. Артемовского Егоршинского района Свердловской области, 24 февраля 1943 г. осо-

бым отделом НКВД 13 армии был арестован, а 3 марта 1943 г. Военным трибуналом 13 армии на основании статьи 58-1 «б» УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

А. И. Солженицын (Архипелаг ГУЛАГ. М. 1989. Т. 1. С. 68-69) разъясняет: 58 статья состояла из 14 пунктов. Пункт I добавлялся за всякое действие (и бездействие), направленное на ослабление власти. А если к статье 58 добавлялся пункт I с буквой «б», человек, осужденный по такой статье, обвинялся в действиях, совершенных в ущерб военной мощи страны (чаще за сдачу в плен) и приговаривался к высшей мере наказания – расстрелу. Только при смягчающих обстоятельствах расстрел заменялся десятью годами.

Но смягчающих обстоятельств у С. А. Михайлова быть не могло уже потому, что его матерью была немка. Возможно, это и было главной причиной его расстрела, если он, не придав этому значения, еще в 1941 г., когда всех воинов немецкой национальности (207000 человек) в разгар жесточайших боев отозвали с фронта и эшелонами вывезли на Урал, в Сибирь и Казахстан, не известил начальство, что он – человек немецкого происхождения. Да он и не считал себя таким, ведь отец привез жену – немку на Урал еще до рождения Степана, и она здесь обрусела, свой язык почти забыла, т. к. разговаривать по-немецки здесь было не с кем. А когда это в 1943 г. выяснилось, тут уж ни о каких смягчающих обстоятельствах не могло быть речи: скрыл немецкое происхождение, остался на фронте с целью нанести «ущерб военной мощи страны». Так, вернее всего, и родилась для Степана Михайлова статья 58-1 «б». Но это мои домыслы, а не утверждения, хотя известно, что Елизавете Николаевне неоднократно напоминалось, что ее дочь немецкой национальности.

3 марта 1943 г. Степан Алексеевич Михайлов был расстрелян, а 11 сентября 1943 г. были арестованы его жена Елизавета Николаевна Костромина и трехлетняя дочь Валентина Степановна Михайлова.

Их-то за что? Они на фронте не были, не были ни в плену, ни в окружении, ни в оккупации, думаю, не подрывали военную мощь страны. Елизавета Николаевна арестована, как член семьи изменника Родины. Заметьте: не жена изменника Родины, т.к. их брак не был зарегистрирован, она не носила фамилию мужа, значит, женой назвать нельзя, но нельзя же оставить ее без наказания, коли имеет дочь, носящую фамилию изменника Родины. Позднее Елизавета Николаевна неоднократно напоминала дочери, что из-за нее отбывала пять лет ссылки – это еще говорит о том, что Степан пострадал из-за немецкого происхождения, если не полностью, то в большей степени.

И сослали мать и дочь в лесную глушь Кормиловского района Омской области. Брат- шахтер, семейный человек, и мать Елизаветы Николаевны очень просили девочку оставить им, мол, она ни в чем не виновата, зачем будет страдать. Не разрешили. Пусть дитя немецкого происхождения помучается.

Валентина Степановна вспоминает: «Хорошо врезалось в память, что в ссылку нас везли в вагоне без окон. Высадили в глухом селеении, в котором были только мазанки и землянки. Пол намазывали коровяком. Клопы, блохи изнуряли – на ночь около стен раскладывали охапки полыни, но помогало плохо. За дверями землянки сплошной лес, богатый травой, ягодами, грибами, птицей и зверями. Но ружья ни у кого не было, не охотились на птицу и зверя, чтоб использовать в пищу. Мама зимой возвращалась с работы поздно, ведь работала по 12 часов, а зимний день короток, я дрожала и плакала, что волки задерут маму. Летом жили на подножном корму, а зимой страшно голодали. Помню: соседка выбросила картофельные очистки, я собрала и на печке испекла их. Мама вернулась с работы, я ее угощаю, а она плачет. Я говорю: «Мама, что ты плачешь? Кушай!»

Население было разное, но больше немцы. Дети все предоставлены сами себе. Я общалась с ними, у них и училась говорить сразу по-немецки, а по-русски не умела, т. к. русских было немного на поселении, а мама со мной мало разговаривала: придет с работы уставшая, молчит или плачет. На последнем году нашей ссылки меня записали в школу, походила до холодов и бросила: нет ни обуви, ни одежды.

В 1948 г. наша ссылка закончилась, и вернулись мы домой. Мама спустилась опять в шахту и стала работать лесогоном – ГУЛАГ продолжился. Когда я пыталась расспросить маму о прошлом, об отце, она не рассказывала, говорила: «Это тебе знать ни к чему». Видимо, боялась, что я где-нибудь скажу о своем происхождении – и пойдем вновь на ГУЛАГ. Да и подписку, конечно, дала молчать».

Я читаю три документа о реабилитации:

«Михайлов Степан Алексеевич реабилитирован в соответствии со ст. 3 и 5 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 г.».

«Костромина Елизавета Николаевна реабилитирована 4 апреля 1989 г. по «Указу Президиума Верховного Совета СССР» от 16 января 1989 г., т. к. в ее действиях нет состава преступления».

«Гражданка Петрова (Михайлова) Валентина Степановна, 23 апреля 1940 года рождения, уроженка г. Артемовского, находившаяся в ссылке с 11.09.43 г. по 1.09.48 г. в Кормиловском районе Ом-

ской области вместе со своей матерью Костроминой Е. Н... реабилитирована 4 апреля 1989 г. прокуратурой Свердловской области на основании ст. 1-1 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. с последствиями и дополнениями».

Заметьте, уважаемый читатель: мать Костромина Е. Н. и дочь В. С. Петрова реабилитированы в один день – 4 апреля 1989 г., но согласно разным документам: мать – по «Указу Президиума Верховного Совета СССР», а дочь – по Закону «О реабилитации жертв политических репрессий». А отец С. А. Михайлов и дочь В. С. Петрова (Михайлова) реабилитированы по одному закону «О реабилитации жертв политических репрессий».

Можно сделать вывод: репрессированы были двадцатидевятилетний отец и трехлетняя дочь за одну и ту же вину. А какая вина перед Родиной могла быть у них общей? Думаю, только то, что в их жилах есть немецкая кровь. Похоже, что моя версия, за что Степана Михайлова осудили по ст. 58-1 «б», верна, почти верна, тем более что написаны и присланы эти справки о реабилитации всех троих, отца, матери и дочери, военной прокуратурой Уральского Краснознаменного военного округа в один день, 14 ноября 1996 г.

ЧАСТЬ VI

**Жертвы политических репрессий,
проживающие в г. Артемовском
и районе на 1 декабря 1996 г.**

Абакумова Галина Алексеевна
Авдеева Агриппина Васильевна
Алексеева Анна Григорьевна
Архапчева Валентина Владимировна
Архапчева Мария Дмитриевна
Архипцева Федора Демьяновна
Белозерова Евдокия Федоровна
Бердюгина Ирина Васильевна
Бессонова Зоя Ивановна
Бессонов Степан Михайлович
Бирюкова Вера Марковна
Богданович Юрий Петрович
Боксгорн Андрей Федорович
Болобков Иван Иванович
Бражникова Евдокия Семеновна
Бронников Георгий Васильевич
Волкова Зинаида Петровна
Воробьева Анна Алексеевна
Гавриловский Григорий Семенович
Гагаев Анатолий Андреевич
Гарнизонов Владимир Владимирович
Гафнер Евгений Клементьевич
Гекк Мария Филипповна
Гемеджиева Евгения Ивановна
Генг Александр Николаевич
Гладких Полина Дмитриевна
Головина Софья Васильевна
Голоднова Ксения Зиновьевна
Гордиец Нина Константиновна
Грошков Василий Иванович
Гусев Иван Александрович
Гутче Розалия Христиановна
Демиденко Василий Емельянович
Денисенко Василий Иванович
Денисенко Нина Сергеевна
Дик Андрей Яковлевич
Диль Филипп Антонович
Димитрашко Кристина Владимировна
Драганова Евгения Николаевна
Евдокимова Анна Дмитриевна
Елфимова Василиса Дмитриевна

Емельянова Раиса Станиславовна
Жикалюк Юрий Маркович
Замятина Евдокия Семеновна
Земба Гельмут Александрович
Земляной Владимир Захарович
Зимзенич Наталья Васильевна
Зуев Анатолий Никитич
Исаков Аркадий Кузьмич
Исакова Валентина Александровна
Кабанец Вейко Матвеевич
Калмакова Вера Васильевна
Канюков Яков Лаврентьевич
Каражова Ефросинья Демьяновна
Каунова Валентина Дмитриевна
Каунов Иван Дмитриевич
Кашина Валентина Васильевна
Кизапиева Харитина Абрамовна
Кисеев Иван Дмитриевич
Кисеев Михаил Николаевич
Клинчева Екатерина Елиферьевна
Клиппенштейн Петр Петрович
Книппенберг Виктор Карлович
Коверда Павел Трофимович
Коверда Ульяна Феофановна
Коврижин Геннадий Архипович
Кожевин Владимир Семенович
Койчева Августа Густавовна
Койчев Константин Васильевич
Корчан Раиса Павловна
Косоварова Валентина Викторовна
Костюрина Аккелина Демьяновна
Кочнева Любовь Корниловна
Краева Елена Константиновна
Криони Василиса Петровна
Криони Илья Константинович
Крутиков Петр Иванович
Кузнецова Тамара Ивановна
Кузьминых Эльма Андреевна
Кулешова Юлия Павловна
Кущевая Любовь Ильинична
Лазукова Лидия Петровна

Лазуков Никанор Николаевич
Левченко Виктор Иванович
Лисивненко Василий Федорович
Логинова Валентина Максимовна
Логинова Татьяна Максимовна
Лукиных Василий Григорьевич
Лукиных Евгения Егоровна
Лыжин Андрей Ермолаевич
Маврешко Прасковья Дмитриевна
Мавродеева Федора Ивановна
Мавродеев Михаил Маркович
Мазеева Зоя Ивановна
Мазеев Алексей Алексеевич
Мазеев Вячеслав Алексеевич
Мазеев Михаил Алексеевич
Мальгина Мария Александровна
Манн Егор Иванович
Манн Луиза Самойловна
Манн Мария Егоровна
Манн Мина Егоровна
Манн Павлина Густавовна
Манн Тедор Егорович
Марышева Лидия Петровна
Мастерова Прасковья Ивановна
Мельзер Богдан Яковлевич
Мельзер Лидия Яковлевна
Меркель Мария Ивановна
Минакова Мина Кондратьевна
Минеева Мария Михайловна
Михов Леонид Афанасьевич
Мухортикова Лидия Никитична
Нициевская Эмилия Антоновна
Оверина Женя Гавриловна
Огиенко Александра Прокопьевна
Омельченко Мария Алексеевна
Даличева Степанида Елиферьевна
Панарина Валентина Васильевна
Пахомова Галина Алексеевна
Пеева Вера Степановна
Петрова Валентина Степановна
Пилина Анастасия Владимировна

Пинегина Нина Александровна
Пирожанова Ирона Григорьевна
Пискова Нина Алексеевна
Попова Юлия Ивановна
Пустовалова София Викторовна
Пустоверова Мария Алексеевна
Пфайф Иван Иванович
Райков Дмитрий Иванович
Райков Иван Иванович
Райков Федор Иванович
Ревина Маргарита Генриховна
Редькина Ксения Романовна
Ремиш Елена Петровна
Рукавишников Лидия Ивановна
Рябцев Евгений Ильич
Садоматников Николай Иванович
Санникова Галина Федоровна
Семенчук Роман Петрович
Сенько Мария Васильевна
Сидорова Анна Михайловна
Симахина Клавдия Ивановна
Симонова Галина Васильевна
Синюхина Елизавета Степановна
Соседина Анна Афанасьевна
Сосновский Павел Александрович
Степанов Андрей Иванович
Стомати Константин Иванович
Таванчева Екатерина Григорьевна
Таванчев Иван Николаевич
Терешкина Лидия Григорьевна
Тирбах Иван Адамович
Толмачева Екатерина Александровна
Тушинский Аркадий Степанович
Ульрихт Яков Яковлевич
Усольцев Иван Илларионович
Усыченко Михаил Федосович
Федулова Валентина Ивановна
Фоминых Лидия Ивановна
Фурунджиев Василий Федосеевич
Хан Наталия Никитична
Хапрулин Борис Григорьевич

Хациев Петр Семенович
Хилько Василий Николаевич
Хисматулин Салих Хазиевич
Хмелев Михаил Иванович
Чакова Парасковья Николаевна
Чегодаева Фрида Давыдовна
Чендева Мария Ивановна
Чендев Николай Васильевич
Черепанова Софья Николаевна
Чехомова Римма Степановна
Чистоусова Мария Федоровна
Чистяков Алексей Павлович
Шварц Адам Андреевич
Швинд Иосиф Иоганесович
Шипулина Татьяна Ивановна
Шмидт Андрей Иванович
Шмидт Виктор Андреевич
Шомина Евдокия Семеновна
Штенникова Ефросинья Викторовна
Штифанов Михаил Сидорович
Щеглов Петр Иванович
Эйриян Арменак Амбарцумович
Юшков Михаил Андреевич

ЧАСТЬ VII

Жертвы нацистских репрессий

**Жертвы нацистских репрессий
во время Великой Отечественной войны,
после войны – спецпоселенцы Артемовского района**

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Время и место пленения	Место жительства до и после Великой Отечественной войны
АРХИПЦЕВ Михаил Никонович	1924	06 1943-05 1945 Германия	Калужская обл. п. Буланаш
АФАНАСЕНКОВ Василий Иванович	1924	05 1942-08 1944	Брянская обл. г. Артемовский
БАЛЬЧУК ПАВЛОВА) Тамара Никитична	1924	04 1942-05 1945 Германия	Донецкая обл. с. Б. Трифоново
БРОССКИИ Валентин Александрович	1924	10 1943-04 1945 Германия	Витебская обл., п. Буланаш
БОГАТЫРЬ Евгения Васильевна	1926	1942-1945 Германия	г. Артемовский
ГОРДИЕЦ Иван Алексеевич	1925	07 10-02-05 1945 Германия	Виницкая обл. п. Буланаш
ЗОТОВА (УСЫНКИНА) Александра Ильинична	1927	11 1943-04 1945	Смоленская обл. п. Красногвардейский
КРЫЛОВ Григорий Андреевич	1925	05 1942-05 1945 Германия	Днепропетровская обл. г. Артемовский

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Время и место пленения	Место жительства до и после Великой Отечественной войны
КУПРИН Анатолий Иванович	1928	10.1942-04.1945 Германия	Луганская обл., г. Артемовский
КУХАРЧУК Остап Федорович	1924	06.1941 -04.1945 Германия.	п. Буланаш
МАРХОТКО Сидор Маркович	1920	02.1943-05.1945 Германия	п. Буланаш
ПУЗЕНКО Демьян Никитич	1922	04.1942-05.1945 Карловы Вары	Могилевская обл. г. Артемовский
ПЕ ГРУК Андрей Сергеевич	1924	04.1942-04.1945 Германия.	Полтавская обл., г. Артемовский
ПОБЕРЕЖНЫЙ Николай Васильевич	1923	02.1942-05.1945 Германия	Хмельницкая обл. п. Буланаш
ПОНЯТОВСКИЙ Иван Иосифович	1924	05.1942-04.1945 Германия	Хмельницкая обл. г. Артемовский.
СОРЕЖНИКОВА (МАЦЕГОР) Раиса Елисеевна	1926	10.1942-04.1945 Германия	Ростовская обл. г. Артемовский
СЕРОШТАН Иван Ефимович	1924	05.1942-04.1945 Германия	Донецкая обл. п. Буланаш
СКРЫПАЙ Василий Михайлович	1926	05.1942-04.1945 Германия	Кировоградская обл. п. Буланаш

Фамилия имя отчество	Год рождения	Время и место пленения	Место жительства до и после Великой Отечественной войны:
САВЕНКО Петр Борисович	1926	04.1942-04.1945 Германия	Херсонская обл., г. Артемовский
СЕМИНЯЧЕНКО Василий Егорович	1925	06.1942-04.1945 Германия	Днепропетровская обл., п. Буланаш
СВАЛОВА (МОСКАЛЕНКО) Надежда Давыдовна	1924	09.1942-03.1945 Германия	Полтавская обл., г. Артемовский
САЧКО Николай Федорович	1925		п. Буланаш
САЧКО Вера Петровна	1924	06.1942-04.1945 Германия	Днепропетровская обл., п. Буланаш
ТСРГОНСКАЯ Татьяна Гавриловна	1920	07.1942-05.1945 Германия	Житомирская обл., г. Артемовский
ТАНАДАЙ Павел Лукьянович	1924	05.1942-04.1945 Германия	Виницкая обл., п. Буланаш
ЧЕНДЕВ Николай Васильевич	1924	1942-1945 Австрия	Чернышевская обл., п. Буланаш
ЩЕТИНИН Николай Федорович	1926	10.1942-04.1945 Германия	г. Артемовский
ЮЗВА Василий Игнатьевич	1926	10.1943-04.1945 Австрия	Виницкая обл., г. Артемовский
РОДЗИНСКИЙ Михаил Карлович	1923	06.1942-06.1945 Германия.	Виницкая обл., п. Буланаш

ЧАСТЬ VIII

**Граждане, пострадавшие
от политических репрессий,
проживающие
в муниципальном образовании
«Артемовский район»
на 1 декабря 1996 г.**

Абакумова Лена Евгеньевна
Абрамкин Александр Николаевич
Агафонова Вера Петровна
Алабушев Анатолий Михайлович
Аникин Юрий Семенович
Анохин Сергей Иванович
Арефьева Нина Дмитриевна
Архапчев Константин Ильич
Архипцев Илья Сергеевич
Андреева Нина Тимофеевна
Байер Иван Николаевич
Бакулина Агриппина Васильевна
Балод Альберт Иванович
Баталова Любовь Ивановна
Белозерова Евдокия Федоровна
Бердникова Алина Ипполитовна
Береснева Валентина Григорьевна
Бодак Анна Александровна
Бочаров Валерий Андреевич
Брылин Александр Иванович
Брылин Георгий Иванович
Булатов Владимир Ильич
Бусыгина Антонина Ивановна
Вандышева Вера Петровна
Воинкова Александра Михайловна
Воронин Анатолий Константинович
Гашкова Нина Николаевна
Гладких Александра Михайловна
Глушкова Татьяна Филипповна
Голикова Наталья Павловна
Голубев Владимир Сергеевич
Голубкова Анастасия Михайловна
Голубкова Мария Фадеевна
Голубцова Людмила Алексеевна
Грошков Борис Васильевич
Гусев Дмитрий Александрович
Данилова Прасковья Павловна
Девяткова Галина Модестовна
Демина Федосия Ивановна
Демин Андрей Сергеевич
Демин Павел Сергеевич
Доможирова Мария Яковлевна

Доможиров Владимир Александрович
Дружина Зинаида Васильевна
Дрына Хариеста Васильевна
Дубинина Анна Павловна
Егорова Галина Степановна
Еремычева Алла Варламовна
Ермакова Людмила Алексеевна
Замотаев Георгий Трофимович
Зыкова Зинаида Ильинична
Изотов Николай Степанович
Исакова Меланья Николаевна
Казанцева Раиса Ивановна
Карпидус Николай Фадеевич
Кищина Лидия Ивановна
Клементьева Нина Васильевна
Коверда Людмила Яковлевна
Кондратьев Владимир Потапович
Корелин Валентин Степанович
Корелин Виталий Степанович
Костюков Владимир Александрович
Красов Геннадий Александрович
Кривощекова Александра Васильевна
Крутикова Анна Петровна
Кузнецова Елена Павловна
Кумеев Валерий Андреевич
Кустова Елизавета Сергеевна
Куцовой Анатолий Николаевич
Лебедкина Павла Александровна
Луканин Александр Сергеевич
Макаров Петр Петрович
Малых Леконида Александровна
Малышева Людмила Константиновна
Мальцева Анна Фроловна
Манькова Екатерина Григорьевна
Маштакова Валентина Федоровна
Меланиди Николай Георгиевич
Мельникова Нина Васильевна
Мельникова Тамара Евгеньевна
Мещеряков Ричард Иванович
Молоткова Таисья Евгеньевна
Наймушина Галина Филипповна
Налимов Владимир Степанович

Насташенко Иван Яковлевич
Наумова Прасковья Николаевна
Неустроева Валентина Михайловна
Никонова Татьяна Степановна
Никулина Вера Даниловна
Никулина Мария Васильевна
Олин Вениамин Владимирович
Ольков Виталий Васильевич
Падерина Александра Ивановна
Панов Петр Васильевич
Пеева Мария Васильевна
Пинигина Елена Алексеевна
Плишкин Олег Модестович
Покроева Анна Леонтьевна
Пономарева Анна Сергеевна
Пономарева Нина Ивановна
Пономарева Октябрина Ильинична
Попова Юлия Ивановна
Пухова Тамара Васильевна
Пушкарева Валентина Ивановна
Ровнова Нина Андреевна
Рыбакова Тамара Евгеньевна
Рычкова Юлия Евгеньевна
Самочернова Зоя Васильевна
Саранова Анна Евгеньевна
Сачко Владимир Андреевич
Свалова Нина Сергеевна
Свалова Тамара Андреевна
Свалова Тамара Ивановна
Свалов Анатолий Николаевич
Свалов Сергей Васильевич
Серебренникова Августа Евгеньевна
Сивков Владимир Иванович
Сидорович Людмила Сигизмундовна
Сидорович Станислав Сигизмундович
Синявская Валентина Тарасовна
Скутина Галина Ивановна
Скутина Евдокия Дмитриевна
Скутина Прасковья Ивановна
Скутин Альберт Петрович
Скутин Иван Васильевич
Скутин Иван Яковлевич

Скутин Павел Васильевич
Сметанина Нина Евгеньевна
Смирнягина Надежда Сергеевна
Смирнягин Виктор Алексеевич
Сорокина Раиса Павловна
Сосновских Валентина Ильинична
Спирина Валентина Васильевна
Строганова Ксения Матвеевна
Строганов Владислав Матвеевич
Сундукова Римма Ильинична
Тебенева Альбина Васильевна
Тирбах Валерий Иванович
Третьяк Надежда Андреевна
Трифоновна Татьяна Ивановна
Тюстина Августа Егоровна
Удовиченко Александр Михайлович
Уланович Надежда Семеновна
Ульянова Екатерина Никифоровна
Усов Владимир Михайлович
Филиппов Виктор Сергеевич
Фомина Луиза Семеновна
Фролова Анастасия Гордеевна
Холодилов Николай Родионович
Холодилов Павел Родионович
Чеканова Елизавета Васильевна
Черева Людмила Васильевна
Черева Зинаида Васильевна
Черевкова Людмила Георгиевна
Черемных Роза Ивановна
Чернова Маргарита Сергеевна
Чернова Сусанна Феопентовна
Чуприкова Валентина Михайловна
Шайдурова Галина Ивановна
Шатунова Мария Николаевна
Юдочкин Сергей Семенович
Юнина Мария Григорьевна
Яковлева Александра Николаевна⁷⁰

⁷⁰ Списки жертв политических репрессий, жертв нацистских репрессий, пострадавших от политических репрессий, проживающих на 1 декабря 1996 г. в г. Артемовском и Артемовском районе, получены в социально-бытовом отделе УСЭН Муниципального образования Артемовский район.

ЧАСТЬ IX

**Копии
документальных
материалов**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ №710
«О КРАСНОМ ТЕРРОРЕ»*

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем **изолирования их в концентрационных лагерях**, что **подлежат расстрелу все лица**, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Подписали: Народный Комиссар Юстиции *Д. Курский*, Народный Комиссар по Внутренним Делам *Г. Петровский*, Управляющий Делами Советов Народных Комиссаров *Вл. Бонч-Бруевич*.

5 сентября 1918 года

«ЗВЕРСТВА БОЛЬШЕВИКОВ»**

«...По сообщению газеты «Урал», заводы Баранчинский, Кушвинский и Турьинские остановлены. Технический персонал частью истреблен, частью увезенъ. Разстреляны техникъ М. П. Чижиков (был товарищемъ председателя на мартовскомъ съезде союза), техникъ И. А. Агнецвъ и ряд другихъ лицъ. Вся трудовая интеллигенция вырезана, а частью увезена въ качестве заложниковъ или консультантовъ».

* Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. 10 сент. Здесь и далее в текстах сохранены орфография и пунктуация подлинников, выделения сделаны составителями.

** Уральский техник (журнал). 1918, ноябрь. С. 13.

ТЕЛЕГРАММА

Начальнику Губернской Милиции.

ПРИКАЗ

по Милиции Республики

№ 90 с

17 мая 1921 года, г. Москва.

ВСЕМ КОМАНДОВОЙ ОКРУГОВ (Кроме Харьковского и Киевского),
ФРОНТА И ПОМГЛАВКОМУ ПО СИБИРИ.

Москва, 8 мая 1921 года. Для охраны концентрационных лагерей и конвоирования содержащихся в них средствами милиции ПРИКАЗЫВАЮ на состав стрелковых частей распоряжением фронтов и округов передать пополнение Главмиллицы, через местных Начгубмилиции, недими строевыми единицами соответствующим козсоставом на следующих основаниях: 1) передачу пополнения фронтов, округах из общего расчета на Московский округ 3 320 человек. Заводский — 1.200 ч., Беловорский — 540 ч., Орловский — 1.120 ч., Уральский — 1.080 ч., Приволжский — 550 ч., Петроградский — 1 240 ч., Зап-фронт — 340 ч., Турфронт — 300 ч., Кивфронт — 470 ч., Сибирь — 2.390 ч. Эти цифры козсостав не входят; 2) при расчете выделяемых строевых единиц на каждый отдельный лагерь руководствоваться следующим: а) выделяется на лагерь до 30 человек, команда выделяется как строевое отделение; б) выделяется на лагерь свыше 30 до 100 ч выделяется команда козсоставом по строевому расчету завода; в) выделяется на лагерь свыше 100 и до 400 ч. выделять строевой ротой всем командным и хозяйственным составом кроме помкомрот; г) все указанные части выдавать без пулеметов; 3) состав передаваемых частей должен входить красноармейцы, родившиеся только в 1896 и 1897 годах. Примечание: Командовск разрешается немедленная передача милиции в составе строевых единиц в младших сроках службы при обязательном условии вступления их в неслужбный срок родившиеся в 1896 и 1897 годах; 4) красноармейцы должны передаваться в том обмундировании, в котором они находятся фактически момент передачи; 5) оружием, ружейными принадлежностями выделяемые части снабжать распоряжением истинным ОБКАРТУ, преимущественно из числа основных образцов; 6) выделяемые части козсостав назначать по возможности исключительно из числа не могущих служить в строю; 7) для передачи, приема указанных воинских частей милиции, местях передачи распорядиться командвойск образовать комиссия в составе представителей: Командовск, Начгубмилиция, РКК, Отдела Управления Губисполкома; 8) передачу частей органами милиции закончить в двухнедельный срок после чего все воинские парадки окрдами лагерей конвоированию заключенных сдать; 9) выделенный состав исключается из списков своих частей и пополнению не подлежат; 10) передача, указанные сроки рода частей, численности их и козсостава немедленно довести Штабисп.

Главком: КАМЕНЕВ.

Штабисп: ЛЕБЕДЕВ.

Воинком: ДАНИЛОВ.

соследицами (Отделения, взводы, роты) с полным штатом подлежащего кон-
стабля (кроме поимокрот), обращая особое внимание на личные качества при-
своившего знание ими своих обязанностей, их вооружение и снаряжение.

б) Закончить прием охраны лагерей в возможно кратчайший срок, и
нарушая параллельного функционирования лагерей.

в) Иметь постоянное наблюдение за степенью добросовестности исполнения
охраны лагерей, принятыми от Военного Ведомства частями

Об исполнении довести.

Приказ ввести в действие по телеграфу.

Начальник милиции Республики КОРНЕВ

Начальник Отдела милиции ДЕЖКИН

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРИКАЗУ № 90 с

СПИСОК

Проектируемых к открытию концентрационных лагерей с указанием по-
требного числа охраны для каждого

№	НАЗВАНИЕ ГУБЕРНИИ	НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ	Число охраны	Число охраны
1	Иркутская	Посольск	1	20
2	Иркутская	Муром	1	20
3	Иркутская	Матвеевск	1	20
4	Калужская	Козельск	1	20
5	Иваново-Вознесенская	Шарья	1	20
6	Иркутская	Иркутский	1	20
7	Костромская	Буй	1	20
8	Владимирская	Рязань	1	20
9	Могилевская	Могилев	5	100
10	Одесская	Полтава	1	20
11	Одесская	Маяк Арханг.	1	20
12	Псковская	Идрица	5	100
13	Псковская	Мокшаны	1	20
14	Псковская	Порхов	1	20
15	Рязанская	Заряевск	1	100
16	Самарская	Бугуруслан	1	100
17	Самарская	Бугуруслан	1	100
18	Тверская	Нижний	1	20
19	Тульская	Венев	1	20
20	Царинская	Левинск Царск	1	20
21	Вятская	Саратов	1	20

Начальник Адм-Стр. П/Отдела С. ПЕРОВ.

С подл. черво. Начиц Отдела Увоплетовой. Б. СОХРАНСКИЙ.

НАЗВАНИЕ ГУБЕРНИЙ	НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ.	ЧИСЛО ГОРОДОВ	ЧИСЛО ГОРОДОВ	
1	Московская	Москва	14	123
2	Архангельская	Архангельск	0	200
3	Архангельская	Архангельск	0	400
4	Брянская	Брянск	2	150
5	Витебская	Витебск	1	20
6	Владимирская	Владимир	1	50
7	Вологодская	Вологда	1	60
8	Воронежская	Воронеж	3	200
9	Вятская	Вятка	1	100
10	Гомельская	Гомель	1	20
11	Екатеринбургская	Екатеринбург	3	200
12			1	
13	Иваново-Вознесенская	Иваново-Вознесенск	3	200
14	Иркутская	Иркутск	1	100
15	Калужская	Калужь	1	60
16	Калужская	Калуга	1	70
17	Костромская	Кострома	1	100
18	Киевская	Киевская	3	140
19	Курская	Курск	1	60
20	Новгородская	Новгород	2	100
21	Новгородская	Новгород	2	100
22	Петровский	Петровский	2	80
23	Одесская	Одесса	2	180
24		Петропавловск	1	80
25	Орловская	Орел	4	250
26	Оренбургская	Оренбург	1	100
27	Пензенская	Пенза	1	60
28	Пермская	Пермь	2	140
29	Петроградская	Петроград	4	200
30	Псковская	Псков	1	20
31	Рязанская	Рязань	1	120
32		Рамски	1	20
33	Самарская	Самара	1	60
34	Саратовская	Саратов	1	60
35	Свердловская	Свердловск	1	60
36	Сибирская	Сибирск	2	160
37	Сибирская	Смоленск	2	120
38	Ташкентская	Ташкент	5	200
39	Тамбовская	Тамбов	4	230
40	Тверская	Тверь	1	20
41	Тверская	Тверь	1	60
42	Тобольская	Тобольск	1	200
43	Томская	Томск	2	400
44	Тульская	Тула	4	600
45	Уральская	Уралск	2	60
46	Уральская	Уральск	1	80
47	Челябинская	Челябинск	4	200
48	Челябинская	Череповец	2	100
49	Иркутская	Ярославль	5	230
50	Чувшская	Уфа	2	20
51	Алтайская	Барнаул	3	200
52		Бийск	1	200
53	Иркутская	Иркутск	1	20
54	Донецкая	Ростов-Н.Д.	1	60
55	Семипалатинская	Семипалатинск	1	20
56	Свердловская	Свердловск	1	60
57	Иркутская	Маркштадт	1	40
58	Якутская	Якутск	1	20
59	Джизгалинская область	Темир-Жан-Шура	3	160
60	Терская область	Владикавказ	1	70
61	Марийская область	Крысново-Казань	1	60
62	Чувшская область	Чебоксары	1	60

ПРОТОКОЛ № 38/с

закрытого заседания при облисполкоме 25 января 1930 года* Председательствует тов. Ошвинцев

Присутствуют: т. т. Советников, Нетсом, Успенский

Слушали: о расселении кулаков в северные районы /докладчик тов. Успенский/

Постановили: 1. Уральская область в связи с мероприятиями Правительства по практической ликвидации кулачества, как класса, должна принять на себя и провести ряд мероприятий по населению значительного кадра кулачества в северных маложитных районах. Переселение кулаков внутри области также должно коснуться значительной их части. Все это требует сосредоточения кулацкой ссылки в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обраться. Необходимо всю кулацкую ссылку поставить в такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок и устранить всякие возможности для создания ссылными кулаками собственных хозяйств, могущих существовать самостоятельно и развиваться. Расселение кулаков не должно идти по принципам размещения адмиссылных, живущих временно, а этот кадр должен размещаться в порядке колонизации с расчетом концентрирования, — трудоспособные элементы которого превратятся в постоянные кадры лесных рабочих. Президиум Облисполкома ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1) Расселить в первую очередь 15 тысяч** кулаков в лесозаготовительных районах Урала в следующем порядке: а) районы Горнинского и Косинского леспромпхозов Волгокаспийского леса (Коми-Пермяцкий округ) — три тысячи семей; б) район Чердынского леспромпхоза. Волгокаспийлеса (Верхне-Камский округ) — четыре тысячи семей; в) районы Гаринского, Нальского, П.-Ивдельского лесничества Камураллеса (Тагильский округ) — 2500 семей; г) районы Сухогорского леспромпхоза Камураллеса (Тагильский округ) — 500 семей; д) районы лесозаготовок Надеждинского комбината Уралмета (Тагильский округ) — 5000 семей...

С момента приступа к работам ссылных, снабжение продовольствием должно иметь место лишь по выполнению ими производственных заданий по рубке...

п. п. Председатель — *Ошвинцев*
За секретаря — *А. Б.*
Верно (подпись)

* НТФ ГАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3—3-об.

** В подлиннике пропущено «семей».

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
Свердловской области

623750, Свердловская область,
г.Артемовский,
ул.Терешковой, 8-42
гр.Подъячеву В.П.

15.06.91 № 13/320-91

г. Екатеринбург

Уважаемый Валентин Павлович!

Ваш дед - Малых Константин Прокопьевич, 21 мая 1882 года рождения, уроженец с.Мостовское Егоршинского района, русский, беспартийный, до ареста - 6 февраля 1938 года - работавший машинистом на молотильной машине колхоза им.Декабристов, постановлением тройки при УНКВД по Свердловской области от 26 февраля 1938 года подвергнут вместе с матерью мере наказания - расстрелу, которая приведена в исполнение 10 марта 1938 года в г.Свердловске.

Он обвинялся в том, что "являлся участником контрреволюционной повстанческо-вредительской организации, существовавшей на территории Егоршинского района и ставившей своей задачей поднятие вооруженного восстания в период вступления СССР в войну и совершение вредительских актов в колхозах с целью подрыва обороноспособности и экономической жизни страны".

Проверка, проведенная в 1957-1958 годах, показала, что Ваш дед репрессирован необоснованно, по надуманным обвинениям. Дело на него и других колхозников сфабриковано бывшими работниками УНКВД, которые привлечены впоследствии к судебной ответственности.

Постановлением президиума Свердловского областного суда от 15 мая 1958 года постановление тройки отменено, производство по делу прекращено за отсутствием состава преступления. Малых К.П. реабилитирован полностью.

В материалах дела данных о месте захоронения К.П.Малых не имеется. В августе 1980 года обнаружено место захоронения жертв политических репрессий - 12-й километр шоссе Свердловск-Первоуральск-Москва, где в настоящее время заканчиваются работы по созданию на этом месте кладбища.

Старший помощник прокурора
области
Светлана Юстиция

В.А.Волков

Лист 1498 от 2009

КОМИТЕТ
министерств и ведомств СССР

УПРАВЛЕНИЕ
по СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

г. Свердловск, ул. Чкалова
д. 22, кн. 27

Выростко Зоя Александровна

г. Свердловск

Заявительница Зоя Александровна!

Как видно из наших архивных материалов, ее отец

Иван Иванович Павлович Павлович, 1888 года рождения (дата рождения не указана), уроженец гор. Верхнеуральска, Челябинской области, русский, без партийности, со средне-техническим образованием (в 1907 г. окончил уральское машиностроительно-техническое училище), женат (жена - Анна дохлякина Галанина - за клубом ЛД "Егеркопий", дочери Ирина, 10-и лет и Зоя, 11-и лет), ранее не судим, работавший главным механиком управления горноинских угольных копей, проживавший в пос. Артем, Свердловской области,

был арестован органами НКВД 13 июня 1937 года и несомненно обвинен в том, что: "являлся активным участником контрреволюционной организации и проводил вредительскую работу", то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР (в редакции 1926 года)

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 августа 1937 года он был расстрелян в гор. Свердловске в тот же день - 13 августа 1937 года. Индивидуальное место захоронения в то время не фикси

Ранее руководители и следователи г. Свердловской области Плоткин, Ричман, Другов и другие, причастные к расследованию настоящего дела, за грубые нарушения законности и фальсификации следственных дел были осуждены военными трибуналами. Обвинительное заключение по делу утвердил гом. прокурора Союза ССР Рогинский.

Для занесения имени Александра Павловича в "Книгу памяти жертв репрессий" мы направляем информацию в местные "Бюро мемориал"

понимая всю глубину трагедии, постигшей нас и наших близких в связи с необоснованной репрессией Александра Павловича и его трагической гибелью, просим принять все необходимые меры к восстановлению справедливости в отношении других жертв массовых репрессий продолжая.

С уважением

Заявительница Зоя Александровна

г. Свердловск, ул. Чкалова, д. 22, кн. 27

1-СФСР

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ СУД**

Суд. 10 19 89 г.
№ 1-12438с

Судья: Ю. Г. Мамонтова, № 2 А
Зам. секретаря
Телефон 13-30 87

СТРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Дело по обвинению **НИКОНОВА ГРИГОРИЯ
ВАСИЛЬЕВИЧА**, 1892 года рождения, уроженца Ир-
битского завода, Свердловской области, перес-
мотреа ввиду **президиумом Свердловского областного
суда 30 ноября 1966 года.**

Постановление Особого Совещания при НКВД
СССР от 9 июля 1937 года в отношении **Никонова
Григория Васильевича** отменено и дело проиэвод-
ство прекращено за отсутствием в его действии-
ях состава преступления.

НИКОНОВ ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ по настоящему
делу реабилитирован.

Сем. председателем **А. С. Давыдовым**

11

Описание работы

В соответствии с...

Курсовая работа по дисциплине...

Целью работы является...

В работе рассмотрены... (с. 10-11-12-13-14)

В ходе работы...

Выводы работы...

Список литературы

1. ...

А. И. П. С. А. З.

на подготовку заседания Президиума УНКВД по "ДС"

от 26 февраля 1938 г.

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Я М

1938 г. 2125, РО НКВД по СМУ, на совещании

УНКВД по СМУ Григорий Засидельевича [redacted], [redacted] ур. Иркутского в-да, Стерляковского района, Свердловской обл. России, ГР. СССР, заключенный. Осужден в 1937 году Особым-и совещанием при НКВД СССР сроком на 5 лет.

Обвинения: является участником к-р группы, возглавляемой КУТАЕВЛАДЗЕ, входящей в состав антимосковской повстанческой террористической организации на Колыме. [redacted] к-р саботаж, призван к групповому невыполнению производственных норм и лезет на руководителей и начальство.

Иванова Григорья Засидельевича
РА С Т Р Е Д Я Т Ь

УПРАВЛЕНИЕ ОБЛАСТИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
МАГАДАНСКОЙ
ОБЛАСТИ

27 апреля 1953 г.

48/Е-7

Копия.

стр. 77.

СЕКРЕТАРЬ МАГАДАНСКОГО ГОРКОМА КПСС

тов. КУСАНИНУ И.И.

Лист № 141 от 13 апреля 1953 г.

Сообщаем, что гр. НИКОНОВ Григорий Васильевич 1892 г. рождения, 26 февраля 1933 г. был вторично осужден тройкой УНКВД по "Дальстрой" к расстрелу. Приговор исполнен 8 марта 1933 года.

На основании указания НКВД при ЦК СССР № 10855 от 24 августа 1953 г. Управлением НКВД при ЦК СССР по Магаданской области в январе 1953 года было объявлено гр-ке ВИКТОРОВОЙ Вере Григорьевне, что ее отец Никонов Г.В. уже в местах заключения 23 сентября 1943 года от склероза сосудов сердца, о чем произведена соответствующая запись в Магаданском Горбюро ЗАГС.

Свидетельство о смерти Никонина заявителница получила.

С соответствием к заявлению КУТ при ЦК СССР № 2308 от 11 января 1953 года сообщить гр-ке Викторовой Григорьевне причину и дату смерти ее отца не представляется возможным.

На заявление Викторовой вновь сообщено, что Никонов Григорий Васильевич умер в поселке Игонином в 1943 году и из личности времени установить место нахождения не имеется возможности.

ПРИЛОЖЕНИЕ : заявление на 2-х листах.

СЛ. НАЧАЛЬНИКА УОК.
МАГАДАНСКОЙ ОБЛ. СПОЛКОМА - ЧЕТВЕРИКОВ.

27 апреля 1953 г.

КЛИМ ВЯРА: дочь расстрелянного НИКОНОВА ГРИГОРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА -
НИКОНОВА Вера Григорьевна /бывшая Виктoва/ -

11 января 1953 г. г. Маг.

Безвечная дора Григорьевна!

Из имеющихся архивных материалов, что ваш отец - Григорий Васильевич, 1892 года рождения, уроженец Свердловской области, прислал в "Дальстрой" в 1937 году. Находясь в заключении (под каким номером он значился данных в архиве не имеется) на поимке "мальдык" Северного горно-промышленного управления треста "Дальстрой" (в настоящее время прислал "мальдык" находится в Странском районе Магаданской области). 10 февраля 1938 года вновь был арестован и обвинен в том, что он якобы "...являлся участником контрреволюционной группы, входившей в состав анти-советской повстанческой, террористической организации на Колыме, проводил контрреволюционные саботаж, принимал заключенных к групповому невыполнению производственных норм...". 21 февраля 1938 года Тройкой в ВД по Дальстрою он был приговорен к высылке в лагеря на 5 лет. Приговор приведен в исполнение в марте 1938 года на стана летных (в настоящее время расположен район Магаданской области). Вопрос о конкретном месте заключения в архивных документах не имеется - в настоящее время, к сожалению, установить это не представляется возможным.

По протесту прокурора Тройка постановила по уголовному делу Верховного Суда РСФСР 10 мая 1939 года признала неопределенными обвинения, предъявленные вашему отцу в феврале 1938 года. Дело по "Дальстрой" и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Таким образом, ваш отец реабилитирован по указанию судимости.

Из материалов архивного дела № 100/300 от 1938 года по делу является налицом и в настоящее время. С учетом всех вышесказанных "доказательств преступной деятельности" (отсутствие выводов суда в честном и объективном смысле, в том числе в связи с тем, что в настоящее время в архиве Тройки по "Дальстрою" отсутствуют материалы, относящиеся к деятельности вашего отца) и в соответствии с указанными в законе положениями, ваш отец реабилитирован по указанию судимости.

Кр:

№ 100/300

Начальник управления

В.Д. Алексеев

Исп.вх.Д-2

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Учреждение культуры
Свердловской области

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

620151 _____
Ул. 1-я Слободская, 34
620000, Свердловская область, г. Екатеринбург

пр. Ленина, 34

14.02.96 № 155

На № 22/2-96 от 22.01.96

Директору Госархива
г.Артемовского
Ложкиной Л.Н.
623760, Свердловская область
г.Артемовский, пл.Советов,3

ДЕМИН Сергей Степанович, 1900 г.р., уроженец с.Белослудское Ирбитского района Свердловской области. Русский, гражданин СССР. Образование начальное. Беспартийный. С марта по апрель 1919 г. служил в белой армии рядовым. С 1919 г. по 1921 г. служил в Красной Армии санитаром 135 и 945 госпиталя. До ареста работал слесарем вагонного депо ст.Егоршино. Проживал в д.Б-Трифоново Егоршинского района Свердловской области.

Состав семьи на момент ареста:

жена Екатерина Федоровна, 35 лет;
сыновья Петр, 13 лет; Андрей, 3 года; Павел, 3 мес.;
дочь Анна, 10 лет.

ДЕМИН С.С. был арестован 28 апреля 1937 г. сотрудниками 6 отдела УНКВД по Свердловской области по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской организации и в проведении диверсионно-вредительской работы (ст.58 п. II УК РСФСР).

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 31 июля 1937 г. ДЕМИН Сергей Степанович был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 31 июля 1937 г. Место расстрела и захоронения в деле не указано.

В соответствии со справкой о реабилитации, выданной прокуратурой Свердловской области, на основании ст.3 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 31 июля 1937 г. в отношении ДЕМИНА С.С. был отменен, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

По данному делу ДЕМИН Сергей Степанович полностью реабилитирован посмертно.

Основание: ГААОСУ, ф.1 оп.

Директор архива
исп.Мочалова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Уральский округ
Свердловская область
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
АРХИВНАЯ СПРАВКА

Пономаревой Лиде Сергеевне

28.03.96г. № 215

620151 г. Екатеринбург
пр. Ленина, 34

ЛЕМИНА Екатерина Федоровна, 1907 г.р., уроженка с.Белослудске Ирбитского района Свердловской области. До ареста проживала в с.М.Трифоново Горюхиноского района Свердловской области, работала в промторге рабочей.

ЛЕМИНА Е.Ф. была арестована в октябре 1937г. по обвинению в том, что, зная о контрреволюционной деятельности мужа, не сообщила органам советской власти /ст.58 пп.7, II, 12, 17/.

Состав семьи на момент ареста:

муж Лемин Сергей Степанович, осужден в августе 1937г. по ст.58 пп.7, II УК РСФСР к высшей мере наказания
сыновья Петр, 1923 г.р., Андрей, 1934 г.р., Павел, 1937г.
дочь Анна, 1926 г.р.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 9 декабря 1937г. ЛЕМИНА Екатерина Федоровна была приговорена к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989г. ЛЕМИНА Екатерина Федоровна по данному делу полностью реабилитирована за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Данных о конфискации имущества в деле не имеется.

Основание: ГААССО, ф.1
Зам.директора архива

Л.Г.Сорокина

С П Р А В К А

Данная справка выдана Департаменту Специальной
1937 года рождения в том,
что в 1937 году вступил в Колхоз
Колхоза им. Кавказа Колхоза
Колхоза им. Кавказа

Прокуратура РФ

ПРОКУРАТУРА
Свердловской области

г. Екатеринбург
15.11.1991 г. № 14/301

6.03.95 № 14/301 по делу № 14/301 от 21.10.91 УК РСФСР
свободы, возник в чин Делами делами делами
менделеевой впрямую без получения разрешения(ей).

Ис основывая от. 21 Закона РФ "О реабилитации жертв политических
репрессий" от 18.12.1991 года является реабилитирован(ей) от политре-
прессии.

Старший прокурор
областной прокуратуры Свердловской области

Б.А. Болотов

[Handwritten signature]

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ИОН № 039092

Иванов Иван Иванович
 ФИО умершего: *Иванов Иван Иванович*
 дата рождения: *1920 г. 12 мес. 25 дня*
 место рождения: *г. Москва, РСФСР*
 Причина смерти: *ст. 101, п. 1, ч. 1*

о чем в книге внесены входы гражданского состояния и смерти
 в *1988* году *12* месяца *25* числа

Место смерти: город, сельское поселение *г. Москва*
 район *Северный*, край,
 республика *Москва*

Место регистрации: *г. Москва*

Дата выдачи: *12.25.88* 19*88*

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Зеленко
Иван Иванович

родился(ась) 19 04 1941
г. Москва

в соответствии с Закон, о чем в книге регистрации актов о смерти
от 25 04 1985 № 185-5

причиной смерти Сердечный приступ

Место смерти: город Москва
район Свердловский

область Московская
республика РСФСР

Место регистрации г. Москва

№ АИ № 304755

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

1-ЮН № 039617

Гр. Смирнов

Табан Полынов

умер(ла) /е. /в. /д. /м. /г. 2 /числа /месяца /года

дальше от соток вдоль по

возраст 1904 г. рожд.

Причина смерти основная смерть вследствие

о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти

1956 года нояб месяца 4 числа

произведена соответствующая запись за № 212

Место смерти: город, селение

район область, край,

республика

Место регистрации: Смирнов

Бере ЗН Смирновской

Дата выдачи 4 нояб 1956 г.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния Смирнов

МВД УССР
управление внутренних дел
исполнительного комитета
Крымского областного Совета
народных депутатов
333000г.Симферополь
ул. Богдана Хмельницкого, 4
20/04.92 № I4/I3-К/10

КУЦЕВОЙ Л.И.
Гр. БИНИССОВОЙ Л.И.
пр. 623754 Свердлов.обл.
Артемовский район
п. Буланаш ул. Зеленая, 2

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Дана Куцовой Любови Ильиничне 1926 года рождения в том, что она в 1944 году на основании решения государственных органов в числе лиц разных национальностей / крымские татары, болгары, греки и др/ была насильственно переселена из Крыма с 1944 по 1956 годы оостояла на учете спецпоселений с ежемесячной отметкой в спецкомендатуре. В 1956 году в соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 12.12.1956г. все ограничения по спецпоселениям были сняты, учет спецпоселения отменен. В настоящее время вопрос о предоставлении льгот гражданам подвергшимся депортации с родных мест в 1944 году Украинским правительством не решен

Начальник отдела УВД Крыма

А.В. БИХОВЕЦ

СПРАВКА о РЕАБИЛИТАЦИИ

Прокуратура РФ

ПРОКУРАТУРА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

620219, г. Екатеринбург
ГСП-1036, ул. Московская, 21

Дана Новгородов Федор Иванович
1929 года рождения в том,
что он(она) Б. м. м. 1944 года
Ом(а) подвергнут(а) политической репрессии:
незаконно по кашохальству
признаку выселен(а) из Котласской спец
в Свердловской области

31.01.95 • 13/424-92

на № _____
где по достижении 16 лет был(а) поставлен(а) на учет как осмысли
(ия), привлекая(ась) к принудительному труду, находился(ась) на спец-
поовлонии в условиях ограничения прав и свобод до 1956
1956 года

Исходя из ст.ст. 1, 3 Закона РФ "О реабилитации жертв полити-
ческих репрессий" от 18 октября 1991 года полностью реабилитирован

(а),
Заместитель прокурора
Свердловской области
В.А. Полюков

[Handwritten signature]

В.А. Полюков

СПИШКА

Имя Ильверт Ильич Семако
Внуч 19 54 года рождения и том, что он(а)
о 20 апреля 19 54 года находится(был)
вместе с незаконно репрессированными в 19 44
году по политическим мотивам (контрреволюция)
Калуж призывку, ст. УК РСФСР
родителями в местах лишения свободы, на спешно-
сезонии в условиях ограниченных дней в спорте
11/01/95 № 13/124-92 до мая 19 86 года.

Прокуратура РФ

ПРОКУРАТУРА
Свердловской области

620119, г. Екатеринбург,
СП-1036, ул. Мухоморова, 21

Семако

И.А. Голков

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
КИРОВОГРАДСЬКОЇ ОБЛАСТІ

31608 м. Кіровоград,
вул. Пушкарського, 19,
тел. 22 66 60, 24 84 30

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

31608, г. Кировоград,
ул. Пушкарского, 19,
22 66 60, 24 84 30

03 62 95 4826

Григорий Григорьевич
11.11.1901
Россия
г. Тульская губернская
губерния Тульская область
г. Тульская

11.11.1901
г. Тульская губернская
губерния Тульская область
г. Тульская

АРХІВНА ДОВІДКА

З фільтраційного справля л. *5000* управління Міністерства державної безпеки УРСР
по Кіровоградській області *Григорий Григорьевич*
11.11.1901 року народження *11.11.1901* року народження (в)
населено фашистськими окупантами до *11.11.1901* року народження
11.11.1901 року народження *11.11.1901* року народження
11.11.1901 року народження *11.11.1901* року народження
11.11.1901 року народження *11.11.1901* року народження

Григорий Григорьевич
11.11.1901

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
"О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям никто не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей и Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороне предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселенцев-немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР подпись *М. Калинин*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР подпись *А. Горкин*

№ 21-160
28 августа 1941 г.

*Газ. Нойес Лебен. 1991. 11 авг

**УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

**Об уголовной ответственности за побег из мест
обязательного и постоянного поселения лиц,
высленных в отдаленные районы Советского Союза
в период Отечественной войны***

В целях укрепления режима поселения для высленных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих высленцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов высленцев рассматриваются в Особом Совете при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве высленцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения высленцам на возврат их в места их прежнего жительства, и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности. Определить меру наказания за эти преступления - лишение свободы на срок 5 лет.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР (подпись) *Н. Шверник*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР (подпись) *А. Горкин*

Москва. Кремль.
26 ноября 1948 г.
д. № 111/45

*Газ. Нойес Лебен. 1991. 11 авг.

Содержательство

12525

Трудов

Книжки

Книжки

Книжки

Будущим издателям: своим
полным и без остатка
предоставляю право на издание
и распространение издания в Земле
России с разрешения моего
личного разрешения!

СВЯТЫЙ СЛАВЯНСКИЙ И
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ
РОССИИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО

СССР

Пролетары всех стран
соединяйтесь!

Удостоверение № 062872

Настоящее удостоверение выдано

Органа подготовки кадров
Ин. П. М. Казаковича звание
Инженеру
Иванову Ивану
Ивановичу

Областного высшего Технического техникума

Техники и Промышленности практики

в том, что он сдал Государственный
технический экзамен.

Ленинград, 1952 г.

371

Имя отчество и фамилия
Лазунов Н. Н.

Имя отчество
С. П. Петров

Имя отчество
С. П. Петров

Имя отчество
Начальник отдела кадров
П. П. П. П.

Председатель экспертной комиссии

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Как долго эти люди молчали. Некоторые до сих пор не оставляют нам свои имена, они привыкли жить, не посвящая в святая святых своих воспоминаний даже близких друзей, даже родственников.

...И каждый день уносит от нас тех, кто не успел и уже никогда не успеет дополнить для истории картину трудного пути новой России, времени, не любившего оставлять живых свидетелей многих своих свершений.

...И мы должны успеть выслушать их всех. Вчитаться в каждую строку как в важнейшее показание, не упустив ничего. Мы должны заставить себя быть скрупулезными и внимательными, потому что выводы, которые мы сделаем, будут, может быть, главным уроком истории, который пригодится нам на долгие-долгие годы».

Журнал «Родина», 1990 г. № 4, стр. 41.с

Литература, использованная при подготовке материала для книги

- А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ», М. 1989 г., т. 1.
«Книга памяти», посвященная тагильчанам – жертвам политических репрессий 1917-1980 г. Эк. УИФ «Наука», 1994 г.
«Декреты Советской власти». М. 1959 г.
Д. Волкогонов «Сталин», М. 1991 г.
А. П. Бутенко «Откуда и куда идем», Л. 1990 г.
А. Ципко «Насилие лжи, или Как заблудился призрак», М. 1990 г.
Журналы: «Урал», 1989, № 1, «Урал», 1989, №2. «Урал», 1990, № 3. «Урал», 1991, №12. «Наука и жизнь», 1988, № 12. Газеты:
«Аргументы и факты», 1995, № 41. «Строитель», 1991, 29 мая, «Уральский рабочий», 1992, 16 сентября.

Фотографии, использованные для оформления книги:

- А. Устинов «Кремлевские куранты». 1941 г.
А. В. Шишкин «Хлебопоставки в срок!». 1928 г.
И. М. Шагин «На физкультурном параде». М. 1932 г.
М. В. Альперт «Строительство Туркестано-Сибирской железной дороги». 1928 г.
М. В. Альперт «Комбат». 1942 г.
А. П. Штеренберг «Мать». 1935 г.
Д. Бальтерманц «Атака». 1941 г.
И. Сталин и В. Молотов принимают цветы от детей. Стадион «Динамо» в Москве во время физкультурного парада, 1947 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Становление репрессивной системы в стране (1917-1928 гг.)	7
Часть II. Раскулачивание (1929-1933 гг.).....	19
Часть III. Пик политического террора (1936-1938 гг.).....	55
Часть IV. Жертвы политических репрессий (1936-1948 гг.)	219
Часть V. Репрессии во время Отечественной войны и после нее (1941-1948 гг.).....	259
Часть VI. Жертвы политических репрессий, проживающие в г. Артемовском и районе на 1 декабря 1996 г.	317
Часть VII. Жертвы нацистских репрессий.....	325
Часть VIII. Граждане, пострадавшие от политических репрессий	331
Часть IX. Копии документальных материалов.	337
Послесловие	372
Литература, использованная при подготовке материала для книги.	373

Выпуск первой книги был осуществлен благодаря материальной помощи следующих коллективов и их руководителей:

Артемовское отделение Сбербанка РФ № 1771. Управляющая Светлана Кирилловна Лазарева.

Банк «Изумрудный».

Директор Владимир Иванович Темников.

Артемовская ТЭЦ.

Директор Владимир Евгеньевич Бабкин.

Дирекция перевозок ст. Егоршино. Начальник Николай Михайлович Устименко.

Артемовское ГУ АТП.

Директор Павел Иванович Коржавин.

Егоршинский механизированный лесхоз. Директор Анастасия Егоровна Патракова.

ОАО «Артемовский машиностроительный завод». Директор Андрей Владимирович Бухмастов.

Шахтоуправление «Егоршинское». Директор Сергей Андреевич Степанов.

ТОО «КВиМ».

Директор Владимир Иванович Кисеев.

ЧП «Ковчег».

Олег Сергеевич Хлюпин.

ЧП «Аудио- видео-техника». Валерий Николаевич Шешуков.

ЧП «БРИК» Валерий Борисович Сокольский.

Александр Иванович Аникин

ББК 63.3(235.55) – 331
П 833

Издание второе

Мартынова Ольга Марковна

**ПРОТИВ
СОБСТВЕННОГО
НАРОДА**

Печатается в авторской редакции
Редактор *О. П. Мартынова*
Компьютерная верстка *О. А. Галанович*
Корректоры *О. П. Мартынова, Т. И. Рощина*
Ответственная за выпуск *Е. Е. Зверева*
Художник-оформитель *В. А. Филимонов*

Подписано в печать 16.05.2012 г. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Arial». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 310.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

250p

